ДРЕВНЯЯ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОТЪ НАЧАЛА ГРАМОТНОСТИ ДО ЛОМОНОСОВА,

съ приложеніемъ «Очерка русской народной литературы», подъ названіемъ: «По старой памяти, какъ по грамотѣ».

СОСТАВИЛЪ

В. Водовозовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. И. Глазунова, Б. Мѣщанская, 8.
1872.

ДРЕВНЯЯ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

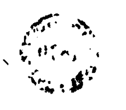
ОТЪ НАЧАЛА ГРАМОТНОСТИ ДО ЛОМОНОСОВА,

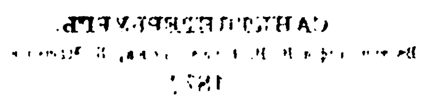
съ приложеніемъ «Очерка русской народной литературы» подъ названіемъ: «По старой памяти, какъ по грамотѣ».

Составилъ

Колосовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга печаталась отдѣльными статьями въ журналѣ Ѳ. Н. Мѣдникова „Народная Школа". Такъ какъ она назначалась въ журналѣ для народныхъ учителей, то я заботился въ ней о возможной простотѣ и популярности изложенія, чему много способствовало и содержаніе нашей древней литературы, еще не богатой идеями. Съ этой цѣлію въ ней приведено и множество отрывковъ изъ разныхъ писателей, или обстоятельно изложено содержаніе ихъ сочиненій. Книга въ томъ видѣ, какъ она является теперь, могла бы быть, по моему мнѣнію, вполнѣ доступна учащемуся уже въ V-мъ классѣ гимназіи, но, конечно, болѣе назначается для взрослыхъ, еще мало подготовленныхъ къ серьезному чтенію. Въ ней я разсматриваю все движеніе нашей древней литературы не по періодамъ, а по родамъ сочиненій, и при этомъ выясняю съ той или другой стороны значеніе каждаго періода. Такой способъ изложенія мнѣ кажется наиболѣе удобнымъ въ нашей древней литературѣ, гдѣ невозможно провести строгаго раздѣленія на періоды, а приходится давать лишь отрывочныя указанія на характеръ того или другаго вѣка. Для большей связности въ изложеніи я и выбралъ указанный мною

умомъ, то есть, свое дѣло скоро забываетъ для общаго дѣла. Да и тутъ опять бываетъ большая разница: иной, желая добра, судитъ обо всемъ съ большимъ толкомъ; у другаго этаго толку меньше, у третьяго еще меньше. Это ужъ зависитъ отъ образованія, отъ науки. Выходитъ, значитъ, каковы мысли, понятія человѣка, таково его и слово. Вотъ, въ словѣ умныхъ людей и сказалось все то, что испытывалъ и о чемъ думалъ нашъ народъ встарину, даже лѣтъ 800 тому назадъ (не правда ли? вѣдь любопытно знать это?) и что потомъ передумано въ эти 800 лѣтъ, — много, значитъ, передумано, до конца дойдешь не скоро. А есть разница между словомъ неграмотнаго, простаго народа и словомъ грамотныхъ людей. Простые люди тоже изстари замѣчали все, что вокругъ нихъ дѣлалось: и у нихъ никто души не отнялъ; да, не зная грамотѣ, выражали свои думы въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ. Пѣсни, сказки, пословицы у неграмотныхъ людей, значитъ, слагались и сохранялись по памяти, а не на письмѣ, передавались изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ: дѣдъ, что самъ зналъ, тому научалъ внуковъ. Напротивъ грамотные люди записывали все, что видѣли и перечувствовали; писанное слово, какъ было ими записано, такъ и дошло до насъ: развѣ переписчикъ кой гдѣ что-нибудь измѣнилъ или прибавилъ. Понятно, что по памяти не сохранишь такъ точно всего, что тобою разъ придумано: внукъ, перенявъ пѣснь отъ дѣда, кое что опускалъ въ ней, а кое что и прибавлялъ по своему опыту, потому что другое стало время,—другое и дѣлалось на свѣтѣ, другое и пѣлось. Такъ старая пѣснь съ каждымъ вѣкомъ измѣнялась. Кто первый сочинилъ ее, ужъ забывали съ самаго начала: если она пошла въ народъ, значитъ, всѣмъ нравилась, всѣ ее пѣли, какъ бы

считая своею; къ чему тутъ знать имя сочинителя? Тоже самое и съ умной пословицей, и со сказкой. Ну, а грамотѣй писалъ по своему разумѣнію, по своей наукѣ, не всегда такъ, какъ думалъ весь народъ. Вотъ, тутъ и еще разница между изустнымъ и письменнымъ словомъ. Пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и не запомнили бы, еслибы онѣ не откликались въ душѣ каждаго, а бумага или пергаментъ (обдѣланная шкура звѣрей, на какой встарину писали) — не живой человѣкъ: все терпитъ. Написанное остается, хоть-бы чтецовъ и было всего три безъ одного. Значитъ, въ писанномъ словѣ надо еще разсмотрѣть, кому оно было нужно, кого оно занимало, въ чьемъ приходѣ тутъ звонили. Можетъ, кое-что попъ или монахъ тутъ писалъ ради своихъ дѣлъ, бояринъ ради своихъ, подьячій ради своихъ. Оно и выходило пригоднымъ не для всѣхъ, а для монаховъ, или для бояръ, или для подьячихъ. Въ изустномъ словѣ сказалось безъ затѣй простое чувство: нужно было сказать — вотъ и сказалось. Есть, на чемъ отвести душу. А грамотѣй иной разъ пишетъ совсѣмъ безъ нужды, такъ плететъ отъ нечего дѣлать, или и по разсчету. Значитъ, писанное слово не столь правдиво? Нѣтъ, постойте. За грамотѣемъ наука, — сначала, точно, наука не большая: грамотѣй сначала смыслитъ не больше простаго человѣка, а иной разъ и меньше; да потомъ, какъ науки прибудетъ, онъ станетъ до всего доходить. Появятся книжки, какихъ ужъ не сочинить безграмотному человѣку. „Дѣло мастера боится“ говоритъ пословица, а въ книгѣ можно собрать все, что знаютъ сотни мастеровъ своего дѣла, и не у насъ только, а тоже въ чужихъ земляхъ, гдѣ мастера, можетъ, и получше. Одинъ научитъ другаго; другой, если смышленъ, прибавитъ кой что еще къ наукѣ, какую узналъ, и на-

учитъ третьяго; третій ужъ знаетъ все, чего доискались первые два, и четвертому передаетъ еще больше. Такъ наука все ростетъ: отъ маленькаго сѣмечка, если оно хорошо уродилось, черезъ нѣсколько лѣтъ можно засѣять цѣлое поле. Знанье вѣдь такой хлѣбъ, что чѣмъ больше его ѣшь, тѣмъ больше его прибываетъ. А какъ сберечь бы этотъ запасъ знаній, еслибъ не было грамоты? Сказанное на словахъ скоро забудется, а рукопись, или книга пойдетъ по всѣмъ рукамъ; бывали примѣры, что лежитъ она, забытая, десять, сто лѣтъ и больше: глядь, и опять стали по ней учиться. Грамота, что безмѣрная палата, въ которой отъ вѣковъ собрано видимо не видимо всякаго богатства. Научился ты съ толкомъ читать, значитъ, у тебя есть ключь отъ этой палаты: коли ты лѣнивъ, или житейскія заботы тебя одолѣли, ты, можетъ, въ нее и не заглянешь, а все-таки лучше имѣть ключь подъ рукою.

Изустное слово.

Мы сейчасъ сказали, что чрезъ грамоту сохранялись опытъ, знанье, наука. Тѣ примѣты, что у народа въ пословицахъ, еще не большая мудрость: это все равно, что мелкая лавка вещей для домашняго обихода въ сравненіи съ кладовыми купца, который дѣлаетъ оборотовъ на милліоны. Умная пословица лишь метко изображаетъ обычай народа, добро и зло, какому научилъ его житейскій опытъ. Народная пѣснь или сказка тоже напоминаютъ о жизни, еще простой, какую ведутъ люди въ необразованномъ обществѣ, да онѣ дороги намъ тѣмъ, что пересказываютъ всѣ задушевныя думы народа, приносятъ вѣсти изъ далекой старины, — вотъ все равно какъ рѣчка не-

сеть цвѣты и вѣтки, захваченные въ краю, гдѣ мы, можетъ, никогда не бывали. Онѣ—народная быль, значитъ, отмѣчаютъ въ памяти вѣрнымъ словомъ, что крѣпкой печатью, все, что было пережито народомъ. Посмотримъ же, какъ жилъ нашъ народъ встарину, сначала по его былевымъ пѣснямъ, или былинамъ.

Былины.

Какъ жилъ сперва всякій народъ, смекнуть не трудно. Представь, что у тебя нѣтъ ни хаты, ни двора, ни скота, ни пашни. Чѣмъ будешь ты питаться? Пойдешь въ лѣсъ бить звѣрей, да безъ ружья: чтобы выдумать ружье, нужна ужъ большая наука; на первый разъ хорошо и то, если у тебя будутъ крѣпкій лукъ, да стрѣлы. Скрываться отъ ненастья будешь ты, какъ звѣрь, въ какой нибудь пещерѣ, берлогѣ или юртѣ. Такъ кое-гдѣ и теперь живутъ дикіе люди-звѣроловы, которые не дошли и до того, чтобы завести у себя домашній скотъ. Эта жизнь куда не приманчива; перебилъ звѣря въ одномъ мѣстѣ,—иди въ другое; гонись за нимъ на двухъ ногахъ, какъ онъ скачетъ отъ тебя на четырехъ, или улетаетъ; весь свой вѣкъ плутай въ дикой чащѣ, или въ степи, подъ дождемъ, подъ знойнымъ солнцемъ. А сколько страху тутъ наберешься: тамъ, гляди, сильный звѣрь разстерзаетъ, тамъ втянетъ въ болото, тамъ занесетъ песками.... Лучше пойдетъ дѣло, когда ты съумѣешь приручить къ себѣ нѣкоторыхъ звѣрей, завести у себя стадо. Не вдругъ люди дошли до этаго: вѣдь и конь, и волъ, и козы прежде жили на вольной волѣ въ степяхъ, какъ и теперь кое-гдѣ водятся. Приручивъ дикихъ животныхъ, человѣкъ имѣлъ отъ нихъ подъ рукою молоко и мясо для пищи,

шерсть и шкуру для одежды. Но все-таки онъ долженъ былъ слѣдовать за животными туда, гдѣ находилъ для нихъ болѣе корму, такъ какъ съ большими стадами не прокормиться на одномъ мѣстѣ: ведя пастушью жизнь, онъ кочевалъ въ кибиткахъ. Много понесли люди трудовъ, прежде чѣмъ догадались, какъ устроиться получше. Рожь, пшеница и другіе хлѣба когда-то росли около нихъ безъ призора, росли въ пустынѣ со всякою сорною травою. Начали собирать годныя въ пищу сѣмена, сѣять: это случилось такъ давно, что и память о томъ угасла. Доброму дѣлу обрабатывать землю одинъ народъ учился у другаго; не всѣ научились и теперь: иные по-старому остались кочевниками. А только сравни, какъ живетъ кочевникъ и земледѣлецъ, поймешь, на чьей сторонѣ выгода. Ужъ одно хорошо: есть и молоко, и мясо, и хлѣбъ, и огородный овощь; вонъ, еще на памяти стариковъ стали у насъ разводить картофель, а сколько въ нуждѣ отъ него подспорья! Скота у селянина хоть и меньше, чѣмъ у кочевника, да за то матушка-земля кормитъ. За хлѣбомъ такъ далеко ходить не нужно: растетъ онъ около хаты. На голодное время можно сдѣлать запасъ; въ прокормъ скоту идетъ и то, что остается отъ пашни: держишь ты его у себя въ хлѣву, а онъ опять даетъ для земли удобреніе, навозъ. Такъ заводишь ты во двору цѣлое хозяйство, и не перечесть, сколько выгодъ отъ того, что хлѣбъ и скотъ разомъ у тебя въ рукахъ и что ты можешь жить осѣдло на одномъ мѣстѣ. Тутъ люди сходятся міромъ, чтобы помогать другъ другу, строятъ деревни, огораживаются отъ дикихъ звѣрей и отъ разбою кочевниковъ, которымъ, за недостаткомъ пищи, иной разъ поневолѣ приходится грабить, заводятъ всякій промыселъ, придумываютъ вмѣстѣ, какъ лучше устроить свою

жизнь по пословицѣ: „умъ хорошо, а два лучше". Такъ начинается *образованіе*, а быть образованнымъ, значитъ, *побѣдить, взять во власть природу.* Мудрено что-ли сказано? а дѣло просто. И солнце, и вѣтеръ, и дерево, и звѣрь—все это зовутъ *природой*, а что сдѣлано твоими руками, до чего ты дошелъ умомъ, въ томъ ужъ не природа, а твое знаніе, *искуство*. Возьмемъ въ примѣръ хоть дерево, какимъ видишь его въ лѣсу, по природѣ: узнай, какая тебѣ польза отъ его ствола, на что годны: его кора, лубъ, листья, цвѣтъ, корень, сокъ. Это все дѣло твоего ума. Строя изъ дерева хату, ты укрываешься отъ непогоды, вѣтеръ вертитъ колесо твоей мельницы, солнце бѣлитъ твой холстъ, звѣрь даетъ мѣхъ, шерсть, шкуру для одежды, жиръ для свѣчей и мыла, кость на многія подѣлки. Чѣмъ болѣе и лучше умѣешь ты пользоваться каждой вещью въ природѣ, тѣмъ безопаснѣе ты отъ всякаго зла, тѣмъ удобнѣе тебѣ жить на свѣтѣ. Вонъ, кажись, на что годенъ паръ? Сколько его валитъ изъ хаты, когда печь жарко натоплена, да разогрѣваютъ воду!... а и его припрягли вмѣсто лошади возить людей по желѣзнымъ дорогамъ: вѣдь чугунка двигается паромъ. Когда человѣкъ такъ беретъ власть надъ природой, на кой прахъ ему вѣрить въ лѣшихъ, въ вѣдьмъ, въ кикиморъ? Совсѣмъ просто своимъ умомъ онъ придумаетъ то, чего не сдѣлать въ сказкѣ никакому лѣшему.

Мы здѣсь вели рѣчь къ тому, чтобы показать, какъ въ земледѣльческомъ быту человѣкъ устраиваетъ свою жизнь къ лучшему и, крѣпко сѣвъ на землѣ, начинаетъ одолѣвать природу, то-есть, изобрѣтать всякія средства, чтобы помочь себѣ въ бѣдѣ: значитъ, понемногу становится все образованнѣе. Это понималъ и нашъ народъ, когда въ своихъ пѣсняхъ поставилъ земледѣльца выше

звѣролова. Вотъ какъ разсказываетъ былина. Былъ когда то чародѣй Волхъ, родился отъ змѣя. Владѣлъ онъ такимъ искусствомъ, что могъ обертываться и яснымъ соколомъ, и сѣрымъ волкомъ, и гнѣдымъ туромъ-золотые рога (водился встарину такой большой волъ-туръ). Рыскалъ онъ съ дружиною по лѣсамъ, одѣвалъ и кормилъ ее: обернется волкомъ и бьетъ куницъ, лисицъ, соболей, а то взовьется соколомъ, чтобъ избивать гусей, лебедей, утушекъ. Дружина-то его спитъ, а онъ такимъ способомъ добываетъ ей мѣхъ на одежду, мясо на пищу. Плохъ еще, значитъ, человѣкъ, коли для этого нужно ему обращаться въ звѣря: такихъ чудесъ, вѣстимо, и не бывало; да какъ представить силу и ловкость человѣка, коли звѣрь еще во многомъ былъ его сильнѣе? Вотъ, будь у него ружье, такъ сказать бы: „удалой былъ молодецъ! самъ смастерилъ желѣзнаго змія, самъ изъ руки огонь пускаетъ!“ а не то, что родился отъ змія. Такъ этотъ Волхъ-чудодѣй разъ встрѣтилъ въ полѣ ратая, землепашца; такъ себѣ мужичекъ, пашетъ землю, каменья, коренья выворачиваетъ кленовой сошкой. Зоветъ его Волхъ въ свою дружину: „ладно“! выпрягъ изъ сошки кобылку, да говоритъ: „какъ бы изъ земли сошку выдернуть?“ Принялись работать Волхъ съ дружиною, ничего не подѣлаютъ: такъ крѣпко засѣла сошка; а мужичокъ хвать ее разомъ и закинулъ за ракитовъ кустъ. „Какъ же тебя по имени звать, какъ величать по отчеству?“ спрашиваетъ Волхъ. „Ай же ты, Волхъ! возьмика въ толкъ: ржи я напашу, во скирды ее сложу, домой выволочу, дома вымолочу, пива наварю, мужичковъ напою, станутъ величать меня: молодой Микулушка *Селяниновичъ!*“ Дѣло ясно: селянинъ Микула сильнѣе Волха-звѣролова; да что ему? отработалъ лѣто и, какъ настали осенніе холода,

попиваетъ себѣ въ теплой хатѣ пиво съ друзьями, а тотъ рыскай въ лѣсу со звѣрями! Такъ-то такъ, да не всегда и Микулушкѣ приходилось попивать пиво. Хоть земледѣльцу и не въ примѣръ лучше, чѣмъ дикарю охотнику, или даже кочевнику въ его пастушьемъ быту, да вѣдь опять: каково сложилась жизнь земледѣльца? Гдѣ науки мало, да мірское дѣло не устроено, тамъ тоже не оберешься напастей: то земля не родитъ, то скотина пала, то люди между собою живутъ не похристіански,—наровятъ всю тяготу взвалить на слабаго и безотвѣтнаго, по пословицѣ: „на бѣднаго Макара всѣ шишки летятъ." Защищать бѣдныхъ и стало первымъ дѣломъ богатыря-земледѣльца. И въ сельскомъ быту встрѣчались такіе молодцы, что иной разъ съ горя-кручины, а то и такъ, ради праздной удали, шли въ лѣса, чтобы оттуда грабить проѣзжихъ. Очищать отъ разбойниковъ прямоѣзжія дороги—вотъ другое богатырское дѣло. А встарину тоже одинъ за другимъ выходили изъ Азіи голодные кочевники, да раззоряли села и уводили въ плѣнъ нашихъ пахарей. Биться со всей этою нехристью, отстаивая родную землю, стало третьимъ богатырскимъ дѣломъ. Значитъ, нашимъ пахарямъ встарину мало приходилось сидѣть дома, да думать о мирномъ сельскомъ трудѣ: больше они разъѣзжали по полю, высматривая какого нибудь врага. Таковъ и любимый богатырь народа, Илья Муромецъ. По былинамъ, Илья крестьянскій сынъ, изъ подъ Мурома. Изъ старыхъ преданій видимъ, что онъ сначала странствуетъ со Святогоромъ. То былъ богатырь выше лѣсу стоячаго. Какъ выѣзжалъ онъ въ поле, мать земля колебалась, рѣки выливались изъ береговъ. Не почеловѣчески былъ онъ силенъ,—вотъ, какъ буря, или большая рѣка въ половодье: все тутъ вымышлено къ тому, чтобы предста-

вить грубую, дикую силу. Святогоръ, значитъ, силачъ, сродни Волхву, да и онъ не могъ приподнять переметной сумочки, въ которой будто-бы лежала тяжесть земная; земля, кормилица пахаря, была ему не подъ силу *) Илья сначала учится всѣмъ ухваткамъ богатырскимъ у этаго Святогора, прозывается его меньшимъ братомъ. Ѣздятъ они вмѣстѣ и находятъ въ полѣ большой гробъ, какъ разъ, по росту Святогора. Великанъ для шутки легъ въ него и прикрылся крышкой, да хочетъ опять поднять крышку и не можетъ. „Ай, меньшой братъ! знатъ, судьбина поискала меня;“ — молвилъ онъ. Изъ щелочки дунулъ онъ Ильѣ своей богатырской силы; Илья поднялъ его тяжелый мечь, ударилъ вдоль по крышкѣ,—анъ выросла желѣзная полоса, ударилъ поперегъ—выросла и другая! „Душно мнѣ, меньшой братъ!“ вопитъ Святогоръ: наклонись-ка еще, ужъ я отдамъ всю силишку великую“—Будетъ съ меня, отвѣчалъ Илья, земля не вынесетъ. — „Ну, догадливъ ты, теперь дохнулъ бы я на тебя мертвымъ духомъ. Прощай же.“

Зачѣмъ выдумана эта сказка, понять не трудно. Старые богатыри умираютъ, нарождаются новые. Старымъ нужна была больше тѣлесная сила, чтобы не погибнуть въ борьбѣ съ природою, гоняясь за звѣрями въ лѣсахъ, сторожа въ степяхъ стадо отъ волковъ и другихъ дикихъ животныхъ. Новые богатыри — пахари крѣпко держатся за матушку землю, привыкаютъ въ своемъ мирномъ трудѣ брать не одною силой, а также сметкой, умомъ и въ дѣлахъ удалыхъ у нихъ видна таже сметка; но такъ какъ образованіе едва началось, то грубая сила и въ нихъ замѣтно

*) Я здѣсь не имѣю возможности излагать подробнѣе содержаніе былинъ; подробности читатели могутъ найти въ моей книгѣ: Разсказы изъ русской исторіи, вып. I. статья: «Илья Муромецъ».

преобладаетъ. Старые наконецъ больше способны губить, разрушать: въ этомъ ихъ мертвый духъ; въ новыхъ есть и живой духъ: они учатся по немногу беречь, охранять всякое добро, строить не для себя только, а и для будущихъ людей, которые займутъ ихъ мѣсто. Это мы сейчасъ увидимъ и въ Ильѣ Муромцѣ. Вотъ, другое преданіе о томъ, какъ Илья получилъ силу, показываетъ, что въ немъ было доброе, милостивое сердце. Сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ, и будтобы пришли подъ его окошко бѣдные калики-странники: „пусти въ домъ, дай напиться.“ И радъ бы васъ, братцы, пустить, сказалъ съ горестью Илья, да ноженьки не ходятъ. — „Ну, коли ты такой ласковый человѣкъ, тамъ мы поможемъ, вставай, иди смѣло.“ И вотъ чудомъ Илья всталъ (безъ чуда и сказка не красна), впустилъ каликъ, далъ имъ напиться: „пей и самъ“, сказали они. Какъ выпилъ Илья, почуялъ великую силу. Тутъ опять чародѣйство: калики не простые люди, можетъ, боги какіе, которымъ встарину, еще въ язычествѣ, вѣрилъ народъ; и когда познаетъ онъ христіанскую вѣру, все не могъ забыть старыхъ преданій, сталъ только представлять этихъ добрыхъ боговъ христіанскими богомольцами. Илья теперь выѣзжаетъ изъ дому помогать бѣдному люду, ратовать за мірское дѣло. Онъ кладетъ великую заповѣдь не кровавить рукъ, не проливать крови. Дорогой напалъ на него королевичь Збутъ, пустилъ въ него стрѣлу. Илья только схватилъ его, да бросилъ выше дерева стоячаго, а потомъ принялъ на могучія руки и безъ вреда положилъ на землю. Збутъ и свѣту не взвидѣлъ отъ страху. Дальше разбойники хотятъ Илью ограбить: онъ пугнулъ ихъ, выстрѣлилъ въ сырой дубъ и разшибъ дубъ въ ножевыя черенья. Разбойники повинились, даютъ ему золотую казну. „Ничего

мнѣ не нужно, говоритъ Илья: укажите только дорогу въ Черниговъ." Подъ Черниговымъ силушки черныимъ черно, городъ осаждаетъ несмѣтная рать поганыхъ. Тутъ Илья разрушилъ свою заповѣдь, сталъ сабелькой побивать враговъ и освободилъ городъ. Воевода посылаетъ бояръ звать его къ себѣ хлѣба-соли кушать." Нечего мнѣ дѣлать у вашего воеводы, отвѣчаетъ онъ, ѣду я въ стольный городъ Кіевъ." Но въ Кіевъ прямая дорога залегла ровно тридцать лѣтъ: въ Брынскихъ лѣсахъ сидитъ на девяти дубахъ Соловей разбойникъ и всѣхъ убиваетъ свистомъ. Соловей похожъ не то на лѣсное божество, выдуманное народомъ ради всякихъ лѣсныхъ страховъ, не то на обыкновеннаго грабителя. Илья сшибаетъ его стрѣлою съ дуба и увозитъ съ собою въ Кіевъ, не взявъ дорогаго выкупа отъ жены и дѣтей его.

Вотъ каковъ Илья. Сила въ немъ большая, потому что онъ не одинъ: разумѣй подъ нимъ весь народъ, стоящій за свою землю. По силѣ онъ и гордъ: никому не дастъ себя въ обиду. Нужно куда ѣхать, ѣдетъ онъ прямою дорогою, не любитъ изъ страху сворачивать на окольную. Пуще всего онъ милостивъ: безъ нужды не прольетъ ничьей крови.

А нужно помочь бѣдному люду, разгорится его сердце: нечего дѣлать, разрушитъ онъ свою заповѣдь, пойдетъ рубить злыхъ душегубцевъ. Разбойниковъ онъ только стращаетъ, можетъ, такъ были плохіе людишки: вста-рину иные тоже бѣгали въ лѣса отъ людской неправды. Но сильнаго Соловья, который не даетъ никому ни проходу, ни проѣзду въ Кіевъ, онъ не щадитъ. Значитъ, его дѣло помогать тому, чтобы былъ въ землѣ порядокъ. За служенье міру никакого почету онъ себѣ не ищетъ и не зарится на золото. Его забота не копить себѣ богатства,

а отстаивать общее дѣло: для этого и нужно ему ѣхать въ Кіевъ. Когда же это жилъ такой Илья? а давно, очень давно. Вотъ смѣкай-ка. Илья ѣдетъ въ Кіевъ, въ гости ко князю Владиміру, а въ Кіевѣ у насъ было два Владиміра: одинъ, что крестилъ русскую землю, жилъ почти за 900 лѣтъ тому назадъ; другой,—Мономахъ, тоже любимый народомъ князь, жилъ позже перваго полутораста годами, такъ за 760 лѣтъ. Илья защищаетъ Кіевъ отъ Татаръ и побиваетъ ихъ: Татары полонили русскую землю болѣе чѣмъ сто лѣтъ спустя послѣ Владиміра Мономаха, около 640 лѣтъ тому назадъ, а первый разъ побилъ ихъ уже не кіевскій, а московскій князь Димитрій Донской, жившій полутораста годами еще позднѣе. Почитай, настоящая побѣда надъ Татарами одержана еще позднѣе Іоанномъ Грознымъ, когда взяли приступомъ Казань, болѣе 300 лѣтъ тому назадъ. Вотъ какъ было дѣло; а Илья все работаетъ для русской земли въ Кіевѣ у князя Владиміра, работаетъ, значитъ, чуть не 600 лѣтъ. Какъ же понимать это? Вспомни, что мы говорили про пѣсень: переходитъ она изъ рода въ родъ; молодой повторяетъ, о чемъ пѣли старики, да къ этому прибавляетъ еще свое новое. Такъ въ пѣсни хранится память и о языческихъ богахъ, когда ужъ имъ никто не вѣрилъ. А зачѣмъ Ильѣ быть въ Кіевѣ, мы сейчасъ скажемъ. 900 лѣтъ тому назадъ при Владимірѣ I уже совсѣмъ сложилась Русь: племена славянскія, что жили около Новгорода и по Днѣпру, близъ Кіева, соединились тѣснѣе. Владиміръ былъ первымъ земскимъ княземъ: до него князья больше тѣшили свою удаль, искали добычи въ дальнихъ походахъ; онъ же сталъ заботиться о земскомъ строѣ, о порядкѣ. Со своею близкою дружиною и со всѣмъ народомъ сталъ онъ совѣтоваться, какъ принять христіанскую вѣру. Хри-

стіанъ и прежде было много въ Кіевѣ; они смѣялись надъ язычниками, говоря: „ваши боги-дерево, ничего не смыслятъ“, да вѣра ихъ не была признана. При Владимірѣ же, бояре и выбранные отъ народа старѣйшины, вмѣстѣ съ княземъ, рѣшили, что доброе будетъ дѣло всѣмъ креститься. Съ христіанскою вѣрой по немногу смягчились грубые языческіе обычаи. Вотъ, хоть бы былъ обычай мстить за обиженнаго или убитаго родственника, по пословицѣ: „око за око, зубъ за зубъ.“ Мстили иной разъ и безъ всякой мѣры: отъ этаго бывало много кровопролитья. Скоро постановили, чтобы вмѣсто такой кровавой мести платить пеню, и если убійца не найденъ, то платила вся община, гдѣ лежало тѣло. Самъ Владиміръ, ставъ христіаниномъ, поступалъ по писанію: кормилъ у себя во дворѣ множество нищихъ и убогихъ, раздавалъ имъ хлѣбъ и деньги, да и по городу приказывалъ возить хлѣбъ, мясо, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ, чтобы раздавать больнымъ, которые не могутъ дойти до двора его. Радѣлъ онъ также о земскомъ строеніи, ставилъ города по рѣкамъ, очищалъ землю отъ разбоевъ, отдавалъ дѣтей въ книжное ученье, такъ что на Руси сбылось пророчество: „придутъ дни, когда и глухіе услышатъ словеса книжныя.“ Обо всемъ, что ни дѣлалъ, Владиміръ совѣтовался съ дружиною и съ земскими людьми, потому что тогда былъ такой обычай, что земскіе люди сходились на вѣче, на сходку, и думали думу съ княземъ. Поэтому что ни праздникъ, во дворѣ у Владиміра, бывало, идетъ пиръ горой, щедрое угощенье и боярамъ, и всему народу. Былъ онъ ласковъ до земскихъ людей, какъ о томъ осталась память и въ пѣсняхъ: „Во стольномъ городѣ, во Кіевѣ, что у ласковаго князя Владиміра, было пированье, почестной пиръ, было столованье,

почестной столъ, на всѣхъ князей и бояръ, на русскихъ могучихъ богатырей, на всѣхъ гостей званыхъ-браныхъ, приходящихъ.“ Земскіе люди не разъ и выручали Владиміра. Русь тогда разоряли дикій народъ, пришедшій изъ Азіи, Печенѣги. Вотъ, однажды пришли они и выставили бойцемъ страшнаго богатыря-великана: „если у васъ, говорятъ, найдется такой, что одолѣетъ нашего бойца, то не тронемъ вашей земли три года.“ Владиміръ закручинился, кликнулъ кличь, и тутъ пришелъ къ нему старикъ съ сыномъ: сынъ былъ не великъ ростомъ, да удалъ; испытали его силу, пустили мимо него разъяреннаго быка,—и онъ вырвалъ у быка кусокъ мяса рукою. Печенѣгъ разсмѣялся было, увидѣвъ противника, да не къ добру: русскій удалецъ, какъ схватилъ его поперекъ, такъ и грянулъ о землю. Другой Владиміръ, Мономахъ, крѣпко отстаивалъ русскую землю отъ Половцевъ, такихъ же незваныхъ гостей изъ азіатскихъ кочевьевъ. Этотъ князь самъ былъ очень удалъ: по 20 дикихъ коней вязалъ своими руками, ходилъ одинъ на одинъ и противъ тура и противъ медвѣдя; самъ онъ дѣлалъ все, что могъ бы дѣлать слуга, старался зорко смотрѣть за всѣмъ, не давая въ обиду сильнымъ ни послѣдняго бѣдняка, ни вдовицы. Своимъ дѣтямъ завѣщаетъ онъ не убивать ни праваго, ни виноватаго, чтобъ не пролить христіанской крови, не дозволять ближнимъ людямъ притѣснять кого либо въ деревняхъ и въ селахъ, кормить бѣдныхъ, не жалѣть угощенія для гостя, будь онъ знатный или не знатный, и прилежно учиться всему, чего не знаешь. Въ былинѣ народъ могъ вспоминать и объ этомъ Владимірѣ. Но, прославляя въ старинномъ кіевскомъ князѣ ласковость и щедрость, былина иногда представляетъ его и робкимъ, и несправедливымъ: онъ иной разъ,

не терпя правды, или зарясь на чужое добро, заключаетъ какого нибудь богатыря въ глубокій погребъ, или неразсчетливо ссорится со своею земскою дружиной. Значитъ, тутъ нельзя прямо разумѣть того или другаго Владиміра: пѣснь слагалась вѣками, и пѣсенный Владиміръ могъ напоминать о многихъ князьяхъ стараго вѣка. Но каковъ бы онъ ни былъ, онъ дорогъ народу, какъ князь стольно-кіевскій. Около Кіева до Татаръ собиралась южная Русь: сюда сходились со всѣхъ сторонъ богатыри, чтобы ратовать за родную землю. Вотъ почему и Илья ѣдетъ въ Кіевъ. Тутъ прославился онъ многими богатырскими дѣлами. Пришелъ къ Кіеву поганый Идолище, великанъ ростомъ двѣ сажени печатныя, въ ширину сажень, глазища-что полныя чашища, голова-что лоханище, а носъ съ локоть, — пришелъ и грозится все раззорить и пожрать. Слово Идолище прямо напоминаетъ старинныхъ языческихъ боговъ, которымъ приносили въ жертву скотъ и даже людей; христіанамъ они уже казались ненасытными чудовищами. Но здѣсь кромѣ того подъ Идолищемъ надо разумѣть грубую татарскую силу; онъ предводитель Татаръ. Илья одѣлся каликой въ шелковыхъ лапоткахъ, съ подсумкомъ чернаго бархата, въ шляпѣ греческой (съ широкими полями), да взялъ клюку не малую въ девяносто пудовъ и вышелъ противъ Идолища. Великанъ принялъ его за перехожаго калику и спрашиваетъ: „Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ?“ — Да таковъ, какъ и я. — „А много ѣстъ онъ хлѣба и пьетъ пива?“ — А вотъ, какъ и я: хлѣба по три калачика крупичатыхъ, вина пьетъ на три пятачка мѣдныхъ — „Экой же вашъ богатырь Илья! а я вотъ по семи ведеръ пива пью, по семи пудовъ хлѣба кушаю.“ Илья отвѣчалъ: „У нашего попа ростовскаго корова была обжориста; много

ѣла, пила, тутъ и треснула.“ Идолище разгнѣвался, бросилъ въ Илью кинжаломъ, да тотъ ловко увернулся и, какъ хватилъ клюкой, положилъ врага на мѣстѣ. Вотъ, и тутъ Идолище, что Святогоръ, что Волхъ,—кочевой дикарь, силачъ стараго вѣка; Илья ужъ смѣется надъ его грубымъ обжорствомъ; Илья болѣе похожъ на обыкновенныхъ людей, да и зачѣмъ ему быть такимъ, съ виду страшнымъ чудовищемъ, когда у него есть и умъ, и ловкость! Спасая стольный городъ отъ бѣды, Илья часто борется съ Татарами, которые приходятъ то съ Калиномъ царемъ, то съ Батыемъ и Мамаемъ; ихъ несмѣтная сила такъ окружаетъ Кіевъ, что соколъ едва облетитъ въ день; они грозятся:

«Сильныхъ богатырей подъ мечь склоню,
Князя съ княгинею въ полонъ возьму,
Божьи церкви на дымъ спущу,
Чудны иконы по плавь рѣки,
Добрыхъ молодцевъ полоню станицами,
Красныхъ дѣвушекъ плѣницами,
Добрыхъ коней табунами.»

Въ былинахъ представлено, что Владиміръ платитъ дань Татарамъ: золото, серебро, окатный жемчугъ, и съ этою данью посылаетъ Илью; но Илья избиваетъ Татаръ и освобождаетъ Владиміра отъ дани. На дѣлѣ Татары, подъ предводительствомъ Батыя, приступали къ Кіеву уже 250 лѣтъ спустя послѣ Владиміра I; тогда Кіевъ былъ въ конецъ раззоренъ, и на мѣсто его уже возвысилась Москва, какъ стольный городъ. Великій князь московскій, Дмитрій Донской, одолѣлъ Мамая полтораста лѣтъ спустя послѣ татарскаго плѣненія, а Калины царя и вовсе не бывало. Но былина, помня старую, до татарскую Русь, все переноситъ на Кіевъ!

Илья между кіевскими богатырями зоветъ себя про-

сто Ильюшкой, да почести ему всѣхъ больше. Когда съ богатырской заставы усмотрятъ пыль-курево въ полѣ, кого послать противъ непріятеля? послать ли Гришку боярскаго, — боярскіе роды хвастливые: на бою захвастается и погибнетъ по напрасну; послать ли Алешу Поповича, — его поповскіе глаза завидущіе, руки загребущія: увидитъ на врагѣ много золота, серебра, позарится на золото, и погибнетъ. Кромѣ Ильи положиться не на кого, и Владиміръ такъ его умоляетъ:

«Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
Ужъ ты здравствуй, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Постарайся за вѣру христіанскую,
Не для меня князя Владиміра,
Не для-ради княгини Апраксіи,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей»

Добрую душу Ильи скорѣе всего можно разжалобить, если просить его постоять за самыхъ немощныхъ: за бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей. Ссорясь съ Владиміромъ, Илья на долго оставляетъ Кіевъ, но приходитъ опять, чуть грозитъ стольному городу опасность. Въ Ильѣ сказалась и старая казацкая вольница, остатокъ старыхъ вѣчевыхъ порядковъ, когда случалось, что народъ, недовольный княземъ, поднимался противъ него на вѣчѣ. Вслѣдствіе необразованія, въ этой вольницѣ, стоявшей за свои льготы, было много дикаго и грубаго. Такъ Илья собираетъ кабацкую голь, стрѣляетъ съ нею по золотымъ маковкамъ церквей, безчинствуетъ, грозясь идти на самого Владиміра; но Владиміръ зналъ, какъ угомонить его: послалъ къ нему названаго брата, Добрыню Никитича, и Илья не могъ не послушаться своего названаго брата: отправился на пиръ къ Владиміру.

Какъ на югѣ Россіи, въ дотатарское время (за 900—

650 лѣтъ тому назадъ), Русь собиралась около Кіева, такъ на сѣверѣ, отъ Ильменя до Волги и Ледовитаго моря (гдѣ нынѣ Архангельскъ и Печорскій край), господствовалъ Новгородъ. При Татарахъ Новгородъ еще все усиливался и именовался Господиномъ Великимъ Новгородомъ. Въ немъ всѣмъ заправлялъ народъ, сходясь на площади; начальствовали посадники и тысяцкіе, выбранные народомъ; судей, архіепископа тоже выбирали. Были и князья, да они имѣли власти не въ примѣръ меньше, чѣмъ въ Кіевѣ: ихъ призывали, для суда и начальства надъ войскомъ, изъ Кіевской или Суздальской земли, и правили они большею частію не долго: то самъ князь уйдетъ по дѣламъ въ свою землю, то сторона, ему противная, возьметъ верхъ, и онъ поневолѣ долженъ удалиться изъ Новгорода. Новгородцы были народъ дѣловой, да и у нихъ, по тогдашнему малому образованію, дѣла не всегда шли ладно. Соберутся иной разъ на сходку; двѣ стороны не поладятъ между собою, и давай доказывать кулаками, что мы, молъ, правы: подымутъ такую драку на Волховскомъ мосту, что не приведи Богъ. У нихъ было вольно каждому въ своихъ дѣлахъ распоряжаться, какъ знаютъ, — ну, и составляли они всякія товарищества, артели для промысловъ и торговаго дѣла, братчины для самосуда: люди изъ одного прихода давали разные припасы, ячмень, солодъ для пива, собирались на пиръ, и тутъ рѣшали свои дѣла. Въ эти дѣла товариществъ и братчинъ не вмѣшивались ни князь, ни посадникъ, и что участники тутъ рѣшали для себя, то имѣло законную силу. Кажись, много льготы; да и тутъ, кто посильнѣе да побогаче, соберетъ себѣ дружину и пойдетъ своевольничать, грабить. А будетъ отъ такихъ молодцовъ народу не въ моготу, сойдутся на вѣче, поголо-

2*

сять,—и коротка расправа: всею толпою разворять домъ и дворъ своевольника и самого бросять въ Волховъ. Настоящаго порядка, значить, всеже не умѣли устроить. Ну, почитай, частыя смуты мѣшали хорошему дѣлу, а, нельзя сказать, дѣло дѣлалось: судили, рядили всеже по мірскому согласію; ходя ватагами, заселили дальнія безлюдныя мѣста, даже до Урала, вездѣ настроили селъ, завели промыслы; въ лѣсахъ, гдѣ не ступала нога человѣка, добывали лисицъ, куницъ, соболей. Мѣха и шкуры привозили въ Новгородъ, а отсюда по Волхову и по Невѣ отсылали ихъ въ море къ Нѣмцамъ, да Нѣмцы и сами пріѣзжали въ Новгородъ за товарами, привозили въ обмѣнъ разныя матеріи на платье, красное вино, и проч. Такъ Новгородъ богатѣлъ, тогда какъ остальная Русь раззорена была Татарами. Но вотъ, съ помощью тѣхъ же Татаръ, поднялись московскіе князья и стали думать о томъ, какъ бы собрать, подчинить своей власти всю Русь. А въ Новгородѣ подъ конецъ начались больше прежняго смуты: богатые купцы, ставъ боярами, притѣсняли бѣдный народъ; народъ, не всегда будучи въ силахъ съ ними управиться, сталъ обращаться съ жалобами къ великому князю московскому. Іоанну Васильевичу-III, правнуку Дмитрія Донскаго, было это съ руки: по немногу онъ совсѣмъ завладѣлъ Новгородомъ: это случилось 400 лѣтъ тому назадъ. Такъ и слава Новгорода погибла; осталась только пословица: „Новгородцы такали, такали, да Новгородъ и протакали.“ Но иноземцы, бывшіе тогда на Москвѣ, все же съ большой похвалой говорятъ о старинной прямотѣ и честности Новгородцевъ въ торговлѣ: „душа новгородская“ значило „душа правдивая,“ значило, что человѣкъ поступаетъ по

божески. Это было не такъ, какъ потомъ, когда родилась пословица: „не обманувъ, не продашь."

Преданіе о Новгородѣ осталось только въ разсказахъ о богатыряхъ Новгородскихъ, Василіи Буслаевѣ и Садкѣ, богатомъ гостѣ. Василій былъ сынъ боярскій, обученный грамотѣ, да грамота пошла ему не впрокъ. Сталъ онъ заводить смуту въ Новгородѣ, желая похвастать своею силою-удачею: буйствуетъ, бьетъ людей, собираетъ дружину, щедро ее угощаетъ и идетъ съ нею въ братчину Никольщину. Принятый въ братчину, онъ и здѣсь затѣваетъ драку, да зоветъ народъ всею улицею биться съ нимъ на Волховскомъ мосту. Составили полюбовную запись, что если будетъ Васька побитъ—сложить ему буйную голову, онъ-ли побьетъ — беретъ съ Новгородцевъ 3,000 руб. Это дѣло встарину было обычное: „ну, чтожъ! пусть подерутся." Василій съ дружиною и сталъ побивать уличанъ; на силу угомонили его, пожаловавшись его матушкѣ: никого онъ не слушалъ, а матушки нельзя было не послушать. Подъ старость онъ ходилъ на поклоненіе въ Іерусалимъ: „дескать, на вѣку много бито, граблено: надо и душу спасти",—и убился до смерти на возвратномъ пути, скочивъ черезъ камень. Вотъ, такъ и жизнь прошла: силы, удали было много, а на что потрачена? Да надо сказать правду: эта былина болѣе напоминаетъ о томъ, что было худаго въ Новгородѣ; изъ нея видно, какъ богатые люди, бояре, вздорили съ народомъ, какъ кулачная сила брала верхъ надъ разумомъ. Изъ разсказовъ о Садкѣ мы узнаемъ о Новгородской торговлѣ. Садко, бѣдный гусляръ, понравился богу озера Ильменя игрою на гусляхъ, и богъ велѣлъ ему биться объ закладъ съ Новгородскими купцами, что онъ выловитъ изъ озера три золотыя рыбки: Садко побился и выигралъ три лавки

краснаго товару. Такъ началъ онъ богатѣть; а значитъ это по просту, что сначала промышлялъ онъ рыбною ловлею на озерѣ Ильменѣ — промыселъ этотъ въ Новгородѣ былъ выгодный, тутъ можно было выловить не одну золотую рыбку. Потомъ Садко отправился промышлять на Волгу, куда обыкновенно отправлялись удальцы Новгородскіе — иной разъ для торговли, а иной разъ — и для грабежа. Садко жилъ на Волгѣ 12 лѣтъ и порядкомъ поживился. „Спасибо, матушка Волга!“ говоритъ на прощанье и бросилъ въ рѣку хлѣбъ-соль. Матушка Волга отвѣчала тоже: „спасибо“, — и велитъ передать поклонъ своему брату Ильменю; ну, вѣстимо, братецъ: вѣдь Новгородцы съ Ильменя постоянно ѣздили на Волгу. Садко, разбогатѣвъ, устроиваетъ въ Новгородѣ пиръ на весь міръ, на весь честной народъ — и хвастаетъ, что скупитъ всѣ товары Новгородскіе: скупалъ, скупалъ, — не тутъ-то было! то придутъ товары московскіе, то заморскіе. Сознался наконецъ Садко: „видно, не я богатый купецъ, богаче меня великій Новгородъ. „Потомъ Садко ѣздилъ за море, вернулся съ бочками золота, да забылъ заплатить дань морскому царю: морской царь и поднялъ бурю. Садко самъ съ гуслями пошелъ къ нему на дно: какъ заиграетъ, царь съ царицею начнутъ плясать, а море колышется, да колышется и губитъ корабли. Дѣло все-же кончилось тѣмъ, что Садко счастливо вернулся въ Новгородъ.

Вотъ тутъ и понимай, что значили эти старые языческіе боги: промышлять на Ильменѣ и на Волгѣ не было такого страху, — мѣста знакомыя, берегъ близко... ну, и Ильменскій богъ да его сестрица Волга будутъ поласковѣе: а на морѣ куда опасно! Иной разъ съ недѣлю земли не увидишь: надо имѣть хорошій корабль,

а такіе корабли врядъ-ли тогда имѣли... Вотъ, и выходитъ, что морской царь посердитѣе. Боги эти, значитъ, изображали природу, съ которой человѣкъ боролся: Новгородцы имѣли дѣло все съ водою, — потому у нихъ и были водяные боги. Сталъ человѣкъ по умнѣе, понаходчивѣе въ своихъ дѣлахъ, и боговъ ужъ онъ представляетъ добрыми, — потому и вправду: и солнце, и лѣсъ, и вода служатъ на пользу, когда умѣешь ими воспользоваться. Вотъ, Ильѣ помогаютъ чудесные калики: кто такіе были эти калики, сказать мудрено, а надо полагать, какіе нибудь земледѣльческіе боги; ужъ это по незнанію народъ смѣшиваетъ въ нихъ языческое съ христіанскимъ. Менѣе искусенъ былъ человѣкъ, болѣе вѣдалъ онъ суевѣрнаго страху: тогда и боги (то есть, сила природы, какую видимъ въ бурномъ огнѣ, въ быстрыхъ водахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ) представлялись ему злыми чудовищами. Вѣрили въ оборотней, какъ будто, ставъ волкомъ, человѣкъ могъ сдѣлаться искуснѣе и сильнѣе. Старыя повѣрья теряли свой смыслъ, но все пугали необразованный народъ. Такими страшилищами въ былинахъ поганый Идолище и чудный Соловей, какое-то лѣсное божество; потомъ уже забыли, какую силу тутъ обожали, и стали видѣть въ нихъ только злыхъ людей: въ Идолищѣ — злаго татарина, татарскую силу, въ Соловьѣ-разбойника. Богатыри, значитъ, борятся и со всякими врагами сельской общины, и съ силами природы въ видѣ этихъ чудовищъ. Какъ борятся? чѣмъ одолѣваютъ и враговъ-кочевниковъ, и природу? На то у нихъ широкая удаль, отважная, выносливая душа, да крѣпкая рука. Ума и искусства хоть и больше противу прежняго, когда люди были совсѣмъ дики, да все еще мало. Умѣютъ они искустно бороться, владѣть саблею, отлично стрѣ-

лять изъ лука; да въ этомъ, пожалуй, были ловки и кочевые народы, привыкшіе къ битвѣ. Важнѣе то, что они крѣпко стоятъ за свою сельскую общину, за землю, за сирыхъ и убогихъ. У нихъ милостивое сердце, значитъ, тутъ забота не о томъ, чтобы все губить и разорять ради добычи, по пословицѣ „по насъ хоть трава не рости:“ они берегутъ и охраняютъ добро не для себя только; а и для ближнихъ, длѣ всего міра. Кіевъ или Новгородъ дороги имъ потому, что здѣсь сходится, соединяется вся земская сила, здѣсь имъ виднѣе, что служатъ они всей русской землѣ. И между собою они, по доброму согласію, собираются въ дружины, въ товарищества, въ братства: въ Кіевѣ жилъ не одинъ Илья Муромецъ, а и Добрыня Никитичъ, и Алеша Поповичъ, и многіе другіе. Богатыри мѣняются крестами, вступаютъ другъ съ другомъ въ побратимство, и названый братъ былъ пуще брата роднаго: за него всегда полагай душу. Такъ связываетъ ихъ не одно желаніе добычи, а также христіанское братство. Эта связь крѣпче и ея не разорвать, хотя бы, по неискуству, потомъ и пришлось поработать Татарамъ. И точно: слава Татаръ погибла, а Русь устояла. Да и какъ не стоять за одно тѣмъ, кого вмѣстѣ вскормила матушка-земля, связалъ вмѣстѣ честный сельскій трудъ? Ну, дѣло, извѣстно, сдѣлалось не вдругъ: было и много розни отъ неразумія; удаль тоже иной разъ высказывалась безпутно, какъ у Василія Буслаева; да наука не легко дается человѣку.

Вотъ, еще-бы сказать о наукѣ. Въ богатыряхъ нашихъ народъ много славитъ тѣлесную силу, крѣпость руки: подымаютъ они палицу въ 90 пудовъ, бьютъ враговъ разомъ по тысячамъ. Придумано это для того, что, какъ видно, нужно было много тѣлесной силы, а нужно

ея было много потому, что искуства было мало. Вотъ, когда пошли въ ходъ ружья да пушки,—и такіе богатыри исчезли. Съ широкою удалью въ богатыряхъ видимъ и гордость; знаютъ они свою честь, никому не дадутъ себя въ обиду, тутъ братъ стоитъ за брата. Это хорошо, да, слишкомъ хвастая своей удалью, человѣкъ иной разъ тратитъ много силы безъ пользы—такъ, чтобы потѣшить свое молодецкое сердце, иной разъ и совсѣмъ сгинетъ ни за копѣйку; бываетъ тоже, пойдетъ и на лихія дѣла, —вѣдь ему все простятъ: быль молодцу не укора. Это ужъ и совсѣмъ не ладно. А отчего сила тратится напрасно? Опять отъ того, что не знаютъ, куда дѣвать ее, на что употребить, отъ того, что не далась наука. Богатыри борятся также со всякимъ чародѣйствомъ; тутъ разумѣй зло, какое на каждомъ шагу встрѣчаешь въ природѣ: тяжелая болѣзнь, моръ, бури, наводненія, дикіе звѣри, съ какими трудно управиться, и проч. Коли человѣкъ не образованъ, не знаетъ, какъ помочь себѣ или хоть понять, въ чемъ тутъ зло, онъ ужъ вовсе падаетъ духомъ, всего боится; отъ страху онъ и готовъ вѣрить во всякія чудеса, считаетъ все колдовствомъ и колдовствомъ же думаетъ избѣжать напасти. У богатырей нашихъ противъ такихъ страховъ—все таже молодецкая удаль: не вѣритъ онъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, смѣло идетъ на опасное дѣло, слѣдуя пословицѣ: „двухъ смертей не бывать, а одной не миновать“. Да одной отваги тутъ мало: вѣдь лучшѐ знать, въ чемъ настоящая опасность, не думая о пустыхъ снахъ и грезахъ. Вотъ, какъ науки-то нѣтъ, нашихъ богатырей подъ часъ и одолѣваютъ эти небывалыя чародѣйскія силы.

Пересказали мы хоть не все, а многое, что есть въ нашихъ былинахъ. А въ нихъ выведены и богатырскія

женщины; нужно и объ нихъ сказать слово. Въ стародавнее время и женщины не уступали богатырямъ: ради молодецкой удали, выѣзжали на конѣ въ поле, мѣтче иныхъ богатырей стрѣляли изъ лука, боролись съ ними и выходили за мужъ за того, кто поборетъ ихъ въ бою въ чистомъ полѣ. Такъ Дунай и Добрыня добыли себѣ женъ. Да умѣли-же они и стоять за свою семью, мстить за обиду мужей своихъ, потому что дѣло понятное,—сошлись полюбовно, не по приказу: нужно и помогать другъ другу. Боярина Ставра князь Владиміръ заперъ за похвальбу въ погребъ. Жена его, Василиса Микулишна, сѣдлаетъ вороного коня, одѣваетъ латы, беретъ мечь, копье, лукъ, и ѣдетъ въ Кіевъ. Тутъ объявляетъ она себя царевичемъ Васильемъ Микульевичемъ, одолѣваетъ всѣхъ борцевъ Владиміра и сватается, хочетъ жениться на любимой дочери князя, Забавѣ. Какъ отказать такому молодцу? Да на свадьбѣ некому играть въ гусли: Ставръ гораздъ играть, нужно освободить его. Какъ привели Ставра, взяла она его за руку, вышла съ нимъ на дворъ, сѣла на коня, да и поминай, какъ звали. А вотъ была другая Василиса, жена Данилы. Позарился на нее Владиміръ и задумалъ извести ея мужа. Какъ погибъ Данилушка, одѣла она подвѣнечное платье и проситъ Владиміра: „Дай только проститься съ милымъ дружкомъ, а потомъ твоей буду“. Взяла она булатный ножъ и пришла туда, гдѣ дѣлали Данилѣ гробницу. „Ой вы плотники мастера! молвила она: дѣлайте гробницу просторную, чтобы костямъ его было поворотиться; его кости богатырскія“. Поклонилась она Данилѣ и сказала бывшимъ тутъ богатырямъ: „Вы подите, скажите князю Владиміру, что бы не далъ намъ валяться по чисту полю съ милымъ дружкомъ“. Тутъ Василисушка распорола свои бѣлыя

груди булатнымъ ножемъ и закрылись ея ясныя очи. Не съ такою любовью народъ смотритъ на женщину, воспитанную взаперти, въ теремѣ, что „сидитъ за тридевятью замками, за тридевятью ключами, чтобы вѣтеръ на нее не завѣялъ и солнце не запекло, чтобы и добры молодцы не завидѣли". Такова Апраксія, дочь короля литовскаго. Ставъ свободной, она часто измѣняетъ своему мужу, князю Владиміру. Прельстилась она богатыремъ Потокомъ, да тотъ не хочетъ глядѣть на нее: она изъ злобы подложила ему въ сумку золотую чашу, да потомъ обвинила его въ кражѣ. Старинная грубость и необразованность оставила свои слѣды и на женщинѣ: тутъ все, что было въ ней дурнаго, приписывали чародѣйству, и отъ этаго предразсудка она много страдала.

II. Историческія пѣсни.

Былевая пѣсня даетъ намъ знать о многомъ, что бывало встарину на Руси, не указывая прямо на какое-нибудь одно извѣстное событіе. Вотъ, хоть бы борьба Ильи съ великаномъ Идолищемъ. При Владимірѣ I, на Русь приходили Печенѣги и высылали своихъ бойцевъ на кіевскихъ удальцевъ, потомъ Владиміру Мономаху приходилось драться съ Половцами, наконецъ Русь заполонили Татары. Когожъ тутъ разумѣть подъ Идолищемъ? Былина вспоминаетъ о Татарахъ, да Татаръ при Владимірѣ еще на Руси не знали. Выходитъ, что Идолище какой ни на есть азіатскій богатырь, грозившій Кіеву раззореніемъ, также какъ Владиміръ напоминаетъ многихъ старинныхъ князей, что иной разъ дружили, а иной разъ и не ладили съ народомъ. Другое дѣло, когда пѣснь ясно говоритъ объ однихъ Татарахъ, такъ что ужъ тутъ никакъ нельзя разумѣть ни Печенѣговъ, ни По-

ловцевъ, ни Литву, ни какого другаго народа. Въ прежнее время, когда бывало, что самую Москву грабили и раззоряли Татары, тороватая няня такъ распѣвала надъ колыбелью ребенка: „Спи, усни, мое дитятко! покуль гроза пройдетъ, покуль бѣда минетъ. Гроза пройдетъ страшная, бѣда минетъ наносная. Спи, усни, мое дитятко! Твоя матушка поляночка (плѣнница), твой батюшка поляночекъ (въ плѣну). Злые Татарове набѣгали, домы, теремы сожигали, старыхъ стариковъ убивали, молодыхъ въ полонъ полонили, животы (имѣніе) по себѣ дѣлили. Разлучили тебя, дитятко! со родимой ли матушкой; отогнали прочь, дитятко! твоего батюшку родимаго. Ты рости, рости, дитятко, во крѣпости и младости. Ужь у тебя ли на дворѣ стоитъ теремъ одинехонекъ безъ батюшки и матушки, безъ твоей молодой жены. Ты сѣдлай коня воронаго, ты скачи въ орду золотую, вывози батюшку роднаго на святую ли Русь; вывози матушку родиму на широкой ли дворъ, вывози молоду жену въ теремъ изукрашенный.“ Значитъ, Русь, хоть и раззоренная, всеже крѣпка была тѣмъ, что помнила свою обиду и не сносила рабства: пѣснь уже съ дѣтства твердила русскому человѣку, что ему придется много поработать, отстаивая свой домъ, всѣхъ родныхъ и близкихъ. Тутъ мы прямо знаемъ, о какомъ дѣлѣ идетъ рѣчь, и ничего не вымышлено, не взято изъ старинныхъ преданій о богахъ и чудовищахъ: прямой точный разсказъ о старинѣ называютъ *исторіей*,—потому и такія пѣсни слывутъ *историческими*. У насъ есть историческія пѣсни о царѣ Іоаннѣ Грозномъ, объ Ермакѣ, о царѣ Борисѣ и Скопинѣ Шуйскомъ, о Петрѣ Великомъ, да много еще пѣсенъ казацкихъ. Если въ нихъ кое-что и выставлено не такъ, какъ было на дѣлѣ, то все же происшествія, о которыхъ въ нихъ го-

ворится, были записаны и грамотѣями. Вотъ какъ разсказываютъ грамотѣи о разореніи, послѣ нашествія Батыя: „На Руси былъ тогда великій переполохъ; толпы народа бѣжали, сами не зная куда, и укрывались въ лѣсахъ; многіе въ отчаяніи бросались въ воду или сами закалывались, чтобъ не попасть въ руки враговъ. Татары разбивали младенцевъ о камень, связывали за волосы людей и гнали, какъ скотъ. Близъ городовъ нельзя было проѣхать отъ смрада многихъ гніющихъ труповъ. Князья, которые остались въ живыхъ, по немногу стали возвращаться въ города, собирать народъ, хоронить мертвыхъ, да думать думу, какъ ѣхать на поклонъ къ хану далеко въ Золотую орду, за Волгу, или въ самую Монголію (чуть не къ рѣкѣ Амуру).“ Вся Русь была обложена тяжкою данью, и платила ее Татарамъ до 250 лѣтъ (съ 1240 до 1480 года); но то же татарское иго дало случай усилиться князьямъ московскимъ. Князья московскіе лучше другихъ съумѣли угодить Татарамъ, и, собирая для нихъ дань, какъ повѣренные хана, понемногу взяли власть надъ сосѣдними княжествами, тверскимъ, рязанскимъ, и проч. Изъ этихъ князей, кромѣ Донскаго, особенно извѣстны: Іоаннъ Калита, Іоаннъ Третій и Іоаннъ Четвертый Грозный. Іоаннъ Калита сильно обогатился изъ татарской дани и покупалъ себѣ города и области; при этомъ другіе князья и другія русскія княжества терпѣли много бѣды и разоренія; зато жить въ Московской области было безопаснѣе и льготнѣе, и народъ толпами бѣжалъ сюда. Власть Москвы была признана потому, что тутъ видѣли силу для отпора Татарамъ, какъ и показалъ Дмитрій Донской, побѣдивъ ихъ на полѣ Куликовомъ. Но тогда Татары были еще сильны и опять полонили Москву; лишь при Іоаннѣ

Третьемъ они со всѣмъ ослабли во взаимныхъ ссорахъ и дракахъ и, выставивъ войско, не смѣли сразиться съ Русскими: тутъ московскій великій князь безъ битвы избавился отъ позорной дани. Іоаннъ Третій ужъ совсѣмъ присоединилъ къ Москвѣ окрестныя княжества; онъ страшно выжегъ и раззорилъ также непокорную Новгородскую область и заставилъ вольныхъ Новгородцевъ быть своими данниками и подданными. Такъ чрезъ Московскую грозу русскія земли собрались въ одну (хоть и не всѣ, многія отошли къ Литвѣ): Московское княжество стало Русью. А сойтись по доброй волѣ, устроить по любви порядокъ и союзъ не умѣли, да, можетъ, и не могли, потому что земля больно велика, народъ селился разсѣянно, дороги непроѣздныя, мало было сношеній. До Татаръ Русь раздробилась на многія княжества и всѣ больше жили особнякомъ: Черниговцы сами по себѣ, Рязанцы сами по себѣ, Суздальцы тоже отдѣльно. Тогда лучшіе люди часто горевали, что въ этой розни не было души для общаго дѣла, и князья только ссорились между собою. Народъ не терпѣлъ нужды, селился, гдѣ хотѣлъ, договариваясь съ помѣщиками о землѣ и хлѣбѣ, и управляли имъ свои-же выборные старосты, да при этихъ льготахъ мало знали покою и безопасности, потому что ссорамъ между князьями и конца не было. Такъ Татары по частямъ и завоевали раздробленную Русь. Теперь, какъ поднялась Москва, порядокъ нѣсколько измѣнился. Великій князь московскій уже сталъ могучимъ государемъ; во всѣ города посылались изъ Москвы намѣстники, воеводы, дьяки, которые и правили почти самовластно. Выборные старосты оставались по прежнему, но ужъ при воеводахъ много потеряли силы. Впрочемъ при Іоаннѣ Грозномъ въ Москвѣ давали нѣкоторымъ волостямъ за деньги пра-

во управляться безъ намѣстниковъ, чрезъ однихъ своихъ выборныхъ старостъ, потому что многіе изъ намѣстниковъ думали только о своей поживѣ, а отъ этаго былъ страшный вредъ государевой казнѣ: села пустѣли, подати не вносились. Іоаннъ Грозный, сознавая свою могучую власть, безъ пощады казнилъ бояръ, которые, происходя отъ старинныхъ князей, еще желали, чтобы по старинѣ государь ничего не начиналъ безъ совѣта съ ними. При своемъ дурномъ воспитаніи, при тогдашней общей грубости нравовъ, онъ предавался жестокимъ, буйнымъ потѣхамъ и много проливалъ крови; но и при немъ Москва дѣлала свое дѣло. Съ помощью многихъ даровитыхъ бояръ, каковы были: Михайло Воротынскій, Алексадръ Горбатый Суздальскій, Курбскій, Іоаннъ Грозный завоевалъ Казань; а потомъ легко овладѣть и Астраханью. Тутъ помогло ему и иноземное искуство: Казанская осада велась траншеями, подкопами, со стрѣльбою пушечной и ружейной. Вскорѣ съ ружьями, да пушками горсть удальцевъ-казаковъ съ атаманомъ Ермакомъ пробрались и за Уралъ, захватили городокъ Сибирь, а тамъ ужъ русскимъ людямъ было полное раздолье по указанной дорогѣ идти все дальше и дальше, до самой Камчатки и рѣки Амура. Вотъ что сталось во время Грознаго: русскіе люди не только проникли къ устьямъ Волги, въ самое гнѣздо, откуда когда-то вышли Татары поработить Русь, но и двинулись далѣе; прежде все изъ Азіи наплывали на нашу землю разные кочевые народы, а теперь обратный путь: сами русскіе крѣпко наступили на Азію. Потому народъ и сохранилъ добрую память о временахъ Грознаго, не смотря на всѣ его жестокости. Однако отъ казней, отъ раззоренія, отъ тяжелой службы, отъ голода, да и такъ, ради удали и своеволія, ради

старой привычки часто мѣнять мѣсто, ища, гдѣ лучше, множество народа убѣгало въ южныя степи за Черниговъ, на Донъ, на устье Волги и на рѣку Уралъ, чтобы жить по казацкому обычаю: ѣздить въ поле за добычей, грабя Татаръ, Турокъ, а подъ часъ и Русскихъ, живиться на счетъ богатыхъ купцовъ, которые караванами плавали вверхъ и внизъ по большимъ рѣкамъ, дуванить, дѣлить добычу по ровну, рѣшать всѣ дѣла въ кругу, по общему голосу, мало признавая власть и своего выборнаго атамана; а главное,—спасая свою волю, скрываться подальше съ глазъ Москвы, гдѣбы она не достала. Но Москва вездѣ доставала. Эти гулящіе люди много помогли расширенію Россіи: они заселили степи до Чернаго и Каспійскаго моря, они указали дорогу въ Сибирь. Московское войско уже шло слѣдомъ за ними, и тамъ, гдѣ отъ нихъ была помощь въ борьбѣ съ невѣрными, ихъ жаловали, какъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ, а гдѣ они заставляли дороги, объявляя войну московскимъ купцамъ, боярамъ, дьякамъ и воеводамъ, тамъ ихъ ловили и казнили, какъ воровъ и разбойниковъ. Послѣ Грознаго и царя Бориса настало смутное время. Гулящихъ людей, бездомовной голи стало ужъ очень много на Руси, а стало такъ отъ всякихъ неправдъ, отъ страшнаго голода, отъ общей неурядицы. Они тогда вмѣстѣ съ казаками и Поляками распоряжались въ московскихъ областяхъ, выставляли самозванцевъ, чтобы промышлять надъ Москвою. Но, объявляя себя за бѣдный народъ, они тоже жили грабежемъ и насильемъ. Мирный сельскій людъ поднялся на нихъ, какъ и противъ Поляковъ; по радѣнью Минина и Пожарскаго, составилось земское войско, Русь очищена отъ враговъ, и на престолъ избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ,

родственникъ Грознаго по первой его женѣ, Анастасіи. Прежняя сила Москвы возстановлена, а казацкая сила опять должна была уйти на окраины Россіи. Но и во вновь устроенномъ Московскомъ государствѣ держались все старыхъ обычаевъ, которые и были причиною смуты. Безъ искуства и науки народъ не можетъ богатѣть, а науку и искуство можно было призанять только отъ иноземцевъ; съ иноземцами же не хотѣли имѣть сношенія, называя ихъ еретиками. Въ необразованномъ народѣ оставалась старая грубость и жестокость. Сильный притѣснялъ слабаго, съ неправдами умножались разбои. Вотъ, Петръ Первый и сдѣлалъ доброе дѣло тѣмъ, что принудилъ русскихъ людей учиться, да придвинулъ Русь къ двумъ морямъ: сначала взялъ Азовъ, гдѣ однако не удалось утвердиться, а потомъ прибрежье Финскаго залива, гдѣ построенъ Петербургъ. Такъ мы сошлись и сблизились съ образованными народами; хоть наука и давалась намъ не легко, да всеже теперь былъ примѣръ: какъ посравнить одну жизнь съ другою, такъ лучше поймешь что есть своего хорошаго, а дурнаго защищать не будешь.

Послѣ того, что мы говорили, будетъ понятно, почему въ пѣснѣ объ Іоаннѣ Грозномъ поется:

«Какъ зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и грозный царь,
Что грозный царь — Иванъ, сударь, Васильевичъ.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань».

Пѣснь упоминаетъ и объ искуствѣ, съ какимъ взята Казань.

«Подъ Казанку подъ рѣку онъ *подкопы* подводилъ,
За Сулай за рѣку *бочки съ порохомъ* каталъ,
А *пушки и снаряды* въ чистомъ полѣ разставлялъ».

Тогда такое искуство было внове; иноземные мастера наставляли насъ, какъ подводить подкопы, разумѣется, не подъ рѣку, а подъ стѣны города, чтобы взорвать ихъ и потомъ идти на приступъ: подъ Казанью положено было 48 бочекъ пороху. Пѣснь пересказываетъ, будто царь велѣлъ выставить двѣ восковыя свѣчки: одну въ подкопъ, другую въ чистомъ полѣ, а стѣнъ все еще не взорвало: тогда воспалился Иванъ Васильевичъ и сталъ казнить пушкарей, подкопщиковъ и зажигальщиковъ: онъ уже заподозрилъ ихъ въ измѣнѣ. Но тутъ поотважился молодой пушкарь: „Прикажи, государь, слово вымолвить; не вели ты насъ, пушкарей, казнить: на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе, а въ землѣ-то идетъ тише“. Призадумался Иванъ Васильевичъ, — какъ тутъ догорѣла свѣча въ подкопѣ, принимались бочки съ чернымъ порохомъ, подымало землю, разбросало бѣлокаменныя палаты. Казань взята — и съ тѣхъ поръ основалось, то есть, утвердилось Московское царство. Въ пѣснѣ вѣрно представлено, что вся сила Москвы держалась на этой славѣ, какая пошла о ней послѣ побѣды надъ Татарами. Вѣрно подмѣченъ и характеръ грознаго царя, и то, какъ понемногу стали мы знакомиться съ иноземною наукой: въ былинахъ еще не говорится ни о пушкаряхъ, ни о порохѣ, а все стрѣлы да палицы. Въ другихъ пѣсняхъ разсказано еще о свадьбѣ Грознаго, о томъ, какъ подозрительный царь велитъ казнить своего сына, но осужденнаго спасаетъ бояринъ Никита Романычъ. Этотъ бояринъ былъ братъ царицы Анастасіи и, по народнымъ преданіямъ, отличался большою добротою. Избирая впослѣдствіи новаго царя, народъ вспомнилъ о его внукѣ, Михаилѣ. Въ пѣсняхъ о временахъ Грознаго видное мѣсто занимаютъ и преданія о Ермакѣ. Ермакъ съ Донскими казакаки и разными гуля-

щими людьми грабилъ на Волгѣ, разбивалъ купеческіе караваны, шедшіе къ намъ изъ Персіи и Бухаріи. Тутъ ему не посчастливилось: царскіе воеводы разсѣяли его шайку. Собравъ вновь своихъ удальцевъ, онъ пошелъ на службу къ купцамъ Строгановымъ, которые держали соляныя варницы близь Уральскихъ горъ и принимали всякій народъ для защиты отъ сосѣднихъ кочевниковъ. Строгановы дали Ермаку пушки, онъ вооружилъ до 800 человѣкъ и пошелъ съ ними за каменныя горы на Сибирское царство, прогналъ хана Кучума, завладѣлъ на Иртышѣ его городкомъ Сибирью, и тогда принесъ царю повинную голову. Царь принялъ милостиво казака, посланнаго отъ Ермака, и скоро Русскіе утвердились въ Сибири. Вотъ пѣснь и разсказываетъ, какъ люди вольные, Ермакъ Тимоѳеевичъ съ товарищами, еще на Волгѣ, думаютъ думу крѣпкую: „Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое, а зима настаетъ, братцы, холодная; какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ? На Яикъ (на Уралъ) намъ идти, да переходъ великъ; да на Волгѣ намъ ходить, все ворами слыть; подъ Казань-градъ идти да тамъ царь стоитъ, какъ грозный-то царь Иванъ Васильевичъ; у него тамъ силы много множество. Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену, а намъ казакамъ быть переловленнымъ, да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ.“ Собравшись во единый кругъ, долго толковали казаки, и атаманъ рѣшаетъ дѣло! Перейдемте мы, братцы, горы крутыя, доберемся мы до царства бусурманскаго, завоюемъ мы царство Сибирское, а царя то Кучума во полонъ возьмемъ, и за то государь-царь насъ пожалуетъ. Ой ты гой еси, надежа-православный царь! не вели меня казнить, вели рѣчь говорить: какъ и я то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ, гулялъ я по синю морю Хвалынскому (Каспійскому), раз-

бивалъ то я бусы, корабли, какъ и тѣ-то корабли все не орленые (не царскіе).“...

Ермакъ все-таки былъ слугою Москвы; но другіе казаки вскорѣ, вмѣстѣ съ самозванцемъ Дмитріемъ (по народному преданію, растрига Гришка Отрепьевъ), пошли воевать Москву, при царѣ Борисѣ, правившемъ послѣ Іоанна Грознаго и сына его, Ѳедора. Борисъ скоропостижно умеръ, и самозванецъ, съ помощью народа, который былъ недоволенъ прежнимъ правленіемъ, легко овладѣлъ Москвою. Борисову семью постигла злая участь: сынъ его убитъ; дочь царя, прекрасная, молодая Ксенія насильно пострижена въ монахини. Не вспоминая добромъ о Борисѣ, который, по своей крайней подозрительности и своекорыстію, не могъ заслужить любви, народъ съ грустнымъ участіемъ смотрѣлъ на судьбу его дочери, бѣдной Ксеніи. Послѣ того, какъ самозванецъ погибъ, о ней на Москвѣ сложилась пѣснь, гдѣ ее сравниваютъ съ перепелочкой, у которой раззорили гнѣздышко, побили малыхъ дѣтокъ: „Охти мнѣ, молодой горевати! что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ, ино Гриша Отрепьевъ растрига, что хочетъ меня полонити, а, полонивъ меня, хочетъ постричи. Ино мнѣ постричься не хочется, чернеческаго чину не сдержати; отворити будетъ темную келью, на добрыхъ молодцовъ посмотрѣти! Ино, охъ милые наши переходы (галлереи)! а кому будетъ по васъ да ходити, послѣ царскаго нашего житья, послѣ Бориса Годунова? Ахъ, милые наши терема! а кому будетъ въ васъ да сѣдѣти, послѣ царскаго нашего житья, послѣ Бориса Годунова?“ Первый самозванецъ, объявившій себя сыномъ Грознаго, Дмитріемъ, былъ человѣкъ умный, удалой, прямодушный; какія при немъ были жестокости, шло не столько отъ него, сколько отъ лицъ, его окружавшихъ;

народъ любилъ его, только въ Москвѣ смущались тѣмъ, что онъ дружитъ Полякамъ, да не соблюдаетъ старыхъ обычаевъ, живетъ больше по иноземному. Этимъ воспользовался хитрый бояринъ, Василій Шуйскій, поднялъ противъ него толпу сидѣльцевъ, купцовъ и другихъ своихъ приверженцевъ, нежданно напалъ на Кремль, и довѣрчивый Дмитрій, который не хотѣлъ и слышать объ измѣнѣ, былъ убитъ, а Шуйскій овладѣлъ престоломъ. Василій Шуйскій, пронырливый, разсчетливый старикъ, имѣлъ силу только въ Москвѣ; въ областяхъ признавали его царемъ не охотно, и смута все только усиливалась. За то народъ полюбилъ его племянника, Скопина Шуйскаго, и прочилъ ему престолъ послѣ дяди. Скопинъ, призвавъ на помощь Шведовъ (5000 подъ начальствомъ Делагарди), разбилъ и Поляковъ и людей втораго самозванца, Тушинскаго вора, съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву, да вотъ на пиру у Воротынскаго вдругъ заболѣлъ и умеръ: пошли толки, что завистливый дядя, вмѣстѣ съ другимъ дядею, братомъ Василія, нарочно его отравили. Вскорѣ Василій Шуйскій былъ сведенъ возставшимъ народомъ съ престола и заключенъ въ монастырь. Въ пѣсняхъ такъ вспоминаютъ о Скопинѣ Шуйскомъ: „Кругомъ сильнаго царства Московскаго со всѣхъ сторонъ облегла Литва, а съ нею многіе народы: нельзя было ни пройти, ни проѣхать ни конному, ни пѣшему, ни соколомъ вонъ вылетѣти. А Скопинъ Михайло Васильевичь, *правитель* царству Московскому, *оберегатель* міру крещеному, какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ, какъ бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ.“ Пріѣзжалъ Скопинъ въ Новгородъ, писалъ ярлыки скорописчаты въ Свицкую землю (въ Шведскую) заморскую—отъ мудрости слово поставлено: „А и гой еси, названый братъ, ты

Свицкій король Карлуѣъ! смилуйся, смилосердуйся, дай мнѣ силы на помогу". Король послушалъ просьбу братца названаго, далъ ему силы. У Скопина думушки прибыло, ранымъ рано отслужилъ заутреню, самъ въ походъ пошелъ, подымалъ знамя царское, а на знамени Спасъ со Пречистою. Въ какую сторону ни шелъ онъ походомъ, вездѣ рубилъ враговъ; очистилъ онъ царство Московское. Тогда на великихъ радостяхъ служили обѣдни съ молебнами, да пошелъ пиръ во весь православный міръ. А случись тутъ, въ славной каменной Москвѣ, у князя Воротынскаго крестили младаго княжевича; Скопинъ былъ кумомъ, а кумою дочь злодѣя Малюты Скурлатова. Будетъ пиръ въ полупирѣ, всѣ пьяненьки тутъ расхвастались, а Скопинъ князь не пилъ зелена вина, пилъ только пиво и сладкій медъ, не съ большаго хмѣлю хвастается: „Ахъ вы, глупый народъ неразумный! похваляетесь вы бездѣлицей; а я, Скопинъ князь, могу смѣло похвалятися, что очистилъ царство Московское! еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку". Тутъ боярамъ за бѣду стало, сдѣлали они дѣло: подсыпали зелья лютаго въ стаканъ меду сладкаго, подавали кумѣ крестовой, Малютиной дочери, подносила она князю Михайлѣ Васильевичу. Скопинъ выпилъ и почуялъ плохо, сказалъ онъ кумѣ таково слово: „Заэнаючи ты мнѣ подала стаканъ съ зельемъ; съѣла ты меня, змѣя подколодная!" Въ другой пѣсни представлено, какъ всѣ, исключая бояръ, горевали о Скопинѣ: „Расплакались гости Москвичи: теперь наши головы загибли, не стало у насъ воеводы. А супротивъ имъ съѣзжались бояре, толковали, да только усмѣхались. Высоко соколъ поднялся, о мать-сыру землю ушибся. Расплакались Свецкіе Нѣмцы, что не стало у насъ воеводы, побѣжали они въ Новгородъ, заперлися тамъ и многій міръ-народъ по-

губили“. Смута, какъ мы знаемъ, прекратилась только съ воцаренiемъ Михаила Θедоровича Романова, избраннаго по общему согласiю всей земли русской. Но и тутъ установить порядокъ было не легко; Русь не много отдохнула и при сынѣ его, Алексѣѣ Михайловичѣ. Поляки, правда, уже не грозили Россiи, малороссiйскiе казаки отдались въ покровительство царя; на Москвѣ стали болѣе прежняго думать о грамотѣ, завели ученую школу. такую же, какiя были на Литвѣ, стали печатать книги. Но прямой науки все еще не было, хоть многiе изъ бояръ и перенимали обычаи иноземцевъ. Татарское иго хоть и давно было забыто, да отъ Татаръ осталось у насъ много дурнаго, дикаго въ нравахъ. Для мирнаго труда нужна безопасность, а мы знаемъ, сколько раззоренiй терпѣла Русь: избавились отъ Татаръ, нахлынула Литва. Вотъ, люди и привыкли мало цѣнить трудъ, а каждый думалъ, какъ бы скорѣе обогатиться на счетъ другаго. Ограбить кого нибудь считалось даже удалью. Для борьбы съ врагами Москва все болѣе нуждалась и въ людяхъ и въ деньгахъ, а служилые люди и крестьяне терпѣли крайнюю нужду, если не жили за какимъ нибудь очень богатымъ и милостивымъ бояриномъ. До государя постоянно доходили жалобы, что житья не стало отъ воеводъ, что разбѣгутся врозь, если не будетъ управы. Царь жестоко наказывалъ злыхъ воеводъ и дьяковъ, да на мѣсто однихъ являлись другiе. Вотъ, въ этой неурядицѣ, гулящiе казаки и всякая голь съ атаманомъ Стенькою Разиномъ снова подняли смуту: стали они грабить богатыхъ людей, убивать помѣщиковъ. На Волгѣ у Стеньки собралось цѣлое войско; взялъ онъ Астрахань, Царицынъ, Саратовъ, Самару, вездѣ подымая черный народъ на бояръ и приказныхъ, да не устоялъ противъ обу-

ченой царской рати, принужденъ бѣжать на Донъ, и здѣсь выданъ казаками, не участвовавшими въ смутѣ. Тутъ бунтовала голутвенная вольница, а скоро вслѣдъ за нею мутятъ Москву стрѣльцы съ раскольниками. Вотъ какія были дѣла передъ воцареніемъ Петра Перваго. Онъ рѣшилъ, что рано ли, поздно ли, а можно помочь злу только наукой, и рѣшилъ вѣрно. Память о Петрѣ не могла не остаться въ народѣ. О самомъ его рожденіи вспоминаютъ въ пѣсняхъ: „А что свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ, благовѣрный царь Алексѣй Михайловичъ? Народилъ ему Богъ сына царевича, Петра Алексѣевича, перваго императора по землѣ. Всѣ то русскіе плотники-мастера во всю ноченьку не спали, колыбель, люльку дѣлали младому царевичу, а и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки во всю ноченьку не спали, одѣялице вышивали по бѣлу рыту бархату краснымъ золотомъ; бояре тюрьмы съ покаянными распущали, да всѣ царскіе погреба растворяли“. Петръ задумалъ поставить Русь на равнѣ съ другими сильными государствами; для силы нужно было, чтобъ всѣ богатства, какія есть въ землѣ, не лежали даромъ; нужны были промыслы, фабрики, торговля. Безъ знанія тутъ ничего не подѣлаешь; сколько, напримѣръ, у насъ своего желѣза на Уралѣ, а до Петра у насъ привозили желѣзо отъ Шведовъ, своего добывать не умѣли. Значитъ, даромъ тратили казну, когда бы могли еще получать деньги за свое желѣзо. Такъ и во всемъ: ни своихъ пушкарей, ни лекарей, ни другихъ мастеровъ у насъ не было; за все въ три дорога платили иноземцамъ. Для торговли, для науки, для сношеній съ иноземцами нужно было завести флотъ, а какъ завести, когда и моря своего не было. Издавна ѣздили къ намъ иноземцы къ Архангельску, чрезъ Ледовитый

океанъ, да то дальній путь, опасный — и зимы тамъ долгія: приходилось ѣздить короткое время. Значитъ, прежде нужно было завоевать море, а для этаго устроить хорошее войско, потому что на югѣ Черное море находилось въ рукахъ Турокъ, народа, въ то время еще очень сильнаго, а на западѣ — Балтійскимъ моремъ владѣли Шведы, народъ храбрый и самый искусный на войнѣ. Вотъ, Петръ и обратилъ всѣ силы на то, чтобы устроить хорошее войско, да завести флотъ. Самъ онъ работалъ неутомимо и отъ другихъ требовалъ всякой службы... что дѣлать? служба была тяжелая, подневольная, да за все, что теперь у насъ есть хорошаго, надо сказать спасибо народу, который тогда со своимъ царемъ работалъ. Прежде всего долго трудились, чтобы завоевать Азовъ — и завоевали. Тутъ въ первый разъ отличилось новое войско, устроенное царемъ на иноземный ладъ, и казаки со своимъ атаманомъ, Фроловымъ. Пѣснь о взятіи Азова начинается такъ: „Ахъ, бѣдныя головушки солдатскія! какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ! что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ, со полуночи солдаты ружья чистили, ко бѣлу свѣту во строю стоятъ". Тутъ православный царь сказалъ князьямъ и боярамъ: „Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте, еще какъ намъ Азовъ городъ взять!" Князья и бояре промолчали; царь прослезился и говоритъ: „Ахъ вы гой еси солдаты и драгуны! вы придумайте, какъ Азовъ городъ взять?" Какъ не ярыя пчелушки зашумѣли, что возговорятъ солдаты и драгуны: „Взятьли намъ не взятьли бѣлой грудью!" На восходѣ красна солнышка пошли они на приступъ подъ бѣлокаменныя стѣны, подъ высокія раскаты. Что не съ горъ бѣлы камни покатились, покатились со стѣнъ непріятели; не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися, забѣлѣ-

лись бѣлы груди бусурманскія; ахъ! не съ дождика ручьи разливалися, разливалась тутъ кровь нечестивая". Тутъ народъ ревниво отстаиваетъ свою долю въ тяжелыхъ трудахъ царя; но Петръ умѣлъ избирать и искустныхъ воеводъ, которые дѣлали свое дѣло. Такъ самыя народныя пѣсни нерѣдко упоминаютъ о Шереметьевѣ. Близь Азова, въ Крыму, стояли данники Турокъ, Татары; приходилось еще одолѣть ихъ, да бороться съ Турками. Царя же болѣе манили берега Невы съ финскимъ заливомъ: тутъ было удобнѣе сноситься моремъ съ иноземцами. Петръ сначала овладѣлъ Орѣшкомъ и назвалъ его Шлиссельбургомъ (Шлюшенъ), а потомъ и тѣми мѣстами, гдѣ построенъ Петербургъ. Въ одной пѣсни разсказано, какъ подъ Орѣшкомъ Борисъ Петровичь Шереметьевъ посылалъ въ объѣздъ Донскихъ казаковъ и скрали они шведскіе караулы, да полонили майора; государь велитъ боярину допросить майора „тихонько, помаленьку", сколько силы въ Орѣшкѣ. Майоръ и разсказываетъ: „съ генераломъ силы сорокъ тысячей, съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ". Борисъ Петровичь и повѣрилъ; но царь научаетъ его не кормить майора двое сутокъ. Борисъ Петровичь на то-то больно догадливъ: майору не давалъ ѣсть, а потомъ поднесъ винца — и тотъ признался, что и съ королемъ и съ генераломъ всего силы только семь тысячей. Тутъ государь возвеселился. Пѣснь прославляетъ еще Шереметьева за побѣду надъ Шлиппенбахомъ, когда „не двѣ грозныя тучи на небѣ восходили, сражались два войска большія, московское со шведскимъ". Послѣ трудной борьбы съ врагами, народу былъ тяжелый трудъ строить корабли подъ присмотромъ иноземныхъ мастеровъ — и въ немногіе годы появился у царя сильный флотъ, сначала подъ Азовомъ,

потомъ и на Балтійскомъ морѣ. Въ одной изъ пѣсенъ говорится и о царскомъ флотѣ. „Ахъ по морю, морю синему, что плывутъ тутъ, выплываютъ тридцать кораблей, что одинъ корабль, братцы, напередъ бѣжитъ, впереди бѣжитъ корабль, какъ соколъ летитъ. На рулю сидитъ батюшка православный царь. Что не золотая трубушка вострубила, да что возговоритъ нашъ батюшка православный царь: „Ахъ, вы гой еси матросы легкіе, вы мечитеся на мачты корабельныя, вы смотрите во трубочки подзорныя, что далеколи до Стекольнова? (до Стокгольма, главнаго города Швеціи?)“ А Шведскій король сидитъ за браннымъ столомъ, угощаютъ его два невольничка съ Дону, да королю не хочется пить, ѣсть, — гульба, прохлада на умъ нейдетъ. Привидѣлся ему некорыстный сонъ: привидѣлась крутая гора, на горѣ частъ ракитовъ кустъ, на кусту тепло гнѣздышко соколиное. Король проситъ невольничковъ разгадать сонъ, и они отвѣчаютъ: „Крута гора — наша Россіюшка, ракитовъ кустикъ — наша каменна Москва, а гнѣздышко соколиное — Россійская арміюшка“. Много работалъ народъ, по зову и приказу царя, строилъ не только флотъ, строилъ и городъ Питеръ на болотѣ, — тутъ рубили лѣсъ, подымали землю, чтобы не затопляло съ моря. Изъ другихъ работъ о рытьѣ Ладожскаго канала (чтобъ обходить бурное Ладожское озеро) въ пѣснѣ говорится такъ: „По утру то было ранымъ рано, что не гуси, братцы, и не лебеди со лузей, озеръ подымалися, добрые молодцы, люди вольные подымалися, все бурлаки понизовые на канавушку на Ладожску на работушку государеву; провожаютъ ихъ, добрыхъ молодцевъ, отцы, матери, молоды жены и со малыми со дѣтками“. Для русской славы, для безопасности отъ враговъ, для образованія, для промысловъ и торговли стоило потрудиться; Петръ гордился

тѣми мозолями, какія были у него на рукахъ отъ постоянной работы, потому что, показывая примѣръ другимъ, самъ онъ рубилъ, стругалъ, билъ молотомъ, при строеніи кораблей. Царю было тѣмъ труднѣе, что отъ старой неправды дѣло шло не споро: на кого царь клалъ всю надежду, тѣ, смотришь, брали посулы, укрывали богачей отъ службы, а всѣ повинности взваливали на бѣдныхъ, что не могли откупиться; случалось, что отъ этихъ утѣсненій служилые люди разбѣгались, работа останавливалась. Въ пѣсняхъ часто поется, какъ доброму молодцу тяжело было разставаться съ родимой сторонушкой: не жалѣлъ онъ, идучи въ солдаты, своихъ черныхъ кудрей, что въ три ряда завивалися, въ четвертый по плечамъ лежали,—жалѣлъ отца съ матерью, молоду жену съ сиротами, ребятами. Надо однако сказать и то, что, по старой нашей лѣни и безпечности, русскому человѣку подчасъ пріятнѣе было терпѣть всякую нужду, чѣмъ усильнымъ трудомъ улучшить свой бытъ: „проживемъ, дескать, и такъ! съ насъ довольно... а то тяни лямку— ничего, что обросъ грязью, за то душа спокойна". Но Петръ не давалъ никому покою: и каждый дворянинъ долженъ былъ у него служить наравнѣ съ другими, безъ чего не имѣлъ даже права жениться. Такая усильная служба нужна была въ то время, потому что людей было мало. Какъ много работали и бояре, тоже узнаемъ изъ пѣсней. Бояринъ Шереметьевъ, одинъ изъ самыхъ способныхъ, вездѣ нуженъ былъ царю, и государь всюду его посылаетъ. Ѣдетъ онъ въ походъ, а самому моркотно, пишетъ съ дороги: „Батюшка царь! хилъ я, больно хворъ сталъ... еле двигаюсь, да и людишекъ у меня мало, не управлюсь съ врагами".—„Иди, отвѣчаетъ царь, нечего нѣжничать, льготы не будетъ". Идетъ бояринъ и

одолѣваетъ всѣхъ враговъ. Отъ царя награда. Бояринъ на радостяхъ пишетъ: „Ужъ теперь не буду хворать; пойду, куда угодно“. Эту черту даровитаго боярина отмѣтила и пѣснь: „Въ Успенскій соборъ съѣзжались князья, бояре, усердно молились,—что одинъ бояринъ не молился, генералъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ. По частешеньку вонъ изъ церкви онъ выступаетъ, къ бѣлой каменной оградѣ припадаетъ, горючими слезами обливался, миткалевымъ онъ платочкомъ утирался. Ужъ тошно мнѣ боярину тошнехонько, никогда то мнѣ таково тошно не бывало! Что болитъ, болитъ у боярина головка, щемитъ, щемитъ ретивое сердечко, что сказана боярину царска служба, указанъ путь, широка дорожка, подъ славный подъ городъ подъ Полтаву“.

Какъ бы то ни было, Петръ достигъ своей цѣли; русской силѣ стали дивиться всѣ иноземныя державы, а какъ это сталось? Вѣдь Русь ужъ до Петра была истомлена, истощена всякими смутами? Справедливо; да русскій человѣкъ крѣпъ и въ смутахъ; силы-удачи было въ немъ много, да сила эта больше тратилась безъ пользы. Пѣсни разсказываютъ, съ какимъ мужествомъ умирали стрѣльцы, которые передъ тѣмъ, въ правленіе Софіи, сестры Петра, привыкли къ своеволію и теперь подвергались жестокимъ казнямъ за то, что не хотѣли нести службы царской, что шли противъ всѣхъ нововведеній царя. Многіе тутъ сами искали гибели, думая, что спасаютъ душу, когда стоятъ за бороду, за старое платье, да кричатъ противъ иноземной науки. Вотъ, ведутъ на Красную площадь казнить большаго боярина, атамана стрѣлецкаго. „Онъ идетъ ли молодецъ — не оступается, что быстро на всѣхъ людей озирается, что и тутъ царю не покоряется“. Не смотритъ онъ на рыданья отца-ма-

тери, не сжалится надъ молодой женой, о дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ. Такое упорство, раздражавшее вспыльчиваго Петра, вело все къ новымъ казнямъ: прежняя московская гроза, какую мы видѣли въ Іоаннѣ Третьемъ и въ Грозномъ, повторялась и при водвореніи науки. Самъ Петръ тутъ держался старины; но наука, имъ введенная, должна была понемногу смягчить нравы. Милость понемногу стала выступать объ руку съ неумолимымъ закономъ, и Екатерина Вторая, жившая сорокъ лѣтъ послѣ Петра, уже говорила: „Лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ казнить одного невиннаго“.

Удалую русскую силу во всемъ, что было въ ней хорошаго и дурнаго, живо рисуютъ намъ казацкія пѣсни. Казаки еще во время Іоанна Третьяго, являлись на Украйнѣ и на Днѣпру, въ Запорожьи. Малороссійкіе казаки (въ нынѣшней Черниговской, Полтавской и Кіевской губерніи) занимались земледѣліемъ; запорожскіе (запорожская сѣчь на островахъ, за Днѣпровскими порогами) жили одной добычею, нападая на Татаръ, на Турокъ, на Поляковъ. Сюда сходились удальцы со всѣхъ сторонъ, но большинство ихъ были русскіе люди, — и всѣ исповѣдывали православную вѣру. Казаки издавна отстаивали право принимать у себя всякаго бѣглеца; собирались въ общій кругъ, гдѣ выбирали себѣ атамана, полковниковъ и всѣ власти; всѣ важныя дѣла рѣшали также въ кругу, на вѣчѣ. Живя среди широкихъ степей, у большой рѣки, Днѣпра, выходящей въ Черное море, они прославились своими удалыми дѣлами и на сушѣ и на морѣ. Отъ малороссійскихъ пѣсенъ вѣетъ степью и широкою удалью. Вотъ, казакъ отсталъ отъ товарищей въ походѣ. Истомленный отъ безхлѣбья и безводья, ложится онъ на курганѣ. Тогда сизые орлы налетѣли, зор-

ко заглядывали казаку въ очи. „Орлы сизоперые, милые мои гости! молвилъ казакъ: налетайте, вырывайте изо лба у меня очи, когда ужъ не буду больше видѣть Божьяго свѣта“. Вотъ, погибъ любимый гетманъ въ битвѣ съ Турками. Тогда съ низу Днѣпра потянулись тучи, стаи вороновъ налетали, слались туманы по Украйнѣ; вся Украйна тосковала, оплакивая своего гетмана. Завывали буйные вѣтры, кречеты, орлы кричали... гдѣ же схоронили вы нашего гетмана? — Въ глубокой могилѣ, на турецкой границѣ. Шли удальцы по Черному морю; и тутъ, сидя на бѣломъ камнѣ, жалобно кричитъ ясный соколъ, что всѣ звѣзды въ небѣ померкли, мѣсяцъ укрылся въ тучи, а буйный вѣтеръ повѣваетъ, встаютъ сердитыя волны, разбиваетъ казацкія суда. Не смотря на всѣ такія напасти, казаку не сидѣлось дома: онъ пренебрегалъ и лучшимъ дѣломъ, сельскимъ трудомъ, чтобы тѣшить свою удаль. Пусть у него есть и выкормленные волы, и вороные отцовскіе кони: могъ бы себѣ хорошо поживать дома, зазывая казаковъ на хлѣбъ-соль. Онъ все-таки говоритъ матери: „Что мнѣ до того, что казаки будутъ чевствовать меня за хлѣбъ-соль? а сами посмѣются подъ хмѣлькомъ, назовутъ меня гречкосѣемъ, сиднемъ! Что за честь таскаться по пашнѣ, грязнить желтые чеботы, пылить дорогое платье! Мнѣ хочется, матушка, погулять въ полѣ, поискать рыцарской славы“. Искать рыцарской славы казакамъ приходилось и не по своей волѣ: со всѣхъ сторонъ стѣсняли ихъ Татары, Турки, Литва. Но при этомъ горемычная семья вѣкъ оставалась одинокой: жалобы матери, сестры, жены часто слышатся въ пѣсняхъ. „Братчику милый, голубонько сизый! говоритъ сестра: приди съ чужой стороны, посѣти меня въ горѣ“.—Родненькая сестрица! отвѣчаетъ братъ: какъ

мнѣ навѣстить тебя изъ-за темныхъ лѣсовъ, изъ-за дальнихъ степей, изъ-за быстрыхъ водъ". Но въ малороссійскомъ удальцѣ, и при этой буйной жизни, всетаки не глохли добрыя, мягкія чувства. Вотъ, закручинился онъ, какъ яворъ надъ водою. „Не радъ бы яворъ клониться — вода корни моетъ; не радъ бы казакъ кручиниться, да сердечко ноетъ. Ой, поѣхалъ онъ въ Московщину, да тамъ и загинулъ! А передъ смертью приказалъ, чтобъ насыпали высокую могилу, чтобы въ головкахъ посадили калину: будутъ пташки прилетать, калиночку ѣсть, будутъ приносить отъ родимыхъ вѣсти!" Пѣсни малороссійскія прославляютъ многихъ удалыхъ гетмановъ, каковы: Морозенко, Наливайко, Нечай, Богданъ Хмѣльницкій. Много приходилось имъ пострадать за родную Украйну. Такъ Морозенко взятъ въ плѣнъ Турками. Гордо выѣхалъ онъ на своемъ сивомъ конѣ впереди удалаго войска; гдѣ проѣхалъ, тамъ протекла кровавая рѣчка. Да въ шанцахъ за Лиманомъ Турки взяли Морозенко, посадили на желтомъ песочку, сняли кровавую сорочку (содрали кожу). Враги сильны, ихъ такъ много, и казакъ, выступая въ походъ, не рѣдко думаетъ, гадаетъ: „А что какъ наше казачество Ляхи спалятъ, какъ въ аду, да изъ нашихъ костей пиръ себѣ заварятъ! а что какъ наши казацкія головы полягутъ въ степи-полѣ, родною кровью обмыты, исколотыми саблями покрыты! пропадетъ, какъ порошина изъ дула, казацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала, — какъ степь, по всему свѣту растянулась, разлеглась, лѣснымъ шумомъ отдалась, Туречинѣ, Татарщинѣ знать далась,—да и сгинула на копьѣ Ляховъ! „Но панъ гетманъ не тужитъ, гарцуетъ на конѣ да поетъ пѣсню:

«Распроклятая тоска
Все меня сушила,

Удалаго молодца
Съ ногъ меня валила!
Да что той ли я тоскѣ
Ужъ не поддадуся.
Я къ шинкарочкѣ пойду
И винца напьюся!
Эй, кто хочетъ меду пить,—
Со мною къ жидовкѣ!
У жидовки черны бровки,
Высоки подковки.
У ней юбочка пестренька,
Сама молоденька;
Да ужъ какъ же хороша,
Какъ же удаленька!
Эй, шинкарочка моя!
Влей винца да меду,
Чтобъ съ веселой головой
Всю забыть невзгоду.

Но пѣснь выставляетъ также, что, при такой удали, иногда приходилось совсѣмъ плохо. Подгулялъ Коновченко и, какъ сизый орелъ, на ворономъ конѣ ударилъ на Татаръ; трехъ янычаръ сбилъ съ коней, похваляется предъ казаками своей удалью, безпечно разъѣзжаетъ по долинѣ, на смѣхъ подымаетъ бусурмановъ. Бусурмане почуяли, что казакъ охмѣлѣлъ, заманили его подальше, да и отбили отъ казацкаго табора: саранчею на него налетѣли, изрубили саблями.

Рядомъ съ Малороссійскими на Дону также жили осѣдлые казаки, во всемъ сходные съ ними по обычаямъ. Сюда изъ Московскаго государства также собирались бѣглые люди. Донскіе казаки отличались подобною же удалью и, случалось, грабили купцевъ, какъ азіатскихъ такъ и русскихъ; но московское правительство многое имъ прощало, потому что они крѣпко отстаивали русскія границы отъ Татаръ. Собственно Донцы мало ссорились съ Москвою; гулящіе люди и неспокойныя головы уходили отъ нихъ на Волгу и здѣсь разъѣзжали на сво-

бодѣ. Пѣсни такъ описываютъ этихъ удальцевъ: „Что пониже города было Саратова, а повыше было города Царицына, протекала, пролегала мать Камышенка рѣка; какъ съ собой она вела круты красны берега, круты красны берега и зеленые луга; она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку. Что по той ли быстринѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ, какъ плывутъ тутъ, выплываютъ два нарядные стружка; хорошо были стружечки изукрашены: они копьями, знамены, будто лѣсомъ, поросли. На стружкахъ сидятъ удалые молодцы, все Донскіе казаки, Гребенскіе, Запорожскіе; на нихъ шапочки собольи верхи бархатные, еще смурые кафтаны кумачемъ подложены, Астрахански кушаки полушелковые, пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ, что зеленъ сафьянъ сапожки-кривые каблуки, и съ зачосами чулки, да всѣ гарусные.“ Они бранять клянутъ воеводу, что высылаетъ противъ нихъ высылки стрѣлецкія, называетъ ихъ ворами и разбойниками. Вотъ, на встрѣчу имъ лодочка коломенка, сидитъ въ ней царевъ посланникъ; они не долго думали думушку, становили пушку мѣдную, закатили ядрышко чугунное и убили царскаго посланника. Стенька Разинъ и составилъ свою шайку изъ такихъ удальцевъ. Щегольская одежда, въ какой они здѣсь описаны, болѣе выдумана для прикрасы: развѣ очень немногіе такъ красовались, а большинство была голь горемычная. О самомъ Стенькѣ такъ говорится: „У насъ на тихомъ Дону породился удалой молодецъ Степанъ Разинъ Тимофеевичъ. Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ, онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ; ходилъ, гулялъ Степанушка во Царевъ кабакъ, онъ думалъ крѣпку думушку съ голудвою. Судари мои, братцы, голь кабацкая! поѣдемъ мы, братцы, на синее море гулять; разобьемъ, братцы, бусурманскі корабли, возьмемъ

мы казны сколько надобно.“ Удальцы не безъ удачи гуляли по Каспійскому морю; но когда задумали они идти на Москву, то царскіе воеводы скоро разогнали ихъ нестройныя шайки. Они уже скитаются по лѣсамъ, спасаясь отъ казни; сокрушили ихъ непроглядные осенніе туманушки, а на зиму нѣтъ пріюта,—и плачутся они: „Ты взойди, взойди, красно солнышко, обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ: мы не воры не разбойнички, Стеньки Разина мы работники; мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ, кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ, мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.“ Значитъ, разбой какъ будто казался имъ такимъ же добрымъ ремесломъ, какъ и всякое другое. Но тутъ нельзя также не видѣть горькой шутки: не больно красна была бездомная, бродячая жизнь этихъ работничковъ; нужда или одна безпутная удаль оторвала ихъ отъ дому, отъ семьи—все равно, они не могли найти для себя ничего лучшаго. Жить грабежемъ значило вѣчно скитаться, не устроивъ никакого порядка, — вотъ, какъ и теперь живутъ не мирныя орды разныхъ дикихъ народовъ. Наши удальцы, при такой жизни, изгубили бы сами себя, если-бъ московскіе воеводы ихъ и не преслѣдовали. Но удалыя дѣла Стеньки Разина все же остались памятны на Дону. Пѣснь разсказываетъ, что когда Степану Тимофеевичу „на славной Красной площади“ въ Москвѣ отрубили буйну голову, то „помутился славный тихій Донъ, со вершины до Чернаго моря, до Черна моря, Азовскаго“.

Со временъ Петра Великаго удали козацкой далъ былъ другой выходъ. Петръ уже сталъ брать козаковъ съ собою во всѣ походы; въ случаѣ нужды, для артиллеріи и конницы пользовались ихъ лошадьми, на что слышались постоянныя жалобы, какъ о томъ упоминается

4*

и въ пѣсни: „Ахъ ты, батюшка воеводушка! ты за что на насъ прогнѣвался? или сдѣлали тебѣ измѣнушку? ты зачѣмъ у насъ коней обралъ, по полкамъ роздалъ, по тѣмъ полкамъ гусарскимъ? — Я за тѣмъ у васъ коней обралъ, что на всѣхъ полкахъ кони выпали, генералушки всѣ пріопѣшали, канонерушки пѣшкомъ идутъ, они лямочки на плечахъ несутъ, а орудія на себѣ везутъ.“ Казаки тогда еще сражались по старому обычаю, въ разсыпную; устраивая войско, Петръ сталъ и ихъ по немногу пріучать къ правильной строевой службѣ. Это сначала очень не нравилось казакамъ: по словамъ пѣсни, они жаловались своему атаману, что воеводы безъ государева указа ихъ раззоряютъ, берутъ въ драгуны и солдаты. Впрочемъ и впослѣдствіи, что касается способа веденія войны, за казаками оставался ихъ исконный обычай: они принесли много пользы, охраняя наши азіатскія границы, начиная съ Кубани до самой рѣки Амура; они особенно были искустны въ разъѣздахъ, въ ночныхъ вылазкахъ, въ преслѣдованіи непріятеля. Но особенный способъ управленія, черезъ выборныхъ атамановъ, постепенно былъ ограниченъ и уничтоженъ: около 100 лѣтъ тому назадъ, при Екатеринѣ Второй, Запорожская Сѣчь перестала существовать; Уральскіе казаки, послѣ страшнаго бунта Пугачева, позднѣе другихъ подчинились общему канцелярскому управленію. Народъ, въ казачьихъ земляхъ, сталъ зависѣть отъ помѣщиковъ, которыхъ власть, при Екатеринѣ Второй, значительно усилена.

III. Пѣсни праздничныя и заунывныя.

Въ темную старину, когда Русь еще не была крещена, у насъ поклонялись природѣ: грому, вѣтру, водѣ,

солнцу. Отъ чего приходилось болѣе всего терпѣть, или имѣть выгоды, тому и поклонялись. Для земледѣльца красное солнышко—первый благодѣтель, если только свѣтитъ и грѣетъ впору: оно раститъ хлѣбъ, наливаетъ колосья и помогаетъ собрать жатву. Солнце и было однимъ изъ главныхъ боговъ, называлось Даждь-богъ, русскіе считались его внуками. Въ пѣсняхъ и теперь поется солнцу: „Ой, Дидъ-Ладо!“ (дѣдъ-радость). Въ честь солнца справляли три праздника: зимою, около нынѣшняго Рождества, когда, по пословицѣ, солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ, и празднуютъ Коляду; весною, когда зиму сожигали, представляя ее въ видѣ чучелы, Мары (праздникъ Красной горки), и лѣтомъ, въ іюнѣ—нынѣшній праздникъ Ивана Купалы. Память объ этомъ поклоненіи солнцу сохранилась въ народѣ донынѣ; крещеный людъ, по примѣру прадѣдовъ, исполняетъ старые обряды, не вѣдая, откуда ихъ начало. Такъ зажигаютъ костры и прыгаютъ черезъ огонь: огонь долженъ тутъ напоминать солнце. Въ иныхъ мѣстахъ справляютъ о Рождествѣ Коляду: собираясь толпою, ходятъ по избамъ, поютъ пѣсни Колядѣ и собираютъ пироги, оладьи, — все, что дадутъ щедрые хозяева. Такъ встарину, вѣроятно, дѣлали сборъ для общей жертвы богу солнца. Въ одной пѣснѣ и теперь поется, какъ около великихъ огней добры молодцы, красны дѣвицы поютъ пѣсни Колядушкѣ и въ срединѣ ихъ старикъ точитъ булатный ножъ, чтобы зарѣзать козла. Въ языческое время, такъ совершалъ жертву старшій въ семьѣ или начальникъ рода. Гаданья и переодѣванья о святкахъ, всякіе чародѣйскіе вымыслы, какъ, напримѣръ, исканіе цвѣтущаго папоротника и кладовъ въ Купальную ночь, — все это только остатки старыхъ суевѣрій, идущихъ съ того вре-

мени, когда люди вѣрили въ чудотворную силу природы. Къ названнымъ нами праздникамъ и относятся всѣ *праздничныя* пѣсни: ко времени Рождества подблюдныя и святочныя, къ весеннимъ днямъ — хороводныя и плясовыя. Встарину эти пѣсни, вѣроятно, исполнялись съ извѣстными обрядами въ честь того божества, которое прославляли; теперь онѣ служатъ простымъ увеселеніемъ. Къ разряду обрядныхъ нужно также причислить пѣсни сговорныя и свадебныя, которыя поются во время свадебныхъ обрядовъ.

Въ пѣсняхъ весеннихъ живо высказывается радость при встрѣчѣ доброй гостьи, весны: „Весна красна! на чемъ пришла? на сошечкѣ, на бороночкѣ. Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ, всѣ красныя на широкой!“ Или молятъ весну, подающую такъ много надеждъ земледѣльцу: „Приди, весна, съ радостью, съ великою милостію: со льномъ высокимъ, съ корнемъ глубокимъ, съ хлѣбами обильными!“ Всѣ припѣваютъ: „Ай Дидо! ой Ладо!“ Тото раздолье! теперь идти въ лѣсъ, срывать цвѣтки, завивать вѣнки, солнце улыбается, всѣмъ сулитъ сердечную утѣху. Не даромъ тутъ и исходятся такъ охотно парни да дѣвицы въ хороводы и на игры, чтобы съ припѣвомъ „Дидъ-Ладо“ сказать, не въ домекъ никому, о своей зазнобушкѣ: такъ ужъ сложилась пѣснь, а изъ нея слова не выкинешь. Одна изъ самыхъ древнихъ хороводныхъ игръ состоитъ въ томъ, что двѣ стороны спорятъ изъ-за дѣвицы. Одна сторона поетъ: „А мы просо сѣяли, сѣяли, ой Дидъ-Ладо! сѣяли, сѣяли“; другая имъ отвѣчаетъ: „А мы просо вытопчемъ“. Хотятъ выпустить коней, чтобы вытоптать просо, да тѣ грозятъ переняти коней шелковымъ поводомъ; приходится выкупать коней, да противники не берутъ ни ста рублей, ни тысячи, а требуютъ дѣвицы,—

вотъ и начинается борьба изъ-за дѣвицы, которая должна перейти съ одной стороны на другую. Въ подобныхъ разговорахъ между двумя сторонами, наиболѣе удобныхъ для игры, сложены большая часть пѣсенъ. Въ другой хороводной игрѣ „Плетень", молодицы и дѣвушки съ парнями сходятся вмѣстѣ, сплетаясь плетнемъ: утушка выгоняетъ утей, топитъ ихъ въ меду, въ патокѣ; но вотъ, передняя пара подымаетъ руки и пропускаетъ подъ ними играющихъ, которые по немногу расходятся: плетень расплетается, — значитъ, утушка вынимаетъ малыхъ дѣтушекъ изъ меду, изъ патоки. Слова тутъ прибраны согласно съ движеніями. Въ пѣснѣ: „За моремъ синичка не пышно жила, не пышно жила, пиво варивала", синичка, мать жениха, созываетъ на пиръ гостей, мелкихъ пташечекъ; снигирюшка, женихъ, выбираетъ себѣ по душѣ суженую. Или хороводница ходитъ въ кругу дѣвицъ съ ковромъ въ рукахъ, а ей припѣваютъ: „Ты не пой соловей, ты не пой, молодой, при долинѣ; ты не вей гнѣзда при теремѣ. Какъ во теремѣ дѣвица дорогой коверъ вышиваетъ: она золотомъ коверъ вышивала, жемчугомъ унизала". Игра заключается въ вопросѣ: кому достанется коверъ,—старому мужу или милому ладу? Другая шутливая пѣснь представляетъ удалыхъ мужа и жену, что не думаютъ о работѣ, а играютъ да пляшутъ. „На горѣ калинушка стояла, разноцвѣтомъ разцвѣтала", на ней соловейко поетъ, холостому молодцу вѣсть подаетъ: пора тебѣ, молодецъ, жениться. Молодецъ идетъ на матушку на Волгу, къ наибольшему атаману, и подарилъ его государь батюшка женою неразумной:

«Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играти, а она мотати.
Не зачѣмъ въ люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.

Но дѣло мѣняется, когда атаманъ даритъ умною и разумною женою:

«Я за гудокъ, а она за пѣсни;
Я въ гудокъ играти, а она плясати,
Не за чѣмъ въ люди по веселье,
Дома весельица довольно».

Народу, въ его вѣчной, трудовой жизни, нечего много толковать и думать о работѣ: отъ работы и безъ того ноютъ рученьки, ломитъ поясницу. Значитъ, въ приведенной нами пѣснѣ не слѣдъ искать какой нибудь насмѣшки надъ трудолюбивой женою; въ крестьянствѣ и женятся для того, чтобы имѣть въ домѣ работницу. Пѣснь даетъ только понять, что въ эти веселые праздничные дни русскій человѣкъ хочетъ забыться, отвести душу въ беззаботной шуткѣ. Онъ не любитъ выносить на показъ людямъ свою грусть-заботу; отъ того и всѣ пѣсни, которыя поются въ обществѣ, отличаются веселымъ складомъ. Не то мы увидимъ въ пѣсняхъ, какія распѣваютъ въ одиночествѣ за долгою, однообразной работой. Изъ хороводныхъ приведемъ въ примѣръ шутливаго содержанія: Воробышекъ, Заинка. Воробышкомъ избираютъ ловкаго пересмѣшника; онъ становится въ кружку и на вопросы играющихъ долженъ представлять, какъ ходятъ дѣвицы, старушки, злые люди, и проч. По другой пѣснѣ, воробей разыгрываетъ больнаго, у котораго и головушка ноетъ, и сердечушко щемитъ, и спинушку ломитъ. Или бѣленькій заинька, ходя по хороводу, выискиваетъ богатаго тестя, ласковую тещу, шурина, ладу милую; потомъ, разогнавъ всю родню въ толчки, остается съ милой ладой. Шутка тутъ не затѣйливая, иногда довольно грубая; но надо и то сказать, что по однимъ словамъ пѣсни нельзя судить, много ли въ ней

остроты: тутъ все зависитъ отъ игры, а находчивый игрокъ вставитъ и свое слово кстати. Въ народѣ такъ и говорятъ: „играть пѣсню". Ѣдкій намекъ, понятный только при одномъ, извѣстномъ случаѣ, веселый смѣхъ толпы, складъ и согласіе въ напѣвѣ и въ движеніяхъ,—все это такъ оживляетъ хороводъ, что его красу можно понять, только видѣвъ самую игру и принявъ въ ней искреннее участіе. Рядомъ съ заботами о посѣвѣ, о жатвѣ, которыя пробуждаются при видѣ краснаго солнышка, важнымъ дѣломъ въ семейной жизни народа служитъ свадьба. Думы о бракѣ тѣсно связаны съ думами о сельскомъ трудѣ: тутъ входитъ въ домъ новая работница и хозяйка, увеличивается семья, съ супружеской связью и любовью должна начаться новая жизнь, гдѣ всего сильнѣе дѣйствуетъ врожденная человѣку, какъ и всякому живому существу, потребность поддержать свой родъ, дать мѣсто въ окружающемъ обществѣ новымъ членамъ. Для достиженія этой цѣли во первыхъ необходимъ нѣкоторый достатокъ, а во вторыхъ ладъ и любовь въ семьѣ. Свадебныя пѣсни, величая жениха и невѣсту, и сулятъ имъ богатство, и выставляютъ, съ какою нѣжностью оба ищутъ другъ друга. Но въ бѣдномъ крестьянскомъ быту трудно обманываться надеждою на особенную роскошь, когда въ чужой семьѣ, женщинѣ приходится работать и на мужа, и на его родныхъ, и вмѣстѣ качать зыбку, ухаживать за своими дѣтьми, а согласіе и любовь врядъ ли возможны тамъ, гдѣ дѣвушка не по собственному выбору, не по душѣ, а только по родительскому указу, какъ это было встарину, сходится со своимъ суженымъ! Вотъ отчего болѣе задушевныя пѣсни, какія поются невѣстой на дѣвичникѣ, исполнены горькаго раздумья.

Сперва замѣтимъ, что множество свадебныхъ пѣсень

сложены на какой нибудь изъ свадебныхъ обрядовъ, каковы: покупка у невѣсты косы передъ поѣздомъ, ея заплетаніе, отпускъ невѣсты къ вѣнцу, отпускъ приданаго, поѣздъ къ свадьбѣ, разрѣзываніе коровая и проч. При исполненіи каждаго обряда поется соотвѣтственная пѣснь. Вотъ, напримѣръ, что поютъ при заплетаніи косы:

Двѣ рѣки сотекались,
Двѣ свахи съѣзжалися,
Думали думу надъ русой косой:
Какъ намъ расплетать русу косу?
Какъ разложить косу на двое?
Вы постойте, свахи гордые,
Дайте мнѣ посидѣть у батюшки,
У родимой у матушки.
Дайте поучиться, какъ домомъ жить:
Домомъ жить — много вѣдать надобно.

Другія пѣсни служатъ къ величанью жениха и невѣсты, которыхъ называютъ княземъ и княгинею. „Кто у насъ уменъ? кто разуменъ? ой ляли, ляли, ляли, кто у насъ разуменъ? Александръ, сударь, уменъ, Васильевичъ разуменъ! Онъ хорошо ходитъ, манежно ступаетъ, чулокъ не валяетъ, и проч.“ Или поютъ: „Виноградъ, виноградъ разцвѣтаетъ, а ягоды, ягоды поспѣваютъ. Виноградъ-Иванъ, сударь, виноградъ-Петровичъ, а ягоды, а ягоды Маланьюшка. И имъ люди дивовалися, что въ совѣтѣ, въ любови сочеталися“. Дворъ у жениха, по словамъ пѣсни,—море, крутые берега—его тесаный теремъ, а у него на морѣ бѣлая рыбица, — Машенька Ефимьевна. Ѣдутъ къ нему корабли съ чистымъ серебромъ, съ краснымъ золотомъ, да ему нужны не золото и серебро, а красная дѣвица. Садится онъ въ дорогое сѣдло, въ молодецкую стать, беретъ шелковую плетку, отправляется ко двору тещи, даритъ ее золотой парчой, свою невѣсту золотымъ кольцомъ съ алмазами. Онъ съ

рублика на рубликъ ступаетъ, по пяти рублей на улицу кидаетъ, десятью ворота запираетъ. Молодечество, мужество, богатство, щедрость должны отличать жениха; онъ не скупится на подарки румянами, бѣлилами, гребешками, духами, алыми лентами, и проч. А на дѣлѣ, если станетъ его богатства на прянички, да орѣшки, то досужая пѣсня не затруднится все остальное придать ему. Невѣста разодѣта въ цвѣтное платье, не налюбуется, передъ зеркаломъ стоючи, на свою русую косу, или срываетъ алые, лазоревые цвѣточки въ зеленомъ саду, вьетъ вѣнки себѣ; будетъ она при компаньи похвалой мужу, при бесѣдушкѣ хозяюшкой въ дому, умѣетъ и ткать, и тонко прясть, и шолкомъ шить,—бѣла, румяна, да еще умница, разумница. Въ одной, болѣе откровенной пѣснѣ, прямой сказано, что нужно жениху: ведетъ онъ невѣсту, безъ ея спросу, къ суду Божьему, къ золотому вѣнцу, и называетъ ее своей вѣковѣчной ключницей, вѣковѣчною платьемойницей. Большая часть пѣсенъ однако сложены такъ, что любовь и согласіе выступаютъ на первое мѣсто: чѣмъ пренебрегалъ грубый, прадѣдовскій обычай, то отстаивало вѣрное народное чувство. Матушка любуется, какъ сынъ ея, передъ зеркаломъ, расчесываетъ свои черные кудри, и говоритъ ему: „коли будетъ совѣтъ да любовь, кудри сами будутъ завиваться, не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ, не отъ частаго гребешка, а отъ веселья, отъ радости; а коли будетъ кось да перекось, не развивши, кудри станутъ развиваться отъ тоски, отъ кручинушки“. Въ пѣсняхъ и толкуютъ болѣе всего о крѣпкой любви между женихомъ и невѣстой. Вотъ, Машенька не слушаетъ батюшки и матушки, когда съ ранняго утра ее понуждаютъ встать съ постели, идти за столъ, а пришелъ суженый, и она воскликнула: „право, мнѣ

спать не хочется; иду, сударь, съ тобой за столъ". Или съ ранней утренней зари она беретъ коней за поводы, ставитъ коней въ стойла, сыплетъ имъ сахаръ вмѣсто овса, льетъ сыту вмѣсто воды и кланяется конямъ: „ужъ вы кушайте, пейте, кони мои! завтра свезите меня подалѣ отъ батюшки и матушки". Въ другой разъ молодецъ кличетъ, покликаетъ суженую, какъ сизо-глинистый голубчикъ свою голубку: „я тебя люблю за походочку твою, за частенькую; пройдешь, душа радость, ты утѣшишь меня,—слово, душа, скажешь, ты накормишь меня". Высоко солнышко восходилю, далеко освѣтило черезъ чистое поле, черезъ синее море, черезъ быструю рѣчку. „На той на рѣченькѣ лежала дощечка, тонкая, гибкая, дубовая. Никто по ней не хаживалъ, никого не важивалъ, а Михаилъ, сударь, Гаврилычь, перевелъ Анѳисыньку Гавриловну; переведши ее, цалуетъ, милуетъ". Невѣста, въ ея молодой, могучей красѣ, когда оживленная сердечнымъ чувствомъ, сама приходитъ въ домъ жениха, описана очень увлекательно. „Ты, заря-ль моя, зорюшка, ты, душа-ль моя, Прасковьюшка, городомъ прошла зарею, ко двору пришла тучею, ударила въ ворота бурею, пустила по двору сильный дождь, сама поплыла уткою, на крыльце взошла павою, въ новы сѣни лебедемъ, въ высокъ теремъ соколомъ, садилась за столъ съ молодцомъ".

Въ задушевныхъ пѣсняхъ невѣсты, при ея разставанiи съ подругами, съ родительскимъ домомъ, высказывается болѣе чувства, близкаго къ дѣйствительности, къ той жизни, какая на самомъ дѣлѣ ее окружаетъ. Тутъ она прощается со своей волюшкой-нѣгушкой, хочетъ пустить ее по милымъ подруженькамъ: пусть покрасуются, поколь у батюшки и у матушки, а она, горемычная, уже

открасовалася, отшутила съ ними всѣ шутки шутливыя. Хоть и не было ей роскошества въ родительскомъ дому, но и большой заботы она не знала; впереди будущее могло хоть чѣмъ нибудь манить ее: она веселилась въ хороводахъ, тѣшилась нарядомъ, слышала ласковыя, приманчивыя рѣчи парней. А какъ повязали на голову бабью красоту, вѣкъ сиди дома, работай, да угождай чужимъ людямъ. Отъ того такъ трогательно разстается она со всѣмъ, что ее окружало: съ садикомъ, гдѣ цвѣла яблонь или грушица, съ соловьемъ, что пѣлъ въ этомъ садикѣ: „Пой, мой громкій соловей, во всю ноченьку, во всю мѣсячную! ужъ не долго мнѣ тебя слушати; скоро повезутъ меня къ чужому отцу, къ матери, къ недобрымъ деверьямъ, къ злымъ, лихимъ золовушкамъ. Жаль-то мнѣ роднаго батюшку, родимую матушку, жаль-то мнѣ тебя, соловьюшка, а жалчѣй того русой косы, моей-ли дѣвичьей красы“. Допрашиваетъ она роднаго батюшку: „ты за что прогнѣвался, что хочешь отдать въ чужіе люди? износила-ль я платье цвѣтное? переѣла-ль кусокъ сахарный?“ Но батюшка отвѣчаетъ: „клади Богу жалобу на сваху разлучницу“. Всѣ родные мужа: свекоръ, свекровь, деверья, золовки, ужъ по самому названію, означаютъ у насъ что-то не доброе, непривѣтливое. Причина этому очень простая. Молодой, послѣ послѣднихъ праздничныхъ дней передъ свадьбой, когда всѣ ее тѣшили и ласкали, предстоитъ трудовая, будничная жизнь, невѣдомо съ кѣмъ, потому что родители часто отдаютъ ее въ другое село, въ семью, имъ самимъ болѣе знакомую по наслышкѣ; встарину, и въ боярскомъ быту, свадьба устраивалась черезъ сваху, по одному договору старшихъ, а дочь до конца и не знала, что судьба ея рѣшена. Только Петръ I предписалъ, чтобы вступающіе

въ бракъ напередъ знакомились и даже послѣ обрученія могли расходиться. Понятно, что невѣста недружелюбно смотрѣла на тѣхъ, о которыхъ знала только одно: что передъ ними надо держать голову поклонистую, да сердце покорное, да не уставать во всякой работѣ, какую на нее наложатъ. Съ другой стороны, и родные мужа не больно ласково смотрятъ на новую хозяйку, которая приходитъ заѣдать ихъ кусокъ хлѣба. При бѣдности, каждое увеличеніе семьи становится тяжкимъ, а тутъ народятся дѣти: женатый сынъ или братъ уже не помощникъ дому, дай ему Богу прокормить свое племя. И все таки таже нужда заставляетъ родителей, по принятому обычаю, раньше женить сыновей, — во-первыхъ, чтобы, по старому понятію, остепенить ихъ и привязать къ дому, а, во вторыхъ, чтобы имѣть въ семьѣ еще даровую работницу: за то ужъ этой работницѣ не дадутъ ни на минуту посидѣть, сложа руки. Но и безъ такой нужды, обыкновенное домашнее соперничество можетъ быть причиной недружелюбнаго обхожденія съ молодою: свекоръ считаетъ нужнымъ показать свою власть надъ новой дочкою и власть эту показывать тѣмъ легче, что дочка не своя, не родная; свекровь и золовки спѣшатъ напомнить ей о своемъ старшинствѣ, чтобъ не забывалась: вѣдь она тоже какъ будто имѣетъ право быть хозяйкой и отнять у нихъ часть власти надъ домомъ. А въ необразованномъ быту сплошь и сряду бываетъ, что кто сильнѣе, тотъ и правѣе. Понятно, почему въ пѣсняхъ невѣста сравниваетъ себя съ лебедью, которая пристала къ стаду гусей, и щиплютъ ее гуси сѣрые, что не умѣетъ по гусиному кликати. Чужіе отцы-свекры все журятъ, да бранятъ, чужіе матери-свекрови не дадутъ младешенькѣ выспаться, чужіе братья-деверья изъ угла вкось

глядятъ, а сестры золовушки въ глаза лестью льстятъ, за очью поѣдомъ съѣсть хотятъ. Всѣ ей попрекаютъ, что не умѣетъ ни ткать, ни прясть, ни золотомъ шить, ни щей сварить, ни пирога испечь, ни въ дудочку поиграть; всѣ чему нибудь хотятъ учить ее. Отстала она отъ дѣвушекъ, пристала къ молодушкамъ, а молодушки уродились примѣтливы, да насмѣшливы: ступишь ли ногой — поглядятъ всѣ за тобой, махнешь ли рукой — засмѣются, молвишь ли словечко — начнутъ передражнивать, сядешь ли за столъ — всѣ куски во рту сочтутъ, станешь ли молчать—станутъ величать дурочкой. Правду говоритъ молва, что чужая сторонушка горемъ вся изнасѣяна, слезами поливана, печалью огорожена.

Пѣсни, которыя мы здѣсь привели, составляютъ уже переходъ отъ праздничныхъ, общественныхъ, обрядныхъ, къ частнымъ, которыя болѣе поются въ одиночку, не ради какого-нибудь общественнаго или семейнаго праздника, а чтобы отвести душу за долгою, неустанною работою въ полѣ, зимою въ хатѣ, или въ одинокомъ пути, гдѣ все тѣ же лѣса, да поля, да болотныя кочки сами собой наводятъ грустное раздумье. Мы назвали эти частныя пѣсни заунывными, потому что въ нихъ преимущественно высказывается тоска кручина. Въ одиночествѣ человѣкъ скорѣе погружается въ думу о своей судьбѣдолѣ, и все, что онъ пережилъ и что приходится переживать ему, отзывается въ сердцѣ вѣщею тревогой. Пѣсни заунывныя и любопытны потому, что живѣе даютъ намъ понять бытъ народный, безъ всякихъ прикрасъ, и не въ обрядной его обстановкѣ. Тутъ мы различаемъ пѣсни, выражающія грусть красной дѣвицы, грусть семейнаго бездолья и жалобы на свою судьбу добраго молодца. Мы уже знаемъ, какъ сложился нашъ старый

быть, сколько приходилось русскому человѣку терпѣть отъ нашествія враговъ, отъ невѣжества, отъ голода, пожаровъ и болѣзней, отъ неправды въ судахъ, отъ всякихъ неустройствъ и смутъ внутри государства. Тутъ мало было мѣста въ душѣ нѣжнымъ, семейнымъ чувствамъ: въ жизни требовалось болѣе отваги, суроваго равнодушія ко всякой невзгодѣ. А какъ человѣкъ живетъ въ обществѣ, со всѣми другими людьми, такимъ онъ приходитъ и въ семью, и къ любимой имъ женщинѣ; въ семьѣ ему не отстать отъ людей, не запереться отъ всего свѣта. Вотъ, мыкаясь по свѣту, русскіе люди и приносили въ семью правило: „терпи голова, въ кости скована". Отъ того и было много грубаго въ обхожденіи съ женщиной, которая считалась скорѣе помѣхой, когда становилось трудно жить, чѣмъ помощницей и другомъ. А по природѣ русскій человѣкъ способенъ былъ къ самому мягкому, задушевному чувству. Теперь намъ легко догадаться, чего ожидать въ пѣсняхъ, изображающихъ судьбу женщины. Дѣвица постоянно жалуется, что она покинута своимъ милымъ: то нужда, то буйная неспокойная удаль уноситъ его далеко на чужую сторону. Напрасно она ждетъ его, гадаетъ: думаетъ слить крылышки, летѣть въ иной городъ, сѣсть среди площади и кликнуть кличь, кто бы сталъ ей совѣтовать, какъ забыть сердечнаго дружка. Какъ у горемычной кукушечки, залетный ясный соколъ раззорилъ ея теплое гнѣздышко. Что дѣлать? не наполнишь синя моря слезами, не воротишь друга милаго словами. Тутъ высказывается ея кроткое, любящее сердце вмѣстѣ съ грустной привычкой къ терпѣнію. Какъ добрый молодецъ ее покидаетъ, она провожаетъ его черезъ два поля чистыя, черезъ три луга зеленые и на прощаньи въ слезахъ говоритъ: „коли

лучше меня найдешь—позабудешь, коли хуже меня найдешь — воспомянешь". Но иногда чувство ея высказывается сильнымъ, порывистымъ движеніемъ, хотя съ тою же глубокою нѣжностью. Нѣтъ у молодца ни стыда ни совѣсти, вызнобилъ, высушилъ ей сердце, и она сама, безъ зельевъ и кореньевъ, дружка повысушитъ:

Схороню тебя, мой миленькій,
Въ зеленомъ саду подъ грушею;
Я сама сяду послушаю:
Не стонетъ-ли мать сыра земля?
Не скрывается-ль гробова доска?
Не встаешь ли мой сердечный другъ?
Зарости, моя могилушка,
Ты травушкой, муравушкой!
Не достанься, мой любезный другъ,
Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
Ни своей змѣѣ полюбовницѣ!
Ты достанься, мой любезный другъ,
Сырой землѣ, гробовой доскѣ.

Несправедливость, невѣрность, обманъ вызываютъ и въ любящей душѣ печальную мысль о мести; но не одну эту мысль находимъ въ пѣснѣ. Дѣвица и въ могилѣ сторожитъ невѣрнаго, чтобы никому не достался: такъ въ напрасныхъ мечтахъ, въ ослѣпленіи страсти, бережетъ она, отстаиваетъ свое чувство, для котораго могла бы жить и дѣйствовать. Намъ стоитъ пожалѣть, что такому глубокому чувству пришлось уходить въ напрасныя мечты, что любовь тутъ вела лишь къ мрачному озлобленію, а эта душевная сила, при другихъ лучшихъ обстоятельствахъ, могла бы сдѣлать много добра въ жизни.

Семейный гнетъ и обычай служатъ другою причиною грустнаго тона въ семейныхъ пѣсняхъ. Когда суженый уѣхалъ, дѣвицѣ не даромъ снится сонъ, что распаялся ея золотой перстень, расплелась русая коса и выпала алая лента, подареньице суженаго: знать, не будутъ ждать,

принудятъ ее выйти за немилаго. И тутъ, съ обычной горячностью сердца, она говоритъ роднымъ: „Я въ тѣ поры мила друга позабуду, какъ подломятся мои скоры ноги, когда опустятся мои бѣлы руки, засыплются глаза мои песками, закроются бѣлы груди досками.“ И вотъ на слова молодца: Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ, ты не жги свѣчи воску яраго и не жди меня, потому что батюшка и матушка не соизволили на наше счастье,— пѣсня съ горькою шуткою отвѣчаетъ:

Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго:
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица:»

Такъ старый, неумолимый обычай замыкалъ выходъ къ жизни, не давалъ устроиться свѣтлому, доброму согласію въ семьѣ, какого не можетъ быть безъ взаимной любви и свободнаго выбора. Правдиво сказалъ объ этомъ Кольцовъ: „И близокъ кладъ, да взять нельзя; заклялъ его обычай нашъ: ходи, проси, да кланяйся, толкуй съ башкой порожнею.“ Въ пѣсняхъ и говорится частенько о неладахъ, о раздорѣ между мужемъ и женою. Замужняя женщина жалуется, что радость ея сгинула, какъ цвѣты зимою; напрасно толковала она батюшкѣ: „не выдавай, батюшка, за неровню, не мечись на большое богатство, не гляди на высоки хоромы, не съ хоромами жить—съ человѣкомъ, не съ богатствомъ жить мнѣ—съ совѣтомъ.“ Эти простыя, разумныя слова, въ которыхъ весь смыслъ семейной жизни, пропадаютъ даромъ: по старому обычаю, женщина не могла имѣть своего ума-разума даже въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависѣла вся судьба ея. По другой пѣснѣ, матушка выдала дочь за нелюбимаго человѣка „ради ближняго перепутьица“: „и

я въ торгъ пойду, побывать зайду, я изъ торгу пойду, ночевать зайду.“ Заходитъ матушка и на вопросъ, какъ живется, слышитъ обычный отвѣтъ: „вчера меня свекоръ больно билъ, а свекровь ходя похваляется.“ То отдаютъ женщину въ непокрытую избу, въ несогласную семью, и мается она свой вѣкъ съ пьяницей-мужемъ; то жалѣетъ она, что свои ясныя очи у ней глядѣли, да оглядѣлися, не по мысли выбрали друга, не по нраву. Тутъ, конечно, нельзя винить во всемъ грубый обычай распоряжаться человѣкомъ, какъ вещію. Самый этотъ обычай происходилъ отъ закоснѣлаго невѣжества, отъ общаго грубаго непониманья, какъ слѣдуетъ цѣнить и уважать малѣйшаго изъ ближнихъ, своего слабаго собрата, который на насиліе не могъ отвѣтить силою. Когда бѣдный человѣкъ, въ горемычномъ рабствѣ, терпѣлъ всякую неправду, то и на другихъ вымещалъ испытанное зло, на комъ случилось: если не на женѣ и на дѣтяхъ, то на животныхъ, которые ему служили. Въ пѣсняхъ общественныхъ, то есть такихъ, которыя даютъ намъ знать не объ одномъ положеніи семьи, а и о состояніи всего общества и народа, мы также часто встрѣчаемся съ чужою сторонушкой. На чужую сторону заводятъ добраго молодца служба государева или горемычная удаль. Русскій народъ, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, долженъ былъ отстаивать свою землю, особенно на югѣ и на западѣ. На югѣ, въ дальнихъ степяхъ, боролся онъ съ Татарами, на западѣ были вѣчныя ссоры съ Литвою, то есть, съ Польшею. Такъ для многихъ большая часть жизни проходила среди чистаго поля, въ удалыхъ схваткахъ съ непріятелемъ. Къ чистому полю народъ обращается съ особенною любовью. Всѣмъ оно изукрашено: травушкой, муравушкой и цвѣточками; да вотъ, посреди него, на ракитовомъ

кусту, орелъ въ когтяхъ терзаетъ чернаго ворона. Хищныя птицы слетѣлись на добычу, а подъ кустикомъ лежитъ весь избитый, израненный добрый молодецъ. Тутъ другая, трогательная картина: какъ ласточка-касаточка вкругъ теплаго гнѣзда, увивается родная матушка около умершаго, и плачетъ, какъ рѣка льется; и сестра заливается ручьемъ, а слезы жены падаютъ росинкой: красно солнце взойдетъ,—росу высушитъ. Но если однѣ слезы матери будутъ долго, долго литься рѣкою, а молодая жена скоро утѣшится, то и самъ добрый молодецъ передъ смертью не думаетъ предаваться грусти о женѣ и другимъ нѣжнымъ чувствамъ. Закаленный въ суровыхъ испытаніяхъ, не ждалъ и не искалъ онъ себѣ счастія въ любви, въ спокойной жизни, и встрѣчаетъ смерть равнодушно, потому что, посреди вѣчныхъ опасностей, свыкся уже съ мыслію о смерти. Умираетъ онъ у дубровушки на курганѣ; приходятъ братцы-товарищи звать его на святую Русь: „идите, братцы, говоритъ онъ, скажите поклону всѣмъ, молодой женѣ волюшку на всѣ на четыре на сторонушки; ужъ скоро мнѣ умереть.“ И не жалѣетъ онъ ни роду-племени, ни молодой жены, а жаль ему только малыхъ дѣтушекъ, что остались малешеньки, глупешеньки, натерпятся холода и голода. Одно это родительское чувство пережило всѣ другія,—даже сожалѣніе о себѣ, о своей горемычной долѣ. Впрочемъ такое равнодушіе мы встрѣчаемъ, когда уже покончены всѣ разсчеты съ жизнію: русскій человѣкъ не любитъ жалобиться напрасно; но пока еще живется, приходятъ смутные вопросы о томъ, зачѣмъ ему такая выпала доля, слышится и жалоба на свое бездолье. Два братца сидятъ на коврикѣ въ чистомъ полѣ и большой припѣваетъ пѣсню: „породила насъ матушка двухъ-то сыно-

вей, вспоилъ, вскормилъ батюшка, какъ двухъ соколовъ; вспоивши, вскормивши ничему насъ не училъ, научила молодца чужедальняя сторона, понизовы города; чужедальняя сторона безъ вѣтру сушитъ, безъ морозу знобитъ; какъ думала насъ матушка вѣкъ не избыть; избыла насъ родимая единымъ часомъ." Въ понизовые города на Волгу уходили молодцы, большею частію спасаясь отъ обидъ, отъ нищеты, или неудержимая удаль увлекала ихъ въ разбойничьи шайки на вольную жизнь. Съ этою удалью если не случалось угодить въ солдаты, то молодецъ самъ покидалъ домъ, чтобы скитаться въ лѣсахъ, скрываться въ воровскихъ станахъ. Въ одной пѣснѣ онъ признается, что на чужую сторону его привела „прыткость, бодрость молодецкая и хмѣлинушка кабацкая." Матушка пеленала его во свивальничекъ алый, бархатный, одѣвала одѣяльцемъ соболинымъ, берегла отъ вѣтра, вихоря, отъ част́а мелка дождичка, да не спасла отъ службы Государевой, отъ чужедальней сторонушки. Безпорядочная удаль, хмѣлинушка служатъ главнымъ содержаніемъ подобныхъ пѣсенъ. Матушка находитъ своего убитаго сына; лежитъ онъ подъ кусточкомъ, разметавъ свои руки бѣлыя, растрепавъ кудри черныя; изъ реберъ его поросла трава, ясны очи пескомъ засыпались. Какъ ласточка, увивается она около трупа: „Ахъ, сынокъ! я тебѣ говаривала, не водись съ бурлаками, съ ярыгами; не ходи во царевъ кабакъ, не пей зелена вина; потерять тебѣ буйну голову." Или приходитъ она къ удаленькому въ темницу и говоритъ ему: „Дитя мое, дитятко, чадо милое! кому тебя выручати? друзья, братья, товарищи всѣ отступились; семь разъ я тебя, дитятко, выручала, семь тысячекъ чистыхъ денежекъ издержала, осьмой-то тысячи у меня не достало: такъ знать тебѣ,

дитятко, здѣсь вѣкъ вѣковати.“ И вездѣ матушка носится со своимъ горемъ, лелѣетъ, ласкаетъ сына, чтобъ потомъ его оплакивать? А судьба жены тоже незавидная, когда молодецъ пишетъ изъ темницы, чтобы она продавала свое житье-бытье, отдавала въ кабалу малыхъ дѣтушекъ и спасала его отъ висѣлицы. Жена разумно отвѣчаетъ: „Ужъ какъ царь государь тебя пожалуетъ.... пѣняй самъ на свою судьбу; честью лестью я тебя упрашивала: не съѣзжай со двора по полуночи, не вози платье кровавое; а теперь ужъ я не жена тебѣ.“ Въ этой грустной неурядицѣ, въ этихъ картинахъ дикаго разгула, конечно, не на чѣмъ отвести душу: все грубо, безобразно, безсмысленно. Но мы здѣсь должны вспомнить не о тѣхъ баловняхъ, которыхъ матушки въ дѣтствѣ одѣвали во свивальничекъ алый бархатный, а потомъ спасали отъ бѣды, тратя тысячи, — передъ нами иное горе безпріютныхъ бѣдняковъ, какъ ихъ описываетъ пѣсня:

«Что постелюшка подъ молодцомъ камышь-трава,
Изголовьице подъ добрымъ часть ракитовъ кустъ,
Одѣяличко на молодцѣ ночька темная,
Ночька темная, осенняя, холодная.»

Ихъ нельзя обвинить такъ легко; да и самые гуляки-баловни, пускавшіеся въ разбой, чтобы было на что весело пожить, можетъ быть, способны были къ лучшему дѣлу, еслибы этому дѣлу ихъ научили. Хмѣлинушка, безпутная удаль—все же не первыя причины горемычной жизни; повторяемъ, все зло рождалось отъ невѣжества, отъ общаго неустройства. Встарину мало знали средствъ, какъ честнымъ промысломъ добывать хлѣбъ, какъ воспитать въ человѣкѣ всѣ добрыя чувства. При воспитаніи дѣтей, думали дѣйствовать только страхомъ: сѣкли, били ихъ безъ пощады, чтобы направить къ добру. А

рядомъ съ этимъ, матушка часто высказывала свою любовь непомѣрнымъ баловствомъ, желая смягчить побои, нанесенные отцомъ. Въ бѣдномъ быту сынъ росъ по волѣ Божіей, безъ грамоты, безъ всякаго руководства, воспитываясь съ помощію тѣхъ тычковъ, какіе встрѣчалъ на улицѣ. Вотъ, изъ такихъ выученныхъ, вымуштрованныхъ ребятъ потомъ и выходили люди, для которыхъ вымышляли пытки, тюрьмы, висѣлицы, чтобы удержать ихъ отъ буйства. По природѣ, въ русскомъ человѣкѣ много было добраго; онъ легко принималъ къ сердцу христіанскія начала любви, о какихъ узнавалъ изъ священныхъ книгъ. Встрѣчались благочестивые люди, что милостиво обходились съ рабами, кормили бѣдныхъ и нищихъ, ходили за больными, хоронили умершихъ. У самыхъ разбойниковъ находимъ своего рода состраданіе, по которому они защищаютъ слабыхъ отъ обидъ сильныхъ. Но все это не было такимъ дѣломъ, отъ котораго жизнь могла бы значительно измѣниться къ лучшему. Кормя нищихъ, не заботились о томъ, какъ бы уменьшить самую бѣдность, помочь каждому добывать хлѣбъ своимъ трудомъ и не поддерживать тунеядства. Пытки, казни не устрашали тѣхъ, кто, очертя голову, шелъ на всякое удалое дѣло. Разбойникъ, при допросѣ, шутливо говоритъ о своихъ сообщникахъ: „ужъ какъ первый мой товарищъ—темная ночь, а второй мой товарищъ—булатный ножъ, какъ третій товарищъ—мой добрый конь, а четвертый товарищъ—тугой лукъ, что разсыльщики мои—калены стрѣлы“;—и безпечно поетъ пѣсню, гдѣ воображаетъ, какъ за острый отвѣтъ его наградятъ высокими хоромами,—что двумя ли столбами съ перекладиной. Разбойникъ шутитъ надъ убійствомъ, какъ будто бы совершалъ какое нибудь добропорядочное дѣло! Какъ объяснить такое дикое понятіе

о своей мірской дѣятельности? Развѣ только тѣмъ, что и люди, не выходившіе прямо на разбои, разными средствами живились на счетъ ближняго. Мы видимъ, что нерѣдко воеводы даже покровительствовали ворамъ, дѣля вмѣстѣ добычу, что судьи обогащались, отпуская ихъ за выкупъ. Выходило такъ, что и тѣ, которые хотѣли защитить себя отъ неправдъ, собирали шайки удальцевъ, чтобы мстить притѣснителямъ. Разбой становился средствомъ защиты. Между тѣмъ и правительство всѣми мѣрами карало за буйство, за взятки и посулы. Но страхъ жестокихъ наказаній заставлялъ людей только быть осторожнѣе и хитрѣе, потому что въ нихъ не утвердилось еще прямаго понятія о правдѣ. Старая Русь могла обновиться только наукою, образованіемъ, да нужна была не одна та наука,—чтобы научиться кое какъ грамотѣ, а нужно было пріобрѣсти всякія знанія, полезныя для жизни: какъ пользоваться богатствами, что безъ пользы лежали въ землѣ; какъ, вмѣсто того, чтобы видѣть въ природѣ домовыхъ, лѣшихъ, да кикиморъ, умѣть съ толкомъ употреблять въ дѣло всякую силу: и лѣсъ, и воду, и паръ, и самую молнію, которая теперь, смирно выходя изъ машинки, гуляетъ по телеграфамъ,—а главное, какъ устроить прямую правду между людьми, чтобы они не вредили, а во всемъ помогали другъ другу. Старая Русь окрѣпла въ борьбѣ съ тысячью невзгодъ. Это была могучая сила, которая неудержимо шла впередъ, расширяя границы земли до предѣловъ Китая и дальняго Восточнаго океана. Но враги были побѣждены; чтобы занять мѣсто въ кругу другихъ образованныхъ народовъ, нужны были ужъ не удалые наѣздники, а правильно устроенное войско и люди образованные, ученые; между тѣмъ удалая сила все бродила, не легко привыкая къ пра-

вильной и особенно къ мирной дѣятельности. Печальна была судьба удалыхъ при новыхъ требованіяхъ жизни: ихъ станочки раззорены, ихъ товарищи переиманы: кто сидитъ въ темницѣ въ градѣ Кіевѣ, кто въ каменной Москвѣ, кто въ славномъ Питерѣ. Остался одинъ молодецъ въ темныхъ лѣсахъ, закружилась его головушка, изнемогъ онъ, проситъ перевощиковъ перевезти его на другую сторону, далекую; какъ перевезли его, сталъ онъ кончаться и говоритъ: „Положите вы меня, братцы, между трехъ дорогъ, между Кіевской, Московской, славной Муромской; въ ноги поставьте моего коня, въ головы животворящій крестъ, въ руку правую дайте саблю острую. Пойдетъ ли, поѣдетъ кто — остановится, моему кресту животворному помолится, моего коня ворона испугается, моего-то меча остраго устрашится.“ Да напрасны были угрозы добраго молодца; надъ этой силою стояла другая, болѣе крѣпкая,—сила науки.

И начиналъ уже понимать русскій человѣкъ, какъ тяжела бродячая жизнь, какъ нуженъ силѣ другой, болѣе разумный выходъ, да не зналъ этого выхода. Такой смыслъ имѣютъ пѣсни о горѣ, представляющія его какимъ-то неотвязчивымъ демономъ, который всюду преслѣдуетъ человѣка. Какъ былинушка въ чистомъ полѣ, зашаталась безпріютная головушка молодецкая. Куда ни кинется молодецъ, по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы; куда ни пойдетъ, ни поѣдетъ, ни въ чемъ ему нѣтъ счастья. Вотъ, хочетъ онъ вернуться съ дороженьки и спросить у государыни своей матушки: „ты скажи, скажи, моя матушка родная! подъ которой ты меня звѣздой породила? ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?“ Матушка врядъ ли отвѣтитъ на этотъ вопросъ, а въ томъ, что горе безъ причины, безъ дѣла преслѣдуетъ чело-

вѣка, все таки нѣтъ никакого смысла. Жалуется молодецъ, что нѣтъ ему талану ни въ торгу, ни въ товарищахъ. Ссылаютъ его съ корабля; отъ него, безчастнаго, вишь, сине море взволновалося. Отвѣчаетъ онъ: „причалимъ мы къ берегу, срѣжемъ по прутику ракитовому, сдѣлаемъ по жеребью". Ужъ какъ всѣ жеребьи поверхъ воды, а у безчастнаго, какъ ключъ ко дну! И вездѣ это глупое, тупое горе, какъ непрошенный гость, который, не разсуждая, ломится въ двери! „А я отъ горя въ темны лѣса — а горе прежде въ лѣсъ зашелъ, а я отъ горя въ почетный пиръ—а горе зашелъ, впереди сидитъ, а я отъ горя на царевъ кабакъ — а горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ". И такъ на все какъ будто одинъ отвѣтъ: такова судьба, таковъ выпалъ жребій; противъ рока ничего не подѣлаешь. Успокоивать себя подобною мыслію, казалось, могутъ лишь люди, не привыкшіе ни о чемъ думать, — люди, что хотятъ оправдывать свою лѣнь невозможностью что нибудь дѣлать. Что за судьба? развѣ въ дѣлахъ обыденныхъ, мірскихъ, человѣкъ не самъ создаетъ судьбу свою? „Всякій своего счастья кузнецъ" — говоритъ пословица. Зачѣмъ же, когда есть у меня способность, есть охота къ какому нибудь дѣлу, я долженъ думать, что какая то судьба будетъ мнѣ помѣхой. Напротивъ, главное отличіе живаго, умнаго человѣка въ томъ и состоитъ, что онъ не утомится начинать дѣло вновь и вновь, если ему однажды не удалось; онъ увѣренъ, что съ новымъ опытомъ избѣгнетъ прежней ошибки, одолѣетъ препятствія, которыхъ прежде не предвидѣлъ, и все приведетъ къ счастливому концу. Но народъ и не успокоивается въ праздной, безчувственной лѣни: это видно изъ горечи, съ какою онъ говоритъ о злой долѣ, стоявшей ему поперегъ дороги. Мы знаемъ,

что тамъ, гдѣ ему открывался случай дѣйствовать, онъ выказывалъ и сметливость, и устойчивость, и воспріимчивый разумъ. И въ самыхъ, приведенныхъ нами, пѣсняхъ выражается недовольство, безпокойное исканіе дѣятельности, которое, правда, заводило порою русскаго человѣка и въ пьяную, буйную компанію, и въ лѣсныя трущобы. Значитъ, подъ неодолимою судьбою нужно скорѣе разумѣть его старинную неумѣлость, неразвитость и то бѣдное, зависимое положеніе, изъ какого встарину ему былъ очень труденъ выходъ. При такихъ обстоятельствахъ, человѣкъ, конечно, легко доходитъ и до неподвижнаго равнодушія къ своей долѣ, до безчувствія, при которомъ становится невозможнымъ никакое улучшеніе въ жизни; но такое состояніе не можетъ быть продолжительнымъ и общимъ. Самъ народъ рѣзко осмѣиваетъ лежебоковъ, которые не сходятъ съ печи:

Дослужился я молодецъ до край печи,
И увидѣлъ корыто предолгое,
Что опросилъ у товарищевъ:
Не тали то Волга, широка и долга,
Широка и долга, крутобережна?

И далѣе съ такой ѣдкой шуткой обрисована жизнь этого добраго молодца:

У дороднаго добраго молодца
Много было на службѣ послужено,
Съ кнутомъ за свиньями похожено;
Много цвѣтнаго платья поношено,
По подъ оконью онучь было попрошено,
И сахарнаго куса поѣдено,
У ребятъ корокъ отъимано;
На добрыхъ коняхъ поѣзжено,
На чужія дровни присѣдаючи,
Ко чужимъ дворамъ приставаючи.
У дороднаго добра молодца
Много было на службѣ послужено,

Кусковъ и оглодковъ попрошено,
Потихоньку безъ спросу потаскано,
Голиками глаза выбиты,
Ожегомъ плечи поранены.

IV. Народныя сказки и пословицы.

Мы толковали о былинахъ, что изображаютъ нашу старинную удаль, — о пѣсняхъ историческихъ, въ которыхъ хранится память о какомъ нибудь происшествіи: и въ тѣхъ, и другихъ находимъ старое да бывалое; что было, такъ и разсказано, какъ было на дѣлѣ, или, вѣрнѣе сказать, какъ передали старики дѣтямъ и внукамъ. Мирно вспоминали они старину, стараясь передать быль со всею точностью. Такую пѣснь называютъ „эпическою", что по руски значитъ „разсказочною". Слово это „эпосъ" (по русски „разсказъ") взято отъ древнихъ Грековъ, у которыхъ много было такихъ „разсказочныхъ" пѣсенъ, или проще разсказовъ. И впрямъ, подобная пѣснь больше сказывается, чѣмъ поется. Въ ней идетъ толковая рѣчь о дѣлахъ, а о своей радости, или о своемъ горѣ нѣтъ помину. Но человѣку хотѣлось бы не только сохранить въ пѣснѣ память о дѣлахъ, а и высказать, что накипѣло на душѣ, когда дѣло близко его затронуло. Въ заунывной пѣснѣ народъ жалуется на семейный разладъ, на горемычное житье; нѣкоторыя и изъ историческихъ пѣсенъ напоминаютъ о томъ, какъ въ злую годину томила народъ тяжелая забота, какъ веселился онъ при удачномъ дѣлѣ. Такія пѣсни, гдѣ дѣло или событіе описано кратко, а больше говорится о чувствѣ, называютъ „лирическими", опять по примѣру древнихъ Грековъ, которые, когда пѣли о своей радости, или о своемъ горѣ, то играли на лирѣ, на такомъ струнномъ инструментѣ

въ родѣ гитары. Пѣсни лирическія значитъ не столько годны для разсказа, сколько для музыки, для пѣнья. Короче и тѣ и другія сочиненія называются „эпосомъ“ да „лирикой“, а есть еще „драма“. Это значитъ, когда въ сочиненіи выведены лица въ разговорѣ между собою; а живой разговоръ бываетъ тогда, когда люди спорятъ, въ пылу страсти борятся между собою и съ препятствіями, что въ жизни мѣшаютъ человѣку дѣйствовать по своей волѣ. Значитъ „драма“ (греческое слово, по русски „дѣйствіе“) изображаетъ въ разговорѣ самое дѣйствіе, борьбу, и ее назначаютъ для представленія на сценѣ.

Отъ народа настоящихъ драмъ не сохранилось, а въ пѣсняхъ находимъ разговоръ вмѣстѣ съ разсказомъ и съ выраженіемъ личнаго чувства. Эпосъ, лирика и драма принадлежитъ къ „поэзіи“, а не къ „прозѣ“. Все, что ты дѣльно придумаешь и выскажешь въ рѣчи, будетъ „сочиненіе“. Да одинъ сочиняетъ, чтобы научить, чтобы все тебѣ изъяснить толкомъ, сочиняетъ „прозой“, а другой, у кого ужъ есть такой даръ, складно передастъ въ рѣчи, словно нарисуетъ въ картинѣ все, что пришлося ему испытать и видѣть, — это „поэзія“: тутъ у тебя дѣло происходитъ какъ передъ глазами, и видѣнъ самый смыслъ дѣла безъ всякихъ разсужденій и объясненій, потому что все изображеніе сложено такъ, чтобы выставить въ немъ самое значеніе предмета. Вотъ, Илья странствуетъ, борется съ врагами, а въ подвигахъ Ильи узнаемъ русскую удаль, узнаемъ, какъ русскій народъ отстаивалъ свою землю. Тутъ есть и вымыселъ, да вымыселъ, основанный на правдѣ, созданный народомъ, чтобы живѣе дать почувствовать эту самую правду. А о жизни русскаго народа можетъ быть и другая правдивая рѣчь, гдѣ ужъ безъ всякаго вымысла разсказано, что ко-

гда и какъ случилось. Это ужъ будетъ разсказъ „прозаическій“, — исторія; былина же, какъ и всякая другая пѣснь, есть сочиненіе „поэтическое“. Къ поэтическимъ сочиненіямъ, а именно къ эпосу принадлежитъ и сказка. Она во многомъ разнится отъ былины. „Пѣсня быль, а сказка складка“, говоритъ пословица. Эпическая пѣсня и точно изображала былое, пока оно живо сохранялось въ памяти.

Въ былинѣ, складной размѣренной рѣчью, народъ восхваляетъ своихъ богатырей, чтобы слава объ ихъ подвигахъ не погибла: отъ того и складъ разсказа здѣсь болѣе возвышенный, серьезный. Былина о Соловьѣ, богатомъ купцѣ, пріѣхавшемъ изъ-за моря въ Кіевъ, начинается такъ:

«Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты Днѣпровскіе».

А вотъ какъ описанъ лукъ у богатыря Дюка: „У Дюкова лука полосы серебрянныя, а рога краснаго золота, тетивочка шелковая, а стрѣлы колоты изъ тросль дерева, строганы въ Новѣградѣ, клеены клеемъ осетра рыбы, перены перьицемъ сизаго орла, орла орловича, птицы Камской, — не той Камы, что впала въ Волгу, а Камы, что за синимъ моремъ: леталъ орелъ надъ синимъ моремъ и ронялъ перьица въ море. Бѣжали гости корабельщики, собирали перья, вывозили на Святую Русь и продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ: покупала Дюкова матушка перо въ сто рублей, въ тысячу“. Такіе прикрасы и вымыслы въ описаніи только доказываютъ, какимъ важнымъ оружіемъ для древняго богатыря былъ лукъ. Точно также объ Ильѣ Муромцѣ поется: „Изъ-за горъ

высокихъ, изъ-за лѣсовъ темныхъ, не бѣлая заря занималася, не красное солнце выкатилось, выѣзжалъ добрый молодецъ, Илья Муромецъ, на своемъ конѣ богатырскомъ". Когда встрѣчаетъ онъ татарскую силу, то видитъ: „нагнано силушки черным-черно, отъ пару лошадинаго и человѣческаго не можетъ пропекать красное солнышко, сѣрому звѣрю кругомъ не обрыскать". Словомъ, вездѣ мы замѣчаемъ, что народъ искренно вѣритъ въ истину того, что описываетъ. Но въ сказкѣ другое дѣло. Тутъ старая быль ужъ почти забыта, и въ разсказѣ о ней вы не найдете прежней силы и искренности чувства. Сказка-складка: значитъ, болѣе служитъ дѣтской забавой, чѣмъ дѣловымъ занятіемъ для взрослыхъ. Объ Ильѣ говорится въ ней, какъ объ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ: „Сидѣлъ Илья сиднемъ тридцать лѣтъ и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко и ощутилъ онъ въ себѣ силу великую и сдѣлалъ себѣ сбрую ратную и копье булатное и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Приходитъ къ отцу и матери и сталъ у нихъ просить благословенія: „государи мои, батюшка и матушка! отпустите меня въ славный градъ Кіевъ Богу помолиться, а князю кіевскому поклониться". Отецъ и мать даютъ ему благословенье, кладутъ на него заклятіе великое и говорятъ такія рѣчи: „поѣзжай ты прямо въ Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, и на пути своемъ не дѣлай никакой обиды, не проливай напрасно крови христіанской". Разсказъ и далѣе ведется такъ, какъ будто дѣло шло не о подвигахъ богатырскихъ, а о разныхъ случаяхъ обыденной жизни. Значитъ, разскащика занимаютъ уже не эти подвиги, а онъ тѣшится однимъ вымысломъ. Точно также и старыя языческія преданія въ сказкѣ ужъ не имѣютъ преж-

няго смысла: злая вѣдьма, баба-Яга, бѣсы, чудесные старцы, чудесные звѣри ужъ мало напоминаютъ тѣ силы природы, которымъ народъ встарину поклонялся. Языческія божества забыты, остались только старыя суевѣрія. Чего нигдѣ не бываетъ, что совсѣмъ невозможно, то и нравится необразованному люду: забавляетъ только выдумка, а къ чему такъ выдумано, того никто не знаетъ. Потому иногда и кажется, что въ сказкѣ нѣтъ никакого смысла, а смыслъ тутъ былъ, да онъ забытъ. Вотъ, у одного царя сынъ, по прозванію Өедоръ Тугаринъ, да три дочки. По смерти родителей, Өедоръ и хлопочетъ, какъ бы отдать своихъ сестеръ замужъ. За одну посватался Вѣтеръ. Өедоръ вывелъ ее на крыльце. Какъ схватило ее, да загудѣло, заревѣло: не знать, куда она дѣвалась. Точно также средняя отдана въ замужество Граду, а младшая — Грому. Самъ Өедоръ женился на Анастасіи прекрасной, что побила три рати, да взяла въ полонъ змѣя. По своему неразумѣнію, Өеодоръ выпустилъ этого змѣя: змѣй и унесъ Анастасію въ лѣсъ. Длинный разсказъ, полный всякихъ чудесъ, идетъ о томъ, какъ, съ помощью зятьевъ, Вѣтра, Града и Грома, Өедоръ освободилъ свою жену и убилъ змѣя. Тутъ ужъ ясно, что выставлены разные силы природы, передъ которыми человѣкъ, не обладающій искуствомъ и наукою, безсиленъ: если онъ и побѣждаетъ злую силу змѣя, то ему все-таки нужно выдумать много всякаго чародѣйства, чтобы справиться съ этою силою: какъ одолѣть ее своимъ умомъ, онъ и вообразить не можетъ. Въ наши сказки вошло много такихъ чудесныхъ вымысловъ изъ Азіи, отъ Финновъ, или отъ Нѣмцевъ. Сказка все принимала, потому что въ ней то и дорого, что затѣйливо придумано, чѣмъ можно потѣшить праздную голову: сказ-

ка-складка. Но если бы въ сказкѣ заключались одни эти, потерявшіе свое значеніе, вымыслы о чертяхъ, да о вѣдьмахъ, то о ней много и говорить бы не стоило. Она становится „поэтической“, является „эпосомъ“ по другимъ причинамъ. Въ ней мы знакомимся съ особымъ „животнымъ эпосомъ“. Какъ былина прославляетъ богатырскія дѣла людей; такъ сказка со всею истиною изображаетъ дѣла животныхъ. Хитрая лиса, лукавый и хищный котъ, жадный и глупый волкъ, страшный медвѣдь, слабые козляточки, любопытный пѣтушокъ,—выведены въ ней такъ живо, что вы ясно видите ихъ нравы, входите, такъ сказать, въ душу этихъ животныхъ. Народъ тутъ выразилъ свои меткія наблюденія надъ природой. Въ сказкѣ, изображающей животныхъ, чудеснаго вымысла не больше, чѣмъ сколько нужно, чтобы наглядно выставить ихъ настоящія свойства. Тутъ не одинъ суевѣрный страхъ передъ природой, а видимъ и объясненіе ея силъ. Тутъ мы понимаемъ, какъ умѣетъ народъ сочувствовать всему, что есть въ природѣ живаго, какъ тѣсно связана она съ жизнью человѣка, особенно въ первоначальномъ его развитіи. Народъ съ любовью подмѣчаетъ именно тѣ свойства въ животныхъ, которыя напоминаютъ ему собственную жизнь, свой нравъ и обычай. Вначалѣ тутъ звѣри выведены вовсе не съ тою цѣлію, чтобы посмѣяться надъ людскою слабостью, а мы читаемъ разсказы объ ихъ похожденіяхъ точь въ точь какъ будто они дѣйствовали совершенно разумно. И дѣйствительно, у животныхъ есть разумъ, который не идетъ дальше того, чтобы устроить себѣ какой нибудь кровъ, обезопасить себя отъ враговъ, добыть пищу. Ихъ орудіе въ борьбѣ если не сила, то хитрость. Но и народъ мало образованный, при своихъ ничтожныхъ сред-

ствахъ къ защитѣ, больше беретъ не прямымъ искуствомъ, а хитростью. Хитрость у него и считается первымъ признакомъ ума. Она такъ свойственна людямъ слабымъ, беззащитнымъ, но все-таки имѣетъ превосходство надъ грубою силою. Вотъ, почему въ сказкахъ изъ дикихъ звѣрей болѣе всего величаютъ лису. Но домашнія животныя, котъ и собака, берутъ перевѣсъ и надъ лисою, подобно тому какъ народъ, въ своемъ осѣдномъ быту, побѣждаетъ дикаго звѣролова. Вотъ, лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ; мужикъ думалъ, что мертвая, и положилъ ее на возъ съ рыбой; а она потихоньку сбросила всю рыбку, да и ушла. Вотъ, она дурачитъ волка, заставляя его опустить хвостъ въ прорубь, чтобы наловить рыбы: хвостъ-то и приморозило; потомъ совѣтуетъ ему построить ледяную хатку, а себѣ строитъ лубяную: какъ пришла весна, ледяная хата растаяла. Она же хитро избавляетъ мужика отъ медвѣдя. Тотъ обѣщалъ ей за услугу куръ, да выпустилъ изъ мѣшка собаку. Лиса скорѣе бѣжать, спряталась въ нору, да и спрашиваетъ: „Ноги, что вы дѣлали? — Мы бѣжали. — А вы, глазки? — Мы глядѣли. — А ты, хвостъ? —Я, говоритъ, тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобъ ты упала“ Лиса осердилась и высунула хвостъ изъ норы: собака вытащила ее за хвостъ и растерзала. Значитъ, какъ ни хитра лиса, а въ просакъ попадется. Ей ни по чемъ обмануть глупаго волка, простоватаго медвѣдя, да подъ часъ перехитритъ ее маленькая птичка. Заставила она дрозда кормить, поить себя, да еще говоритъ: „Ну, теперь разсмѣши меня“. Дроздъ думалъ, думалъ, полетѣлъ въ село, сѣлъ на ворота къ богатому мужику, а лиса легла подъ воротами. Дроздъ и кричитъ: „Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ! Бабка, бабка, принеси мнѣ

сала кусокъ!“ Выскочили собаки и разорвали лисицу. Собака — прямодушный звѣрь, не поддается на лукавыя рѣчи, она хорошо знаетъ и врага и друга. Котъ также отбиваетъ пѣтушка у лисы, когда эта сманила его своей пѣсенкой: „Кикереку, пѣтушокъ, золотой гребешокъ, масляна головка! выгляни въ окошно, дамъ тебѣ горошку, дамъ и зернышекъ“. Котъ, послѣ лисы, занимаетъ самое видное мѣсто въ нашихъ сказкахъ. Въ прекрасной сказкѣ „Котъ, козелъ и баранъ“ (Афанасьева, вып. 3) очень живо выставлены его похожденія. Слизалъ онъ сметанку, его приколотили, и бѣжитъ онъ изъ дому, обманомъ сманивъ козла и барана. Баранъ лбомъ отворяетъ для него ворота, козла заставляетъ онъ везти себя, потомъ обоихъ научаетъ стукнуться лбами, чтобы добыть огня. Лукавый Васька вездѣ пользуется чужими услугами, но, заботясь о себѣ, спасаетъ и товарищей отъ бѣды. Пришли медвѣдь и семь волковъ къ стогу, гдѣ они грѣлись. Котъ взобрался на верхъ и кричитъ, чтобы не сердили старшого: „онъ бородою звѣрей побиваетъ, а рогами кожу снимаетъ; поклонитесь ему, чтобъ дозволилъ поиграть съ меньшимъ братомъ“. Поклонились волки козлу и стали задирать медвѣдя. Онъ крѣпился, крѣпился, да какъ хватитъ на каждую лапу по волку: запѣли они Лазаря и давай Богъ ноги. Опять козелъ да баранъ несутъ мурлыку, — только пыль столбомъ поднимается, да трава къ землѣ преклоняется, — и опять встрѣтились съ волками. Котъ брысь на самую верхушку ели, а козелъ да баранъ за нимъ, схватились за еловый сукъ и повисли. Мурлыко кидаетъ въ волковъ еловыя шишки да хвастаетъ: „Я давича двухъ волковъ съѣлъ, такъ сытъ, а ты, большой братикъ, за медвѣдями ходилъ, да не изловилъ, бери себѣ и мою

долю“. Тутъ козелъ оборвался и упалъ рогами прямо на волка, а мурлыко кричитъ: „держи его, лови его!“ На волковъ такой страхъ нашелъ, что пустились бѣжать безъ оглядки. Мы видимъ, какъ наглядно очерчены здѣсь природныя свойства звѣрей: глупый баранъ съ крѣпкимъ лбомъ, козелъ, страшный только по наружности своей бородой и рогами, названный въ шутку старшимъ за свой степенный видъ,—неуклюжій, тяжелый на подъемъ медвѣдь съ его страшной силой (мужичекъ-сѣрячекъ, Михайло Ивановичъ), жадные волки, и всѣхъ ихъ тороватѣе котъ-котокъ, сѣрый лобокъ, блудливый, трусливый и вмѣстѣ ловкій на всякія продѣлки. Конечно, козломъ волковъ не испугаешь, да такія не точности въ поэзіи допускаются, былъ бы вѣрно означенъ общій характеръ звѣря. „Животный эпосъ“ потому такъ называется, что въ немъ звѣри дѣйствуютъ и сами по себѣ, безъ прямого отношенія къ людямъ, разсказана звѣриная жизнь безъ намековъ на людскую. Это хорошо видно изъ сказки: „Теремокъ мышки“. Поселилась мышка-норышка въ лошадиной головѣ, и къ ней приходятъ одинъ за другимъ, чтобы жить вмѣстѣ: лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышъ (заяцъ), вездѣ-поскокишъ (лисица), изъ-за-кустовъ-хватышъ (волкъ). Вотъ привалилъ и медвѣдь и на вопросъ: кто пришелъ? — говоритъ: „Я васъ всѣхъ-давишъ“ — сѣлъ, и раздавилъ всѣхъ. Здѣсь разсказъ какъ будто только и веденъ къ тому, чтобы показать различныя качества животныхъ. Въ сказкѣ о котѣ и лисѣ (Афан. вып. 4) уже замѣчаемъ другое: рядомъ съ этимъ описаніемъ звѣринаго міра есть намеки и на людскую жизнь. Характеръ кота и здѣсь выступаетъ очень живо. Онъ невѣдомый въ лѣсу звѣрь и пугаетъ всѣхъ своимъ необычнымъ видомъ, но, по природному лукавству и

хищности, сходится съ лисою. Лиса очень изумилась, какъ съ нимъ встрѣтилась: „сколько лѣтъ живу въ лѣсу, а такого звѣря не видывала“. А котъ вскинулъ шерсть свою и говоритъ: „Я изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ къ вамъ бурмистромъ, а зовутъ меня Котофей Ивановичъ“. — А я лисица-дѣвица! возьми меня замужъ. Вотъ зажили они вдвоемъ: котъ сидитъ дома, а лиса добываетъ припасы. Насказала она и Михайлу Ивановичу (медвѣдю) и его брату Левону (волку), что она бурмистрова жена, велитъ имъ принести на поклонъ барана да быка: „а то Котофей Ивановичъ у меня такой сердитый...: коли кто не по немъ, сейчасъ съѣстъ“! Принесли они, сложили дань, да и прячутся: медвѣдь влѣзъ на самую верхушку дерева, а волкъ скрылся въ кучу сухихъ листьевъ. Идетъ котъ съ лисою. — „Ну, братъ, Левонъ Ивановичъ! какой онъ маленькій“! говоритъ медвѣдь. А котъ жадно бросился на быка, рветъ зубами и лапами и кричитъ „мяу, мяу“!—Невеликъ да прожористъ! замѣчаетъ медвѣдь: намъ четверымъ не съѣсть, а ему одному мало“. Тутъ волку захотѣлось посмотрѣть, зашелестилъ онъ листьями, а котъ думалъ, что мышь: какъ кинется и вцѣпился волку въ морду. Волкъ давай Богъ ноги, а мурлыко самъ струсилъ порядкомъ, со всѣхъ ногъ бросился на дерево, гдѣ сидѣлъ медвѣдь „Ну, думаетъ медвѣдь, увидалъ“! Положился онъ на волю Божію, да какъ шмякнется съ дерева о земь, всѣ печенки отбилъ; вскочилъ да бѣжать. А лисица вслѣдъ кричитъ: „вотъ онъ вамъ задастъ! погодите!“ Въ этой сказкѣ любопытно то, что котъ и въ лѣсу ведетъ болѣе осѣдлую жизнь, и, какъ домашній звѣрь, не смотря на свою слабость, долженъ взять верхъ надъ дикими звѣрями. Его прожорливость, увертливость и трусость здѣсь обрисованы еще нагляд-

нѣе. Но рядомъ съ этимъ онъ изображаетъ собою жаднаго бурмистра, который забираетъ по быку и все кричитъ „мало, мало!“ Тутъ ужъ находимъ насмѣшку надъ лицомъ, отъ котораго нерѣдко приходилось терпѣть народу. Насмѣшка или, какъ говорятъ иначе, сатира входитъ въ сказку тогда, когда народъ разовьется болѣе прежняго и станетъ думать объ устройствѣ своего общественнаго быта. Вначалѣ, имѣя дѣло лишь съ природою, приручая годныхъ для себя животныхъ и вступая въ борьбу съ дикими, онъ болѣе всего занятъ своими отношеніями къ природѣ: поклоняется солнцу, вѣтру и грому, подмѣчаетъ все, что въ природѣ для него полезно, что вредно. Тогда и міръ животныхъ ему особенно близокъ, возбуждаетъ все его вниманіе. Но вотъ, люди собрались въ общество, начали устроивать порядокъ по своему уму-разуму, рѣзче раздѣлились на богатыхъ и бѣдныхъ, на управляющихъ и управляемыхъ. Образовались сословія: бояръ, духовныхъ, торговыхъ людей и землепашцевъ; каждый въ своемъ сословіи или состояніи ищетъ себѣ наиболѣе правъ и власти; наступаетъ время другой борьбы, въ которой всѣхъ занимаютъ уже одни людскія отношенія. Бѣдный и слабый думаетъ, какъ защититься отъ богатаго и сильнаго; люди разумные выискиваютъ средствъ, какъ установить между всѣми доброе согласіе и правду. Прямой, христіанскій разумъ ужъ не въ томъ, чтобы взять верхъ надъ другимъ хитростью, а чтобы возрастить въ людскомъ обществѣ побольше всякаго добра и взаимной любви. Однимъ изъ могучихъ для этого средствъ: безпощадная насмѣшка надъ зломъ, которое предается всеобщему позору. Искренняя любовь къ людямъ не выноситъ лжи и обмана; съ нею человѣхъ нерѣдко негодуетъ и порицаетъ. Но правда,

какъ извѣстно, глаза колетъ: гдѣ еще держатся стараго обычая „кто сильнѣе, тотъ и правѣе“, тамъ прямо высказывать ее опасно. Въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ сказкѣ: животныя, въ ней выведенныя, понемногу начинаютъ означать людей съ животными наклонностями, и притомъ не только людей порочныхъ, а также занимающихъ въ обществѣ извѣстное мѣсто, принадлежащихъ къ извѣстному званію, которое требовало бы отъ нихъ болѣе строгаго пониманія правды, каковъ, напримѣръ, судья, воевода и проч. Такъ сказка переходитъ въ сатиру, въ басню, гдѣ животныя служатъ лишь къ изображенію людскихъ пороковъ. Образчикомъ такой сатиры можетъ у насъ служить „Судное дѣло Леща съ Ершомъ“. Небогатый владѣлецъ, боярскій Сынишко, Лещъ съ товарищами жаловался господамъ рыбамъ: великому Осетру, Бѣлугѣ и Бѣлой рыбицѣ, что злой ябедникъ Ершъ Щетинниковъ завладѣлъ у нихъ Ростовскимъ озеромъ: „онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рогатины, и свидится онъ съ нами на стану—и тѣми щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра“. Ершъ оправдывался: „Я, господа, не воръ и не разбойникъ, знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ городахъ князья и бояре, стольники и дворяне, дьяки и подъячіе, покупаютъ дорогою цѣною, и варятъ съ перцемъ и шафраномъ.“ Но Лещъ представилъ свидѣтелей, и Ерша присудили бить кнутомъ и повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца. Ершъ, какъ выслушалъ рѣшеніе, плюнулъ судьямъ въ глаза, скочилъ въ хворостъ, и поминай какъ звали! Значитъ, были встарину такіе сильные обидчики, что и суда не боялись. Но Ершъ тутъ все-таки обвиненъ, а по другой сказкѣ дѣло пошло иначе. Въ ней жалуется не Лещъ, а всякая мелкая рыба: Язи, Голов-

ли, Плотички. За Ершомъ послали Щуку; Ершъ заманилъ ее на пиръ, напоилъ да и заперъ. Наконецъ рыба Сомъ съ большимъ усомъ притащила на судъ обидчика. Судья, Петръ-Осетръ праведный, по совѣту же самого Ерша, назначаетъ такое испытаніе: раскинуть невода тонкіе, погнать рыбу въ устье; кто не останется въ неводѣ, а выскочитъ, тотъ и правъ. Забросили неводъ: ершишко шевельнулся, ворохнулся, впереди всѣхъ выскочилъ. „Вижу, Ершъ, что ты правъ, говоритъ Петръ-Осетръ праведный: ступай въ озеро да гуляй“. Есть еще третій разсказъ о Ершѣ. Какъ завладѣлъ онъ всѣмъ Ростовскимъ озеромъ, мелкая и крупная рыба собралась въ единый кругъ и сама выбрала себѣ судью праведнаго, рыбу Сомъ съ большимъ усомъ. Ершъ сталъ доказывать: „потому я завладѣлъ озеромъ, что Ростовское озеро горѣло снизу до верху, съ Петрова дня до Ильина, выгорѣло все и запустѣло.“—Не во вѣкъ, говоритъ Сомъ, наше озеро не гарывало“. Ершъ ссылается на рыбу Сорогу (плотица): она была на пожарѣ, глаза опалила и до нынѣ у ней красны. Но Сорога, приведенная въ судъ, говоритъ: „Никогда наше озеро не гарывало; кто Ерша знаетъ, да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ“. Ершъ призываетъ еще въ свидѣтели Окунь-рыбу, что головешки носилъ и крылья у него понынѣ красны,—щуку и налима, что почернѣли на пожарѣ. Всѣ свидѣтельствуютъ противъ Ерша, и тогда его схватили и повѣсили. Хоть Ершъ и теперь ускользнулъ изъ петли, но этотъ земскій судъ все-таки былъ болѣе другихъ распорядителенъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда въ старину умножались разбои, московскіе государи давали народу право выбирать себѣ судей, потому что назначаемые изъ Москвы воеводы и дьяки нерѣдко брали посулы, судили не по

правдѣ, или не умѣли управиться съ хитрымъ обидчикомъ.

Становясь сатирою, сказка также и старинный чудесный вымыселъ о разныхъ чародѣйствахъ примѣняетъ къ нравоучительной цѣли. Хоть старыя вѣрованія и забыты, и всѣ эти вѣщіе звѣри, волшебныя силы, преданія о живой и мертвой водѣ, о Бабѣ-Ягѣ, о бѣсахъ и вѣдьмахъ не имѣютъ болѣе никакого смысла, но разсказъ о нихъ остается, служа лишь къ тому, чтобы ярче выставить какую нибудь житейскую истину. Положимъ, нужно выразить мысль, что доброму слѣдуетъ награда, а злому наказаніе, и вотъ добрый узнаетъ отъ нечистыхъ духовъ, какъ спасти больную царевну, исцѣляетъ ее, женится на ней, богатѣетъ, — а злой гибнетъ. Нечистые духи здѣсь могутъ означать развѣ только то, что, по закону справедливости, и самое зло должно для добраго человѣка обращаться въ пользу. Здѣсь одно иносказаніе. Въ эпической пѣснѣ, называемой также поэмою, все дѣйствуютъ богатыри, изображена широкая удаль народа, который испытывалъ свои силы въ борьбѣ съ природою и съ внѣшними врагами. Отъ того и складъ ея болѣе возвышенный, рѣчь мѣрная, какою не говорятъ въ обыденной жизни. Но прошло время, когда всего нужнѣе было искуство метко пустить стрѣлу, раздробить палицею непріятелю черепъ, сбить его копьемъ съ коня. Когда народъ сталъ болѣе думать объ устройствѣ земскаго дѣла, объявились другіе враги: неправда, насиліе, обманъ, лицемѣріе, глупость. Борьба съ обыденными дрязгами жизни еще труднѣе борьбы съ какимъ нибудь чудовищемъ или великаномъ. Проста, мелка эта обыденная жизнь, да она всегда съ нами: иноземную силу можно одолѣть, прогнать, а своей доли, какая выпала тебѣ въ кругу другихъ людей, не прогонишь. Проста, незатѣй-

лива и сказка, изображающая эту обыденную жизнь, въ ней нѣтъ высокаго складу, какой находимъ въ былинѣ, а та же рѣчь, какою мы всѣ говоримъ ежечасно. Но ея смыслъ не менѣе важенъ; народъ учится по ней обыкновенной житейской правдѣ.

Въ чемъ же состоитъ этотъ нравоучительный смыслъ сказки? Вотъ, злая мачиха посылаетъ дѣвочку къ ненавистной Бабѣ-Ягѣ, вѣдьмѣ. Но дѣвочка была добрая, ласковая: она перевязала ленточкой березку, чтобы та не стегала ей въ глаза, подлила подъ пяточки воротамъ маслица, чтобъ они не скрипѣли, дала собакамъ мяса, а коту ветчинки. Вѣщій котъ и научилъ ее, какъ избавиться отъ лихой вѣдьмы. Значитъ, надо вѣрить, что гдѣ добро и ласка, тамъ злые ковы пойдутъ ни во что. По другой сказкѣ (Морозко, Афан. вып. 4), мать не взлюбила старшую дочь, добрую Маршу, всячески ее мучила и въ насмѣшку вздумала выдать замужъ за Морозко: снарядила, будто на свадьбу и бросила въ лѣсу. Вотъ, Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ, да пощелкиваетъ все сильнѣе и чаще, да спрашиваетъ: „тепло ли те дѣвица? тепло ли те, красная?“ Марша чуть духъ переводитъ, все больше костенѣетъ, а сама говоритъ: „тепло, батюшка! тепло, голубчикъ Морозушко!“ Морозко наконецъ надъ ней сжалился, прикрылъ богатой шубой, дорогой фатой, осыпалъ подарками. Мать удивилась, послала и другихъ любимыхъ дочерей въ лѣсъ въ надеждѣ, что онѣ также вернуться съ подарками, да онѣ стали, на чемъ свѣтъ, бранить Морозко и закостенѣли. Здѣсь, какъ и въ другихъ сказкахъ, мы замѣчаемъ, что народъ, въ своей бѣдной жизни, выработалъ болѣе всего одну добродѣтель: терпѣніе; его добрые люди мало дѣйствуютъ, а больше

ждуть, пока не поможеть имъ чудо. Но намъ все-таки любопытно видѣть ту крѣпкую вѣру въ чудесную силу добра, какую высказываеть сказка. Точно также загнанный, добродушный меньшой братъ въ ней всегда береть перевѣсъ надъ старшими, бойкими да не правдивыми братьями. Въ разсказѣ „Сивка бурка вѣщая каурка" дурачекъ одинъ, по завѣщанію отца, сторожить три ночи на его могилѣ, тогда какъ старшіе братья трусятъ. За это получаетъ онъ чуднаго коня, сивку-бурку, съ помощью котораго женится на царевнѣ. Вотъ, спорятъ два бѣдныхъ мужичка, какъ лучше жить: правдой или кривдой (Сказка о правдѣ и кривдѣ, Афан. вып. 1)? Согласились они спросить до трехъ разъ прохожихъ. Барской мужичокъ, купецъ и прикащикъ — всѣ говорятъ одно: „Знамо дѣло, кривдой жить вольготнѣе; насъ обманываютъ и мы обманываемъ... какая нонче правда? за правду угодишь въ Сибирь, скажутъ кляузникъ". Криводушный умѣлъ ко всѣмъ прилаживаться и калачей досталъ; а прямодушный, умирая съ голоду, далъ выколоть себѣ глаза, чтобы получить отъ него кусочекъ хлѣба, но не покривилъ душою. Въ награду за это прямодушный сдѣлался богачемъ и царскимъ сыномъ, а криводушнаго растерзали черти. Въ сказкѣ „Горе" (Афан. выпускъ 5) выставлено, какъ богачъ заставляетъ у себя работать своего бѣднаго брата и за тяжелый недѣльный трудъ даетъ ему только ковригу хлѣба, да зоветъ къ себѣ на имянины. Пришелъ бѣднякъ на пиръ въ лаптяхъ, въ сѣромъ кафтанишкѣ и только видѣлъ, какъ именитые гости пили да ѣли: объ немъ съ женою и совсѣмъ забыли. Возвращаются гости съ пира, распѣваютъ пѣсни. Запѣлъ и бѣднякъ: пусть, дескать, думаютъ, что и его угостили у брата. Вдругъ слышитъ кто-то ему подпѣваетъ: поетъ

то онъ одинъ, а слышно два голоса. „Это ты, Горе, мнѣ пособляешь?“ спрашиваетъ бѣднякъ. — Я, хозяинъ! И вотъ, Горе учитъ его идти въ кабакъ, пропить полушубокъ, телегу, соху, даже хату, даже женинъ сарафанъ. Когда не стало у него ни кола, ни двора, Горе велитъ ему попросить у сосѣда пару воловъ съ телегою и ѣхать въ лѣсъ. Въ лѣсу увидѣлъ онъ камень, отвалилъ его и нашелъ въ ямѣ груду золота. Склалъ золото на телегу, да и говоритъ: „Посмотри-ка, Горе, никакъ еще на днѣ осталось?“ Горе влѣзло въ яму, а мужикъ взялъ, да и завалилъ его камнемъ. Узналъ богачъ, какъ добылъ казну его бѣдный братъ, самъ захотѣлъ еще поживиться, пошелъ къ той-же ямѣ, отвалилъ камень, и на свою бѣду выпустилъ Горе: теперь ужъ ему пришлось считаться съ этимъ злымъ демономъ. Скупой богачъ жестоко наказанъ и въ сказкѣ „Батракъ“ (вып. 5). Нанимаетъ купецъ батрака работать, спрашиваетъ: „Что возьмешь?“ — Да что съ тебя взять? годъ проживу — тебѣ щелчокъ, да купчихѣ щипокъ — „Экая благодать! думаетъ скряга: вотъ когда дешево нанялъ, такъ дешево!“ Но плохо пришлось ему, какъ онъ увидѣлъ, что батракъ однимъ щелчкомъ убилъ быка, а щипнулъ разъ—и снялъ съ него всю шкуру. А сказка „Неумойка“ учитъ: будь вѣренъ своему слову, хоть бы ты далъ его чорту. Отпустили солдата *въ чистую*, вышелъ онъ на дорогу, сѣлъ, да и думаетъ думу: „Что мнѣ теперь дѣлать? къ чорту что ли въ работники наняться?“ А чертенокъ тутъ какъ тутъ, и обѣщаетъ много богатства за такую работу: „Пятнадцать лѣтъ не бриться, не стричься, не сморкаться, не утирать носа и не перемѣнять одёжи“. Ударили по рукамъ. Знаетъ солдатъ службу: разбогатѣлъ, присватался къ царевнѣ, а ни разу не измѣнилъ данному слову. Чортъ

остался ни съ чѣмъ, потому что никакъ не могъ соблазнить его побриться, постричься, высморкаться, или перемѣнить одёжу. Въ другихъ разсказахъ представлено, что добрый совѣтъ дороже сотенъ рублей (Доброе слово. Тамъ же, стр. 150), или что и копеечка за честный, совѣстливый трудъ можетъ сдѣлать чудо (Три копеечки. Тамъ же, стр. 155). Мы видимъ, что вездѣ народъ прославляетъ кротость, душевную доброту, правдивость, безкорыстіе, щедрость, самую строгую честность. Есть, конечно, сказки, гдѣ въ привлекательномъ видѣ представлены и воровская удаль, и ловкость въ обманѣ (Воръ, вып. 5, стр. 27. Русскій и Татаринъ, вып. 2, стр. 26), въ ущербъ нравственному смыслу; да это не болѣе какъ шутка, нѣсколько грубая, но допускаемая народомъ ради его сочувствія къ уму, къ смышленности человѣка. Въ разсказахъ о ворѣ дѣло идетъ объ искуствѣ мужика передъ бариномъ, который испытываетъ его удаль, предлагая что нибудь украсть изъ своего добра, и ни разу не можетъ словить его. Важнѣе то, что нравственный смыслъ сказки какъ будто уменьшается, когда за добро она обѣщаетъ большую награду, важныя почести и богатства, и заставляетъ надѣяться, что всего этого можно достигнуть терпѣливымъ ожиданіемъ чуда. Дѣйствительно, въ образованномъ, достаточномъ кругу подобное нравоученіе, пожалуй, способно разслаблять человѣка: не испытавъ горя, не видавъ настоящей жизни, онъ станетъ очень злымъ, когда узнаетъ, что за всякій хорошій поступокъ не награждаютъ деньгами. Но у народа надежды на награду имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Вѣра, что съ безкорыстнымъ трудомъ, съ честностью, съ правдою можно ожидать великаго чуда, должна много поддерживаетъ бѣднаго человѣка въ его тяжелой,

трудовой жизни. Это вѣра первыхъ христіанъ, которые утѣшались ею во время гоненій. А мечты о роскошныхъ благахъ жизни врядъ-ли могутъ разслабить бѣдняка: вѣдь у него есть такія настойчивыя побужденія къ труду, какъ голодъ. Нужда научитъ и съ камня лыки драть, говоритъ пословица. Что онъ грезитъ о почестяхъ, о богатствѣ, совершенно естественно: больному снятся крѣпкая сила, здоровье, бѣдному—роскошь, деньги.

Сочувствуя уму, народъ рѣзко осмѣиваетъ дурацкое счастье. Вотъ, горшеня, продавая горшки, проѣхался верхомъ на бояринѣ; царь осыпалъ его почестями за то, что онъ былъ мозголовъ и разрѣшилъ, какое худо всего хуже: „всего хуже худой разумъ, отъ него никуда не уйдешь". (Афан., вып. 4, стр. 149). Но случается такъ, что дураку-то именно и везетъ счастье. Очень наглядно это выставлено въ сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ, любопытной еще тѣмъ, что изъ нея мы видимъ, какъ измѣняется былина въ примѣненіи къ обыденной жизни. Ивану надоѣло пахать поле. Разъ видитъ онъ на пашнѣ видимо не видимо слѣпней, комаровъ и всякой мошки,—хватилъ хлыстомъ и убилъ разомъ до сорока, а мелкой мошки смету нѣтъ. „Чѣмъ я не богатырь?" сказалъ онъ: осѣдлалъ свою клячу, взялъ ржавую саблю и поѣхалъ, да на распутьи поставилъ столбъ и кое-какъ нацарапалъ: „Илья Муромецъ и прочіе богатыри пріѣзжали-бы въ такое-то царство къ сильному и могучему богатырю, который однимъ взмахомъ убилъ сорокъ богатырей, а прочей рати и сметы нѣтъ?" Какъ ослушаться сильнаго человѣка? Ѣдутъ русскіе удальцы къ Ванюхѣ, а онъ предъ ними и шапки не ломаетъ. Царь видитъ: потоптали его луга, собралъ большую рать. Дуракъ и не тронулся съ мѣста, растянулся, да говоритъ: „Ильюха! ступай-ка,

прогони ихъ, что за люди?“ Илья вскочилъ на коня, потопталъ всю рать. Царь тогда выслалъ противъ богатырей Добрыню. Ну, съ этимъ трудно тягаться! разъѣхались удальцы, остался одинъ Ванюха. Добрыня подошелъ къ нему, видитъ: такой крохотный, худенькій,— наклонился головой къ дураку, да и любуется. Ванюха хвать саблю, да и срубилъ ему голову. Перепугался царь, выслалъ карету за дуракомъ, отдалъ за него дочь свою. Что касается неумѣлости, глупости, столь вредныхъ въ дѣлахъ житейскихъ, то они ловко осмѣяны въ сказкахъ о набитомъ дуракѣ, о мѣнѣ. (Вып. 2, стр. 17; вып. 2, стр. 19; вып. 5, стр. 52). Дуракъ все дѣлаетъ не впопадъ. Видитъ онъ, мужики молотятъ горохъ и кричитъ: „молотить вамъ три дня и намолотить три зерна“. Его прибили. Жалуется онъ матушкѣ, та совѣтуетъ: „Охъ, дитятко! сказалъ бы ты: возить вамъ не перевозить, таскать—не перетаскать“.—Ладно! думаетъ дуракъ, пошелъ на улицу, встрѣтилъ покойника и оретъ: „Возить вамъ— не перевозить, таскать не перетаскать“. Его опять отдули. „Эхъ, дитятко! замѣчаетъ матушка, ты бы молвилъ: „Канунъ да ладонъ“. Запали дураку эти слова въ умъ-разумъ, встрѣтилъ онъ свадебный поѣздъ и закричалъ. „Канунъ да ладонъ!“ Такъ все дѣлалъ онъ, пока матушка совсѣмъ не стала пускать его изъ дому. Народная сатира также часто направлена противъ злыхъ и упрямыхъ женъ, противъ лицемѣрія и ханжества и т. д. Какъ мѣстами она ни груба, ни поверхностна, все же нельзя отнять у ней одного достоинства: она, вездѣ защищаетъ слабаго и угнетеннаго, стоитъ за людей бѣдныхъ и безотвѣтныхъ,—подобно Евангельской притчѣ о бѣдномъ Лазарѣ, сулитъ имъ много награды за ихъ терпѣніе.

И такъ мы видѣли, что надо различать сказки двоякаго рода: однѣ грубо передѣланы изъ старыхъ былинъ, или, ради одного затѣйливаго вымысла, передаютъ старыя преданія, потерявшія свой смыслъ, слѣдовательно болѣе служатъ для праздной забавы; другія напротивъ высказываютъ меткія наблюденія народа надъ животными, и, съ развитіемъ общества, обращаютъ этотъ міръ животныхъ въ средство осмѣять людское зло, становятся сатирой или пользуются старыми билинами и чудесными преданіями для какой нибудь нравственной цѣли, для насмѣшки надъ глупостью и упрямымъ себялюбьемъ.

Обращаемся къ другому роду народныхъ сочиненій, къ пословицамъ. Пословицы вѣрнѣе было бы отнести къ прозѣ: въ краткихъ, меткихъ изреченіяхъ, тутъ народъ выражаетъ свои знанія, добытыя труднымъ житейскимъ опытомъ. Но выражены онѣ большею частію въ живой и складной, поэтической рѣчи. Пословицы обнимаютъ всю жизнь народа, знакомя насъ съ его суевѣріями и нравственными правилами, съ его понятіями объ окружающей природѣ, о различныхъ отношеніяхъ къ людямъ, о домѣ и хозяйствѣ, о наукѣ и промыслахъ, — совсѣмъ его бытомъ семейнымъ и общественнымъ. Пословица — красное, удачное слово: въ ней видна вся живость, бойкость русскаго ума. Меткое сравненіе, искусное сближеніе понятій, сила, краткость и наглядность выраженія, при созвучіи или искустномъ совпаденіи словъ, — вотъ главныя ея отличія. Многія пословицы выясняютъ мысль лишь удачнымъ сравненіемъ. „Не выросла та яблонька, чтобъ ее черви не точили“ говорятъ про общую долю всякаго испытывать какое нибудь горе или заботу. Богатому легко увеличить свой капиталъ и достигнуть почета; про это такъ толкуютъ: „Деньги, что галье

(галки), все въ стаю сбиваются: золото вѣско, а кверху тянетъ". Скупой рѣзко очерченъ такими словами: „Шиломъ горохъ хлѣбаетъ, да и то отряхиваетъ; захотѣлъ отъ каменнаго попа желѣзной просфоры". Иногда сравненіе выражаетъ разомъ нѣсколько качествъ: „Бабій умъ — бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца". Въ слѣдующей пословицѣ находимъ и созвучіе: „У тебя совѣсть, что розвальни: садись, да и катись" — значитъ, очень податливая совѣсть. Для выраженія нелѣпой отговорки или причины выбранъ нелѣпой примѣръ: „Курица иноходица пса излягала". Иногда какой нибудь частный случай служитъ къ поясненію общей мысли; про безсильный гнѣвъ говорятъ: „Старуха три года на міръ сердилась, а міръ того и не зналъ". „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день" стали толковать крестьяне про всякій неудавшійся разсчетъ, когда запрещенъ былъ переходъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, который въ старину совершали въ осенній Юрьевъ день.

Намъ невозможно разсматривать подробно всего, что выражается нашими многочисленными пословицами; обратимъ вниманіе на самое существенное. Пословицы изображаютъ намъ и добрыя качества народа, и его недостатки, слѣды стариннаго невѣжества и старинной грубости нравовъ. Народное благочестіе высказывается во множествѣ такихъ пословицъ, какъ: „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ; всякъ про себя, а Господь про всѣхъ; великъ Богъ милостью". Но рядомъ съ этимъ мы находимъ и старинное суевѣріе, съ какимъ, напримѣръ, люди, стоявшіе за свою бороду, толковали: „Образъ Божій въ бородѣ, а подобіе въ усахъ", или другіе предписывали правила молитвы: „Стоя на молитвѣ, ногъ не разставлять: бѣсъ проскочитъ". Смышленный народъ однако легко по-

нималъ нелѣпость подобныхъ сужденій; про бороду онъ уже говоритъ: „Борода трава—скоситъ можно". Онъ осмѣиваетъ и грубое, чисто чувственное понятіе о божествѣ, представляя, какъ молится глупая баба: „Спаси и помилуй ты меня, Мать Пресвятая Богородица,—а живу я въ крайней избѣ на селѣ". Но особенно народъ возстаетъ на ханжество и лицемѣріе, съ какимъ люди думаютъ наружнымъ благочестіемъ прикрыть свои худыя дѣлишки. „Густо кадишь, святыхъ зачадишь", говорятъ про такихъ ревнителей вѣры. „Спереди блаженъ мужъ, а сзади—вскую шаташася; смиренъ духомъ, да гордъ брюхомъ". Вѣдь есть такіе смиренники, что „и Богу наровитъ угодить на чужой счетъ", а когда молится, то чуть не говоритъ: „Утаи, Боже, такъ, чтобъ и чортъ не узналъ". Къ народнымъ суевѣріямъ можно отнести также вѣру въ рокъ, свойственную людямъ, которые, испытывая бѣду, не могутъ ни разобрать хорошенько причинъ ея, ни помочь себѣ: все у нихъ дѣлается неразумно, по волѣ какого-то случая, или судьбы. Эту вѣру изображаютъ многія пословицы: „Бойся, не бойся, а року не миновать; видно, такъ на роду написано; у притчи не уйти; жди, какъ волъ, обуха", и проч. Съ малымъ образованіемъ и большой бойкостью въ характерѣ, человѣкъ склоненъ многое дѣлать на удачу, въ надеждѣ, что авось либо вывезетъ: вѣдь съ нѣкоторой сметкою иной разъ можно и потрафить. Уже очень давно толкуютъ: „Русскій крѣпокъ на трехъ сваяхъ: авось, небось, да какъ нибудь". Но болѣе смышленные люди изъ народа понимаютъ, что такія сваи чуть держатся на болотѣ и создали пословицы: „Авоська небоськѣ родной братъ; держался авоська за небоську, да оба въ яму упали; вывезетъ и авоська, да не знать куда". Другими остатками невѣжественной старины можно назвать грубости

нравовъ, буйный разгулъ, склонность къ насилію, къ жестокости. Народная сила и удаль, безъ добраго направленія, безъ прямаго дѣла, часто выражалась въ дикихъ понятіяхъ, въ ссорахъ и дракахъ. Бывали удальцы, которые ставили себѣ въ похвальбу, что у нихъ „одна денежка, и та свищетъ“. Грубая брань считалась простымъ разговоромъ: „не выругавшись дѣла не сдѣлаешь“. Среди трудной борьбы съ врагами, человѣкъ закалялся въ бѣдахъ, росла тѣлесная сила, а ума прибывало не въ примѣръ меньше. Въ мирное время, на дому, драка была любимымъ развлеченіемъ; старый языкъ сохранилъ великое множество выраженій, сходныхъ со словомъ „бить“. Нельзя не указать и на это печальное богатство рѣчи: „выдрать, намылить, задать баню, нахлобучку, гонку, стрижку, трепку, таску, вылудить бока, накормить березовой кашей, играть на кожанной скрипкѣ, и проч. и проч.“ А удаль сильнаго высказывалась въ такихъ сильныхъ словахъ; „Согну въ бараній рогъ, скручу въ крюкъ, конскимъ хвостомъ пепель размету!“ Про старинныхъ воеводъ шла молва: „правитъ какъ въ лѣсу медвѣдь дуги гнетъ“. Во время такихъ неурядицъ, каждый думалъ только о себѣ, о своей безопасности: „Свались только съ ногъ, а за тычками дѣло не станетъ“,—а бѣдный обращался съ мольбою: „Заступи, да не наступи“. Бывалая жестокость выражалась и на судѣ въ пословицѣ: „Кнутъ правду сыщетъ“, а пытки еще памятны по выраженіямъ „Узнать подноготную (отъ забиванья гвоздей подъ ногти), узнать подлинную (отъ длинниковъ, палокъ); за виски, да въ тиски, и проч.“. Противъ такихъ жестокостей въ народѣ все-таки не смолкалъ голосъ христіанской любви и мудрости, которая говорила: „Гдѣ грозно, тамъ и розно; не грози щукѣ моремъ, а нагому горемъ; ласковое слово

пуще дубины: за спасибо мужичекъ въ Москву сходилъ, да еще полспасиба домой принесъ". Но всего живѣе народный разумъ высказался въ пословицахъ о правдѣ. „Правда, по словамъ народа, свѣтлѣе солнца; на правду, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь; правда немутовка: повертѣвъ, да не покинешь; на пословицу, на дурака, да на правду и суда нѣтъ". Значитъ рядомъ съ дикой грубостью нравовъ, уже является мысль о высокомъ нравственномъ совершенствѣ, о какомъ человѣкъ едва смѣетъ раздумывать; разъ отдавшись этой мысли, онъ уже долженъ крѣпко держатся прямаго пути: иначе ничѣмъ не обманетъ, не угомонитъ своей совѣсти. Находя въ жизни противорѣчіе этимъ чистымъ стремленіямъ къ добру, русскій человѣкъ говорилъ: „Была, сказываютъ, и правда на свѣтѣ, да не за нашу память; правда не на міру стоитъ, а по міру ходитъ". Но въ тоже время онъ не завидовалъ удачѣ и силѣ криводушнаго: „неправдой весь свѣтъ пройдешь да назадъ не вернешься". Въ этой любви къ правдѣ, народъ особенно возмущался безпорядками стариннаго суда, отъ которыхъ много приходилось терпѣть ему. „На одного виноватаго по сту судей; семеро въ семьѣ, а осьмеро большихъ; бумажная вина непрощеная"—вотъ какими словами обрисовалъ онъ старинное запутанное управленіе и судопроизводство. О судейскомъ произволѣ говорилось такъ: „Судья что плотникъ: что захочетъ, то и вырубитъ". „Что мнѣ законы, коли судьи знакомы" толковалъ ловкій и богатый ябедникъ, и его дерзкое презрѣніе къ закону часто поддерживалось самымъ дѣломъ: „Лошадь съ волкомъ тягалась, — одинъ хвостъ да грива осталась". Кто былъ „прямъ, какъ Московская оглобля", тотъ шелъ на всякую сдѣлку. „Что черно, что бѣло,—вызолоти: все одно". Взятки считались

обыкновеннымъ средствомъ къ прокормленію, и о подъячемъ шла нелестная молва: „Перо за ухомъ, такъ и пальцы въ крюкъ; это—урывай-алтынникъ поборышкинъ“. Пользоваться казеннымъ добромъ также казалось только дѣломъ житейской ловкости и распорядительности; у безчестныхъ людей велись такія рѣчи: „Казна не убогая вдова: ее не оберешь; дай на прокормъ казенную корову,—прокормлю и свое стадо“. Но важно ужъ то, что народъ сознавалъ всѣ эти злоупотребленія, что меткая пословица клеймила порокъ, возбуждая сочувствіе къ правдѣ; „добро и во снѣ хорошо“—говоритъ народъ, а безъ этой вѣры въ добро невозможны были бы и никакія улучшенія въ жизни. Одною изъ причинъ разныхъ злоупотребленій, не исключая и мелкаго взяточничества, была бѣдность, происходившая частію отъ необразованія, отъ неумѣнья взяться за какой нибудь промыселъ, частію отъ неустройсгвъ въ общественномъ бытѣ, о которымъ мы уже говорили. Эту бѣдность народъ рисуетъ очень яркими чертами. „Хлѣбъ съ солью, да водица голью. Наготы, босоты изувѣшены шесты; холоду, голоду амбары полны. Три кола вбито, да небомъ прикрыто“. Но тяжелѣе было то, что бѣдные люди не видѣли выхода изъ подобнаго положенія, какъ выразилось и въ пословицѣ: „Не тѣснота губитъ, а лихота“. Тутъ ужъ трудно думать о какомъ нибудь улучшеніи въ своемъ быту: „плохо затѣвать, коли нечего жевать“, и хоть нужда „изъ песку умѣетъ вить веревки“, но бываетъ также, что „бѣдность крадетъ, а нужда лжетъ“. Въ этомъ положеніи легко глохнутъ всѣ нравственныя понятія: „родился малъ, росъ глупъ, выросъ пьянъ, померъ старъ—ничего не знаю,—иди, душа, въ рай“. Вспоминая о своей горемычной долѣ, по пословицѣ: „Гдѣ наше не пропадало“!—русскій человѣкъ болѣе

всего старался запастись въ жизни терпѣніемъ: „Терпи, голова, въ кости скована“ — и утѣшалъ себя мыслію; „Отерпимся, и мы люди будемъ“, хотя съ другой стороны сознавалъ, что „Молчанъ собака, да и та, терпя, вавкнетъ.“

Бѣдному, угнетенному народъ, сколько доставало его силъ, оказывалъ христіанскую помощь и милость въ убѣжденіи, что „убогаго слеза жидка, да ѣдка“. Въ этомъ смыслѣ сказались и пословицы: „Съ міру по ниткѣ, голому рубаха; на Руси съ голоду никто не умиралъ“. Свои насущныя потребности онъ хорошо выразилъ въ изреченіи: „Хлѣба съ душу, денегъ съ нужу, платья съ ношу“.

При тѣхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ старины, на которыя мы указали, казалось, народъ осужденъ былъ къ неподвижности, къ бѣдной, животной жизни, по мѣрѣ того, какъ невѣжество и равнодушіе къ злу увеличивались; но ужъ въ его характерѣ было живое чутье, по которому онъ искалъ движенія: „Стоячая вода гніетъ, говоритъ онъ,—и камень, лежа, мохомъ обростаетъ“. Какъ ни было упрямо старое невѣжество, народъ легко понялъ пользу науки. Множество пословицъ наставляютъ: „Вѣкъ живи, вѣкъ учись; Божьей волей свѣтъ стоитъ, наукой люди живутъ; кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть; безъ науки и лаптя не сплетешь; не худое ремесло, кто умѣетъ сдѣлать и весло“. Требуя науки, полезной для жизни, народъ хвалитъ ловкаго, расторопнаго мастера, который „къ чему рукъ ни приложитъ — все кипитъ“ и работаетъ такъ, что „комаръ носу не подточитъ“. Но въ работѣ важны не одна ловкость рукъ и расторопность; еще важнѣе умъ, знаніе, умѣнье направить дѣло. „Въ добрую голову сто рукъ“ — и пословица твердитъ: „Не трудно сдѣлать, да трудно задумать; не куетъ желѣза молотъ, куетъ кузнецъ; не дорога пляска, а дорога уставка;

изъ одного дерева икона и лопата". Хоть „безъ ума житье—рай", толкуютъ многіе по опыту, народъ уважаетъ умъ, говоря: „Голова всему начало; умъ сяжкомъ подъ небеса уходитъ; сила—уму могила", и съ насмѣшкой отзывается о тѣхъ, у которыхъ „подъ носомъ взошло, а въ головѣ и не посѣяно", или что ѣздили за море, да ничего не вывезли: „Журавли и за море летаютъ, а все одно курлы". Точно также слово, по пословицѣ, имѣетъ великую силу: „Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы; языкъ малъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ; живое слово дороже мертвой буквы"; но праздная трата словъ тоже безмысленна: „Сколько ни говорить, а съ разговору сытымъ не быть". Къ сожалѣнію, народу мало удавалось удовлетворять эту любовь къ наукѣ, къ уму, къ грамотѣ, къ живому слову. Грамотѣи, его учившіе, сами плохо смыслили грамоту и только придумали пословицы: „Безъ муки, нѣтъ и науки; не побивши, не выучишь". Ихъ наука—читать „безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ", а грамота такова „гдѣ чихнуть пришлось—запятая, гдѣ икнулось—двоеточіе, а гдѣ табаку понюхать—точка".

Съ наукой лучше пойдетъ устройство и своего дома, и мірскаго дѣла. А народъ любитъ свой домъ, свою родину, говоря: „За моремъ веселье да чужое, а у насъ и горе да свое": Онъ сознаетъ, что тутъ его сила: „На своемъ пепелищѣ, и курица бьетъ". Сила-же заключается не въ одной семейной любви, не въ одной помощи, какую оказываютъ другъ другу родные, а въ согласіи и ладѣ, какой долженъ быть между всѣми членами общины во всякомъ добромъ дѣлѣ. Народъ сознаетъ эту мірскую крѣпость, говоря: „Міръ тонокъ, да дологъ; съ міромъ и бѣда—не убытокъ; что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ". Но есть и другія пословицы, указывающія на искаженіе

мірскаго дѣла, напримѣръ: „Мірская сходка—земскимъ водка“.

И такъ чтобы ни говорили о грубости нравовъ, о невѣжествѣ, о неумѣлости народа, его пословицы доказываютъ, что въ немъ скрыты всѣ тѣ добрыя начала, которыя могутъ вести къ обновленію и улучшенію жизни; лишь бы дать имъ, какъ добрымъ сѣменамъ, благопріятный всходъ, приготовивъ для нихъ хорошую почву.

ПИСЬМЕННОЕ СЛОВО

V. Начало русской письменной литературы и ея раздѣленіе на періоды.

Связное и толковое изложеніе мыслей въ словѣ называютъ, какъ мы уже знаемъ, сочиненіемъ, или произведеніемъ слова. Излагать мысли можно изустно и письменно, слѣдовательно и сочиненія могутъ быть изустныя и письменныя. Всѣ сочиненія народа, или произведенія слова, которыя сохранялъ онъ изустно, по преданію, по памяти, или письменно, въ рукописяхъ и книгахъ, называютъ его словесностью, литературою (отъ латынскаго слова „литера“, что значило буква, грамота). Съ изустною словесностью мы уже познакомились въ пѣсняхъ, сказкахъ и пословицахъ русскаго народа; теперь перейдемъ къ литературѣ письменной. Произведенія людей грамотныхъ мы узнаемъ изъ старыхъ рукописей, изъ книгъ. Въ старину печатать книгъ не умѣли, а писали сочиненія на пергаментѣ (выдѣланной кожѣ, или харатьѣ, отъ того и старые списки называютъ харатейными), на толстой бумагѣ, приготовленной изъ хлопчатки; лѣтъ за 500 тому назадъ (въ XIV столѣтіи по Р. Х.) у насъ явилась и писчая бумага изъ полотняныхъ (льняныхъ) тряпокъ, какую употребляютъ донынѣ. Писали сначала очень отчетливо тростниковыми палочками: ставили пря-

мо отчасти угловатыя буквы, подобныя тѣмъ, какія находимъ нынѣ въ церковной печати, но крупнѣе и шире. Это письмо называлось „уставнымъ“ въ отличіе отъ „полууставнаго“ и «скорописи», въ которыхъ, для скорости писанія, все болѣе стали прибѣгать къ округлымъ и косымъ буквамъ. Кто первый сочинилъ, давалъ свое сочиненіе переписывать другому, отъ другаго переписывалъ третій, отъ третьяго четвертый,— и такъ рукопись распространялась, да распространялась не слишкомъ, потому что большой трудъ всякій разъ переписывать, и рукописи стоили дорого. Тогда переписчики были въ большомъ почетѣ; у князей и бояръ находимъ очень искусныхъ писцевъ, которые съ особеннымъ стараніемъ выдѣлывали красною краскою, киноварью, заглавныя и начальныя буквы, украшали рукописи рисунками, и проч. Такъ какъ сочиненіе не печаталось разомъ въ большомъ числѣ книгъ, съ подлинной рукописи сочинителя, (при чемъ онъ самъ могъ бы провѣрить напечатанное), а все только списывалось, то въ немъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе являлось ошибокъ и уклоненій отъ подлинника: иной малограмотный переписчикъ, не разобравъ, искажалъ рукопись; другой вставлялъ кое-что отъ себя, или изъ другихъ рукописей. Между тѣмъ первая, подлинная рукопись ветшала, пропадала, пропадали и списки, если ихъ число было незначительно; такимъ образомъ многія древнія сочиненія до насъ совсѣмъ не дошли или дошли въ измѣненномъ видѣ. Вообще подлинныхъ сочиненій древнихъ нашихъ писателей мы не имѣемъ, а имѣемъ ихъ списки не ранѣе, какъ съ четырнадцатаго вѣка; отъ позднѣйшихъ у насъ есть отчасти и подлинныя рукописи. Теперь большая часть этихъ рукописей

напечатана. Печатать книги у насъ начали, и то въ маломъ числѣ, только съ шестнадцатаго вѣка (около 1563 года). Еще за 100 лѣтъ назадъ у насъ книги были такъ рѣдки, что многіе переписывали даже съ печатнаго. Чѣмъ болѣе увеличилось число грамотныхъ и образованныхъ людей, тѣмъ болѣе стало расходиться книгъ.

Письменная литература у насъ началась съ тѣхъ поръ, какъ русскіе люди научились писать, то есть, грамотѣ; а грамотность у насъ началась почти за 1000 лѣтъ тому назадъ, какъ только явились въ Кіевѣ первые христіяне: для богослуженія, для поученія необходимо было читать священныя книги, а слѣдовательно и знать грамоту. Но первыми нашими учителями были славяне, жившіе на Дунаѣ, и первыя рукописи къ намъ привозили изъ Болгаріи, а придунайскіе и болгарскіе славяне научились грамотѣ отъ тѣхъ самыхъ грековъ, отъ которыхъ мы приняли христіанство. Такъ скажемъ сперва, кто такіе были эти греки.

Въ старину, до Рождества Христова, болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ греки, еще язычники, были самымъ ученымъ и образованнымъ народомъ между всѣми тогдашними народами. У нихъ славились: Гомеръ съ его сказаніями о Троянской войнѣ, сочинители драмъ, Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, мудрецы и философы, Платонъ и Аристотель, ораторъ Демосфенъ и многіе другіе. Отъ нихъ и пошла первая наука, какъ надо съ толкомъ разсуждать о всѣхъ вещахъ, какъ приводить въ порядокъ свои мысли, какъ ихъ доказывать, оспаривая противника, какъ выражать ихъ въ красивой и убѣдительной рѣчи. Отъ нихъ разошлись также по всему міру чудесные, поэтическіе разсказы о богахъ, каковы: Зевесъ (или Юпитеръ, главный богъ),

Аполлонъ (богъ солнца и искусства), Музы (тоже покровительницы искусства и науки), Аѳина (богиня мудрости), и проч; — разсказы о герояхъ: объ Ахиллесѣ и Одиссеѣ, что прославились въ Троянской войнѣ, объ Едипѣ, царѣ Ѳивъ, о Тезеѣ Аѳинскомъ, и проч. Во всѣхъ этихъ разсказахъ видно, какъ хорошо греки понимали всякое человѣческое чувство, какъ живо сочувствовали они всему прекрасному. Эти старые языческіе греки подпали подъ власть римлянъ, латынянъ, что вышли изъ Италіи и понемногу овладѣли всѣми берегами Средиземнаго моря, гдѣ нынѣ Турція да Египетъ съ другими африканскими землями, да Испанія, южная Франція и Италія. При римлянахъ родился Христосъ, и христіанство изъ Іудеи стало распространяться по всей ихъ землѣ, сначала въ Малой Азіи, потомъ въ древней Греціи, потомъ и въ Римѣ. Римляне сначала жестоко преслѣдовали христіанъ, не различая ихъ отъ евреевъ, но по немногу сами сдѣлались христіанами: при римскомъ императорѣ Константинѣ Великомъ всѣ преслѣдованія кончились и наоборотъ стали гнать и искоренять старые языческіе обычаи и языческую образованность. Вмѣстѣ съ тѣмъ римское государство раздѣлилось на двѣ части: на западную, съ Италіей и главнымъ городомъ Римомъ, и восточную, гдѣ находилась древняя Греція съ другими странами, въ которыхъ теперь живутъ турки. Тутъ главнымъ городомъ былъ Царьградъ, или Константинополь (на мѣстѣ прежней Византіи). Въ восточной римской имперіи древніе греки смѣшались съ разными другими народами, живущими въ нынѣшней Турціи; между ними видное мѣсто занимали и славяне. Древніе греки, среди этихъ народовъ, съ теченіемъ времени, совершенно измѣнились, и образовались новые, ви-

зантійскіе греки-христіане. Въ восточной римской имперіи, которая также называлась греческою имперіею, или Византіею, уже пала древняя образованность, потому что византійскіе греки, какъ христіане, чуждались всего языческаго. Однако отъ древнихъ грековъ осталась еще страсть къ умозрѣніямъ и преніямъ. Вся мудрость теперь была направлена къ тому, чтобы разъяснять христіанское ученіе, распространять вѣру. Явились такіе учители, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый и другіе, которые признаются отцами грековосточной церкви. Эта церковь сначала существовала въ согласіи съ западной, римскою, и лишь по немногу началось между обѣими разъединеніе. Сначала византійскіе учители больше боролись съ разными сектами, которые, вслѣдствіе наклонности грековъ къ мудрованіямъ, распространились во множествѣ въ Византіи. Потомъ, когда начались несогласія съ римскимъ духовенствомъ, явились и сочиненія, гдѣ доказывали правоту греческой вѣры и отступленіе латынянъ отъ старыхъ преданій. Такимъ образомъ вся византійская словесность состояла изъ проповѣдей, поученій, разсужденій о вѣрѣ и толкованій на книги священнаго писанія. Другихъ знаній, кромѣ богословія, въ Византіи почти не существовало. Лучшіе изъ учителей церкви однако не пренебрегали и языческою мудростью: они изучали Аристотеля, древнихъ греческихъ поэтовъ и ораторовъ и добытое знаніе, вмѣстѣ со стариннымъ искусствомъ краснорѣчія, примѣняли въ своихъ духовныхъ сочиненіяхъ. Въ Византіи знали нѣкоторыя словесныя науки: какъ правильно говорить и писать (грамматика), какъ правильно располагать мысли (логика), какъ оспаривать противника и доказывать свои мнѣнія (діалектика), какъ красно выражаться

въ рѣчи (риторика). Но и эти знанія лишь у немногихъ лучшихъ изъ христіанскихъ писателей съ искусствомъ употреблены въ дѣло; большинство же занималось туманными умозрѣніями, спорами о словахъ, суевѣрными вымыслами, хитросплетеннымъ наборомъ безсодержательныхъ мыслей и напыщеннымъ краснобайствомъ въ рѣчи. Византійскіе греки не изобрѣли ничего новаго въ наукѣ, да много исказили и то, до чего уже дошли своимъ умомъ древніе греки и римляне; подъ конецъ, съ упадкомъ самаго христіанскаго образованія, у нихъ развились страшныя суевѣрія и пороки. Не смотря на это, между византійскими проповѣдниками встрѣчались люди, безкорыстно преданные дѣлу религіи и готовые поднять всякій трудъ для распространенія христіанства. Греческіе императоры распространяли христіанскую религію съ цѣлію утвердить свою власть и смирить полудикіе народы, опустошавшіе своими набѣгами разслабленное государство.

Но многіе изъ проповѣдниковъ вѣры одушевлены были въ этомъ дѣлѣ чистой религіозной ревностью. Таковы были братья Кириллъ и Меѳодій, по происхожденію, собственно не греки, а славяне изъ города Солуня. Особенною ученостью по тогдашнему времени отличался Кириллъ, знавшій много языковъ и прошедшій всю словесную мудрость. Оба брата сначала странствовали по отдаленнымъ мѣстамъ, защищая христіанскую вѣру противъ евреевъ и магометанъ; потомъ имъ пришлось потрудиться для славянъ. Славяне, жившіе на сѣверныхъ границахъ Византіи, обращены были въ христіанство латынскими священниками и богослуженіе у нихъ совершалось на латынскомъ языкѣ. Но языка этого они не понимали и жаловались, что учатъ ихъ безъ толку и что они не мо-

гутъ вникнуть въ смыслъ писанія. Кириллъ задумалъ великое дѣло: научить ихъ грамотѣ, чтобы они могли читать священныя книги на своемъ родномъ языкѣ.

Около 862 года онъ составилъ сначала для болгаръ, жившихъ въ самой Византіи, славянскую азбуку, принявъ для звуковъ славянскаго языка всѣ греческія буквы; но такъ какъ въ славянскомъ были и такіе звуки, какихъ нѣтъ въ греческомъ (напримѣръ: ж, ч, ш, щ), то, кромѣ греческихъ буквъ, пришлось прибрать и другіе знаки (всѣхъ славянскихъ буквъ въ древней азбукѣ находимъ до 46 и изъ нихъ только 24 греческихъ). Старинное славянское письмо дѣйствительно очень схоже съ тогдашнимъ греческимъ, да и теперь знающій греческій языкъ, легко отличитъ въ нашей русской азбукѣ греческія буквы, каковы: а, д, е, і, к, л, м, о, п, р, и проч. Въ нашей церковной печати отчасти до нынѣ сохранилось начертаніе буквъ, введенное Кирилломъ. До Петра Великаго книги печатались только этими церковными буквами; Петръ для свѣтскихъ сочиненій измѣнилъ старинную азбуку, откинувъ нѣкоторыя уже ненужныя для русскаго языка буквы и придавъ остальнымъ болѣе округлое очертаніе, по [illegible] изошла азбука гражданской печати.

Когда Кириллъ составилъ первую славянскую азбуку, то принялся, вмѣстѣ съ братомъ, за переводъ священныхъ книгъ, необходимыхъ при богослуженіи: они перевели избранныя чтенія изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, Псалтырь, Часословъ, Служебникъ, и проч. Ихъ ученики и послѣдователи помогали имъ и потомъ продолжали ихъ дѣло. Кириллу и Меѳодію много стоило труда передать разсказъ священныхъ книгъ и всѣ молитвы съ

образованнаго греческаго языка на языкъ славянскій, богатый словами и реченіями, но еще совсѣмъ необработанный. Они съ честью исполнили это дѣло къ пользѣ науки и просвѣщенія, потому что, начавъ учиться по церковнымъ книгамъ, славяне могли воспользоваться грамотою для всякаго рода сочиненій и во всѣхъ дѣлахъ жизни. Когда грамотность появилась у болгарскихъ славянъ, Ростиславъ, князь Моравіи, съ нѣкоторыми другими славянскими князьями, сталъ просить у греческаго императора Михаила прислать къ нимъ новыхъ учителей. Кириллъ и Меѳодій поѣхали въ Моравію и здѣсь также утвердили богослуженіе на родномъ языкѣ. Они до конца жизни дѣйствовали у славянъ придунайскихъ, устроивая церкви, распространяя грамоту; Меѳодій, послѣ смерти Кирилла, посвященъ былъ римскимъ папою въ епископы. Хотя римскіе папы и дозволили обучать вѣрѣ на славянскомъ языкѣ, но обоимъ славянскимъ проповѣдникамъ пришлось испытать много трудностей въ своемъ дѣлѣ и гоненій. Съ одной стороны они боролись съ остатками язычества, еще сильнаго въ то время, съ другой латынскіе священники и епископы, завидуя ихъ успѣхамъ, стара- [illegible] ихъ передъ папою. всячески вредили имъ, доказывая что они не имѣютъ права проповѣдывать евангеліе на славянскомъ языкѣ, такъ какъ надпись на крестѣ Спасителя сдѣлана была лишь на трехъ языкахъ: на еврейскомъ, греческомъ и латынскомъ.

Изъ Византіи, отъ родственныхъ намъ славянъ болгарскихъ, христіанство стало по немногу проникать въ Кіевъ еще до Владиміра I. Еще при Аскольдѣ и Дирѣ, значитъ почти одновременно съ распространеніемъ грамоты у славянъ придунайскихъ, находимъ первыхъ хри-

стіанъ въ этомъ городѣ. Число ихъ постепенно увеличивалось до Владиміра, но христіанская вѣра не была признана господствующею, потому что первые князья русскіе, въ своей неугомонной удали, чуждались кроткихъ ученій христіанства. Владиміръ, не столько воинственный, сколько склонный къ мирнымъ дѣламъ гражданскаго устройства, къ нѣгѣ, къ умственнымъ занятіямъ, какъ это видно изъ его преній о религіи съ евреями, магометанами, нѣмцами, по своему болѣе мягкому характеру, скорѣе могъ полюбить христіанское ученіе. Онъ крестился и крестилъ свой народъ въ 988 году. Но уже съ первымъ появленіемъ христіанъ въ Кіевѣ, конечно, принесены были изъ Болгаріи богослужебныя книги, а при Владимірѣ грамотность стала распространяться по всей Руси. Онъ велѣлъ брать дѣтей и отдавать ихъ въ книжное ученіе, чтобы потомъ можно было поставить священниковъ по всѣмъ городамъ и селамъ. Многія матери плакали объ этихъ дѣтяхъ, какъ о погибшихъ, потому что еще не были просвѣщены вѣрою. Первыми учителями были, безъ сомнѣнія, болгарскіе священники, и теперь сношенія въ Болгаріей, какъ и вообще съ придунайскими славянами, очень усилились [1]. „Книжныя словеса“, послѣ того какъ были введены на Руси, стали по немногу утверждаться и число людей грамотныхъ постепенно увеличивалось. Понятно, что грамотными

[1]) Эта Болгарія та самая страна, которую думалъ завоевать Святославъ, а не та, на которую ходили воеводы Владиміра. Владиміръ воевалъ съ болгарами язычниками, жившими на Волгѣ. Часть волжскихъ болгаръ, одного изъ азіатскихъ народовъ, еще гораздо ранѣе, прошла черезъ Русь и завладѣла придунайскою областью, гдѣ жило славянское племя, которое, по ихъ имени, и стали называть *болгарами*.

людьми вначалѣ были одни священники да монахи, да развѣ немногіе изъ князей и между боярами. Но особенно утверждалось книжное ученіе въ монастыряхъ, между которыми наиболѣе замѣчательна была Кіевопечерская лавра. Она основана такимъ образомъ. Подлѣ Кіева, въ селѣ Берестовомъ, жилъ священникъ Иларіонъ, „мужъ благъ, книженъ и постникъ“. Онъ часто ходилъ къ Днѣпру на холмъ молиться въ уединеніи, въ густомъ лѣсу, и, по примѣру греческихъ подвижниковъ, выкопалъ тутъ себѣ маленькую пещерку. Набожный князь Ярославъ, видя благочестіе Иларіона, сдѣлалъ его митрополитомъ въ Кіевѣ. Потомъ одинъ человѣкъ изъ города Любеча отправился въ Грецію странствовать по святымъ мѣстамъ, постригся въ монахи въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, при чемъ ему дано было имя Антоній, и по благословенію игумена, возвратился въ Русь, чтобы основать монастырь, подобный аѳонскому. Для этого онъ поселился близъ Кіева въ пещеркѣ, оставленной Иларіономъ, сталъ день и ночь молиться, ѣсть одинъ хлѣбъ да воду, и то вмѣру, и усердно копалъ пещеру. Молва о строгомъ отшельникѣ скоро разошлась кругомъ и къ нему начали приходить люди съ приношеніями, прося у него благословенія. Вслѣдъ затѣмъ около него стала собираться для общаго жительства и братія, особенно когда самъ князь Изяславъ, сынъ Ярослава, съ дружиною посѣтилъ его. Монахи выкопали себѣ болѣе просторную пещеру, устроили въ ней кельи и церковь. Тогда Антоній назначилъ игуменомъ Варлаама, а самъ удалился въ другую пещеру, которую ископалъ себѣ, и прожилъ здѣсь 40 лѣтъ безвыходно. Монахи однако ничего не предпринимали безъ его дозволенія. Когда ихъ число умножилось, они построили цер-

ковь надъ пещерою, потомъ выпросили у князя Изяслава и всю гору, гдѣ жили; на этой горѣ они поставили другую большую церковь, много келій и все огородили заборомъ. Такъ начался Печерскій монастырь, названный по пещерамъ, въ которыхъ монахи сначала жили. Послѣ Варлаама игуменомъ является Ѳеодосій. При немъ число братій уже увеличилось до 100; передъ самой его смертью (около 1073 года), пришелъ въ монастырь 17-лѣтній юноша, по имени Несторъ, нашъ извѣстный лѣтописецъ.

Такъ какъ распространеніе христіанства было первымъ дѣломъ въ тогдашней языческой Руси, то понятно, почему, въ своей монашеской жизни, отшельники легко сближались съ князьями и боярами. Монахи и священники, какъ люди грамотные, были въ числѣ главныхъ совѣтниковъ у князей, часто исполняли ихъ порученія, помогали имъ словомъ и дѣломъ. Чрезъ нихъ князья всегда надѣялись лучше утвердить свою власть, окончить съ успѣхомъ какое нибудь предпріятіе, потому что они имѣли много силы въ народѣ. Ѳеодосій, который, по одеждѣ и по образу жизни, нисколько не отличался отъ самаго послѣдняго послушника, исполняя въ монастырѣ многія черныя работы, въ то же время вводилъ въ немъ новые строгіе уставы, которымъ всѣ безпрекословно покорялись не только въ Печерскомъ, но и въ другихъ монастыряхъ, запросто ѣздилъ къ князю Изяславу и вездѣ встрѣчаемъ былъ съ великимъ почетомъ. Монахи, подражая византійскимъ отшельникамъ, кромѣ поста и молитвы, истязали свое тѣло и другими способами: бичевали себя, закладывались въ пещерахъ, оставляя лишь малое окошечко для принятія пищи, носили подъ одеждою тяжелыя желѣзныя вериги, но совершенно удалялись отъ

людей очень немногіе. Уже Θеодосій упрекаетъ братію въ нерадѣніи къ молитвѣ, въ любостяжаніи. Соблазнъ былъ возможенъ, потому что монастыри являются людными, общественнымъ мѣстомъ. Сюда со всѣхъ сторонъ сходился народъ, сюда часто пріѣзжали пировать князья и бояре, или устроивали пиры для духовенства у себя дома; отсюда посылались люди въ отдаленные концы Россіи для проповѣди, или отправлялись грамотные послы къ другимъ князьямъ для переговоровъ; здѣсь наконецъ записывали обо всѣхъ событіяхъ, случившихся на Руси. Имѣя такую силу, монастыри обладали большими богатствами отъ щедрыхъ вкладовъ, владѣли городами, селами и цѣлыми волостями, пользовались разными пошлинами, и проч. Такимъ образомъ чрезъ монастыри, какъ мѣста общежительныя и притомъ имѣвшія огромное значеніе въ древней Руси, грамотность всего легче могла распространяться. Грамотность тогда тѣсно связана была съ религіею, съ обученіемъ вѣрѣ: назвать человѣка „книжнымъ“ значило назвать „благочестивымъ“, и монахи-лѣтописцы, которые изъ года въ годъ записывали обо всѣхъ событіяхъ, хваля князей за ихъ любовь къ попамъ и черноризцамъ, вмѣстѣ ставятъ имъ въ особую похвалу, что они „прилежали къ книгамъ“. Такъ Несторъ разсказываетъ, что Ярославъ, сынъ Владиміра, прилежно читалъ книги днемъ и ночью, собралъ много писцевъ, которые переводили съ греческаго на славянское письмо и списали многія книги: списанныя книги онъ велѣлъ положить въ церкви св. Софіи. Несторъ, писавшій свою лѣтопись около 50 лѣтъ спустя послѣ смерти Ярослава, уже видитъ въ свое время большой успѣхъ грамотности. По его словамъ, Владиміръ I „взоралъ и умяг-

чилъ, т. е. приготовилъ почву въ сердцахъ людей; Ярославъ засѣялъ ихъ книжными словесами“, а въ его время уже началась жатва. Самъ онъ такъ изображаетъ пользу книжнаго ученья: „Книги (т. е. священныя) учатъ насъ мудрости и воздержанію; онѣ, какъ рѣки, поятъ вселенную, онѣ источники мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина; онѣ утѣшаютъ насъ въ печали, воздерживаютъ насъ, какъ уздою“. Послѣ Ярослава сынъ его Святославъ Черниговскій также отличался любовью къ книгамъ; отъ него сохранилось два Изборника или Сборника, переписанные для князя съ болгарской рукописи. Тутъ есть много статей поучительныхъ, разсужденій о предметахъ умственныхъ, каковы: качество, количество, естество, о разныхъ словесныхъ украшеніяхъ въ рѣчи, и проч. Любопытнѣе всего приложенные въ одномъ изъ нихъ рисунки, изображающіе Святослава съ женою и сыновьями. Но самымъ древнимъ памятникомъ того языка, на который переведено священное писаніе, служитъ Остроміриво Евангеліе, переписанное дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остроміра въ 1056—57 годахъ. Какъ оно было тогда переписано, такъ и сохранилось до нашего времени, и теперь всякій можетъ видѣть его въ Имп. публ. библіотекѣ. Въ немъ есть и рисунки, изображающіе евангелистовъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ образчиковъ того византійскаго искусства, которое у насъ отчасти сохранилось донынѣ въ иконописаніи; письмо въ немъ чрезвычайно отчетливо, какъ будто печатное, и самые рисунки выполнены весьма старательно. Языкъ отличается многими особенностями: въ немъ всегда правильно употребляются носовые звуки, юсы, перешедшіе въ русскомъ въ *я*, *у* (пѧть, пять,

ъ и *ь* внутри словъ вмѣсто *о* и *е* (мльва, молва, трьніе, терніе), протяженныя гласныя (добрааго, читаахъ); въ немъ ясно видны мѣстоименныя окончанія въ прилагательныхъ двучленныхъ (напр. предл. пад. добр-ѣ, добр-ѣемь, род. множ. добр-ъ, добр-ы-ихъ); находимъ и двойственное число, когда говорится о двухъ предметахъ (вѣ свѣвѣ — мы двое знаемъ, — быста родителя, то есть отецъ и мать); въ глаголахъ въ 3-мъ лицѣ *ь* вмѣсто *ъ* (глаголеть, глаголють); два прошедшихъ времени простыхъ и много есть сложныхъ (видѣхъ, видѣахъ, есмь видѣлъ, бѣхъ видѣлъ, быхъ видѣлъ, бѣхъ вида, и проч.) [1]).

Славянскій языкъ, какой находимъ въ Остроміровомъ евангеліи, есть настоящій языкъ Кирилла и Меѳодія, употребленный ими въ переводѣ священныхъ книгъ: переписчики могли внести тутъ развѣ немногія измѣненія. Но Кириллъ и Меѳодій, какъ сами болгаре, употребляли болгарское нарѣчіе, при чемъ, заботясь о близости перевода, конечно, часто подражали въ своемъ родномъ языкѣ и греческимъ оборотамъ рѣчи. И такъ болгарское нарѣчіе, усовершенствованное чрезъ подраженіе греческому языку, стало нашимъ книжнымъ языкомъ, потому что наши грамотѣи, учась по переводнымъ книгамъ священнаго писанія, естественно держались того языка, на какомъ учились грамотѣ. Но на Руси былъ свой русскій, народный говоръ, въ то время еще очень сходный съ болгарскимъ нарѣчіемъ церковныхъ книгъ, однако имѣвшій и свои отличія (напр. полногласіе: хоромы

---

[1]) Знакомство съ особенностями этого древняго языка очень полезно для тѣхъ, кто хотѣлъ-бы читать наши старинныя лѣтописи. Желающихъ узнать его ближе отсылаю къ моей славянской грамматикѣ (Практическая славянская грамматика, В. Водовозова, 1868 г.)

вм. храмъ, полонъ вм. плѣнъ,—буквы *ж* вм. *жд*, *ч* вм. *щ*: переже вм. прежде, хожу вм. хожду, аче вм. аще, читаюче вм. читающе). Отъ живаго народнаго говора не могли избавиться наши книжники, вышедшіе изъ народа, хотя и учились по церковнымъ книгамъ; реченія и обороты тогдашняго русскаго нарѣчія невольно закрадывались въ ихъ сочиненія. Такимъ образомъ, при началѣ нашей письменности, мы уже находимъ у насъ два книжныхъ языка: старый церковнославянскій, языкъ Кирилла и Меѳодія, ставшій неподвижнымъ—въ священныхъ книгахъ, отчасти въ проповѣдяхъ и другихъ духовныхъ сочиненіяхъ, — и смѣсь этого церковнаго языка съ народнымъ русскимъ въ сочиненіяхъ болѣе свѣтскаго содержанія, напримѣръ, въ лѣтописяхъ, въ письменныхъ сказаніяхъ, и проч. Церковный языкъ оставался неизмѣннымъ, лишь смѣшиваясь болѣе или менѣе съ русскимъ; народный же, разговорный постоянно измѣнялся, смотря по лѣтописи и по времени. Въ первое время нашего образованія у насъ является въ литературѣ два главныхъ русскихъ говора: южно-русскій, кіевскій, какой находимъ въ южныхъ лѣтописяхъ, и сѣверно-русскій, новгородскій,—въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Потомъ съ 14-го столѣтія начинаетъ преобладать говоръ великорусскій, московскій. Великорусскій говоръ далъ начало нашему нынѣшнему языку; а отъ смѣшенія великорусскаго нарѣчія съ древнимъ церковнымъ образовался нынѣшній церковнославянскій языкъ, который, какъ языкъ мертвый, остается уже совершенно неизмѣннымъ. Его лишь въ проповѣдяхъ иногда значительно примѣшиваютъ къ разговорному языку, но въ этомъ смѣшеніи нѣтъ ничего постояннаго, какъ это было прежде, когда всѣ подражали языку церков-

ныхъ книгъ: напротивъ нынѣ и языкъ духовныхъ сочиненій все болѣе приближается къ разговорному. И такъ надо различать старый церковнославянскій языкъ и новый, который нынѣ находимъ въ книгахъ священнаго писанія, кромѣ того древнерусскій и нынѣшній русскій. Языкъ первыхъ нашихъ лѣтописей и сказаній ближе къ языку Остромірова евангелія, чѣмъ къ нынѣшнему церковному.

Мы знаемъ, что наша словесность началась съ переписыванія болгарскихъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго, съ подражанія имъ и греческимъ подлинникамъ, слѣдовательно въ ней сначала находимъ не болѣе того, что могла намъ дать греческая образованность. При ея исключительно религіозномъ направленіи, и у насъ находимъ разнаго рода духовныя сочиненія: 1) толкованія на священное писаніе; 2) проповѣди, посланія или поученія, иногда въ видѣ завѣщанія отъ отца къ сыну, при чемъ рядомъ съ наставленіями въ христіанскомъ житіи порою преподаются и правила обыкновенной житейской мудрости; 3) сочиненія, направленныя противъ латынской вѣры и противъ сектъ, которыя развились у насъ отчасти подъ вліяніемъ сектъ греческихъ; 4) житія святыхъ. Какъ особый родъ книгъ, являются изборники, или сборники, называемые также пчелами, гдѣ (по сравненію съ пчелами, собирающими медъ съ цвѣтовъ) собирали статьи и отрывки изъ духовныхъ сочиненій разнаго рода, изъ какихъ нибудь объясненій по части словесныхъ наукъ (грамматики, риторики), изъ сказаній, изъ старинныхъ ученій о природѣ и ея силахъ, изъ древнихъ языческихъ поэтовъ и философовъ, каковы: Гомеръ, Софоклъ, Платонъ, Аристотель, и изъ русскихъ народныхъ притчъ и посло-

вицъ. Не надо думать, чтобы, при духовномъ направленіи нашей словесности, у насъ всё строго слёдовали византійскимъ образцамъ, предписаннымъ церковью; рядомъ съ одобренными книгами, еще больше привозилось изъ Болгаріи такъ называемыхъ книгъ *отреченныхъ* (апокрифовъ), въ которыхъ заключались вымыслы, зашедшіе въ Грецію съ востока, отвергнутые церковью, но, по своему болёе живому, разнообразному содержанію, заманчивые для малообразованнаго народа. Таковы, напримёръ: Лёствица Іакова, Завёты двёнадцати патріарховъ (о мужествё, о зависти, о благоуміи), Хожденіе Богородицы по мукамъ (то есть, въ аду, гдё представлены муки грёшниковъ), и проч. Эти отреченные вымыслы и сказанія частію проникли и въ народъ и дали начало духовнымъ стихамъ (Плачь Адама о раё, Георгій Храбрый), какіе и теперь поются нищими слёпцами. Кромё религіозныхъ сказаній, изъ Болгаріи заносились и другія книги, имёвшія предметомъ гаданіе и чародёйство (Чаровникъ, — какъ превращаться въ животныхъ, Звёздочетецъ—гаданіе по звёздамъ, Волховникъ—разныя волхвованія по примётамъ, каковы: вороннограй, ухозвонъ, мышеплескъ, стёнощелкъ, и проч.) и сказки о герояхъ, частію древнегреческія, но передёланныя въ восточномъ духё съ многими чудесными вымыслами, частію византійскія (исторія объ Александрё Македонскомъ, повёсть о троянской войнё, объ Акирё премудромъ, о Соломонё и Китоврасё, о судахъ Соломона, и пр.). Позднёе стали у насъ являться и сказанія нёмецкія или французскія. Отреченныя книги, разные чаровники да восточныя сказки читались у насъ и переписывались чуть ли не болёе всякихъ

поученій. Наконецъ особый разрядъ старинныхъ словесныхъ произведеній составляютъ лѣтописи и отдѣльныя сказанія о событіяхъ. Ихъ также начали у насъ писать въ подражаніе греческимъ хроникамъ. Въ лѣтописяхъ говорится о дѣлахъ князей, объ обычаяхъ народа, вообще о разныхъ случаяхъ окружающей жизни; но и въ нихъ проглядываетъ общая цѣль, какую видимъ во всѣхъ нашихъ старинныхъ сочиненіяхъ—религіозное поученіе. Лѣтописцы, пересказывая о событіяхъ, объясняютъ, какъ одно случилось за грѣхи, по наученію дьявола, а другое по милости Божіей, и при этомъ не преминутъ привести какой нибудь текстъ изъ Давыда, и проч. Это духовное византійское направленіе преобладало въ нашей литературѣ до временъ Петра I-го; при Петрѣ у насъ является европейская наука, начинается подражаніе всему иноземному, европейскому, а вслѣдъ за тѣмъ въ Ломоносовѣ мы видимъ перваго русскаго ученаго, который своими сочиненіями утвердилъ у насъ науку и вполнѣ отдѣлилъ предметъ вѣры отъ предмета знанія, духовную литературу отъ свѣтской. Такимъ образомъ все время до Петра и Ломоносова можно назвать древнимъ періодомъ литературы; съ Ломоносова начинается новая литература. Въ древнемъ періодѣ, какъ легко догадаться, образованность была очень незначительна. Школъ, гдѣ учились грамотѣ, находимъ мало, да и это малое число чѣмъ далѣе, тѣмъ замѣтнѣе уменьшалось. Прошло 500 лѣтъ отъ начала нашего образованія, и духовныя власти жалуются, что за недостаткомъ грамотныхъ людей некого было посвящать въ священники. Въ длинный періодъ времени до Петра 1-го, въ теченіи 700 лѣтъ, и народъ, и бояре

у насъ учились только читать по часослову и псалтыри, и почти однимъ этимъ ограничивалось все образованіе. Не многіе шли далѣе: углублялись въ чтеніе византійскихъ учителей церкви, особенно Іоанна Златоуста (плохо переведенныхъ и искаженныхъ переписчиками), читали лѣтописи или какіе нибудь сборники. Свѣдѣній о природѣ и ея явленіяхъ почти не было. Въ Изборникѣ Святослава находимъ сказаніе о томъ, какіе камни имѣютъ чудодѣйственную силу, какъ человѣческое тѣло составлено изъ огня, воздуха, земли и воды; въ другихъ сборникахъ встрѣчаются свѣдѣнія о звѣздахъ и планетахъ, о рыбахъ и птицахъ, и проч. Но во всемъ этомъ находимъ болѣе вымысловъ и сказокъ, чѣмъ дѣйствительнаго знанія. Другія знанія, изъ грамматики, логики, риторики, могли бы послужить въ пользу, если бы не помѣщались въ сборникахъ случайно, отрывками, и вообще смѣсь, какая встрѣчается въ этихъ единственныхъ въ то время источникахъ науки, должна была производить порядочную путаницу въ головѣ нашихъ любознательныхъ предковъ. Но въ сущности врядъ ли они много занимались утонченными мудрованіями; ихъ больше плѣняли повѣсти о Февроніи Муромской, о Соломонѣ и Савской царицѣ, о царяхъ Гогѣ и Магогѣ.

От множества сказочныхъ преданій, занесенныхъ изъ Византіи, затемнялись и христіанскія истины, распространялись ложныя понятія о природѣ, о человѣкѣ, о жизни разныхъ народовъ. Изъ такихъ книгъ, какъ „Бесѣда трехъ святителей, Повѣсть града Іерусалима, Сказаніе объ Индіи богатой“, наши грамотѣи узнавали, что великихъ острововъ семдесятъ два, что тѣло человѣка произошло отъ земли, кровь отъ моря, очи отъ

солнца, мысли отъ облакъ, кости отъ камня, дыханіе отъ вѣтра, что въ Индіи живутъ люди шестирукіе, получеловѣки и полупсы, съ очами и ртами въ волосахъ, и проч. Тутъ между прочимъ въ притчахъ, въ загадкахъ, съ вопросами и отвѣтами, разъяснялись нѣкоторыя нравственныя истины, и подобное чтеніе все-таки болѣе возбуждало умы, заставляя кой надъ чѣмъ задуматься, чѣмъ сухія поученія, часто написанныя языкомъ высокопарнымъ, непонятнымъ для народа; но надо также признать, что болгарскія сказки порождали множество новыхъ суевѣрій, между тѣмъ какъ и старыя суевѣрія, возникшія изъ остатковъ язычества, продолжали господствовать во всей силѣ. Главный недостатокъ нашего византійскаго образованія заключался въ томъ, что оно было искусственное, занесенное къ намъ извнѣ, безъ всякаго примѣненія къ русской жизни, и потому все болѣе удаляло классъ людей грамотныхъ отъ народа; наши грамотѣи даже считали несообразнымъ съ важностью своей науки быть понятными народу, и постепенно придумали особый, напыщенный языкъ, доступный для немногихъ. Но здѣсь надо различать въ древней нашей словесности нѣкоторые промежутки времени. Время до татаръ указываетъ на первое развитіе нашей народной мысли подъ вліяніемъ византійской письменности. Византія, давъ намъ христіанство и грамоту, тѣмъ самымъ пробудила и оживила народный умъ, а самостоятельное устройство своего быта, къ какому тогда стремился народъ, содѣйствовало къ тому, что въ разныхъ областяхъ Россіи явилась своя письменность, служа выраженіемъ мѣстной народной жизни. Крайности византійскаго вліянія и вредъ, отъ него происходившій, замѣтны были

развѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ; здравый народный смыслъ бралъ перевѣсъ надъ восточнымъ изувѣрствомъ, и болѣе зла приносили народу его старыя, языческія суевѣрія. Народъ въ своихъ пѣсняхъ съ особенной любовью вспоминаетъ объ этомъ вѣкѣ, и въ письменной литературѣ, посреди подражанія византійскому, находимъ также выраженіе народнаго духа. Лѣтописи 12-го вѣка сохраняютъ народныя преданія, не искажая ихъ книжными вымыслами; въ поэмѣ „Слово о Полку Игоревѣ" видно, какъ и княжескій пѣвецъ во всемъ сочувствуетъ народу, скорбитъ о народныхъ бѣдствіяхъ; завѣщаніе Владиміра Мономаха дѣтямъ показываетъ, какъ христіанское ученіе стало входить въ жизнь, выражаясь преимущественно въ дѣлахъ милосердія и въ снисхожденіи къ ближнему. Татарское иго и раззореніе, начавшись съ 1240-го года, въ продолженіе полутораста лѣтъ, дало случай возвыситься московскому государству, и тутъ начался новый, московскій періодъ литературы. Господство византійской словесности тутъ сохранилось по прежнему; сочиненія находимъ тѣ же, какъ и въ до-татарское время; духъ народный, послѣ долгаго рабства, снова оживился при побѣдахъ Москвы. Но нельзя сказать, чтобы татары не оставили глубокихъ слѣдовъ на нашемъ развитіи. Вмѣстѣ съ народнымъ раззореніемъ усилилась бѣдность и господство грубой силы, которое и потомъ поддерживалось нашимъ тѣснымъ сближеніемъ съ Азіей. Пороки и недостатки русскаго общества, конечно, оставались тѣ же, что и въ прежнее время, но всякій разъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, они сильнѣе выступали наружу, заглушая противуположныя имъ добрыя качества. Бѣжа отъ житейскаго зла

въ пустыни, ища прибѣжища въ монастыряхъ, русскій человѣкъ часто забывалъ о своихъ отношеніяхъ къ остальнымъ людямъ и создавалъ свой вымышленный міръ, гдѣ лучше жилось ему. Византійское вліяніе тогда высказывалось въ полной силѣ: это видимъ изъ умноженія отреченныхъ книгъ и болгарскихъ сказокъ, на которые жадно бросались пытливые умы, при недостаткѣ другихъ знаній, видимъ также изъ усиленія и всеобщаго распространенія раскола. Но чѣмъ сильнѣе размножались непризнанныя церковью ученія, тѣмъ болѣе грамотные люди, хранившіе въ точности правила вѣры, чуждались народа и привыкали къ нетерпимости. Съ другой стороны, при господствѣ грубой силы, религія легко становилась орудіемъ мірскихъ цѣлей. Но самое стремленіе Москвы къ единовластію повело къ постепенному сближенію съ образованною Европою. Въ московскомъ государствѣ мы видимъ борьбу двухъ противуположныхъ крайностей: въ народѣ и духовенствѣ полное отчужденіе отъ образованныхъ европейцевъ, которые считались нехристями и еретиками,—въ правительствѣ все болѣе сознаваемую необходимость воспользоваться знаніями этихъ еретиковъ для усиленія своей власти, для того, чтобы расширить и обезопасить предѣлы государства. Но и самые строгіе ревнители византійской старины принуждены были прибѣгать къ помощи людей, окончившихъ образованіе въ западныхъ школахъ, потому что церковныя книги страшно искажались переписчиками, а на Москвѣ не было лицъ, знающихъ латинскій и греческій языки, чтобы ихъ овѣрить съ подлинникомъ и исправить. Такимъ образомъ въ Москву приглашали иноземцевъ для обученія военному дѣлу и нѣкоторыхъ

ремесленниковъ, и въ то же время призывали западно-русскихъ ученыхъ, воспитанныхъ въ православныхъ школахъ, которыя были устроены по образцу польскихъ, іезуитскихъ. Послѣ польскаго нашествія въ 1612-мъ году началось это сближеніе съ западною Русью, и 17-й вѣкъ, также какъ время преобразованій, совершившихся при Петрѣ I, можно назвать переходнымъ временемъ. Петръ быстро двинулъ впередъ дѣло сближенія съ образованною Европою и усвоенія европейской науки,—дѣло, которое прежде едва начиналось при трудной борьбѣ съ приверженцами старой византійской образованности. И такъ древній періодъ нашей словесности можно опять раздѣлить на три періода: 1) первое развитіе нашей письменности подъ вліяніемъ Византіи въ до-татарское время, 2) усиленіе и новое развитіе византійскихъ началъ подъ господствомъ Москвы и 3) ихъ паденіе въ переходное время.

Новый періодъ словесности отличается тѣмъ, что въ немъ рядомъ съ духовной литературой является литература свѣтская. Свѣтская литература тутъ служитъ выраженіемъ новыхъ требованій жизни. При страшномъ злѣ, которое происходило отъ нашего стараго невѣжества, намъ всего нужнѣе была правильная наука, а науку можно было усвоить, сблизившись съ образованными иноземцами, научившись ихъ языку. Прежде у насъ, не смотря на наше византійское образованіе, очень немногіе, знали и греческій языкъ, и то больше въ послѣднее, переходное время; теперь стали изучать всѣ иностранные языки, стали ѣздить за границу для своего образованія, чего до Петра почти никогда не бывало. Прежнее наше свѣтское образованіе

ограничивалось случайными, отрывочными знаніями, смѣшанными со всякими вымыслами; теперь мы начинаемъ знакомиться со всѣми науками: съ ариѳметикой, съ естествознаніемъ, съ географіей, съ исторіей, и проч. При прежней, византійской наукѣ, мы впродолженіи многихъ вѣковъ оставались совершенно неподвижными, не терпя никакихъ, полезныхъ для жизни, нововведеній; теперь, съ новою наукою, являются все новыя улучшенія, ведущія къ тому, чтобы сдѣлать жизнь болѣе разумною, удобною и пріятной. Но главное дѣло образованія состоитъ въ томъ, чтобы искоренить зло, мѣшающее человѣку въ его нравственномъ развитіи, чтобы утвердить въ обществѣ добрыя начала правды и указать, какимъ путемъ всякій за свой честный трудъ можетъ имѣть вѣрный кусокъ хлѣба. Стремясь къ этой цѣли, наука естественно должна была сблизиться съ жизнью, придти къ изслѣдованію всѣхъ сторонъ нашего общественнаго устройства. Тутъ ея путь очень труденъ и долгъ; но сколько бы помѣхъ ни ставили ей равнодушіе, лицемѣріе и своекорыстіе, къ нему всегда приведетъ ее общественная необходимость.

Согласно съ этимъ движеніемъ науки развилась и наша новая словесность Въ ней мы начали подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, особенно французскимъ; съ нынѣшняго столѣтія насъ болѣе увлекали образцы литературы нѣмецкой и англійской, и въ то же время наша самостоятельность выразилось въ собственныхъ, болѣе удачныхъ попыткахъ сочинять на основаніи этихъ образцовъ и въ болѣе внимательномъ изученіи родной жизни. При ограниченномъ кругѣ людей образованныхъ, принадлежащихъ преимущественно къ высшему классу,

и литература прошлаго столѣтія угождала преимущественно вкусамъ и обычаямъ высшаго общества; въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ расширеніемъ круга читателей, она постепенно стала изображать то, что близко чувству каждаго образованнаго человѣка и что вообще касается развитія общества и народа. Вмѣстѣ съ этимъ и искусственный, отчасти напыщенный языкъ въ нашей словесности прошлаго столѣтія, на которомъ оставались слѣды и прежняго славянскаго вліянія, совершенно измѣнился: онъ становился все болѣе простымъ, близкимъ къ разговорному и народному. Въ нашей подражательной литературѣ, съ половины прошлаго столѣтія, являются одинъ за другимъ слѣдующіе писатели: Ломоносовъ, который особенно прославился своими учеными сочиненіями, написалъ первую русскую грамматику, риторику, краткое изложеніе событій русской исторіи, металлургію (науку о добываніи металловъ) и другія сочиненія о явленіяхъ природы, писалъ также оды, хвалебные стихи въ честь императрицы Елизаветы;— Сумароковъ, извѣстный своими драмами, передѣланными съ французскаго, много сдѣлавшій для русскаго театра,— Державинъ и фонъ-Визинъ, жившіе при Екатеринѣ великой, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда русскіе прославились побѣдами надъ турками и стали думать о многихъ улучшеніяхъ въ жизни, осмѣивая старое зло и первый разъ высказывая заимствованныя отъ французовъ, новыя болѣе правдивыя понятія о человѣколюбіи, о судѣ, объ устройствѣ общества, о воспитаніи, и проч. Переходомъ къ болѣе самостоятельному направленію въ литературѣ служатъ сочиненія Карамзина: съ одной стороны онъ является подражателемъ,

съ другой пишетъ русскую исторію, въ которой подробно и краснорѣчиво излагаетъ всѣ событія отъ начала русскаго государства до нашествія поляковъ въ 1612-мъ г. Въ нынѣшнемъ столѣтіи стали особенно извѣстны поэты: Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Островскій, Некрасовъ, и другіе.

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

VI. Житія святыхъ, сборники (пчелы).

Со введеніемъ христіанства, къ намъ перешли книги, переведенныя съ греческаго. Намъ любопытно поподробнѣе знать, чему русскіе люди научились въ этихъ книгахъ, какіе слѣды они могли оставить въ ихъ умѣ и въ сердцѣ. Любимымъ, наиболѣе доступнымъ чтеніемъ, кромѣ библейской исторіи, для первыхъ русскихъ христіанъ были житія святыхъ, прославленныхъ въ греческой церкви. Житія эти сохранялись въ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Патерика Скитскаго, Патерика Синайскаго, и проч. („Патерикъ“ греческое слово по русски „Отечникъ“, отъ слова „патеръ“, что значитъ „отецъ“, житія отцевъ церкви). Они сильно завлекали умы простыхъ, еще необразованныхъ людей чудесными разсказами о дѣлахъ первыхъ подвижниковъ церкви,—живымъ, нагляднымъ изображеніемъ той упорной борьбы, какую вело христіанство съ язычествомъ и которая привела его къ побѣдѣ. Это была своего рода эпопея, гдѣ выступали борцы за вѣру, гдѣ просла-

вляліись ихъ страданія, ихъ крѣпкая, непоколебимая воля въ тѣхъ испытаніяхъ, какими, по тогдашнимъ понятіямъ, достигалось христіанское совершенство. Писанныя большею частію монахами, житія и представляютъ преимущественно подвиги монашеской жизни; ради возвеличенія христіанства, тутъ является сверхъестественная сила, чудо. Но монашество въ первыя времена и возникало вслѣдствіе недовольства окружающей жизнью; при упадкѣ нравственности въ языческомъ Римѣ, среди всеобщаго разврата, и не одни христіанскіе подвижники выражали свое негодованіе тѣмъ, что удалялись отъ свѣта: въ христіанской же общинѣ было необходимостью скрываться въ горахъ, въ лѣсахъ, пещерахъ, чтобы спастись отъ преслѣдованій. Взявъ за образецъ первыхъ мучениковъ, христіане ставили подвигомъ такую жизнь и тогда, когда уже гоненія прекратились: она въ сущности не удаляла ихъ отъ свѣта, а напротивъ, возбуждая удивленіе, привлекала къ нимъ толпы людей благочестивыхъ. Но самоотреченіе, самоистязаніе было только одною стороною древняго христіанства: подвижники дѣйствовали и для свѣта, защищая христіанское равенство и милосердіе. Все это мы находимъ и въ житіяхъ святыхъ. Македоній *ячьноядецъ* питается однимъ ячьменнымъ хлѣбомъ, обмакивая его въ воду, 45 лѣтъ странствуетъ по дикимъ горамъ, убѣгая людей, и живетъ въ вырытой имъ ямѣ, не имѣя ни хижины, ни палатки. Другой въ четыре дня ѣстъ одну просфору, потомъ постится такъ недѣлю и наконецъ умираетъ въ истощеніи. Третій, купаясь въ Іордани, наткнулся на колючій тростникъ и ранилъ себѣ ногу, но не хочетъ лечиться: нога его сгниваетъ, а онъ радуется своему страданію;

говоря, что чѣмъ больнѣе человѣкъ внѣшній, тѣмъ радостнѣе внутреннему. Иные носятъ желѣзныя вериги, власяницу, никогда не снимая одежды и не омывая тѣла. При такомъ добровольномъ истязаніи своей плоти, уже ничего не значатъ обыкновенныя испытанія жизни. Подвижника продаютъ въ рабство; на него нападаютъ разбойники и, не найдя на немъ ничего, кромѣ мѣднаго креста, бросаютъ его въ пустынѣ,—онъ бодро идетъ, надѣясь на чудо, и чудо должно спасти его. Чтобы просвѣтить невѣрныхъ людей, онъ прямо обращается къ каменному идолу: „скажи мнѣ, ты ли богъ, или мною проповѣдуемый"?—и идолъ долженъ отвѣтить, простирая каменныя руки къ небу: „единъ есть богъ христіанскій!" Но рядомъ съ этими преданіями вѣры, мы находимъ въ житіяхъ и изображеніе настоящей, обыкновенной жизни, видимъ, какъ мученики для христіанскихъ дѣлъ покидаютъ свой высокій санъ, почести, ихъ окружавшіе, раздаютъ свое богатство бѣднымъ, и, когда ихъ упрекаютъ въ томъ, что они отказались отъ милостей властелина, которому служили, чтобы жить съ жидами и христіанами (первоначально язычники тѣхъ и другихъ не отличали, считая христіанство за одну изъ жидовскихъ сектъ), они отвѣчаютъ: „Передъ Господомъ нѣтъ ни рабовъ, ни свободныхъ, ни знатныхъ, ни убогихъ, ни жидовъ, ни грековъ,—а всѣ равны". Вотъ, блаженный Іоаннъ милостивецъ спитъ на плохой постели, носитъ плохую одежду не ради истязанія плоти, а потому что есть бѣдные, которые и того не имѣютъ. Одинъ богатый сановникъ, увидѣвъ его бѣдность, приноситъ къ нему богатое одѣяло, цѣною въ 36 золотыхъ и умоляетъ хоть на одну ночь имъ одѣться. Святой со-

глашается прикрыться имъ въ угоду принесшему, но ночью ему не спится; онъ раздумываетъ: „Какъ же это убогій Іоаннъ лежитъ подъ одѣяломъ въ 36 золотыхъ, а христова братія страдаетъ отъ зимняго холода? сколько есть такихъ, что колотятъ теперь зубами, едва прикрываясь на холодномъ полу рогожею? сколько, не достигнувъ ночлега, ночуютъ въ полѣ, на дождѣ и снѣгу, безъ ужина и огня? многіе рады поѣсть хоть зелени, бросаемой изъ моей кухни, омочить хлѣбъ въ уху, которую выливаетъ мой поваръ, или хоть понюхать меду въ моей медушѣ! Сколько теперь въ нашемъ городѣ чужихъ и убогихъ, которыхъ не пустили въ гостинницу, и лежатъ они подъ дождемъ на торжищѣ! а другіе и цѣлый мѣсяцъ не ѣли похлебки, не знаютъ вовсе зимней одежды.... А ты, благочестивый, и вино пьешь, и рыбу вкушаешь, и живешь въ хорошемъ домѣ, да еще прикрылся и одѣяломъ въ 36 золотыхъ! а на эту цѣну можно бы одѣть 144 твоихъ братій, потому что за одинъ золотой купишь 4 простыхъ одѣяла". Такъ раздумавъ, Іоаннъ утромъ же послалъ продать одѣяло и вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ. Богачъ, подарившій его, узналъ объ этомъ, перекупилъ одѣяло и опять принесъ къ блаженному. Этотъ опять его продалъ. Такъ повторялось до трехъ разъ, и тогда Іоаннъ весело сказалъ богачу: „ну, посмотримъ, кто возьметъ верхъ: я или ты съ твоимъ богатствомъ?" Дѣйствуя такъ, Іоаннъ объяснялъ: „Кто, заботясь объ убогихъ, хитростью заставитъ богатаго отдать и рубашку, тотъ не согрѣшитъ, потому что многіе изъ нихъ скупы и не милостивы, а тутъ двѣ пользы: и душѣ ихъ поможешь, и бѣднаго одѣлишь". Про другаго сподвижника-старца въ житіи раз-

сказано, какъ онъ всю жизнь ходилъ отъ Іордана въ Іерусалимъ и обратно, помогая на пути бѣднымъ странникамъ въ пустынѣ: у одного несетъ на рукахъ ребенка, у другаго какіе нибудь пожитки, третьяго одѣляетъ хлѣбомъ или водою во время зною, мертваго хоронитъ. Все, что ему давали, онъ жертвовалъ бѣднымъ. Если онъ замѣчалъ, что у кого нибудь изъ нихъ, по недостатку зеренъ, заброшено поле, то потихоньку ночью вспашетъ его на своихъ волахъ и засѣетъ.

Такіе примѣры христіанскаго благодушія не могли не привлекать новыхъ христіанъ и на Руси. Тамъ, гдѣ еще недавно было правиломъ: «кровь за кровь», гдѣ за ловкость въ убійствѣ, какъ видимъ изъ исторіи Олега и Ольги, прославляли, какъ за славное дѣло, ученіе о любви къ ближнему, должно было по немногу содѣйствовать къ смягченію нравовъ. Мы и на самомъ дѣлѣ видимъ, что въ законахъ, изданныхъ Ярославомъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Русской Правды», вмѣсто прежней кровавой мести за убійство родственника, назначена пеня, которую платилъ цѣлый округъ, гдѣ найдено тѣло убитаго, если убійца не отыскanъ. Мы уже знаемъ изъ основанія Кіевопечерской Лавры, какъ наши отшельники подражали греческимъ въ дѣлахъ благочестія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и обычай кормить бѣдныхъ сталъ распространяться какъ въ монастыряхъ, при церквахъ, такъ и между богатыми людьми. Это была благотворительность, которая давала случай выказывать добрыя христіанскія чувства, но собственно мало помогала народу въ случаѣ какихъ нибудь общественныхъ бѣдствій. Въ старину у насъ кормили нищихъ, не зная, какъ предупредить нищету, какъ обезпечить жизнь каждаго, чтобы, сколь-

ко возможно, уменьшить нищенство: пользовались тѣмъ, что давала природа, и не умѣли извлекать изъ нея новыхъ выгодъ, научить труду и обезопасить этотъ трудъ отъ всякаго зла: отъ нашествія враговъ, отъ вымогательства сильныхъ, отъ неурожаевъ и многихъ болѣзней. Монашество все таки имѣло у насъ большое значеніе, потому что монастыри, достигнувши власти, были болѣе безопасны отъ тогдашнихъ невзгодъ и могли оказывать покровительство угнетеннымъ.

Въ подражаніе житіямъ, переведеннымъ съ греческаго, у насъ стали описывать жизнь своихъ подвижниковъ вѣры: эти жизнеописанія любопытны тѣмъ, что объясняютъ намъ многія черты старинной русской жизни. Таковъ, напримѣръ, Патерикъ Печерскій, изображающій дѣла наиболѣе знаменитыхъ иноковъ Кіево-Печерской Лавры, изъ которой вышло много епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, подобно Леонтію Ростовскому, неутомимо работавшихъ для распространенія христіанства въ тогдашней полуязыческой Руси. Житіе Θеодосія, написанное Несторомъ, болѣе всего знакомитъ насъ съ характеромъ этихъ дѣятелей: тутъ мы узнаемъ, какъ они пріобрѣтали власть и какой борьбы стоили имъ ихъ новыя христіанскія стремленія. Θеодосій, сынъ достаточныхъ родителей, съ юныхъ лѣтъ, наслышавшись о подвигахъ святыхъ и мучениковъ, сталъ искать монашеской жизни. При тогдашней борьбѣ съ язычествомъ и грубыми, языческими обычаями въ древней Руси, христіанское подвижничество представлялось какъ высшая цѣль, къ какой могъ стремиться человѣкъ, ищущій умственной дѣятельности: другаго поприща для дѣятельныхъ умовъ и не существовало. Монастырь тогда

давалъ и науку, и видное мѣсто въ общественной жизни. Любовь къ монашеству усерднѣе и успѣшнѣе всего распространяли своими разсказами странники-богомольцы. Сговорившись съ такими странниками, Θеодосій тайно, ночью, ушелъ изъ родительскаго дому, чтобы отправиться съ ними къ святымъ мѣстамъ. Мать его, какъ видно, не слишкомъ ревностная къ новому христіанскому ученію и притомъ крѣпко любившая сына, выразила эту любовь, по тогдашнему обычаю, очень безпощадно. Она нагнала странниковъ; порядкомъ ихъ выбранивъ, отняла у нихъ сына, схватила его за волосы, и поваливъ на землю, стала бить ногами, потомъ связаннаго привела его въ домъ и, еще побивъ, сколько стало силы, заперла въ комнатѣ. Два дня спустя, она его выпустила, дала ему поѣсть, но, чтобы онъ не ушелъ опять, сковала ему ноги цѣпями. Θеодосій только радовался, что ему пришлось пострадать за вѣру. Матери наконецъ стало его жалко: она сняла съ него цѣпи, дозволила ему дѣлать, что угодно, умоляя только не оставлять ее. Θеодосій далъ слово оставаться при ней, но продолжалъ выказывать свою ревность къ религіи. Замѣтивъ, что въ церкви, куда онъ ежедневно ходилъ, часто не совершаютъ служенія, по недостатку просфоръ, онъ самъ сталъ печь ихъ, продавалъ, на вырученныя деньги вновь покупалъ муку, а излишекъ раздавалъ нищимъ. Сверстники смѣялись надъ нимъ, но онъ дѣлалъ свое дѣло. Проживъ такъ двѣнадцать лѣтъ, онъ, по евангельскому слову: «аще кто не оставитъ отца и матерь и вслѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ»,—рѣшился наконецъ уйти въ Кіевъ и поселился тамъ въ пещерѣ св. Антонія. Мать долго его искала, въ отчаяніи

плакала, била себя въ грудь, всѣхъ распрашивала о сынѣ. Узнавъ, что Өеодосій въ Кіевѣ, она, не смотря на трудный путь, отправилась туда, хитростью добилась свиданія съ Антоніемъ и стала его упрашивать, чтобы уговорилъ сына съ ней видѣться. Өеодосій рѣшительно отказался выходить изъ своей пещеры къ матери. Тогда она уже стала грозить Антонію, что лишитъ себя жизни тутъ же, въ его глазахъ, если тотчасъ не увидитъ сына. Испуганный старецъ приказалъ Өеодосію выйти. Мать, какъ увидѣла его исхудалаго, изможденнаго постомъ, такъ, рыдая, и кинулась ему на шею. Начались долгіе переговоры. Өеодосій наконецъ согласился съ нею видѣться, если она поступитъ въ одинъ изъ женскихъ монастырей въ Кіевѣ. Страстно любя сына, мать постриглась въ монахини. Ставъ игуменомъ, Өеодосій выказалъ тотъ же рѣшительный характеръ, заставлявшій всѣхъ ему покоряться. Онъ умѣлъ дѣйствовать на братію какъ своимъ смиреніемъ, такъ и строгостью. Разъ келарь донесъ ему, что надо приказать кому нибудь наносить воды въ монастырь. Өеодосій пошелъ и сталъ самъ усердно черпать воду изъ колодца. Братія, конечно, тотчасъ бросилась помогать ему, и воды нанесено болѣе, чѣмъ было нужно. Въ другой разъ точно также онъ первый принялся рубить дрова, когда никто изъ братіи не догадался добровольно пойти на этотъ трудъ. Өеодосій никогда не снималъ власяницу со своего тѣла, прикрывая ее только плохою свиткой. Но чѣмъ смиреннѣе онъ себя держалъ, тѣмъ строже былъ къ братіи. Вечеромъ обходилъ онъ всѣ келіи, прислушиваясь, не ведутъ ли гдѣ нибудь мірскую бесѣду. На другой день онъ обличалъ того, у кого въ кельѣ соби-

рались послѣ вечерней молитвы, и наказывалъ его за это. Все, что ни находилъ онъ въ кельѣ лишняго противъ уставу, онъ бросалъ въ печь. Разъ, когда Ѳеодосій куда то отправлялся съ нѣкоторыми изъ братіи, поднесли ему необыкновенно чистые, хорошо испеченные хлѣба. Онъ велѣлъ роздать ихъ на трапезѣ въ тотъ же день оставшимся. Но келарь разсудилъ предложить ихъ на другой день, когда вся братія будетъ въ сборѣ. Ѳеодосій, увидавъ, что приказаніе его нарушено, велѣлъ собрать всѣ куски и выбросить въ рѣку. Изяслава, давшаго монастырю гору, онъ особенно любилъ и часто навѣщалъ его. Разъ, когда онъ засидѣлся у князя, этотъ далъ ему возокъ для возвращенія. Извощикъ не зналъ игумена, и, видя только монаха въ плохой одеждѣ, заставилъ его чуть не цѣлую ночь вести лошадь, то сидя на ней верхомъ, то пѣшкомъ, а самъ завалился въ возокъ. Утромъ онъ пораженъ былъ почестями, какія оказывали его смиренному монаху всѣ вельможи, отправлявшіеся ко князю. Наконецъ у воротъ монастыря игумена встрѣтила вся братія. Извощикъ дрожалъ за себя, но Ѳеодосій ласково угостилъ и одарилъ его. Когда неспособный князь Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева братомъ его, Святославомъ, Ѳеодосій крѣпко стоялъ за изгнанника. Онъ обличалъ Святослава, какъ передъ его вельможами, посѣщавшими монастырь, такъ и прямо посылалъ къ нему укорительныя письма. Въ одномъ письмѣ онъ назвалъ его братоненавистникомъ, Каиномъ. Святославъ сильно разгнѣвался, бросилъ письмо на землю и пригрозилъ Ѳеодосію. Монастырская братія и самые бояре стали его умолять не раздражать болѣе князя, но игуменъ стоялъ на своемъ. Кончилось тѣмъ, что Свято-

славъ, какъ ни былъ гнѣвенъ, а смиренно выразилъ желаніе видѣться съ Ѳеодосіемъ. Игуменъ, оставивъ обличенія, принялъ его ласково въ монастырѣ, и съ тѣхъ поръ пользовался у него такою же силою, какъ у Изяслава.

Какъ въ Кіевѣ Ѳеодосій, такъ въ каждой изъ русскихъ мѣстностей былъ свой, наиболѣе почитаемый подвижникъ. Мѣстное духовенство, монастыри и самый народъ старались какъ можно болѣе его возвеличить, часто выражая этимъ свое соперничество съ другими областями. Вся сѣверная придвинская область покланялась соловецкимъ угодникамъ, Зосимѣ и Савватію. Савватій избралъ для жительства Соловки, узнавъ, что на этомъ островѣ и въ морѣ и на озерахъ много ловится рыбы и есть лѣса, удобные для построекъ. Собравшаяся братія получила отъ великаго князя московскаго право пользоваться десятою частію добычи съ судовъ, которые отправлялись на промыселъ и случайно бывали прибиты бурею къ острову. Преданіе разсказываетъ, что какіе то промышленники отказали въ этой десятой долѣ, давъ только немного денегъ на молебенъ, и за это буря разбила ихъ судно. Одинъ благочестивый человѣкъ, долго гостивъ въ монастырѣ, потомъ оставилъ его и выдалъ за мужъ свою дочь очень неудачно, потому что молодые не ладили другъ съ другомъ. Однажды мужъ связалъ свою жену веревками и вышелъ изъ дому, чтобы взять розогъ или палокъ, въ намѣреніи, по тогдашнему обычаю, дать ей острастку. Жена успѣла въ его отсутствіи высвободить руки, схватила ножъ и изранила себѣ грудь и горло. Всѣ считали ее уже мертвою, какъ вдругъ, по приходѣ соловецкаго игумена, она очнулась. Это также считали чудомъ преподобнаго Савватія. Въ Ро-

стовѣ чтили Леонтія. Въ его житіи то же выступаютъ черты тогдашнихъ нравовъ. По преданію, нѣкто Захарій задумалъ оттягать отъ церкви св. Леонтія часть земли. По обычаю, вышелъ на указанную имъ межу священникъ съ иконою, и если человѣкъ, объявлявшій свое право на землю, шелъ за иконою, то это считалось своего рода присягой. Такъ пошелъ и Захарій, но чуть достигъ спорной земли, какъ затрясся, и въ ужасѣ ему показалось, что вся земля на него валитъ. Онъ поспѣшилъ отречься отъ достоянія св. Леонтія. Тутъ есть еще любопытное извѣстіе о томъ, какъ встарину поступали съ людьми, временно помѣшанными, одержимыми болѣзнью, извѣстной подъ названіемъ эпилепсіи. Считая бѣсноватыми, ихъ приводили къ храму. Одинъ такой эпилептикъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, неистово кричалъ, пѣлъ, бранился, заглушая церковное пѣніе, и билъ встрѣчнаго и поперечнаго: его привязали внѣ церкви, но онъ и тутъ не давалъ никому проходу; тогда приковали его подальше, къ колокольнѣ, и оставили на произволъ судьбы, пока онъ не утихъ.

Въ житіяхъ Стефана Пермскаго и Петра митрополита мы уже знакомимся съ дѣятельностью Москвы и на видъ выступаютъ московскіе интересы. Стефанъ, подражая Кириллу, изобрѣтаетъ пермскую грамоту, чему на Москвѣ всѣ дивились, и ведетъ усердную борьбу съ главнымъ пермскимъ волхвомъ, Памомъ. Памъ, боясь московской силы, тайно волновалъ народъ, увѣщевалъ не оставлять языческихъ жертвъ и требъ, какія приносили отцы и дѣды, и толковалъ: „Отъ Москвы ли ждать намъ какого нибудь добра? не оттуда ли приходятъ къ намъ всякія тяжести, дани и насильства, тіуны (сборщики

податей) идоловчики, и пристарники?“ Но вновь крещеные, убѣдясь въ могуществѣ Москвы, отвѣчали: „Твои боги пали и не встанутъ!“ Стефанъ, для посмѣянія идоловъ, велѣлъ снять съ нихъ пелены и подѣлать изъ нихъ онучь, рукавицъ, и проч. Жизнь Петра митрополита свидѣтельствуетъ, какъ власть свѣтская и духовная дружно дѣйствовали за одно, при возвышеніи Москвы. Митрополитъ Петръ, какъ извѣстно, обласканный княземъ, хитрымъ Іоанномъ Калитою, оставивъ Владиміръ, поселился въ этомъ городѣ, который тогда уже начиналъ забирать власть надъ другими областями Россіи. Петръ совѣтуетъ великому князю создать каменную церковь въ честь Пресв. Богородицы и предсказываетъ: „Если меня, сынъ, послушаешь и воздвигнешь храмъ, то и самъ прославишься больше всѣхъ князей, и сыновья твои и внуки изъ рода въ родъ будутъ славны, и этотъ городъ возвысится надъ всѣми русскими городами и взыдутъ его руки на плечи враговъ его“. Такъ въ житіяхъ мы узнаемъ мѣстныя преданія, кое что изъ мѣстной, областной жизни въ древней Руси. Конечно, къ гробамъ болѣе знаменитыхъ изъ подвижниковъ приходили на поклоненіе со всѣхъ концевъ Россіи; но въ религіозныхъ вѣрованіяхъ сохранялась еще раздѣльность, когда самостоятельная жизнь областей все болѣе сглаживалась подъ властію Москвы. Новгородъ уже давно утратилъ независимость, а новгородское духовенство еще долго продолжало соперничать съ московскимъ, говоря: „Хоть Софія и пуста, да не Крутицкимъ чета!“ Въ вѣкъ Іоанна Грознаго (въ 16-мъ вѣкѣ), когда усилилась страсть къ переписыванію и даже сдѣлана была попытка печатать книги, всѣ житія, какъ переведенныя

съ греческаго, такъ и русскія, были собраны новгородскимъ (и потомъ московскимъ) митрополитомъ Макаріемъ, подъ названіемъ: „Четьи-Минеи“, что значитъ „Мѣсячныя чтенія“ (отъ греческаго слова *мѣнъ* или *минъ*—мѣсяцъ и русскаго *четье* отъ глагола *чести*, четъ). Эти большія или Макарьевскія Четьи-Минеи надо отличать отъ малыхъ, составленныхъ при Петрѣ Великомъ Димитріемъ Ростовскимъ. Макарій, кромѣ всѣхъ патериковъ, какія могъ собрать, помѣстилъ тутъ всѣ богослужебныя книги и поученія Златоуста, Василія Великаго и Іоанна Богослова. Какъ подъ властію Москвы собрались всѣ русскія земли, такъ и въ московской литературѣ выразилась эта страсть къ собиранію, что видно и изъ лѣтописнаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ „Степенной книги“. Москва, такъ сказать, хотѣла завоевать и всю русскую письменность. Макарій работалъ надъ своимъ трудомъ 12 лѣтъ, еще бывши архіепископомъ въ Новгородѣ. Много для этого нанималъ онъ переписчиковъ, много тратилъ денегъ на собираніе рукописей и усилій на ихъ исправленіе, и наконецъ, составивъ свои Четьи-Минеи въ 12 огромныхъ томахъ, положилъ ихъ на храненіе и память о душѣ своей въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ. Въ это время уже стала забываться простая народная рѣчь, какую находимъ у Нестора. Московскіе книжники находили необходимымъ исправлять житія, сначала писанныя простымъ, безъискусственнымъ слогомъ со словъ первыхъ разсказчиковъ: давая имъ отдѣлку, они уже употребляли искусственный славянскій языкъ съ разными риторическими украшеніями. Напримѣръ, про Кирилла и Меѳодія въ Минеяхъ такъ говорится: «Въ западныхъ странахъ паноньстѣхъ и морав-

скихъ странахъ, яко солнци возсіявша, мрака грѣховна отгнавша, просвѣтиста буквами, и научьша ученики церковному чину исполнь и тако теченіе скончавающа, пути ся яста римьскаго апостольскому престолу поклонитися».

При Грозномъ времена измѣнились. Въ Москвѣ ужъ не столько казались привлекательными смиренность, простота жизни, сколько внѣшній блескъ, богатство, роскошная обрядность. Въ Москвѣ уже надо всѣми сердечными влеченіями преобладаютъ разсчетъ, цѣли государственныя. Это должно было отразиться и въ монастырской жизни. Московскіе государи съ огромною свитою любили посѣщать важнѣйшія изъ монастырей, щедро надѣляли ихъ землями, деньгами и многими льготами: ихъ примѣру слѣдовали и богатые бояре. Такимъ образомъ обычаи московской знати стали проникать и въ обители, гдѣ прежде скромно послушествовали св. Сергій, Кириллъ, и другіе—проникали тѣмъ легче, что бояре часто постригались въ нихъ, или, какъ это было при Грозномъ, были посылаемы туда подозрительнымъ царемъ на жительство. Прежнее подвижничество уже значительно ослабѣло. Самъ Іоаннъ Грозный такъ объ этомъ пишетъ въ своемъ замѣчательномъ посланіи къ братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря: «Есть у васъ Анна и Каіафа, Шереметьевъ и Хабаровъ, и есть Пилатъ, Варлаамъ Собакинъ (такъ Іоаннъ въ насмѣшку называетъ ссыльныхъ бояръ), понеже отъ царской власти посланъ.... Шереметьеву и Хабарову вы послабляете и забываете для нихъ преданіе Кирилла (основателя монастыря). И случись, что у васъ весь царскій дворъ пострится бы, такъ монастыря ужъ не было бы.... А

Шереметьеву какъ назвать васъ братіею? у него и десятый холопъ, живущій въ кельѣ, ѣстъ лучше братіи. По всѣмъ монастырямъ сперва начальники уставили крѣпкое житіе, да послѣ нихъ раззорили любострастные. На Симоновѣ сами видите: только по одеждѣ иноки, а все дѣлается по мірскому.... А нынѣ у васъ Шереметьевъ въ кельѣ сидитъ, что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ, да иные чернецы, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру, а Шереметьевъ невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряныя составныя овощи, а за монастыремъ дворъ, и на немъ запасы годовые всякіе. Если скажутъ, что Шереметьевъ безъ хитрости боленъ, такъ пусть ѣстъ одинъ въ кельѣ, а чтобы сходовъ и пировъ не было бы». Въ этомъ обличеніи иноковъ, конечно, главное дѣло лишь въ томъ, чтобы сходовъ не было: подозрительный Іоаннъ могъ опасаться, какъ бы, и живя въ монастырѣ, бояре не затѣяли противъ него какой нибудь смуты. Но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ имѣть какой нибудь поводъ говорить то, въ чемъ упрекалъ Кирилло-Бѣлозерскую братію. . . . .

Другой родъ сочиненій, также очень распространенныхъ, были сборники, пчелы. Въ нихъ заключалась вся наша старинная премудрость, немногія отрывочныя свѣдѣнія о природѣ, изъ науки о краснорѣчіи и правила нравственности. Въ сборникахъ находимъ и слова, и поученія отца къ сыну, и повѣсти, и отрывки изъ лѣтописей—словомъ, тутъ соединяются сочиненія самаго разнообразнаго содержанія, но мы здѣсь остановимся на той ихъ части, по которой имъ всего приличнѣе названіе *Пчелъ*, т. е. на отдѣльныхъ изреченіяхъ, замѣткахъ, отрывкахъ, собранныхъ изъ разныхъ греческихъ

сочиненій, или и изъ русскихъ пословицъ. Самый древній сборникъ, переведенный съ греческаго: Изборникъ Святослава 1073-го года представляетъ, какъ мы уже замѣтили, любопытные образчики переданной намъ греческой науки. Что же это за наука? Въ ней вы найдете кое какія убогія свѣдѣнія и много нелѣпыхъ вымысловъ. Вотъ, напримѣръ, любознательный князь Святославъ и окружавшіе его грамотные бояре, или монахи узнавали, изъ ученія о камняхъ, что сердоликъ «красенъ, какъ кровь прозраченъ, имѣетъ цѣлебную силу, врачуя язвы отъ желѣза», что смарагдъ «зеленъ, рубятъ его варвары въ горахъ индѣйскихъ» и, «сила его есть лице видѣти въ немъ». О камнѣ гіацинтѣ разсказано, что онъ водится въ скиѳской пустынѣ, въ глубокихъ недоступныхъ пропастяхъ, запертыхъ со всѣхъ сторонъ горами; чтобъ достать его, бросаютъ въ пропасть овцу, съ которой снята шкура; камень прилипаетъ къ мясу, а потомъ орелъ, чуя добычу, выноситъ ее изъ пропасти и вмѣстѣ съ камнемъ. Какая польза могла быть отъ подобныхъ знаній, если бы въ нихъ и было что нибудь вѣрное? Смѣшно толковать о сердоликахъ и гіацинтахъ, когда не знаешь и о самыхъ близкихъ предметахъ, что у тебя всякій день передъ глазами! Но эти сердолики и гіацинты на долго остались въ нашемъ образованіи: и теперь мы учимся многому, что совсѣмъ не ведетъ къ дѣлу. Или сообщались еще такія наставленія о мѣсяцахъ: «марта 31-го сладко ѣшь и пей, апрѣля 30-го не ѣшь рѣпы, октября 30-го не мойся часто, декабря 31-го капусты не ѣшь, и проч.“ И, вѣроятно, наши предки все это исполняли, утруждая свой умъ подобными безсмыслицами. Въ другомъ позднѣйшемъ сборникѣ „Златая Ма-

тица“ находимъ более дѣльныхъ свѣдѣній о природѣ. Тутъ говорится объ измѣреніи луннаго и земнаго круга, о планетахъ, объяснено, что онѣ кажутся малыми, потому что очень отъ насъ далеко;—вотъ какъ съ высоты стада представляются муравьями, или даже цѣлые города темными пятнами; далѣе есть нѣкоторыя вѣрныя замѣчанія объ узнаваніи погоды по цвѣту и виду солнца. Въ другомъ сборникѣ (въ Румянцовскомъ) земля, висящая на воздухѣ посреди неба, сравнивается съ яичнымъ желткомъ посреди бѣлка; „земля со всѣхъ сторонъ одинаково удалена отъ неба, но не держится на 7 столбахъ, какъ думаютъ нѣкоторые: иначе гдѣ жъ бы могли помѣститься эти столбы?“ Явленіе молніи объяснено хоть и не вѣрно, но не безсмысленно; она, по мнѣнію автора, происходитъ отъ столкновенія облаковъ, гонимыхъ вѣтромъ, подобно искрѣ, рождающейся отъ удара кремня въ огниво: „ее мы видимъ раньше, чѣмъ слышимъ громъ, потому что зрѣніе быстрѣе слуха; такъ, когда рубятъ дрова, то издалека видимъ дровосѣка, а стуку почти и не слышно“. Вотъ, немногія дѣльныя знанія о природѣ, какія представлялись любознательности нашихъ предковъ: остальное все были сказки, особенно много сказокъ о разныхъ диковинныхъ звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ,—сказки о составѣ человѣческаго тѣла, въ которомъ будто бы сердце произошло отъ камня, тѣло отъ земли, кровь изъ воды, или отъ Чермнаго моря, теплота отъ огня, и проч. Въ другихъ свѣдѣніяхъ изъ науки о мысляхъ и о краснорѣчіи (изъ логики и риторики) мы находимъ въ Изборникѣ Святослава болѣе смысла. Тутъ между прочимъ растолковано, что такое существенное (постоянное) въ предметѣ и случайное

(непостоянное, измѣняемое), что надо разумѣть подъ словомъ „количество", означающемъ, какъ мѣру (мѣра мѣряющая и чтущая т. е. считающая), такъ и измѣряемое (мѣра мѣримая и чтомая), какъ разлучаемое (напр. пшеница, камни), такъ и содержимое (напр. сколько локтей въ одномъ деревѣ, въ одномъ камнѣ), и проч. Тутъ придуманы и славянскія названія для разныхъ фигуръ въ рѣчи, то есть, для оборотовъ, которыми живѣе рисуютъ предметъ, выражая чувство; напримѣръ, «прѣводъ (переводъ, переносное слово) есть слово отъ иного на ино переводимо: отъ съдушныхъ (одушевленныхъ) на несъдушные (напр. глава горы), отъ съдушныхъ на съдушные (напр. царь—пастухъ людей), отъ бездушныхъ на бездушные (напр. уголь въ пеплѣ—сѣмя огня), и проч. Это были единственныя знанія, которыя хорошо разработала древняя греческая и латинская наука, начиная съ Аристотеля: внѣшнее искусство въ связномъ изложеніи, въ употребленіи разныхъ выраженій, украшающихъ рѣчь, было отчасти усвоено и нашими грамотѣями. Но все такія словесныя науки у насъ давались не многимъ: большею частію подражаніе греческимъ образцамъ тутъ вело ко крайней напыщенности и вычурности въ рѣчи. Гораздо больше читались и были у насъ распространены тѣ сборники, гдѣ помѣщались отдѣльныя нравственныя правила, отрывочныя поученія въ житейской мудрости, какъ въ Изборникѣ Святослава 1076-го года. Тутъ даются наставленія о чтеніи книгъ: „какъ нельзя составить корабль безъ гвоздей, такъ не можетъ быть и праведника безъ чтенія книжнаго; красота воину—оружіе, кораблю—паруса, а праведнику чтеніе книгъ". Въ поученіи богатымъ говорится: „избѣгай лести, кото-

рая, какъ воронъ, выклевываетъ очи; если хочешь имѣть почетъ, будь общій всѣмъ благодѣтель, и проч.» Болѣе замѣчателенъ по содержанію сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «Златая цѣпь». Въ немъ есть цѣльныя статьи о томъ, какъ служить князьямъ, какъ слушаться друзей и, если званъ на пиръ, то, по евангельскому изреченію, всегда садиться на послѣднемъ мѣстѣ, какъ обходиться съ челядью, избѣгать пьянства, и проч. Въ обхожденіи съ челядью мы не видимъ еще особеннаго милосердія: „Надо, читаемъ въ поученіи,—кормить, одѣвать челядь, чтобы не нажить грѣха, когда твоего холопа убьютъ на воровствѣ; надо учить своихъ сиротъ закону и грозою и ласкою; если тебя не послушаетъ, то лозы не жалѣй: до 4-хъ, до 6-ти и даже до 12-ти ранъ дать можно; за великую вину и 20 ранъ, за очень большую и до 30 ранъ, но больше 30 давать не слѣдуетъ". Для тогдашняго вѣка (14-ое столѣтіе) давать не больше 30 ранъ, конечно, уже считалось человѣколюбіемъ; но мы видимъ, что и нравственное наше образованіе встарину не на столько ушло впередъ, чтобы у самыхъ благочестивыхъ людей явилась мысль о совершенномъ уничтоженіи грубаго тѣлеснаго наказанія. Главное же дѣло еще не въ этомъ наказаніи, а во взглядѣ на подвластныхъ людей, какъ на *сиротъ*, которые во всемъ зависѣли отъ милости господина. Съ особеннымъ краснорѣчіемъ въ Златой цѣпи осуждается пьянство, какъ видно, порокъ, уже довольно распространенный у насъ въ 13-мъ и въ 14-мъ вѣкѣ. Нѣкій старецъ здѣсь разсмышляетъ: «По истинѣ дивно, какъ это въ одинъ часъ можно насытиться брашномъ, а мало цѣлаго дня, чтобъ напиться. У безсловесныхъ скотовъ мы не найдемъ это-

го; а ненасытный человѣкъ какъ будто имѣетъ двѣ утробы: одну для питья, другую для ѣды,—льетъ въ себя, какъ въ утлый сосудъ, пока не начнетъ бѣсноваться. Правда, есть разные пьяницы; одинъ, напившись, дерется, кричитъ, ссорится; другой прямо заляжетъ спать; вотъ, многіе и хвалятъ кроткихъ пьяницъ, а по мнѣ и они скотѣе звѣря: кроткій пьяница, какъ болванъ, или мертвецъ, валяется». Въ статьѣ о правовѣрной вѣрѣ, кромѣ этого, преподается множество нравственныхъ правилъ: «Поклоняйся всякому старшему; меньшихъ принимай съ любовью, милуй ихъ и вздохни о нихъ къ Богу; князя бойся всею силою, какъ ученикъ учителева жезла: такъ научишься и бояться Бога; поклоняйся всякому, ради смиренія: поклоняясь, пройдешь и подъ многовѣтвистымъ деревомъ; ищи во всемъ простоты: въ пищѣ и одеждѣ, и не стыдись нищеты; сидя за богатою трапезою, вспомяни о томъ, кто ѣстъ сухой хлѣбъ; легши на пуховой постели и широко потягиваясь, вспомни о томъ, кто лежитъ, свернувшись клубомъ, на голой землѣ, и не смѣетъ протянуть ноги отъ холода». Мы видимъ, что эта нравственная мудрость, зашедшая къ намъ изъ Византіи, не столько основана была на свободной, христіанской любви, сколько на рабскомъ смиреніи и на мысли объ угодливости. Намъ важно знать, въ какомъ видѣ христіанскія начала проникали въ нашу жизнь: понятія о равенствѣ всѣхъ передъ Богомъ, о безкорыстномъ служеніи ближнему значительно измѣнялись, когда ихъ примѣняли къ житейскимъ разсчетамъ. Сладко ѣсть и спать, думая объ убогихъ, было еще не слишкомъ труднымъ подвигомъ. Конечно, встрѣчались люди, которые принимали ближе къ сердцу ученіе о любви и

забывали о личной выгодѣ; но большинство довольствовалось узкою нравственностью, требовавшею только исполненія извѣстнаго обряда; въ жизни распространенію христіанскихъ началъ еще сильно препятствовало господствовавшее тогда кулачное право.

Знакомясь далѣе съ византійскою мудростью, мы находимъ въ Пчелахъ множество изреченій, заимствованныхъ изъ Соломона, Сираха, Іоанна Богослова, Златоуста и вмѣстѣ изъ языческихъ мудрецовъ, каковы: Плутархъ, Исократъ, Епиктитъ, Зенонъ, Демосфенъ, Платонъ, и проч. Всѣ эти изреченія большею частію учатъ не возноситься въ богатствѣ, не отчаяваться въ печали, любить истину, и т. д. Приведемъ примѣры. „Плутархъ сказалъ: больнаго не вылечитъ золотая кровать, такъ и безсмыленному не въ пользу слава и богатство. Димонаксъ сказалъ: въ побѣдѣ узнаемъ храбраго, а въ напасти умнаго. Святой Василій сказалъ: ни на судахъ, ни въ другихъ дѣлахъ не потребна ложь; истина одна, а ложь многомысленна. Менандръ: лучше получать зло съ правдою, чѣмъ добро съ ложью". Всѣ подобныя истины, притомъ высказанныя умозрительно, врядъ ли многимъ были понятны и могли значительно содѣйствовать нашему нравственному развитію. Все это гораздо проще и ближе къ своей жизни выразилъ народъ въ пословицахъ. Намъ и любопытнѣе познакомиться съ такими Пчелами, въ которыхъ записаны были ходячія изреченія того времени, частію прямо народныя, часто взятыя изъ греческихъ Пчелъ, но вошедшія въ употребленіе по крайней мѣрѣ между грамотными людьми. Такова Пчела сохранившаяся въ разныхъ спискахъ, извѣстная подъ названіемъ «Моленіе Даніила Заточника».

Кто былъ этотъ Даніилъ, неизвѣстно. По одному списку, онъ называетъ себя сыномъ рабыни; чѣмъ то не угодивъ князю или боярамъ, онъ сосланъ былъ на Лачъ-озеро (въ нынѣшней Олонецкой губерніи), откуда и обращается къ своему господину съ мольбою объ освобожденіи; князь, къ которому надписано моленіе, былъ Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій, жившій въ 13-мъ вѣкѣ. По другому списку выходитъ, что Даніилъ обращался къ Юрію Долгорукому, слѣдовательно, жилъ въ XII-мъ вѣкѣ. Какъ бы то ни было, это лице пользовалось извѣстностью на Руси: въ лѣтописи, при описаніи Вожской побѣды надъ татарами 1378 года, сказано, что одного священника сослали на озеро Лаче, „идѣже бѣ Данило Заточеникъ". Данилѣ во всякомъ случаѣ принадлежитъ только собраніе реченій, частію вычитанныхъ изъ книгъ, частію взятыхъ изъ живой рѣчи. Это собраніе потомъ различно измѣнялось и дополнялось, но его все приписывали Даніилу. Оно свободнѣе отъ византійскаго вліянія, чѣмъ другія Пчелы: въ немъ взятое съ греческаго примѣнено къ русской жизни и мѣстами довольно живо высказались черты вѣка: по этимъ чертамъ его скорѣе можно приписать первому, домосковскому періоду. Мы коснемся въ немъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится о князьяхъ и боярахъ, о положеніи бѣднаго, зависимаго человѣка, объ умныхъ совѣтникахъ, и проч. Въ князѣ болѣе всего прославляется щедрость, ласковость; ему нужно имѣть крѣпость на враговъ и любовь къ дружинѣ. «Щедрый князь, какъ рѣка, текущая свободно черезъ дубравы, что поитъ и людей, и звѣрей, и птицъ: онъ дарами привлечетъ къ себѣ дружину, замѣнитъ отца и мать тѣмъ, кто ихъ лишились.

А бѣда дѣтямъ или неистовымъ людямъ давать въ руки ножъ и богатство; такъ и лукавому не давай власти и силы. Доброму господину служа, дослужишься свободы, а злому служа, дождешься пущей неволи». Этотъ взглядъ на князя напоминаетъ обычаи удѣльно-вѣчеваго періода, тогда какъ „Златая цѣпь“ явно принадлежитъ къ временамъ татарскаго ига. Но уже у Даніила раздаются жалобы на бояръ и княжескихъ чиновниковъ (тіуновъ), которые вредили доброй молвѣ о князѣ. „Не море, сказано въ Моленіи, топитъ корабли, а вѣтры, не огонь разжигаетъ желѣзо, а раздуваніе мѣхами,—такъ и князь не самъ впадаетъ въ разныя злыя дѣла, а думцы (совѣтники) вводятъ. Съ добрымъ думцею князь додумается высокаго престола, а съ плохимъ—и малаго лишенъ будетъ“. Обращаясь ко князю, Даніилъ говоритъ: «Лучше мнѣ тебѣ служить въ дерюгѣ, чѣмъ въ багряницѣ на боярскомъ дворѣ; лучше воду пить на дворѣ твоемъ, чѣмъ медъ на боярскомъ дворѣ, и воробья получить изъ рукъ твоихъ, чѣмъ баранью тушу изъ рукъ злыхъ господъ; много разъ рабочій хлѣбъ становился мнѣ, какъ полынь, а питье растворялось плачемъ“. Въ другомъ мѣстѣ сборника напротивъ находимъ совѣты: „не имѣй себѣ двора близь княжа двора, не держи села близь княжа села; тіунъ его, какъ огонь въ трутѣ, а рядовичи (слуги), какъ искры: если отъ огня и убережешься, то искры спалятъ платье“. Также живо обрисовано различное положеніе богатаго и бѣднаго и то дѣйствіе, какое горе производитъ на человѣка: „Богатый человѣкъ вездѣ знаемъ и въ чужомъ городѣ найдетъ друзей, а убогій и между своими невидимо ходитъ; богатый заговоритъ, то всѣ замолчатъ—и слово его вознесутъ до

облаковъ, а заговори убогій—всѣ на него крикнутъ и уста ему заградятъ: кого одежда свѣтла, тѣмъ и рѣчь честна; въ богатомъ и глупость сочтутъ за разумъ. Какъ дерево при пути всякій посѣкаетъ, такъ и беззащитнаго всѣ обижаютъ. Человѣкъ хитритъ и мудритъ о чужой бѣдѣ, а въ своей часто не можетъ найтись. Какъ нельзя соли глотать, такъ и въ печали смыслить. Но въ то же время золото искушается огнемъ, а человѣкъ напастями; пшеница, если ее много мучишь, даетъ чистый хлѣбъ, и въ горѣ распознается умъ человѣка; нельзя вѣрно стрѣлять неоперённою стрѣлою, и лѣностью добить себѣ почета". И такъ бѣдному вся надежда на умъ, на свой тяжелый опытъ, и въ „Моленіи" болѣе всего восхваляется умъ человѣка. „Глупый богачъ, какъ шелковое изголовье, набитое соломой. Какъ псамъ и свиньямъ не нужно золота, такъ и глупому книжная мудрость. Какъ въ дырявый мѣхъ лить воду, такъ учить глупаго: ни мертвеца не разсмѣшишь, ни дурака не научишь. Дураковъ не жнутъ, не сѣютъ, а сами рождаются. Видѣлъ я человѣка, что шелъ и смотрѣлъ на небо, считая звѣзды, да и свалился въ пропасть.... и по дѣломъ ему: не знаетъ что передъ нимъ на землѣ, а тянется къ небу. Умъ во лбу у человѣка, какъ царь на престолѣ, а помыслы, исходящіе отъ сердца, его слуги: коли умъ крѣпокъ, то управляетъ помыслами. Посылай умнаго, мало ему наказывай, а глупаго пошлешь и самъ не полѣнись за нимъ идти. Мудрый ищетъ добра, а глупый гдѣ бы только попировать. Отпусти умному вину умнѣе будетъ".

Изъ предъидущаго видно, что разсматриваемый нами сборникъ имѣетъ нѣкоторую цѣлость: въ немъ подобраны все изреченія извѣстнаго рода. Это обстоятельство также

свидѣтельствуетъ, что онъ первоначально составленъ однимъ лицемъ. То, безъ сомнѣнія, былъ простой человѣкъ, не знатнаго происхожденія,—сынъ рабыни, какъ сказано въ Моленіи, но человѣкъ, котораго грамотность поставила выше другихъ княжескихъ Фугъ, и въ немъ уже очень живо заговорило сознаніе своего жалкаго положенія. Даніилъ самъ выставляетъ себя любознательнымъ самоучкой: „Я, князь господинъ, говорилъ онъ, не ходилъ за море, не учился у философовъ, но, какъ пчела припадаетъ къ цвѣтамъ и составляетъ медвяный сотъ, такъ и я изъ многихъ книгъ собиралъ сладость словесную и разумъ“. Особую часть „Моленія“ составляютъ выходки противъ злыхъ женъ, заимствованныя отчасти также изъ греческихъ писателей, но очень обыкновенныя и у насъ, какъ видно изъ народныхъ пословицъ и сказокъ. „Не рыба въ рыбахъ ракъ, говорится въ сборникѣ, не скотъ между скотами коза, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ,—и не мужъ въ мужьяхъ, что жены своей слушаетъ. Кто женится ради прибытка, чтобы ѣсть и пить у богатаго тестя, то лучше ему болѣть лихорадкой. Злая жена лютѣе льва и разбойника: отъ нихъ уйдешь, а отъ злой жены нѣтъ спасенія. Она смрадный колодезь, опустошеніе для дома. Злой женѣ не слѣдуетъ и смотрѣться въ зеркало, чтобъ не заболѣла, увидѣвъ свой образъ. Встрѣтилъ я человѣка, что продавалъ дѣтей, по смерти жены своей; люди стали его корить, а онъ отвѣчаетъ: „Боюсь, выйдутъ въ мать, такъ меня продадутъ“. Столь рѣзкія и частыя у насъ насмѣшки надъ злыми женами прямо показываютъ, въ какомъ положеніи была у насъ женщина. По византійскимъ преданіямъ, ея боялись и избѣгали, какъ соблазна, какъ вину грѣхопаденія перваго

человѣка. Въ неумѣстной религіозной ревности, тутъ были забыты лучшіе христіанскіе образцы, поставившіе женщину такъ высоко: злой демонъ, разрушающій трудный подвигъ пустынника, нерѣдко являлся въ образѣ женщины. У насъ къ этому присоединилась старинная грубость нравовъ, при которой женщина являлась только работницей въ дому, рабою: семейныя чувства и не могли имѣть много значенія въ удалой вѣкъ богатырской силы. Понятно, что, при ея зависимомъ положеніи, отъ женщины часто и нельзя было ожидать тѣхъ качествъ, которыя вытекаютъ изъ свободныхъ отношеній любви и сердечнаго согласія.

VII. Духовныя сочиненія и апокрифы.

ПОУЧЕНІЕ ВЛАДИМІРА МОНОМАХА И ДОМОСТРОЙ.

Мы указали, въ чемъ состояло византійское образованіе, усвоенное нашими предками при самомъ началѣ грамотности. Тутъ мы видѣли, какъ христіанство, внушая добрыя чувства братства и любви, могло вести къ смягченію нравовъ, а съ другой, какъ вмѣстѣ съ византійскимъ ученіемъ, входитъ обычай истязать свою плоть, удаляясь отъ свѣта, во всемъ слѣдовать строгимъ правиламъ отшельничества, какія издавна были приняты въ Греціи. Однако въ началѣ охотниковъ къ пустынножительству не могло быть много, особенно при живомъ, неугомонномъ характерѣ народа, который вездѣ искалъ лишь случая потѣшить свою удаль. Народъ, какъ мы знаемъ и изъ былинъ, живо принималъ къ сердцу христіанское ученіе о братолюбіи, о милосердіи къ бѣднымъ; но

*

дѣлалъ свое мірское дѣло, отстаивая отечество отъ враговъ, пускаясь въ дальніе походы ради корысти и славы: онъ только дивился тѣмъ людямъ, что шли въ лѣса, избѣгая мірской суеты, и мало думалъ подражать имъ. Притомъ въ народѣ сохранялись еще во всей силѣ старыя языческія суевѣрія; а Византія не дала намъ никакой науки, чтобы ослабить это невѣжество и просвѣтить умы: напротивъ, грамотѣи, какъ мы уже объяснили, извлекали изъ сборниковъ, да изъ болгарскихъ сказокъ больше лжи, чѣмъ какихъ нибудь знаній. Кромѣ этого, уже въ 12-мъ вѣкѣ, начинаетъ распространяться византійская обрядность, при которой всякое дѣло благочестія выполнялось болѣе по наружности, по предписанному правилу, чѣмъ по внушенію искренняго чувства, и такими правилами до мелочей опутывалась жизнь. Вмѣсто того, чтобы быть добрыми и нравственными на дѣлѣ, т. е. во всемъ помогать ближнему, нѣкоторые изъ грамотѣевъ мучились вопросами о томъ, какъ ходить, сидѣть, что ѣсть, спасаясь отъ грѣха. Любопытны въ этомъ отношеніи вопросы, какіе задавалъ нѣкто изъ духовенства Кирикъ новгородскому епископу Нифонту. Тутъ дѣло идетъ вообще о церковномъ порядкѣ, напримѣръ: какъ служить за упокой, какъ поступать съ иновѣрцами, желающими креститься, какія правила соблюдать при причащеніи? и проч. Рядомъ съ этимъ Кирикъ спрашиваетъ: Можно-ли молитву совершать надъ глинянымъ оскверненнымъ сосудомъ, или слѣдуетъ только надъ деревяннымъ? (отвѣтъ: можно надъ всякимъ). Позволять-ли женамъ въ субботу дѣлать поклоны за упокой? (отвѣтъ: нѣтъ,—въ воскресенье послѣ вечерни). Можно-ли въ воскресенье рѣзать скотъ или птицу на пищу?

(отвѣтъ: можно). Если епископъ служитъ постную службу, то гдѣ цѣловать его? (отв.: въ плечо). Если взрослый до обѣдни толчетъ яйцемъ въ зубы, можетъ-ли онъ причащаться? (отв: когда одинъ разъ потолчетъ, то можетъ). Не будетъ-ли грѣха по изорванному и брошенному письму ходить ногами, если можно различить буквы? А въ какой ходить одеждѣ? (отв: нѣтъ бѣды, ходи хоть въ медвѣдинѣ). Если въ платье попа случайно вшитъ будетъ женскій платъ, слѣдуетъ-ли попу служить въ такой одеждѣ? (отв: можно, развѣ жена погана?). Этихъ примѣровъ довольно, чтобы видѣть, на что обращали вниманіе строго благочестивые люди: когда подобными заботами наполнена была вся жизнь, то ужъ мало оставалось мѣста дѣламъ милосердія, и самъ епископъ Нифонтъ во многихъ изъ своихъ отвѣтовъ указываетъ на безплодность такихъ разсужденій. Нифонтъ между прочимъ запрещаетъ также ходить на поклоненіе въ Іерусалимъ, потому что тутъ люди собираются ватагами, праздно ѣдятъ, пьютъ, да порой и раззоряютъ землю.

Но въ 12-мъ вѣкѣ мертвая обрядность еще не слишкомъ сковывала жизнь, какъ это видимъ и въ поученіяхъ лучшаго тогдашняго проповѣдника Кирилла, епископа Туровскаго. Онъ въ своихъ проповѣдяхъ только слишкомъ увлекается византійскимъ краснорѣчіемъ, и потому мало понятенъ народу. Чтобы представить свою мысль живѣе, онъ обыкновенно употребляетъ *символы*; то есть, описываетъ, какъ въ притчѣ, какое нибудь обыденное явленіе, напримѣръ, весну; и при этомъ описаніи, придаетъ всѣмъ предметамъ особый духовный смыслъ, разумѣя, напримѣръ, подъ весною обновленіе міра чрезъ христіанство. Весною высоко восходитъ солнце, согрѣ-

вая землю: такъ возсталъ для нашего спасенія и праведное солнце Христосъ; зима грѣховная и ледъ невѣрія съ нимъ исчезаютъ. Весною оживлена вся земля: вѣютъ, вмѣсто бурныхъ, тихіе вѣтры, лелѣя плоды; земля питаетъ семена и рождаетъ зеленую траву. Такъ и вѣра Христова обнавляетъ человѣка, лелѣя, вмѣсто бурныхъ, грѣховныхъ, кроткіе помыслы добродѣтели, и наше естество рождаетъ духъ спасенія, принявъ слово Божіе, какъ сѣмя. Кириллъ такимъ образомъ до малѣйшихъ подробностей сравниваетъ весну съ Христовою вѣрою, говоря и о ягнятахъ, прыгающихъ по лугамъ, и о пастухахъ, играющихъ на свирѣли, и о томъ, какъ распускаются и благоухаютъ деревья, и о работахъ земледѣльца. Въ этомъ видна риторика, видно хитроумное искусство проповѣдника сближать, ради краснаго слова, самые несходные предметы, и онъ уже слишкомъ заботится выказать это искусство, мало думая о томъ, поймутъ-ли слушатели всѣ его тонкости, не покажется имъ подъ конецъ неестественнымъ и напыщеннымъ его затѣйливое многословіе. И слушатели, дѣйствительно, мало понимали Кирилла, какъ видно изъ одной его проповѣди, гдѣ онъ упрекаетъ своихъ прихожанъ, что они не охотно посѣщаютъ церковь. „Еслибы, говоритъ Кириллъ, я раздавалъ вамъ здѣсь золото и серебро, медъ и пиво, сколько-бы васъ собралось? и другихъ понуждали бы приходить! Нынѣ же я раздаю вамъ слово Божіе, которое лучше золота и дорогаго каменья, слаще меду и сота, и вы лишаетесь его, не приходя въ церьковь“. Но въ рѣчахъ Кирилла, это золото было византійской отдѣлки, вылилось въ такихъ сложныхъ и мудреныхъ узорахъ, что русскій мало грамотный людъ врядъ-ли угадывалъ тутъ простую евангель-

свую истину. Все-таки надо заметить, что этотъ пропо-вѣдникъ XII-го вѣка видѣлъ въ христіанствѣ не одну обрядную сторону, а хорошо цѣнилъ въ немъ высокое ученіе о милосердіи къ ближнему. Въ словѣ о разслабленномъ, въ отвѣтъ на рѣчь больнаго, лежащаго у овчей купели, онъ такъ заставляетъ говорить Христа: „Я для тебя человѣкъ щедрый и милостивый; не пришелъ я, чтобы мнѣ служили, а чтобы служить самому. Я облекся плотью, чтобы исцѣлять душевные и тѣлесные недуги, — сталъ человѣкомъ, чтобы сотворить человѣка Богомъ, Нѣтъ для тебя вѣрнѣе человѣка“.

Разбирая наши старинныя поученія, мы имѣемъ цѣлію знакомиться не съ богословскими взглядами, а только съ понятіями того или другаго вѣка. Намъ важно знать, какъ складывались эти понятія, какъ отражались въ нихъ событія окружающей жизни. Такъ въ сборникѣ „Златая цѣпь“, рядомъ съ нѣкоторыми христіанскими истинами, мы указывали и на такія правила: „Не стыдись передъ всякимъ преклонять главу свою; не лѣнись стоять передъ тѣмъ, кто тебя почетнѣе; всякому кланяйся ради смиренія: поклоненіемъ пройдешь и подъ многовѣтвеннымъ деревомъ“. Важно знать, на сколько эта византійская премудрость прививалась въ самой жизни, вели-ли самыя обстоятельства жизни къ такому низкопоклонству? Не трудно рѣшить, что во время татарскаго ига скорѣе всего могло утвердиться подобное крайнее ученіе о смиреніи. Вообще въ это время народная нравственность должна была значительно упасть; суевѣрія и пороки всегда усиливаются наравнѣ съ бѣдностью, съ разореніемъ народа. И въ рѣчахъ Владимірскаго епископа Серапіона, проповѣдника 13-го вѣка, мы находимъ эту вѣрное

свидѣтельство. Обращаясь въ своей паствѣ, онъ такъ описываетъ зло, которое тогда распространилось въ землѣ русской: „Вы не хотите оставить вашихъ злыхъ обычаевъ: одни изъ васъ по прежнему разбойничаютъ, другіе крадутъ, третьи не перестаютъ враждовать братъ противъ брата, ненасытно грабятъ, берутъ великую мзду, отдавая деньги въ ростъ... Вмѣсто того, чтобы кормить бѣдныхъ, вы затѣваете великія трапезы и пьянство во славу Божію“. Серапіонъ указываетъ еще на то, какъ правители областей за взятки обвиняютъ правыхъ, богатые отнимаютъ послѣдній кусокъ хлѣба у бѣдняка, порабощаютъ свободныхъ людей, отцы бросаютъ дѣтей своихъ, и проч. Рядомъ съ языческими суевѣріями, невѣжество выразилось въ религіозномъ изувѣрствѣ. „Думалъ я съ радостью, говоритъ Серапіонъ, что вы пріемлете божественное писаніе, а вы еще вѣрите волхованію, сожигаете невинныхъ людей, называя ихъ волхвами, наводите на весь міръ убійство. Изъ какихъ книгъ узнали вы, будто отъ волхованія происходитъ на землѣ голодъ или умножается жито? Если этому вѣрите, то вмѣсто того, чтобы сожигать, лучше молитесь и приносите имъ дары, чтобы они посылали дождь и тепло для оплодотворенія земли... Но все это дѣлаютъ одни по враждѣ, или ради прибытка, а другія по неразумію, думая только о грабежѣ и убійствѣ и забывая, что, лишь призвавъ многихъ свидѣтелей, можно осудить человѣка. У васъ же свидѣтелемъ, вмѣсто живаго человѣка, служитъ вода: начнетъ утопать — по вашему, невинная, поплыветъ — значитъ, волшебница“. Вмѣстѣ съ этимъ Серапіонъ представляетъ такую картину народнаго разоренія: «Пришелъ на насъ немилостивый народъ, опу-

стошилъ нашу землю, плѣнилъ города, разорилъ святыя церкви, отцы и братья наши избиты, матери и сестры отданы на поруганье.... Какихъ казней не испытали мы? порабощенные иноплеменниками, пребываемъ мы въ тяжкой работѣ: вотъ, уже сорокъ лѣтъ продолжаются наше томленіе и мука; голодъ и моръ не перестаютъ терзать насъ, не можемъ мы съѣсть въ сласть своего хлѣба, печаль и воздыханіе сушатъ наши кости.... Кровь отцовъ и братьевъ, какъ вода, напоила нашу землю, крѣпость князей и воеводъ нашихъ исчезла, храбрые люди бѣжали въ страхѣ, множество дѣтей и братьевъ уведено въ неволю, села поросли сорною травою, наше величіе смирилось, красота погибла, богатство и трудъ достались въ корысть поганымъ».

Картина зла, представленная Серапіономъ, и это описаніе татарскаго погрома какъ нельзя лучше сходятся вмѣстѣ. Конечно, и прежде господствовали на Руси пороки, указанные проповѣдникомъ; но татарское иго усилило зло. Въ это время борьба лучшихъ людей противъ невѣжества и всякаго насилія становилась все труднѣе, потому что лучшіе люди или погибали, или въ безсиліи принуждены были покоряться злу и слѣдовать за общимъ потокомъ. Когда татары расхитили все добро, когда запустѣли города и деревни, и оставшіеся въ живыхъ обложены тяжелою данью, жить можно было только по милости побѣдителей: слѣдовало хитрить, угождать, потакать всякой неправдѣ, или терпѣливо сносить ее, равнодушно смотрѣть, какъ гибли самые близкіе люди, чтобы только самому не сгинуть въ неволѣ, не умереть съ голоду. При такихъ обстоятельствахъ смиреніе казалось лучшею добродѣтелью: мы говоримъ о

смиренія, при которомъ человѣкъ готовъ былъ угождать силѣ, забывая пословицу, что «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ». Съ другой стороны татарское нашествіе пріучило людей видѣть вокругъ себя сцены безправія, всякаго насильства и убійства. Отцы еще доблестно гибли, сражаясь съ татарами; они завѣщали дѣтямъ и внукамъ свою гордость, свои понятія о чести. Но эти прекрасныя качества уже слабѣли въ дѣтяхъ, воспитанныхъ въ рабствѣ, среди наѣздовъ татарскихъ, сборщиковъ податей, баскаковъ; разворенные въ прахъ, дѣти пріучились добывать и сохранять добро хитростью, лукавствомъ, насиліемъ, по примѣру своихъ властителей. Разбои и грабежи усилились, потому что человѣкъ властный хотѣлъ вознаградить себя за добро, отнятое у него татарами, а бѣдный не видѣлъ другаго средства добыть себѣ кусокъ хлѣба; кто не рѣшался на явный грабежъ, тотъ придумывалъ другія средства къ неправедному пріобрѣтенію. И прежде обманщики-волхвы увлекали народъ, который, вѣря имъ, нерѣдко губилъ невинныхъ, но разумнымъ людямъ легко удавалось раскрывать ихъ обманы. Теперь къ этому старому языческому злу присоединяется дикая нетерпимость: и люди, которые считались добрыми христіанами, въ своей бѣдѣ, рады были обвинять всякаго въ чародѣйствѣ. Невѣжество обыкновенно высказывается въ томъ, что толпа не видитъ настоящей причины зла и, терпя жестокое бѣдствіе, думаетъ облегчить свою участь, казня и убивая, кого ни попало. Серапіонъ возстаетъ противъ этой нехристіанской вѣры въ волхвовъ, но впослѣдствіи, въ Московскомъ государствѣ, обвиненіе въ чародѣйствѣ было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ; наравнѣ съ мнимыми волхвами сожи-

гались и еретики, нарушители церковныхъ уставовъ. Изъ Серапіона видно, какъ духовенство и въ татарское время заботилось о поддержаніи лучшихъ, христіанскихъ обычаевъ, какъ оно просвѣщало умы христіанскою правдою; но проповѣдники были безсильны противъ зла, происходившаго отъ жалкаго положенія народа: они могли лишь нѣсколько его сдерживать страхомъ небесной кары. Такъ Серапіонъ представляетъ, что всѣ народныя несчастія и самый татарскій погромъ надо принимать смиренно, какъ наказаніе за грѣхи. По случаю землетрясенія, бывшаго въ Кіевѣ, онъ торжественно восклицаетъ; „вотъ ужъ Богъ трясетъ землю, желая сбросить съ нея беззаконія, какъ листья съ деревьевъ!“ Но одинъ страхъ кары не могъ развить нравственнаго чувства, не могъ и поддержать павшую душевную бодрость. Люди толпами шли въ монастыри, спасаясь отъ людскаго соблазна, но и сюда проникало житейское зло, и здѣсь не во всей чистотѣ сохранялось первоначальное христіанское братство. Монастыри однако служили естественнымъ убѣжищемъ въ годину испытаній: встарину они пользовались у насъ большими льготами; сами татары не разрушали этихъ льготъ и потому здѣсь легче было укрыться отъ всякихъ преслѣдованій, найти безопасную спокойную жизнь. Здѣсь по прежнему еще занимались грамотностью; въ лицѣ нѣкоторыхъ подвижниковъ, каковы Сергій, Кириллъ, Нилъ Сорскій, опять выразился духъ первобытнаго христіанскаго безкорыстія и простоты нравовъ. Все это привлекало въ монастыри, и число ихъ все болѣе увеличивалось, начиная съ 13-го и 14-го вѣка. Послѣ татарскаго господства, въ Московскомъ государствѣ, монашеская жизнь усилилась по прежнему и по тѣмъ же причинамъ,

Москвы, собравшихъ всю Русь подъ власть одного великаго князя (неизбѣжное послѣдствіе того же татарскаго погрома), уже одолѣваетъ татаръ; однако старое зло, скопленное вѣками, и нынѣ не теряетъ своей силы: обстоятельства для смягченія этого зла по прежнему были неблагопріятны. Народъ и среднее сословіе жили въ большой нуждѣ, а для борьбы съ врагами, для безопасности государства, требовались все новыя жертвы. Московскіе государи, не имѣя денегъ, платили служилымъ людямъ землями, и, чтобы эти люди могли нести службу съ своей земли, постепенно все болѣе закрѣпляли за ними крестьянъ; какъ крестьяне, такъ и торговое сословіе все болѣе обременяемы были податями и разными пошлинами для той же цѣли; а промысловъ было мало, по недостатку науки,—значитъ, и богатство не увеличивалось. Въ Московскомъ государствѣ всѣмъ управляли намѣстники, дьяки: лишь не надолго при Іоаннѣ Грозномъ даны были нѣкоторымъ областямъ учрежденія, по которымъ народъ для суда и расправы выбиралъ себѣ излюбленныхъ людей, и эти люди замѣняли посылаемыхъ изъ Москвы намѣстниковъ. Надзоръ за намѣстниками былъ труденъ; притомъ имъ также давались области за службу, для кормленія, и они часто живились, чѣмъ могли, разоряя города и волости, собирали всякими средствами прибытокъ для казны, да и себя не забывали. При такихъ обстоятельствахъ, монастыри, которымъ благочестивые князья и бояре доставляли многія льготы и богатства, по прежнему служили самымъ надежнымъ убѣжищемъ для людей, ищущихъ спокойной жизни. Въ 15-мъ, въ 16-мъ вѣкѣ устроивалось ихъ приблизительно по 70 на столѣтіе. Но вмѣстѣ съ богатствами во многомъ из-

мѣнялись и старые монастырскіе нравы. Царь Іоаннъ Грозный, въ своемъ посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, упрекаетъ старцевъ, что они допустили бояръ ввести въ монастырь свои любострастные уставы. „Теперь у васъ, пишетъ онъ, Шереметьевъ сидитъ въ кельѣ, что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; а Шереметьевъ, невѣсть съ родинъ, невѣсть со свадьбы, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные, составные овощи, а за монастыремъ у него дворъ, на дворѣ запасы годовые всякіе, и вы молча смотрите на такое безчиніе.... Когда рыболовъ Петръ и поселянинъ Іоаннъ Богословъ и всѣ двѣнадцать убогихъ станутъ судить сильныхъ царей, обладавшихъ вселенною, то какъ вамъ своего Кирила съ Шереметьевымъ поставить? Шереметьевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ.... При нашемъ отцѣ, келарь былъ Нифонтъ, холопъ Раполовскаго, да ѣдалъ съ одного блюда съ бояриномъ Бѣльскимъ, а теперь бояре по всѣмъ монастырямъ исправдниди это братство“. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ начались было многія улучшенія въ жизни. Тогда, въ 1551 году, созванъ соборъ изъ духовныхъ лицъ, на которомъ совѣщевались, какъ исправить многія неустройства и злоупотребленія въ духовенствѣ. Соборъ издалъ книгу, состоящую изъ 100 главъ, и потому извѣстную подъ именемъ Стоглава. Тутъ мы ясно видимъ, какъ общее зло въ тогдашней жизни отражалось и на духовенствѣ. Стоглавъ указываетъ, между прочимъ, на слѣдующіе безпорядки въ церкви: иконы писались неприлично; священныя книги переписывали съ многими ошибками, съ плохихъ

церводовъ; въ церквахъ стояли въ тафьяхъ (шапочкахъ) и шапкахъ, разговаривали и бранились; попы и дьяконы служили безчинно и вели невоздержную жизнь; старецъ поставитъ въ лѣсу келью, да пойдетъ съ иконою просить на построеніе церкви, а что соберетъ, то пропьетъ; монастыри отдаютъ деньги въ ростъ, собираютъ многія богатства, а строенія въ нихъ никакого не прибыло; монахи, монахини и міряне живутъ въ монастыряхъ вмѣстѣ; все богатство монастырское держатъ власти со своими родственниками, боярами, гостями и пріятелями, а бѣдная братія голодаетъ; у владыкъ всякіе распорядители судятъ неправо, волочатъ и продаютъ вмѣстѣ съ ябедниками». При этомъ соборъ жаловался на всеобщую безграмотность, на крайній недостатокъ образованія въ духовенствѣ. Но, исправляя пороки, соборъ всетаки считалъ важными предметы, которые совсѣмъ и не касались религіи. Самые умные люди того времени не могли понимать, что носить то или другое платье, стричь усы и бороду нисколько не мѣшало благочестію; и вотъ, духовенство предписываетъ не служить панихиды надъ тѣмъ, кто одѣвался въ нѣмецкое платье, или только подстригалъ бороду. Отлучали отъ церкви и людей, которые ѣли тетеревей, или дѣлали колбасы, или обѣдали вмѣстѣ съ иноземцами. Такое пристрастіе къ внѣшности показывало, что, рядомъ со всякимъ житейскимъ зломъ, еще не довольно ясно сознавали самый духъ христіанства. Мы уже видѣли изъ вопросовъ Кирика, чѣмъ иногда занимались грамотѣи. Великимъ дѣломъ у нихъ было знать, можно-ли хоронить мертвыхъ послѣ заката солнца; можно-ли ѣсть молоко коровы, когда она телится; сколько свѣчей зажигать при освященіи кутьи,

и проч.“ После татарского нашествия эта внешняя, обрядовая сторона в религии заметно берет верх над внутренней: благочестивые люди думают только о точном выполнении обряда, мало заботясь об истинно-христианской жизни, — думают, что достаточно выполнить известный обет, положить известное число поклонов, чтобы потом безнаказанно совершать всякую неправду. Одно из сочинений 14-го века „Домострой“, где собраны и изложены все старые правила житейской мудрости, наставляя к благочестивой жизни, предписывает более всего соблюдать наружный порядок во время молитвы, строго следовать однажды заведенному обычаю. «Образа в каждой комнате должно устанавливать в известном порядке и благолепно украшать их. Все домочадцы, собравшись вместе, поют перед ними молитвы внятно и единогласно, после чего закрывают их занавескою, обметают чистым крылышком и вытирают мягкой губкою. Всегда следует держать в руках четки и постоянно, дома и в церкви, повторять: „Господи Іисусе сыне Божій, помилуй мя“, — повторять эти слова 600 раз, а седьмую сотню говорить молитву Богородице: если так будешь делать, то в первый год в тебя вселится Іисус Христос, во второй — Дух Святой, в третий — Бог Отец. Прикладываясь ко кресту или иконам, удерживай дыхание и не раздувай губ; просфоры не кусать зубами, а ломать маленькими кусочками, есть губами и не чавкать. Ложась спать, положить три поклона в землю, и проч.“ Но при этом наружном благочестии, самая жизнь была слишком далека от христіанского совершенства; в том же Домострое находим описание страшного зла, какое свирепствовало

въ тогдашнемъ обществѣ. Забрать чужое добро, силою сделаться холопомъ свободнаго человѣка, заниматься поклепами, ябедами—считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. На судахъ морили людей волокитою, владѣльцы угнетали крестьянъ, правители волостей незаконно накладывали тяжкія дани и оброки.

При всѣхъ этихъ безпорядкахъ въ обществѣ и въ самой церкви, при обычаѣ строго выполнять одни наружные обряды благочестія, еще въ 14-мъ вѣкѣ стали появляться люди, недовольные всѣмъ, что видѣли вокругъ себя. Въ древнемъ Новгородѣ, при его вѣчевомъ устройствѣ, издавна былъ обычай свободно обо всемъ разсуждать и говорить; такъ какъ наукъ никакихъ не знали, читали однѣ священныя книги, то и толковали болѣе всего о вѣрѣ. Недовольные люди, о которыхъ мы говорили, начинали съ того, что, по своему бойкому уму, не успокоивались на исполненіи предписаннаго обряда, а раздумывали, отчего то или другое устроено такъ, а не иначе. Въ священныхъ книгахъ они доискивались внутренняго смысла и стали сравнивать чистую христіанскую правду съ тѣмъ, что дѣлалось вокругъ. Такъ сначала они только осуждають пороки духовенства, нападають особенно на продажу церковныхъ мѣстъ, на пошлины, какія взимались при посвященіи въ попы въ Новгородѣ и во Псковѣ. Потомъ они уже стали толковать, что недостойно у такихъ поповъ, поставляемыхъ по мздѣ, ни креститься, ни исповѣдываться. Такъ по немногу они отступили отъ церкви, начавъ отвергать всѣ обряды и церковныя преданія. Образовалась секта, извѣстная подъ именемъ Стригольниковъ, которая по немногу распространилась и въ Московскомъ государствѣ. Вслѣдъ

за тѣмъ изъ Новгорода же выходитъ новая ересь Жидовствующихъ. Ея основателемъ былъ ученый іудей Схарій, прибывшій въ Новгородъ въ 1471 году. Въ этой ереси сначала примѣшивались нѣкоторыя іудейскія ученія; но большая часть учениковъ Схарія уже были прямыми послѣдователями Стригольниковъ. Они признавали евангельское ученіе, усердно молились, соблюдали постъ и строгую нравственность въ жизни, были искусными грамотѣями; но толковали вѣру по своему: основываясь на томъ, что слѣдуетъ поклоняться Богу въ духѣ, они также отвергали иконы, храмы, почитаніе святыхъ, монашество и вообще всѣ установленія церкви. Конечно, не всѣ доходили до такихъ крайностей; большая часть сомнѣвалась лишь въ необходимости нѣкоторыхъ обрядовъ; а многіе, которыхъ тоже причисляли къ еретикамъ, желали только поставить выше всякаго обряда нравственное христіанское ученіе о братствѣ и милосердіи къ ближнему. Въ такомъ смягченномъ видѣ новое ученіе нашло много приверженцевъ, и при дворѣ царя Іоанна III, дѣда Іоанна Грознаго. Между тѣмъ въ Новгородѣ неутомимымъ гонителемъ ереси является архіепископъ Геннадій; люди, которыхъ онъ преслѣдовалъ, искали пріюта въ Москвѣ, гдѣ самъ митрополитъ Зосима тайно имъ покровительствовалъ. Но Геннадій настоялъ на томъ, чтобы ихъ выдать. Присланныхъ къ нему еретиковъ онъ велѣлъ возить по улицамъ Новгорода, лицомъ къ хвосту лошадей, въ вывороченныхъ платьяхъ, въ остроконечныхъ, берестовыхъ шлемахъ съ мочальными кистями, какъ тогда изображали бѣсовъ; потомъ ихъ ссылали въ заточеніе. Но на этотъ разъ много преслѣдованій не было. Къ концу царствованія Іоанна III и при сынѣ его,

Василіи, дѣла измѣнились. Противъ еретиковъ поднялся основатель Волоколамскаго монастыря, Іосифъ Санинъ, строгій приверженецъ обрядности. Онъ требовалъ, чтобы еретиковъ безпощадно казнили и жгли наравнѣ съ разбойниками. Перемѣны, какія тогда случились при дворѣ (заточеніе внука Іоанна III, Дмитрія, и избраніе на царство Василія), помогли ему возвыситься и начать дѣло. Скоро сожжены на кострахъ архимандритъ Кассіанъ, одинъ изъ придворныхъ, Курицынъ, и многіе другіе. Іосифъ настаивалъ, чтобы казнили и тѣхъ, что покаялись. Но противъ этой неслыханной жестокости возстало само духовенство. Старцы Кириллова и всѣхъ Вологодскихъ монастырей, не менѣе Іосифа вѣрные православію, стали упрекать его въ себялюбивой гордости. Они отправили къ нему посланіе, гдѣ такъ его обличали: „Петръ апостолъ Симона волхва молитвой разбилъ, и ты, господинъ Іосифъ, сотвори молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ. Епископъ Левъ связалъ епитрахилью волхва Ліодора и сжегъ на огнѣ,—а ты, господинъ Іосифъ, зачѣмъ не испытаешь своей святости, зачѣмъ не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею? пока бы онъ горѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ, и мы бы тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ, вышедшихъ изъ пламени, да и приняли! Поразумѣй, господинъ Іосифъ, какъ много разницы между Петромъ и Павломъ и тобою въ сравненіи съ ними..... Вспомни, какъ апостолъ Петръ спросилъ Господа: „Господи, аще братъ согрѣшитъ въ ми до седмижды днемъ, прощу ли его?“ Что отвѣчалъ ему Господь? „Не глаголю ти до седмижды, седмьдесятъ седмерицею прости его“.

Отъ Геннадія и Іосифа Волоколамскаго остались сочиненія, изъ которыхъ мы узнаемъ объ этихъ ересяхъ. Тогда началось сильное умственное движеніе въ Московскомъ государствѣ; всѣ оживились, стали толковать, спорить и дома, и на улицахъ. Какъ разсуждали еретики, мы между прочимъ видимъ изъ дѣла Башкина. Семенъ, священникъ Благовѣщенскаго собора, доносилъ о немъ: „Приходилъ ко мнѣ сынъ духовный необычайный и предлагалъ мнѣ многіе вопросы недоумѣнные; отъ меня требуетъ поученія, а то и самъ меня поучаетъ..... Онъ толковалъ: Великое ваше дѣло! сказано: нѣтъ больше любви, какъ положить души за други, то и вы за насъ полагайте души.... Надо читать, что написано въ евангельскихъ бесѣдахъ, да не полагаться на слово, а дѣлать дѣло.... Въ апостолѣ сказано: возлюбиши искренняго своего, яко самъ себе; а мы христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христосъ всѣхъ называетъ братіею, а у насъ на иныхъ кабалы, на иныхъ бѣглыя грамоты; я благодарю Бога: у меня, что было кабалъ полныхъ, всѣ изодралъ, и держу людей своихъ добровольно; хорошо ему—и онъ живетъ, не хорошо—иди, куда хочешь“ [1]).

Пороки духовенства и мертвая обрядность, какой держались люди, преданные старинѣ, вызвали крайнее ученіе Жидовствующихъ; съ другой стороны это новое ученіе, эти споры и толки о вѣрѣ возбудили живую дѣятельность въ самомъ духовенствѣ. И люди, строго вѣрные церкви, обратили вниманіе на нравственную сторону христіанства; стали одинъ за другимъ созывать

---

[1]) Подробности объ Жидовствующихъ можно найти въ моей книгѣ «Разсказы изъ русской исторіи» (вып. II; статья: Ереси).

*

соборы съ цѣлію искоренить старое зло (о Стоглавомъ соборѣ при Іоаннѣ Грозномъ мы говорили), стали разсуждать о томъ, правильно-ли дѣлаютъ монастыри, скопляя богатство и владѣя огромными вотчинами. Іосифъ Санинъ доказывалъ, что монастырямъ необходимо владѣть селами: иначе не стали бы въ нихъ постригаться бояре, изъ которыхъ можно выбирать епископовъ. Противъ владѣнія селами возставали: Вассіанъ, бывшій бояринъ Патрикѣевъ, одинъ изъ тѣхъ старцевъ, которые обличали Іосифа въ высокоуміи, и Максимъ Грекъ. Право монастырей пріобрѣтать вотчины дѣйствителвно было нѣсколько ограничено. Вообще въ 16-мъ вѣкѣ въ духовенствѣ замѣтно нѣкоторое обновленіе, стремленіе къ лучшему. Правда, приверженцы старины по прежнему продолжали спорить объ однихъ обрядахъ и обвинять въ ереси всякаго, кто напоминалъ имъ, что благочестіе состоитъ не въ одной внѣшности. Выказывая религіозную ревность, они заботились больше о своей выгодѣ, чѣмъ о чистотѣ православія; это видно изъ того, напримѣръ, что они осудили въ ереси Максима Грека, который всю жизнь писалъ противъ католиковъ, лютеранъ, евреевъ и всякихъ другихъ сектъ. Но съ другой стороны уваженіе, какимъ пользовался этотъ писатель, имѣвшій много учениковъ и послѣдователей, доказываетъ, что въ тогдашнее время многіе уже не довольствовались одной буквою ученія. Максимъ Грекъ, родомъ изъ Албаніи, въ юности учился въ разныхъ городахъ Европы, въ Венеціи, во Флоренціи (въ Италіи) и въ Парижѣ, потомъ постригся въ монахи въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, и отсюда вызванъ въ Москву для разбора греческихъ рукописей, находившихся у великаго князя Василія. Онъ тогда научил-

ся славянскому и русскому языку и задумалъ исправлять наши священныя книги, гдѣ вкралось множество ошибокъ. Своими поученіями нажилъ онъ себѣ много враговъ, особенно между монахами Іосифова Волоколамскаго монастыря, и когда сталъ обличать великаго князя за его разводъ съ первой женой Соломоніею, то эти враги, ненавидѣвшіе всякую новизну, обвинили его въ намѣренномъ искаженіи священнаго писанія, и Максимъ заточенъ въ монастырь. Максимъ Грекъ, очень умѣренный и осторожный, всетаки не могъ нравиться тогдашнимъ приверженцамъ старины своими новыми мнѣніями. Эти для тогдашняго времени *новыя*, необычайныя мнѣнія состояли въ слѣдующемъ: „Безъ кротости, милосердія, любви не помогутъ намъ ни постъ ни долгія молитвы, хотя-бы мы постоянно, во всѣ дни и часы, пѣли тропари, кондаки преподобнымъ и молебные каноны. Мы безчеловѣчно обходимся съ нашей нищей братіей, моримъ ее, вынуждая страшные проценты, изнуряемъ всякими работами. Мы забываемъ слова Христовы: „Что мнѣ въ вашихъ золотыхъ вѣнцахъ, когда живущіе вокругъ васъ умираютъ съ голоду, а вы сладко питаетесь, одѣваетесь въ блестящія платья! не жертвы я хочу, а милости“. О, ты, треокаянный, безконечно пьющій кровь убогихъ и посредствомъ лихвы и всякихъ неправдъ добывшій себѣ все нужное! Когда захочешь, ѣдешь ты по городу на великодѣнныхъ коняхъ, окруженный блестящею свитой, и отбиваешь кнутомъ тѣхъ, что ѣдутъ спереди и сзади тебя, гонишь встрѣчный народъ — неужели ты думаешь угодить Богу долгими молитвами и черными ризами?... Неужели ты не видишь великой неправды въ томъ, что люди, отрекшись отъ міра, забываютъ свои обѣты, живутъ въ роскоши и нѣгѣ, пи-

таются потомъ подвластныхъ имъ крестьянъ? А эти подвластные, работая на нихъ, живутъ въ нищетѣ, не имѣя ржанаго хлѣба и соли! Мы же не только равнодушно смотримъ на ихъ горькую бѣдность, но еще беремъ съ нихъ проценты на проценты, пока не выплатятъ занятыя деньги. Разграбивъ все ихъ имущество, мы гонимъ ихъ прочь, а тѣхъ, что хотятъ удалиться, не отпускаемъ, пока не заплатятъ оброка, забывая объ ихъ безчисленныхъ трудахъ, потѣ и страданіи.... Іудейское сребролюбіе и страсть къ лихоимству такъ овладѣло судьями благовѣрнаго царя, что они заставляютъ своихъ слугъ дѣлать самые вопіющіе доносы и явно и тайно подкапываются подъ имѣнія богатыхъ. Они подкидываютъ въ ихъ дома краденыя вещи, слуги ихъ подбрасываютъ мертвыхъ среди города и, какъ праведные мстители за убитаго, идутъ съ доносомъ не только на цѣлую улицу, а не рѣдко и на цѣлую часть города, чтобы нажить побольше денегъ.... Не достойна слезъ жизнь людей, которые обѣщаются не ѣсть мяса по понедѣльникамъ, а проводятъ ночи въ пьянствѣ и безчинствѣ и рѣдко расходятся безъ драки!"

Изъ этихъ отрывковъ понятно, почему Максимъ Грекъ, ставя только христіанскую любовь выше всякаго выполненія обряда и оставаясь при этомъ строго-православнымъ, могъ раздражить и вооружить противъ себя приверженцевъ старины: онъ нападалъ на лицемѣріе, съ какимъ люди утѣсняли бѣдныхъ и въ то же время молились и постились, на жестокое обхожденіе монастырскихъ властей съ крестьянами, на сребролюбіе высшихъ судей, которые брали взятки уже не съ отдѣльныхъ лицъ, а огуломъ съ цѣлыхъ частей города. Но и Максимъ

Грекъ не дошелъ до той человѣколюбивой терпимости, какая лежала въ самой основѣ христіанскаго ученія. Онъ не отрицалъ преслѣдованія людей, державшихся другой вѣры. Въ этомъ отношеніи выше его стоялъ Вассіанъ, о которомъ мы уже упоминали. Вассіанъ писалъ по поводу казней еретиковъ слѣдующее. „Напрасно вы говорите, что я одинъ защищаю еретиковъ; вы осуждаете неповиннаго. И здѣсь вы явно лжете, какъ и въ другихъ случаяхъ. Не по Божьему судить и мудрствовать вы изволите; вмѣсто смиренія Христова вами овладѣла мірская гордость; нѣтъ въ васъ ничего здраваго: ни слова, ни дѣла, ни помышленія. Будь въ васъ здравый разумъ, вы поняли бы, что сами заражены еретическою злобою, а вовсе не стоите за праведное ученіе Спаса, повелѣвающаго казнить еретика только словомъ, но не оружіемъ. Вы мудрствуете, угождая вашему чреву, а не по священному писанію; вы не хотите понять евангельской притчи, въ которой хозяинъ не дозволилъ слугамъ вырывать плевелы изъ чистой пшеницы, а оставить ее до жатвы". Изъ всего предъидущаго видно, что въ 16-мъ вѣкѣ расколъ еще возбуждалъ къ изслѣдованію истины; лишь впослѣдствіи, во время Никона, онъ остановился на тупой приверженности къ буквѣ, къ старому преданію. Но умственное движеніе 15-го, 16-го вѣка не осталось совсѣмъ безплодно и для послѣдующаго времени. Оно, конечно, ограничивалось одними религіозными спорами, но эти споры во многомъ затрогивали и общественную жизнь; за отсутствіемъ всякой науки, для того вѣка они служили первымъ началомъ умственной работы, которая потомъ нѣсколько подготовила общество къ преобразованіямъ Петра Великаго.

Всякое дѣло подвигается впередъ не вдругъ; всякій шагъ впередъ, всякій успѣхъ въ обществѣ замедляется разными неблагопріятными обстоятельствами. Вотъ хоть взять въ примѣръ рѣку: сначала она льется быстро; потомъ, запертая плотиною, какъ будто стоитъ неподвижнымъ озеркомъ; тамъ растекается по болоту, незамѣтно просачиваясь въ травѣ, а иной разъ совсѣмъ теряется въ пескахъ, подъ землею... глядь, опять пробилась наружу и бойко бѣжитъ по чистому дну свѣтлымъ потокомъ. Сойдутся съ нею другія рѣки, и станетъ она уже полноводной рѣкой, которой ничто не остановитъ. Такъ и въ дѣлахъ людскихъ. Начали было русскіе развиваться въ 12-мъ вѣкѣ, хотя византійское ученіе мало помогало этому развитію, отчуждая грамотныхъ людей отъ народа; но татарское иго какъ будто повело дѣло назадъ; потомъ, съ освобожденіемъ отъ татаръ, при Іоаннѣ III, опять замѣчаемъ нѣкоторое умственное движеніе, нѣкоторыя заботы объ улучшеніяхъ; эти улучшенія и въ свѣтскихъ и въ духовныхъ дѣлахъ еще замѣтнѣе становятся при Іоаннѣ Грозномъ. Но рядомъ съ этимъ крѣпнетъ и старое зло, потому что настоящей науки еще не существовало, и государство занято было одной трудной борьбою съ сосѣдями. Такъ дѣло шло до времени Петра Великаго, когда, вмѣстѣ съ европейской наукой, открытъ былъ новый широкій путь улучшеніямъ. Въ періодѣ, о которомъ мы говоримъ, намъ доступно было одно духовное, религіозное образованіе. Мы видѣли, что тутъ наше малограмотное общество было далеко отъ совершенства. Но намъ приходится отмѣчать всякія, даже дѣтскія попытки мыслить и разсуждать, когда въ нихъ высказывалась любознательность народа. Рядомъ съ толками раз-

ныхъ сектъ, отвергавшихъ общепринятое ученіе вѣры, и люди, строго державшіеся церковнаго обряда, увлекаются множествомъ вымысловъ, сочиненныхъ частію на темы, взятыя изъ священнаго писанія (изъ преданій объ Адамѣ, Моисеѣ, Соломонѣ, и проч.). Такихъ вымысловъ, извѣстныхъ подъ именемъ апокрифовъ (тайныхъ, отреченныхъ, то есть, непризнанныхъ церковью, книгъ) находимъ множество уже въ Византіи. Они занесены и къ намъ въ болгарскихъ переводахъ, и, какъ видно, составляли любимое чтеніе нашихъ грамотѣевъ, завлекая, подобно всякому запретному плоду, своею таинственностью. Апокрифы болѣе чѣмъ, простой библейскій разсказъ, казались занимательными для малограмотныхъ людей, потому что давали болѣе пищи воображенію: тутъ шли толки о происхожденіи міра, о небѣ и землѣ, о разныхъ чудныхъ животныхъ, о будущей загробной жизни, и проч. Ихъ такъ много читали, что и люди неграмотные, вѣроятно, въ монастыряхъ, съ ними знакомились и передѣлывали ихъ по своему въ духовные стихи. Калики перехожіе, богомольные странники, разносили эти разсказы по свѣту, да много сочиняли и своихъ по слышанному изъ священнаго писанія. Вотъ, одинъ такой переводный апокрифъ называется „Бесѣда трехъ святителей“ (Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василія Великаго). У насъ таже бесѣда является въ книжной передѣлкѣ, подъ названіемъ „Повѣсть града Іерусалима“, гдѣ бесѣдуютъ уже какой-то Волотъ Волотовичь съ Давидомъ Іессеевичемъ. Наконецъ тотъ же разсказъ переходитъ въ духовный стихъ „о Голубиной книгѣ“. Содержаніе всѣхъ трехъ сочиненій совершенно сходно, но въ разсказѣ „о Голубиной книгѣ“ болѣе чудесныхъ

подробностей, да, въ примѣненіи къ своей жизни, русскій человѣкъ прибавилъ сказаніе о спорѣ между правдою и кривдою. Отчего книга названа „Голубиною“, сказать трудно (вѣроятно, по причинѣ представленія Святаго Духа въ видѣ голубя). Разсказано въ этомъ стихѣ, какъ подымалась темная туча и выпадала книга сорокъ саженъ въ длину; Давыдъ Евсеевичъ пересказываетъ князю Володиміру, что написано въ книгѣ. Тутъ идетъ длинный рядъ вопросовъ съ отвѣтами. Отчего у насъ бѣлый свѣтъ, солнце красное, свѣтелъ мѣсяцъ, звѣзды частыя, ночи темныя, зори утренни, вѣтры буйные, дробенъ дождикъ, умъ-разумъ? отчего наши помыслы, міръ-народъ, кости-тѣлеса, кровь-руда, цари, князья-бояре, крестьяне?—Бѣлый свѣтъ зачался отъ суда Божія, солнце—отъ лица Божьяго, мѣсяцъ—отъ грудей его, звѣзды—отъ ризъ, ночи—отъ думъ Господнихъ, вѣтры—отъ Святаго Духа, дождикъ—отъ слезъ Христа, умъ-разумъ—Христовъ, помыслы—отъ облакъ, міръ-народъ—отъ Адама, кости—отъ камня, тѣлеса—отъ сырой земли, кровь-руда—отъ Чермнаго моря, цари пошли отъ главы Адама, князья—отъ мощей Адама, крестьяне—отъ его колѣна. Тутъ языческія сказки, какія находимъ у сѣверныхъ народовъ (у древнихъ Скандинавовъ, жившихъ въ Швеціи: вмѣсто Христа, у нихъ свѣтъ происходитъ отъ частей великана Имира) смѣшаны съ христіанскими вѣрованіями, и находимъ то *двоевѣріе*, которымъ вообще отличается наша народная литература. Кромѣ того отъ древнихъ греческихъ ученыхъ перешли ложныя свѣдѣнія о происхожденіи тѣла отъ воды, земли, и проч. [1]).

---

[1]) Въ тѣлѣ есть известь (въ костахъ) и немного другихъ земель, болѣе

Далѣе, между прочимъ, встрѣчаемъ такую премудрость: „Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати: на трехъ рыбахъ земля основана: стоитъ китъ-рыба, не ворохнется: когдажъ китъ-рыба поворотится, тогда бѣлый свѣтъ покончится“. И не мало подобныхъ безсмыслицъ укладывалось въ головѣ нашихъ предковъ *). Въ заключеніе стихъ разсказываетъ о спорѣ правды съ кривдою: правда одолѣла кривду и „пошла на небеса къ самому царю Христу небесному, а кривда пошла *по всей землѣ русской*, по всему люду христіанскому, и стали люди другъ друга обманывать, другъ друга поѣсть хотятъ“. Другой стихъ о Георгіи Храбромъ любопытенъ тѣмъ, что представляетъ этого святаго въ видѣ сказачнаго устроителя земли Русской; наѣзжаетъ онъ въ эту дикую страну и нѣтъ ему нигдѣ проѣзду, и велитъ онъ: „Ой вы, лѣса темные, дремучіе! раскиньтесь по всей землѣ Свѣтло-русской. Вы, горы высокія, холмы широкіе! разсыпьтесь, становитесь по степямъ, по полямъ зеленымъ. Вы, моря глубокія, рѣки широкія! потеките по всей землѣ Свѣтло-русской, потеките отъ востока до запада. Вы, звѣри могучіе, рогатые! заселитесь, плодитесь по степямъ, полямъ безъ числа, по всей землѣ Свѣтло-русской: есть про васъ на съѣдомое въ поляхъ трава муравчата, есть про васъ на пойлицо во рѣкахъ вода студеная“. Потомъ онъ побѣждаетъ змѣиное

всего оно состоитъ изъ газовъ (разныя части воздуха: кислородъ, водородъ, углеродъ, азотъ). Въ тѣлѣ очень много воды, но сама вода состоитъ изъ двухъ газовъ: кислорода и водорода. Истлѣвая, тѣло обращается въ газы, то есть, въ воздухъ.

*) Китъ даже и не рыба, а млекопитающее животное, похожее только видомъ на рыбу. Сказки о китахъ могли явиться у сѣверныхъ народовъ, живущихъ при океанѣ; русскіе врядъ ли тогда видали китовъ.

стадо, очищаетъ дорогу, что была заказана, заповѣдана. Наконецъ прибылъ онъ въ златоверхіе терема, гдѣ выходятъ къ нему на встрѣчу красны дѣвицы: принимаютъ отъ него вѣру крещеную, а ему отдаютъ подъ покровъ Свѣтло-русскую землю. Здѣсь Георгій, какъ и Илья Муромецъ въ былинахъ, первоначально долженъ былъ означать какого то сказочнаго богатыря, или языческаго бога, додателя благъ (можетъ быть, Даждь-бога, Солнце; русскіе были его внуками), который въ первый разъ заселилъ и устроилъ Русскую землю. Потомъ, послѣ принятія христіанства, дѣла, что приписывали этому божеству, перенесли на Георгія-побѣдоносца. Но если въ однихъ изъ духовныхъ стиховъ, темныя языческія преданія смѣшиваются съ христіанскими, то въ другихъ слишкомъ замѣтно выражается чисто монашескій взглядъ на жизнь. Таковы стихи: Плачь Адама о раѣ, о Страшномъ судѣ, Свитокъ Іерусалимскій, Сонъ Богородицы, о двѣнадцати Пятницахъ, объ Іосифѣ царевичѣ, и проч. Въ стихѣ „Іерусалимскій свитокъ“, представлено, какъ спадаетъ съ неба огромный камень и въ томъ камнѣ рукописаніе Христово: Христосъ наставляетъ въ праведномъ житіи и въ тоже время грозитъ страшными казнями за согрѣшенія: „Раздвину я седьмое небо, спущу на васъ камни горящія, воду кипящую, побью васъ камнемъ на землѣ; не услышу ни вашего плаканья, ни рыданья, ни зубнаго скрежетанья.... Сотворю вамъ небо мѣдное, землю желѣзную: отъ неба мѣднаго не дамъ росы отъ желѣзной земли не будетъ плода: поморю васъ голодомъ и проч.“... „Плачь Адама“ заключаетъ сѣтованія Адама о раѣ: „Раю мой, раю, прекрасный раю! увы мнѣ! увы мнѣ! уже не вижу райскія пищи.... Воззримъ мы,

братіе, на дубовы гробы; а гробы вы, гробы, превѣчные домы! житіе временное, слава суетная, богатство—слава, убожество—слезы, гордость завистная на семъ вольномъ свѣтѣ!“ Въ стихѣ о Страшномъ судѣ находимъ печальную картину разставанія души съ тѣломъ. Стихъ о 12 пятницахъ объясняетъ, въ какія пятницы передъ великими праздниками особенно нужно поститься, и отъ какой бѣды будетъ избавленъ человѣкъ за соблюденіе поста въ ту или другую пятницу; „Сонъ Богородицы“, изображающій страсти Христовы, также обѣщаетъ избавленіе отъ огня, потопа и отъ вѣчныхъ мукъ тому, кто этотъ сонъ держитъ у себя въ домѣ.

Мы видимъ, какимъ безнадежно-унылымъ, тяжелымъ чувствомъ исполнены всѣ эти стихи: вольный свѣтъ въ нихъ представляется темнымъ вертепомъ, гдѣ нужно только рыдать и плакать,—и, въ этомъ вѣчномъ, неумолкаемомъ плачѣ, пугливую, рабскую душу еще терзаютъ страшные призраки: вмѣсто христіанскихъ словъ милосердія слышится одинъ громъ небеснаго гнѣва. И тутъ же человѣкъ ожидаетъ всѣхъ благъ въ жизни лишь отъ одного внѣшняго выполненія обряда, отъ чудеснаго, чародѣйскаго свойства вымышленнаго рукописанья. Такіе стихи и пѣсни могли слагаться лишь въ бѣдной, бездомной, скитальческой жизни, гдѣ, частію по горькой нуждѣ, частію по привычкѣ къ праздности и лѣни, люди вымаливали себѣ подаянье то своими жалостными рѣчами, то запугивая совѣсть боганей страшными казнями за грѣхи, отъ которыхъ тутъ же предлагали легкое средство избавиться раздачею грошовой милостыни, соблюденіемъ постовъ въ указанные дни или какимъ нибудь таинственнымъ рукописаньемъ въ родѣ древнихъ заклинаній

ваній. Нищая братія, конечно, при этомъ торговала разными снадобьями отъ всевозможныхъ скорбей и болѣзней: ладонками, частицами священныхъ предметовъ, будто бы принесенными изъ дальныхъ странствій, учила нашептываніямъ, заговорамъ, и проч... Лишь въ одномъ неустроенномъ, невѣжественномъ обществѣ могъ сильно распространяться подобный промыселъ; это общество всякими неправдами пускало по міру людей и потомъ, изъ страха небесной кары, брало на себя трудъ кормить толпы нищихъ. Въ одной пѣсни сами калики перехожіе откровенно высказываютъ, отчего имъ выгоднѣе было промышлять не какимъ либо трудомъ, а жить именемъ Христовымъ: „Расплакалась нищая братія: Гой еси, Христосъ царь небесный! на кого ты насъ покидаешь? кто насъ станетъ поить, кормить, обувать, укрывать отъ темной ночи? Проглаголилъ имъ Христосъ, царь небесный: Дамъ я вамъ нищимъ—убогимъ гору крутую, золотую; умѣйте владѣть горою, дѣлить ее межь собою; будете вы сыты и довольны. Сказалъ тогда Іоаннъ Златоустый: Не давай нищимъ золотой горы; не умѣть имъ владѣть горою. Зазнаютъ гору князья и бояре, зазнаютъ пастыри и власти, зазнаютъ торговыя части: отнимутъ у нихъ гору крутую, золотую, по себѣ гору раздѣлятъ, по князьямъ золотую разверстаютъ, да нищую братью не допустятъ; много будетъ у нихъ убійства, кровопролитья, а все нечѣмъ будетъ нищимъ питаться, пріодѣться, отъ темной ночи пріукрыться. Дадимъ мы нищимъ убогимъ имя Твое святое: будутъ нищіе по міру ходити, Тебя Христа величати, будутъ они сыты и довольны“. Конечно, такіе люди, о какихъ здѣсь говорится,—люди, готовые ради корысти на убійство, питали нищихъ не

изъ милосердія, а слѣдуя только обычаю; другіе, съ милостивымъ сердцемъ, дѣйствительно, изъ жалости раздавали свое имѣніе убогимъ. Этотъ обычай раздавать милостыню, когда ужъ не умѣли уменьшить самую нищету лучшимъ порядкомъ въ жизни, былъ однимъ изъ добрыхъ обычаевъ нашей старины, хотя само нищенство оставалось великимъ зломъ, противъ котораго со всею силою въ первый разъ началъ ратовать Петръ Великій. Жившій въ его время, умный крестьянинъ Посошковъ высчитывалъ, что тогда могло набраться въ Россіи 3000 нищихъ и больше, и они даромъ съѣдали въ годъ болѣе 6000 четвертей хлѣба. Такимъ образомъ многіе сотни тысячъ рублей для государства пропадали безъ пользы; а населеніе въ то время было, можетъ, въ пять разъ меньше нынѣшняго.

Въ заключеніе, чтобы показать нѣкоторую разницу между обычаями 12-го и послѣдующихъ вѣковъ, остановимся еще на двухъ сочиненіяхъ: „Поученіе Владиміра Мономаха къ дѣтямъ“ и „Домострой“. Оба принадлежатъ къ тому роду сочиненій, которыя у насъ извѣстны подъ именемъ „Поученія къ дѣтямъ“, и хотя писались также въ подражаніе византійскимъ образцамъ, но заключали въ себѣ много живыхъ подробностей изъ русской жизни. Въ лицѣ Владиміра Мономаха, который жилъ въ 12-мъ вѣкѣ и, сражаясь съ половцами, по словамъ лѣтописи, „много утеръ пота за русскую землю“, мы увидимъ образецъ князя, воспитаннаго въ новыхъ христіанскихъ понятіяхъ. Любопытно видѣть, какъ эти христіанскія понятія отразились въ самой жизни 12-го вѣка. Мономахъ совѣтуетъ прежде всего быть бодрымъ во всякомъ дѣлѣ, не лѣнишься. Во первыхъ, нужно не

лѣниться; совершая три добрыхъ дѣла: покаянье, слезы и милостыню: ни одиночества, ни монашества, ни голода, какъ терпятъ другіе добрые люди, отъ васъ не требую, а лишь этихъ трехъ добрыхъ дѣлъ. Далѣе изъ наставленій Мономаха видно, что подъ покаяніемъ, слезами и милостынею онъ разумѣетъ христіанское милосердіе, правосудіе, снисхожденіе къ ближнему и вѣрность клятвѣ, данному слову. „Кормите по силѣ убогихъ, говоритъ онъ, *сироту и вдовицу оправдайте сами*, не давая сильнымъ погубить человѣка. *Ни праваго, ни виноватаго не убивайте*, и не дозволяйте убивать, хотя бы стоилъ смерти, чтобы не погубить души христіанской. Клянитесь, когда можете устоять въ своей клятвѣ, и давъ слово, *крѣпко его держитесь*. Больше всего *не имѣйте гордости* въ сердцѣ и умѣ, помните: всѣ мы сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Затѣмъ не слѣдуетъ лѣниться, распоряжаясь всѣмъ въ дому и на войнѣ, во всякомъ домашнемъ и общественномъ дѣлѣ: въ дому смотрѣть за всѣмъ самому, не полагаясь на слугъ, чтобы гости не посмѣялись надъ вашимъ домомъ и обѣдомъ: на войнѣ слѣдуетъ самому разставлять сторожей, позже всѣхъ ложиться и раньше вставать, да не снимать съ себя оружія, чтобы отъ пьянства или лѣности не погибало дѣло; путешествуя, самому наблюдать за слугами, чтобы они какъ нибудь не обидѣли народъ, да честить гостя, какой бы онъ ни былъ, знатный или незнатный: гости, всюду ходя, разносятъ объ васъ и добрую и худую молву. Наконецъ не слѣдуетъ лѣниться, учась всему доброму: „что знаете говоритъ Мономахъ, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой, сидя дома, зналъ пять языковъ“.

Вотъ та дѣятельная нравственность, которая могла

быть усвоена лишь человѣкомъ, много работавшимъ для общаго дѣла. Какъ широка была удаль Владиміра, видно изъ его разсказа о своихъ дѣлахъ: 83 похода совершилъ онъ, вплѣнилъ множество половецкихъ князей; на охотѣ шелъ на тура, и на лось, и на медвѣдя: разъ два тура (особый родъ большихъ быковъ) бросили его на рогахъ съ конемъ; медвѣдь прокусилъ попону у колѣнъ, вепрь оторвалъ съ боку мечь; по 20 дикихъ коней вязалъ онъ своими руками. Но съ этой широкой удалью у Мономаха соединялся и широкій взглядъ на жизнь. По преданію, и онъ не совсѣмъ чуждъ былъ такихъ пороковъ, какъ излишняя вспыльчивость: слушалъ иногда наушниковъ, каралъ нѣкоторыхъ людей, не сдерживая гнѣва; но мы видимъ, какъ желаетъ онъ примѣнить къ житейскому дѣлу всѣ христіанскія истины, не останавливаясь на какихъ нибудь расчетахъ. Онъ хочетъ чтобы его дѣти, не довольствуясь раздачей милостыни или исполненіемъ обрядовъ, трудилися для правды и добра, на сколько правду и добро понимали въ его время; въ немъ есть благородное самолюбіе, чтобы и бѣдные люди объ немъ хорошо говорили; наконецъ онъ не кладетъ никакой мѣрки своему христіанскому чувству въ отношеніи къ виновнымъ, говоря: „не убивайте ни праваго, ни виноватаго, чтобы не пролить крови христіанской“.

Въ „Домострое“, составленномъ въ 16-мъ вѣкѣ, мы находимъ ужъ другое. Составленіе его приписываютъ священнику Сильвестру, самому умному изъ людей того времени, который при Іоаннѣ Грозномъ, въ теченіи 10 лѣтъ, заправлялъ всѣмъ государствомъ. Конечно, многія изъ правилъ, встрѣчаемыхъ въ Домостроѣ, были въ ходу уже при Владимірѣ Мономахѣ; при томъ сравнивать его

съ поученіемъ Владиміра не совсѣмъ удобно, потому что въ немъ изложенъ преимущественно порядокъ частной семейной жизни, а не княжескія отношенія къ подчиненнымъ. Но мы беремъ здѣсь лишь общій характеръ поученія, изъ котораго видно, на что русскіе люди обращали особенное вниманіе въ 16-мъ вѣкѣ, и касательно семейнаго устройства должно сказать, что оно всегда болѣе или менѣе сходствуетъ съ общественнымъ. И въ Домостроѣ христіанское чувство Сильвестра выразилось въ томъ, что онъ совѣтуетъ отпускать рабовъ на волю, выкупать должниковъ и плѣнныхъ, кормить убогихъ. „Всѣхъ своихъ рабовъ я освободилъ, пишетъ Сильвестръ сыну: живутъ они своими домами и во всемъ намъ доброходствуютъ. Многихъ сиротъ и бѣдныхъ, въ Новгородѣ и на Москвѣ, я вскормилъ съ дѣтства, обучилъ грамотѣ, иконному письму, книжному рукодѣлію, торговлѣ, или какому нибудь мастерству; а мать твоя воспитала бѣдныхъ дѣвицъ, обучала ихъ рукодѣлію и домашнему обиходу и, надѣливъ, повыдавала замужъ. Многіе изъ нашихъ воспитанниковъ теперь въ священникахъ, въ дьякахъ, въ подьячихъ, кто до чего дородился, или рукодѣльничаютъ, торгуютъ въ лавкахъ; и нѣтъ намъ отъ нихъ ни срамоты, ни убытка, ни тяжбы какой либо изъ за нихъ не бывало“. Мы уже видѣли, что эта мысль о милосердіи къ рабамъ и сиротамъ высказывалась въ разсужденіяхъ Башкина, въ поученіяхъ Максима Грека; самъ Іоаннъ Грозный, въ своемъ постоянномъ недовѣріи къ боярамъ, чтобы отклонить монаховъ отъ податливости къ подозрительнымъ для него людямъ, опирается на мысль о христіанскомъ равенствѣ. Сильвестръ прямо идетъ къ тому, чтобы не только освобождать рабовъ и

помогать убогимъ, но и, обучая ихъ, давать имъ средство жить независимо, своими трудами. Это уже дѣлаетъ большую честь уму Сильвестра, и если бы богатые люди въ этомъ ему подражали, то нищенство не умножилось бы такъ сильно въ древней Руси. Но, во первыхъ, Сильвестръ принадлежалъ къ числу немногихъ людей, которые сколько нибудь правильно понимали свою и общую пользу; во вторыхъ, и онъ ставилъ свой личный разсчетъ выше заботы объ общемъ дѣлѣ. По его мнѣнію, быть добрымъ и честнымъ нужно было для того, чтобы не потерпѣть убытку. „Всякую скорбь и тѣсноту терпи съ благодареніемъ“ — вотъ правило, которое сильные люди тогда предписывали другимъ, сами отнюдь ему не слѣдуя;—и вообще совѣты Домостроя показываютъ, что русская жизнь много измельчала, и поворота къ лучшему можно было ждать еще не скоро. О крайней мелочной обрядности въ дѣлѣ благочестія, какой требуетъ это сочиненіе, мы уже говорили. Мелочная обрядность опутывала и всю семейную жизнь. Домострой представляетъ въ образецъ не болѣе, какъ разсчетливаго хозяина-скопидома, который знаетъ, гдѣ что повыгоднѣе закупать, какъ всякимъ добромъ запастись въ свое время, который цѣлый день возится съ ключниками, поварами, конюхами, повѣряя до мелочей свое добро, заботясь особенно о томъ, чтобы у него чего нибудь не пропало. Холодная разсчетливость и благочиніе, доведенное до того, чтобы устроить жизнь по образцу заведенной машины, —вотъ въ чемъ видитъ онъ высшее совершенство. Ему нужнѣе всего спокойно, безмятежно властвовать и давать другимъ чувствовать силу своей руки—владыки. Не разсуждать, а повиноваться,—вотъ его первое правило въ отношеніи

*

къ подчиненнымъ. Слуги ходятъ у него по стрункѣ, не смѣя и думать о другомъ, кромѣ охраненія его хозяйскаго добра и соблюденія его достоинства, какъ господина; потому имъ предписаны особенно приличіе и смиреніе: зоркій глазъ его замѣтитъ въ нихъ малѣйшее уклоненіе отъ правила. Но и дѣти и жена въ дому у него тѣже слуги, и на близкихъ людяхъ еще больше лежитъ вся тягость его власти, потому что отъ нихъ болѣе зависитъ его спокойствіе: ихъ уже всякою грозою онъ долженъ приводить къ тому, чтобы какимъ нибудь нарушеніемъ обычая они не надѣлали ему хлопотъ и тревоги. „Казни своего сына въ юности, говоритъ Домострой, чтобы онъ покоилъ тебя подъ старость. Не уставай бить: хоть и жезломъ бьешь, не умретъ, а будетъ здоровѣе; бьешь его по тѣлу, а душу избавляешь отъ смерти... Не смѣйся съ нимъ, творя игры: не много ослабишь надъ нимъ власть, такъ много будешь скорбѣть. Не дай ему воли въ юности, но сокрущи ему ребра, чтобы онъ тебѣ повиновался“. Значитъ, дѣтей воспитывали не для того, чтобы они потомъ были умными людьми, могли найти себѣ дорогу въ жизни и принести всякую пользу, а для себя, для своего домашняго обихода, чтобы они, какъ безмолвные рабы, все дѣлали по прихоти родителей. Даже улыбаться, смотря на игры дѣтей, запрещалось: такъ ревниво родители охраняли свою власть. Но за этотъ грубый разсчетъ имъ приходилось и поплатиться. Сынъ, если былъ забитъ, становился глупымъ, ни на что негоднымъ человѣкомъ; а если не удавалось выбить изъ него умъ, то онъ естественно дѣлался врагомъ тѣхъ, которые его мучили, думалъ только о томъ, какъ бы обмануть ихъ и избавиться отъ

ихъ палочныхъ увѣщаній. Такъ въ старое время родителямъ постоянно приходилось жаловаться на неблагодарность своихъ дѣтей; но они не понимали того, что гдѣ дѣйствуетъ одинъ страхъ жестокихъ побоевъ, тамъ ни любви, ни благодарности быть не можетъ. Между тѣмъ бить дѣтей значило учить ихъ страху Божію. Мы видимъ, какъ тогда употребляли во зло самую религію, чтобы, вмѣстѣ съ бородами, кафтанами, освящать и всякое насиліе надъ человѣкомъ. Скрытность, хитрость, лицемѣріе, рабское смиреніе и наружная покорность, при которой рабъ, когда то было въ его власти, готовъ былъ обокрасть и продать своего господина,—вотъ все, чего можно было ожидать отъ этого воспитанія, гдѣ главнымъ правиломъ ставили сокрушеніе реберъ. Но достигали и того, что человѣкъ благодарилъ за побои: это ужъ значило, что въ немъ погибло всякое нравственное чувство, и онъ становился хуже скота, который все-таки понимаетъ и цѣнитъ ласку. Положеніе жены было также незавиднымъ. Ей ставили въ обязанность смотрѣть за прислужницами, быть кропотливой, разсчетливой хозяйкой. Но и тутъ она не могла сдѣлать шагу безъ дозволенія мужа. Она заботилась о томъ, чтобы въ домѣ всё было вымыто, вычищено, выскребено; она должна знать, какъ приготовить всякое кушанье для мужа, какъ, выгадывая каждую копейку, и сытно накормить, и обшить его: то ей честь и слава, и мужу похвала. „А рубашки она даетъ кроить при себѣ и прибираетъ всякіе обрѣзки и остатки: камчатные, тафтяные, дорогіе и дешевые, шелкъ, пухъ, и проч. Все, новое или ветхое, она припрячетъ: что помельче, въ мѣшечкахъ, а другое свертитъ и свяжетъ; когда что нужно починить, или

новаго не достаетъ, то у ней уже есть въ запасѣ, и на торгу спрашивать не надо". И такъ жена — вѣчная работница, вѣчная прислужница и угодница своего строгаго господина, связываетъ, бережетъ всякій обрѣзокъ, чтобы только не ввести его въ лишнія издержки, или просто не докучать ему просьбами; а для себя пожить ей и дня не придется! и знакомства не смѣетъ она завести, если на то не соизволитъ мужъ, и съ людьми она не должна ни о чемъ говорить, кромѣ тѣхъ же обрѣзковъ и лоскутковъ; все ей напередъ предписано, точно она не человѣкъ, а тоже какой нибудь лоскутокъ, пришитый къ хозяйству. Смѣй только она что нибудь сдѣлать по своему уму-разуму, по данному Богомъ смыслу, котораго, можетъ, и вовсе нѣтъ у глупца-мужа: по Домострою, такихъ непослушныхъ женъ слѣдуетъ вѣжливенько постегать плетью. „За всякую вину по уху и по лицу не бить и подъ сердце кулакомъ, пинькомъ или посохомъ не колоть, и желѣзнымъ и деревяннымъ орудіемъ не колотить; кто съ сердца или съ досады такъ бьетъ, много притчи бываетъ: слѣпота или глухота, руку или ногу вывихнетъ, головная и зубная боль; а побить бережно плетью съ поученіемъ: оно и разумно, и больно, и страшно, и здорово". Вотъ и христіанское благочестіе, проповѣдуемое Домостроемъ! Все милосердіе заключается въ томъ, чтобъ не вышибить глазъ или зубы да не угодить здоровымъ кулакомъ подъ сердце! Да и тутъ еще милосердіе ли? вѣдь изуродованная жена не могла уже быть хорошей работницей въ домѣ. Какая же это нравственность, что слабый долженъ покоряться сильному и все терпѣть отъ него? Такъ водится и у звѣрей: чѣмъ же бы тогда человѣкъ отъ звѣрей

отличался? По христіанству, было бы лучше не толковать только о снисхожденіи къ слабому да бѣдному и этимъ гордиться, а помнить, что каждый твой братъ: значитъ, имѣетъ равное съ тобою право жить по своему уму-разуму и пользоваться своимъ, хотя бы и малымъ, достаткомъ. Помогая ближнему жить своимъ умомъ и честнымъ трудомъ, ты дѣлаешь простое, людское дѣло, безъ котораго и устроить какого нибудь порядку было бы не возможно. Вотъ, встарину и жилось плохо отъ того, что каждый норовилъ забрать себѣ всю власть и силу, распространяя вокругъ себя только вражду, зависть; да мало того, что люди закабаливали чужой трудъ, чужую волю, они еще освящали такое безправіе, какъ благочестивый, неизмѣнный обычай. Это и остановило на долго развитіе нашей жизни.

VIII. Наши старинныя лѣтописи.

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА.

Лѣтописью называютъ такія сочиненія, гдѣ событія записаны по годамъ, большею частію безъ всякаго объясненія ихъ смысла и съ примѣсью разныхъ сказочныхъ преданій. Лѣтописецъ выставлялъ въ порядкѣ одинъ за другимъ года и записывалъ событіе подъ тѣмъ годомъ, въ который оно случилось, подобно тому, какъ въ календаряхъ при томъ или другомъ числѣ дѣлаютъ замѣтки. Напримѣръ:

„Въ лѣто 6361 (то есть, отъ сотворенія міра, какъ у насъ считалися года встарину: 6361 годъ отъ сотв. міра будетъ 853-й годъ отъ Рождества Христова). Въ

лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6365. (Во всѣ эти года ничего не записано, потому что до лѣтописца не дошло никакихъ извѣстій о событіяхъ). Въ лѣто 6366. Михаилъ царь (греческій) пошелъ съ войсками, берегомъ и моремъ, на Болгаръ; Болгаре не въ силахъ были противиться, покорились и просили, чтобы ихъ крестили. Царь крестилъ ихъ князя и всѣхъ бояръ, и заключилъ съ Болгарами миръ.

Въ лѣто 6367. Варяги изъ за моря наложили дань на Чудь, на Славянъ, на Мерю и на всѣхъ Кривичей; а Козары брали дань съ Полянъ, съ Сѣверянъ, съ Вятичей, по бѣлкѣ и по векшѣ отъ дыма.

Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370 (862 отъ Р. Х.). Изгнали Варяговъ за море и не дали имъ дани, и начали сами по себѣ управлять; да не было у нихъ правды, родъ всталъ на родъ, начались усобицы, стали они воевать другъ противъ друга. Сказали они между собою: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по правдѣ“. Пошли за море къ Варягамъ—къ Руси..... Чудь, Славяне (Новгородцы) и Кривичи (Смольняне) сказали Руси: „Вся земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами“, и проч.

Мы перевели этотъ отрывокъ изъ древняго нашего лѣтописца Нестора. Мы видимъ, что тутъ одинъ за другимъ слѣдуютъ извѣстія о томъ, какъ греческій царь Михаилъ принудилъ Болгаръ креститься, какъ Варяги овладѣли славянскою землею, какъ Славяне потомъ изгнали ихъ и стали враждовать между собою, и проч. Въ лѣтописи вы рядомъ встрѣтите разсказъ о появленіи на небѣ какой нибудь кометы и о построеніи города,

о походѣ того или другаго князя и объ освященіи церкви, о рожденіи урода и объ избраніи епископа. Вмѣстѣ съ достовѣрными извѣстіями, лѣтописецъ сообщаетъ напримѣръ, о томъ, какъ однажды ночью въ Полоцкѣ слышенъ былъ сильный стукъ и по улицамъ рыскали бѣсы: кто выходилъ изъ дому посмотрѣть, умиралъ, невидимо пораженный язвою; потомъ бѣсы ужъ начали появляться днемъ на коняхъ, да ихъ самихъ не было видно, а видѣли только копыта. Такъ необразованный народъ объяснялъ тогда причину какой нибудь язвы или повальной болѣзни. Слѣдовательно, лѣтопись еще нельзя назвать настоящею исторіей: она даетъ необработанный разсказъ, гдѣ вымыселъ смѣшанъ съ истиною, служитъ, какъ говорятъ, матеріаломъ, или источникомъ для исторіи. Историкъ разбираетъ извѣстія лѣтописца, разсматриваетъ, чему тутъ можно вѣрить, чему нельзя; дополняетъ эти извѣстія изъ другихъ источниковъ, какіе есть подъ рукою, составляетъ свой связный разсказъ о событіяхъ, гдѣ уже все излагаетъ не только въ порядкѣ годовъ, но и по предметамъ (о походахъ отдѣльно, о дѣлахъ церковныхъ отдѣльно, о построеніи городовъ и вообще о внутреннемъ управленіи отдѣльно); и наконецъ старается объяснить, почему то или другое случилось такъ, а не иначе; какую важность имѣло то или другое событіе для народа, какъ выразились въ немъ нравы и обычаи вѣка. . . . .

Лѣтописи у насъ стали составлять въ монастыряхъ въ подражаніе греческимъ хронографамъ (лѣтописямъ), изъ которыхъ отрывки зашли въ Россію въ болгарскомъ переводѣ, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Значитъ, какъ появились первые монастыри, такъ началось и лѣтописанье.

Но о первыхъ нашихъ лѣтописцахъ мы почти ничего не знаемъ: самымъ древнимъ, дошедшимъ до насъ, сочиненіемъ этого рода служитъ лѣтопись кіевопечерскаго монаха, Нестора, который жилъ уже во второй половинѣ 11-го вѣка (около 100 лѣтъ спустя послѣ Владиміра I) и умеръ въ началѣ 12-го вѣка (какъ полагаютъ послѣ 1111-го года). Лѣтопись его заключаетъ разсказъ о событіяхъ отъ начала Руси и оканчивается 1110-мъ годомъ, подъ которымъ записано объ одномъ изъ походовъ великаго князя кіевскаго Святополка съ Владиміромъ Мономахомъ и съ княземъ Давыдомъ на половцевъ—и о появленіи надъ кіевопечерскимъ монастыремъ огненнаго столпа. Она не дошла до насъ въ подлинникѣ, а въ спискѣ, писанномъ уже болѣе 250 лѣтъ спустя, въ 1377-мъ году, монахомъ Лаврентіемъ для суздальскаго князя, Дмитрія Константиновича. Къ тому времени на Руси уже накопилось много лѣтописей и новые ихъ составители соединяли въ одинъ сборникъ разсказъ Нестора съ разсказами, взятыми изъ другихъ источниковъ (напримѣръ, изъ лѣтописи Волынской, Новгородской, и проч.): чѣмъ позднѣе списокъ, тѣмъ болѣе находимъ такого смѣшенія. Въ Лаврентьевскомъ и во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ разсказъ Нестора всетаки занимаетъ главное мѣсто при изложеніи первыхъ временъ нашей исторіи; потомъ слѣдуютъ разсказы его продолжателей, которыхъ имена часто совсѣмъ не извѣстны, потому что лѣтописецъ не имѣлъ обычая говорить о себѣ. Монахъ Лаврентій переписывалъ съ очень древней рукописи; онъ говоритъ: „Читайте и ради Бога исправляйте, а не браните, если что переписалъ, или чего не дописалъ, потому что книги ветхи, а умъ молодъ, не

дошелъ". Значитъ, если у Лаврентія и могли встрѣчаться ошибки, то всетаки его списокъ ближе другихъ къ настоящему разсказу Нестора. Впрочемъ и самую лѣтопись Нестора можно отчасти назвать сборникомъ. Болѣе всего онъ, конечно, пользовался, при ея составленіи, разсказами старыхъ людей, каковъ былъ, напримѣръ, 90 лѣтній старикъ Янъ, живщій при монастырѣ; событія, ему современныя, случившіяся къ концу 11-го вѣка, онъ могъ узнавать также изъ устныхъ разсказовъ: онъ могъ видѣть и великаго князя Всеволода, и Святополка, и Владиміра Мономаха и всѣхъ приближенныхъ къ нимъ людей. Но кромѣ того у него подъ рукою, вѣроятно, были и разныя писанныя до него лѣтописи; свѣдѣнія о чужихъ земляхъ, о другихъ народахъ и о византійскихъ дѣлахъ онъ бралъ изъ греческихъ хронографовъ, каковъ напримѣръ, хронографъ Георгія Амартола (Амартолъ значитъ „грѣшникъ": такъ Григорій лѣтописецъ называлъ себя изъ смиренія); Несторъ, какъ монахъ, заботится также о поученіи и потому часто приводитъ отрывки изъ священнаго писанія, изъ псалмовъ Давыда, изъ притчей Соломона, изъ евангелія и вмѣстѣ изъ книгъ отреченныхъ (непризнанныхъ церковью, какова была Палея, заключавшая толкованія на книги Ветхаго Завѣта).

Несторъ такъ начинаетъ свою лѣтопись: „Вотъ повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда пошла русская земля, кто прежде началъ княжить въ Кіевѣ и откуда русская земля стала". Но вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: „Послѣ потопа сперва сыновья Ноя раздѣлили землю, Симъ, Хамъ и Афетъ". Несторъ въ началѣ помѣщаетъ краткій отрывокъ изъ лѣтописи Георгія Амартола, гдѣ находимъ извѣстія объ иноземныхъ странахъ и о народахъ, раз-

селившихся послѣ потопа: при этомъ онъ съ точностью опредѣляетъ, какіе народы жили къ востоку и югу, къ западу и сѣверу отъ Россіи. Наконецъ онъ начинаетъ разсказывать о славянахъ: сѣли славяне сначала на Дунаѣ и отсюда, тѣснимые другими народами, разошлись по разнымъ землямъ. Несторъ очень обстоятельно объясняетъ, по какимъ рѣкамъ разселились славяне: одни заняли мѣсто на притокахъ Дуная (моравы, чехи), другіе на Вислѣ (ляхи), третьи по Днѣпру и его притокамъ (поляне, древляне и проч.); только тѣ, что поселились около озера Ильменя и по Волхову (новгородцы) оставили за собою названіе славянъ. Русскіе славяне, значитъ, заняли рѣчной путь отъ Балтійскаго моря къ Черному, по которому издавна ходили варяги (жители древней Швеціи и другихъ земель, сосѣднихъ съ Балтійскимъ моремъ), чтобы торговать или грабить въ Византіи и другихъ богатыхъ южныхъ странахъ. Несторъ и описываетъ этотъ путь: изъ Понтійскаго (Чернаго) моря вверхъ по Днѣпру, отъ Днѣпра черезъ Двину волокомъ въ Ловать, по ней въ озеро Ильмень, потомъ по Волхову въ озеро Нево (Ладожское) и отсюда рѣкою въ Варяжское (въ Балтійское) море. Онъ при этомъ совершенно вѣрно обозначаетъ, какъ расходятся въ разныя стороны рѣки, близкія своими истоками: Днѣпръ, Двина (Западная), Волга. Далѣе у него разсказано преданіе объ апостолѣ Андреѣ, будто онъ путешествовалъ по этому Варяжскому пути: видѣлъ Кіевскія горы и предсказалъ объ основаніи Кіева, а потомъ, прибывъ къ новгородцамъ, дивился, какъ они жарко парятся въ баняхъ. Кіевлянамъ, какъ болѣе южнымъ жителямъ, казалась странною эта страсть новгородцевъ париться въ баняхъ. За преданіемъ объ Андреѣ слѣдуетъ

преданіе и объ основаніи Кіева: по Нестору, его основали братья Кій, Щекъ и Хоривъ, жившіе тутъ съ сестрою Лыбедью; Кіевъ будтобы и названъ по имени старшаго брата. Но это невѣрно: названіе Кіева гораздо древнѣе. Несторъ тутъ опять говоритъ о славянскихъ племенахъ, поселившихся къ сѣверу отъ Днѣпра, (между прочимъ о кривичахъ, имѣвшихъ свой городъ Смоленскъ) и вмѣстѣ исчисляетъ сѣверные народы, подвластные славянамъ (чудь, черемиса, мордва, пермь, печора, и проч.). Кстати разсказано и о народахъ, въ древнее время приходившихъ въ славянскую землю изъ Азіи, каковы: болгаре, которые переселились съ береговъ Волги на Дунай и дали свое названіе живущимъ тутъ славянамъ,—угры (венгры), великаны обры, которые мучили женъ славянскихъ, но потомъ всѣ погибли, такъ что на Руси осталась пословица: „Погибоша аки обре,“—наконецъ печенѣги. Такъ изъ безплодныхъ степей Азіи постоянно наплывали на земледѣльческую славянскую землю голодные кочевники, ища себѣ добычи: послѣ печенѣговъ пришли половцы, а потомъ татары совсѣмъ поплѣнили Русь. Несторъ вслѣдъ за тѣмъ кратко упоминаетъ и объ обычаяхъ славянъ, жившихъ по сосѣдству съ Дунаемъ: изъ нихъ поляне, какъ земледѣльческій народъ, были болѣе кроткими, уважали своихъ родителей и прочихъ родственниковъ, строго выполняли брачные обычаи; напротивъ древляне и другія племена жили въ лѣсахъ, занимаясь болѣе скотоводствомъ и звѣриною ловлею; по обычаю, похищали себѣ невѣстъ на играхъ между селами, имѣли по двѣ и по три жены. По мертвецамъ славяне справляли тризну, тѣло сожигали на кострѣ, а пепелъ собирали и ставили въ маломъ

сосудѣ на столбахъ, при пути. Для сравненія Несторъ дѣлаетъ выписку изъ хронографа Амартола, гдѣ говорится объ обычаяхъ сирянъ, индѣйцевъ, халдѣевъ и другихъ восточныхъ народовъ. Далѣе находимъ извѣстіе, какъ на кіевлянъ наложили дань козары и поляне, жившіе около Кіева, дали имъ мечь съ дыма; козарскіе старцы, увидѣвъ эту дань, сказали: „Не добра дань; мы завоевали ихъ саблями, а они даютъ намъ обоюдуострый мечь: будутъ они когда нибудь владѣть нами". Все, что мы разсказывали, было только вступленіемъ въ лѣтопись. Наконецъ Несторъ вычисляетъ года отъ сотворенія міра, слѣдуя греческимъ хронографомъ, и записываетъ ихъ, начиная съ 6360-го года, съ царствованія греческаго императора Михаила. Въ 6366-мъ году (въ 858-мъ отъ Р. Х.) Михаилъ заставилъ придунайскихъ болгаръ креститься, въ 6367-мъ (въ 859-мъ отъ Р. Х.) варяги, пришедшіе изъ за Балтійскаго моря, наложили дань на новгородскихъ славянъ и на кривичей; въ 6370-мъ (въ 862-мъ отъ Р. Х.) новгородцы и кривичи изгнали этихъ варяговъ, но, такъ какъ у нихъ между родами начались распри, то они обратились къ другимъ варягамъ, къ Руси, прося ихъ поселиться въ славянской землѣ, чтобы чинить имъ судъ и расправу. Такъ пришли со своими родами три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, и стали князьями новгородцевъ и кривичей. По имени этихъ варяговъ-руси и прозвалася славянская земля Русью. Съ этихъ поръ Несторъ все по годамъ разсказываетъ о дѣлахъ князей русскихъ: Рюрика, Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владиміра, Ярослава, и прочихъ.

Въ разсказѣ о князьяхъ у Нестора особенно живо выступаютъ народныя преданія: тутъ много сказочнаго,

но въ этихъ сказкахъ мы узнаемъ и характеры князей и нравы вѣка *). О Рюрикѣ Несторъ только сообщаетъ что онъ, принявши власть, раздавалъ своимъ людямъ города для управленія; но дѣла Олега описаны уже довольно подробно. Въ немъ мы видимъ образецъ удалаго варяжскаго князя, который всю свою жизнь проводитъ въ походахъ. Собираетъ онъ около себя и варяжскихъ пришельцевъ, и чудь, и славянъ, и идетъ покорять своей власти всѣ южныя славянскія племена, платившія дань хозарамъ. Но Кіевомъ уже при Рюрикѣ овладѣли варяги Аскольдъ и Диръ. Олегъ хитро назвалъ себя купцомъ, спрятавъ воиновъ въ лодкѣ, хитро вызвалъ кіевскихъ князей будто для дружескаго свиданія и убилъ ихъ, утвердился въ Кіевѣ и назвалъ его „матерью городовъ русскихъ“. Такъ широкая удаль увлекаетъ варяговъ на югъ, въ земли, болѣе плодородныя; Олегъ уже соединяетъ всю Русь подъ свою власть, беретъ дань со всѣхъ земель, лежавшихъ по варяжскому пути и далѣе на востокъ къ Мурому. Но искать добычи, добывать богатство мечемъ или хитростью первое дѣло варяга; сѣверныхъ пришельцевъ особенно манитъ роскошная, но слабая и разоренная Византія, и Олегъ могъ теперь задумать походъ, о какомъ и не мечтали прежніе удальцы. На 2,000 судахъ спустился онъ изъ Кіева по Днѣпру, переплылъ Черное море и страшно разорилъ окрестности Цареграда, да еще, какъ увѣряетъ сказаніе, поставилъ лодки на колеса, распустилъ на нихъ паруса и по вѣтру покатилъ къ городу. Олегу вездѣ нужно

*) Подробности изъ Несторовой лѣтописи можно найти въ моей книгѣ: Разсказы изъ русской исторіи, вып. I.

выказать свою хитрость, смышленность, не даромъ онъ и названъ „вѣщимъ“. Греки устрашены, даютъ золото, шелковыя ткани, большую дань на все войско и на всѣ главные русскіе города. Заключенъ выгодный для русскихъ миръ: русскіе клянутся своимъ оружіемъ, своимъ богомъ Перуномъ (богъ грома) и скотьимъ богомъ Волосомъ, что будутъ сохранять его. Въ знакъ побѣды они повѣсили щиты свои на воротахъ Цареграда и отплыли отъ города, распустивъ паруса: варяги—шелковые, славяне—простые, посконные Варягамъ, значитъ, было больше почета, да вѣтеръ разорвалъ эти паруса, и славяне сказали: „Нѣтъ, ужъ лучше наши толстыя ткани“. Несторъ приводитъ и любопытный договоръ Олега съ греками: греки тутъ обязуются честно принимать и снабжать всѣмъ необходимымъ (пищею и снастями) русскихъ купцовъ, приходящихъ въ Царьградъ; оба народа даютъ обѣщаніе взаимно возвращать суда съ товарами, занесенныя бурею къ русскому или греческому берегу, возвращать плѣнныхъ и рабовъ, строго наказывать виновныхъ и вознаграждать за всякую обиду, нанесенную русскому въ Греціи или греку въ Русской землѣ, и проч. Греческій царь показывалъ посламъ, заключавшимъ этотъ договоръ, все богатство своей столицы и особенно церковную красоту: такъ хитрые греки по немногу завлекали язычниковъ въ свою вѣру. Но при Олегѣ было еще очень мало христіанъ въ Кіевѣ, хотя русскіе уже начинали сомнѣваться въ силѣ своихъ кудесниковъ и волхвовъ. Это видно изъ разсказа о смерти Олега: кудесникъ предсказалъ ему смерть отъ любимаго коня; князь сначала повѣрилъ и перестaлъ на немъ ѣздить, но, когда онъ узналъ, что конь его околѣлъ, посмѣялся надъ пред-

сказаніемъ. Онъ пожелалъ видѣть кости коня, ступилъ ногою на черепъ и тутъ ужалила его змѣя. Эта сказка, вѣроятно, и придумана волхвами, чтобы поддержать свою падавшую власть; въ ней намъ любопытнѣе всего то, что уже Олегъ называетъ кудесниковъ лживыми. Впрочемъ, и позднѣе, въ христіанской Руси, суевѣрія были еще такъ сильны, что самъ Несторъ, разсказывая о смерти Олега, удивляется, какъ многое сбывается отъ волхвованія, и приводитъ тому примѣры изъ греческихъ лѣтописей. Въ Игорѣ, правившемъ послѣ Олега, мы находимъ туже варяжскую удаль; но эта удаль заслоняется въ немъ жестокостью и жадностью къ добычѣ. Грабитъ онъ берега Малой Азіи: разрываетъ плѣнныхъ, вбиваетъ имъ желѣзныя гвозди въ голову, жжетъ монастыри и села; да греки пускаютъ на его суда особый огненный составъ изъ трубъ, и этимъ огнемъ, какъ молніей, устрашаютъ русскихъ. Игорь принужденъ заключить миръ. По новому договору съ греками, который Несторъ приводитъ въ своей лѣтописи, были установлены болѣе подробныя и точныя условія для взаимныхъ сношеній. Тогда между варягами уже нашлось много христіанъ: при заключеніи мира, они приносили клятву въ Кіевѣ въ храмѣ Иліи. Потерпѣвъ неудачу въ войнѣ съ греками, Игорь пошелъ грабить болѣе слабыхъ древлянъ и былъ ими убитъ. По малолѣтству сына его, Святослава, кіевскій престолъ занимаетъ жена его, мудрая Ольга, которую поддерживалъ воевода Свѣнельдъ. Ольга своимъ характеромъ напоминаетъ Олега: въ ней таже хитрость и удаль. Но какъ женщина она прежде всего исполняетъ обычай языческой религіи: мститъ за смерть своего мужа. Въ этомъ ея главный подвигъ, за это ее особен-

не прославляетъ преданіе. Притворяясь ласковою и дружелюбною, она будто бы хочетъ оказать необычайную честь древлянскимъ посламъ, заставляетъ кіевлянъ нести ихъ въ лодкѣ и потомъ велитъ бросить съ лодкою въ яму. Сами древляне должны восхвалять эту хитро придуманную месть, говоря: „Хуже намъ Игоревой смерти“. Потомъ, также обманомъ, она сожигаетъ другихъ пословъ въ банѣ; напоивъ довѣрчивыхъ древлянъ на тризнѣ своего мужа, избиваетъ ихъ войско, беретъ дань съ главнаго ихъ города, Искоростеня, голубями и пускаетъ этихъ голубей, привязавъ къ ихъ ногамъ зажженныя тряпицы, что бы, когда воротятся въ свои гнѣзда, они сожгли городъ. Такъ разукрашены вымыслами разсказы объ хитромъ умѣ Олега и Ольги, причемъ эти вымыслы, можетъ быть, отчасти взяты ужъ готовыми изъ сѣверныхъ, нормандскихъ или скандинавскихъ преданій. Но въ Ольгѣ, какъ въ женщинѣ, хитрость замѣняетъ и воинскую удаль; у необразованнаго народа это качество особенно цѣнится, потому что другія, высшія качества ума еще не развились. Ольга также занимается хозяйствомъ въ своей землѣ; правильнѣе прежняго распредѣляетъ оброки и дани. Подъ конецъ жизни, она ѣдетъ въ Царьградъ принять христіанскую вѣру. Греческій императоръ проситъ руки ея, но она требуетъ, чтобы онъ сначала былъ ея воспреемникомъ, и потомъ говоритъ: „какъ же ты хочешь жениться на мнѣ, на своей крестной дочери“? Такъ Ольга и тутъ должна выказать свою хитрость. Несторъ, не смотря на свой монашескій взглядъ, съ любовью заноситъ эти языческіе вымыслы въ свою лѣтопись и въ тоже время величаетъ Ольгу, какъ христіанку, ставитъ ее выше эѳіопской ца-

рицы, приходившей въ Соломону, потому что она искала не человѣческой, а божественной мудрости. „Она, говоритъ лѣтописецъ, была предтечей христіанства въ Руской землѣ, сіяла, какъ денница передъ солнцемъ, какъ заря передъ свѣтомъ, какъ луна въ ночи, среди невѣрныхъ людей, какъ бисеръ въ калѣ“. Достовѣрно, что Ольга крестилась; но, по греческимъ извѣстіямъ, пріемъ, оказанный ей императоромъ, былъ далеко не такимъ почетнымъ. Святославъ, первый князь со славянскимъ именемъ, соединяетъ въ себѣ вмѣстѣ съ неудержимою варяжскою удалью, славянскую простоту въ жизни и особую богатырскую гордость. Спитъ онъ подъ открытомъ небомъ, ѣстъ мясо всякихъ звѣрей, чуть испекши на угляхъ, не возитъ съ собою ни котла, ни шатра. Когда собирается на враговъ, прямо объявляетъ: „иду на васъ“; во время битвы, со всѣхъ сторонъ окруженный непріятелемъ, говоритъ: „Некуда намъ дѣться; ляжемъ костьми: мертвымъ нѣтъ срама, а если побѣжимъ, то будетъ намъ стыдъ“. Святославъ ходитъ воевать далеко, на Оку и на Волгу, побиваетъ въ степяхъ козаръ; но его любимая дума жить въ Болгаріи на Дунаѣ. Сюда сходится всякое добро: изъ Греціи золото, шелковыя ткани, вина, разныя овощи,—отъ чеховъ и венгровъ серебро и кони, изъ Руси шкуры звѣрей, воскъ, медъ и челядь (рабы). Такъ, ища добычи, онъ продолжаетъ дѣло Олега, избравшаго Кіевъ своею столицею; онъ думаетъ утвердиться и на Дунаѣ, въ землѣ, бывшей когда то родиною славянъ, съ которою кіевляне до сихъ поръ были въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Но лукавые греки успѣли перехитрить Святослава: они крѣпко стѣснили его въ Болгаріи, да подняли противъ него войною печенѣговъ. Несторъ

представляетъ, какъ будто Святославъ добровольно согласился на миръ, взявъ богатые дары; но изъ договора, заключеннаго съ греками, который онъ же приводитъ, видно, что русскій князь принужденъ былъ отказаться отъ своихъ завоеваній. На возвратномъ пути, въ днѣпровскихъ порогахъ, онъ убитъ печенѣгами, которыхъ греки напередъ извѣстили о его приближеніи. Несторъ далѣе живо рисуетъ распри, начавшіяся между дѣтьми Святослава, и коварство Владиміра, еще язычника. Оправдывая себя тѣмъ, что его старшій братъ, Ярополкъ, былъ виною смерти другаго брата, Олега, погибшаго въ битвѣ, Владиміръ сначала отнимаетъ у Ярополка невѣсту, дочь полоцкаго князя, Рогвольда, гордую Рогнѣду, а потомъ подкупаетъ одного изъ его приближенныхъ, Блуда: „Окажи мнѣ пріязнь; когда убью брата, то буду честить тебя, какъ отца.“—„И я съ тобой за одно, по пріятельски!“ отвѣчалъ Блудъ. „О злая лесть человѣческая! восклицаетъ Несторъ; не даромъ говорилъ Давыдъ: ѣвшій мой хлѣбъ возсталъ на меня обманомъ... Злой это совѣтъ, когда совѣщаются о кровопролитіи; неистовые, хуже бѣсовъ тѣ люди, что, принявъ честь и дары отъ своего господина, замышляютъ на его погибель.“ Если въ преданіяхъ о Святославѣ мы видѣли уже очень мало сказочнаго, то въ разсказѣ о Владимірѣ, Несторъ сообщаетъ такія подробности, которыя могли быть переданы, еще не много лѣтъ тому назадъ умершими, очевидцами. Мы живо представляемъ себѣ этого князя, въ которомъ старая варяжская хитрость и удаль являются уже почти безъ прикрасъ. Призвавъ въ минуту опасности изъ за моря варяговъ, онъ потомъ ловко отдѣлывается отъ этихъ удальцевъ, спровадивъ ихъ въ Грецію, да пишетъ

греческому императору: „Не держи ихъ въ городѣ, чтобы не надѣлали тебѣ зла, а разведи ихъ по разнымъ мѣстамъ, да сюда не пускай ни одного.“ Онъ обманомъ убиваетъ брата, пригласивъ его на дружеское свиданіе, и беретъ себѣ беременную жену его, красивую гречанку. Рядомъ съ удалью, въ отличіе отъ прежнихъ князей въ немъ находимъ и непомѣрное женолюбье. Кромѣ нѣсколькихъ женъ, Несторъ насчитываетъ у него до 800 наложницъ, по этому поводу сравниваетъ его съ Соломономъ и приводитъ изъ Соломона поученіе, гдѣ говорится, какая пагуба отъ злыхъ женъ и какое добро имѣть женою смышленую, заботливую хозяйку. Владиміръ предпринимаетъ и дальніе походы на приволжскихъ болгаръ, отнимаетъ у Польши сосѣднія земли; но все таки въ немъ уже не замѣтно воинственнаго духа отца. Рожденный отъ ключницы Ольгиной, Малуши, онъ при Святославѣ какъ будто не пользуется особымъ почетомъ въ семьѣ: его даютъ княземъ строптивымъ новгородцамъ, когда ни Ярополкъ, ни Олегъ не хотѣли идти къ нимъ. По смерти отца, онъ бѣжитъ за море, потомъ долженъ искусно собирать дружину, искать пр... верженцевъ, чтобы отнять ... отъ дружины, отъ во многихъ... народа, которымъ онъ держался: онъ, какъ увидимъ, и становится *земскимъ* княземъ. Быть болѣе строителемъ земли, чѣмъ удалымъ искателемъ похожденій, располагало Владиміра и его природное чувство. Уже въ его женолюбіи мы видимъ характеръ, болѣе склонный къ мирной жизни. Но, при старомъ варяжскомъ закалѣ, онъ не могъ тутъ дойти до совершенной нѣги, до разслабленія. Какъ человѣка съ пытливымъ умомъ, но не находившаго въ

тогдашнемъ, необразованномъ обществѣ никакихъ умственныхъ стремленій, его занимаютъ толки о разныхъ религіяхъ. Сначала онъ выказываетъ особую ревность къ язычеству, вѣроятно, въ угоду народу, ставитъ идолы: деревяннаго Перуна съ серебряной головой и золотымъ усомъ, Даждь-бога (бога солнца), Стри-бога (бога вѣтровъ), и проч. Этимъ онъ также высказываетъ свою благодарность богамъ за побѣду надъ вятичами, ятвягами; онъ, по свѣту народныхъ старѣйшинъ и бояръ, приноситъ въ жертву богамъ по жребію отрока и дѣвицу. Жребій палъ на молодаго варяга, который былъ христіаниномъ; отецъ его смѣло сказалъ народу, когда пришли брать сына: „Ваши боги дерево; они ничего не сдѣлали, а сами сдѣланы; одинъ Богъ христіанскій, которому служатъ греки". Этотъ рѣзкій отвѣтъ показываетъ, что христіане уже имѣли силу въ Кіевѣ, и хотя смѣлый варягъ погибъ, но его смерть должна была возмутить все христіанское населеніе города. Умный Владиміръ могъ понять, въ чью сторону клонилось дѣло. Несторъ разсказываетъ, что къ нему приходили магометане, нѣмцы, но мудр[illegible] народъ совѣтовалъ принять свою вѣру, другія ученія, разсказалъ Влади[illegible] легко опровергнулъ всѣ Ветхаго и Новаго Завѣта и въ заключеніе показалъ ему [illegible]торію картину Страшнаго Суда съ праведниками, идущими въ рай, и грѣшниками, осужденными на вѣчную муку. Изъ этого разсказа вѣрно только то, что князь уже сильно колебался въ прежней, языческой вѣрѣ, что она не удовлетворяла его ума, и, въ своей любознательности, онъ охотно бесѣдовалъ съ разными пришельцами объ ихъ религіи; съ греками было больше сношеній; греки уже

издавна умѣли дѣйствовать на воображеніе варваровъ, чтобы, крестивъ ихъ, найти себѣ въ прежнихъ врагахъ вѣрныхъ союзниковъ. Поученіе греческаго мудреца, конечно, сочинено самимъ Несторомъ; но, такъ или иначе, греки должны были настаивать, чтобы Владиміръ взялъ сторону кіевскихъ христіанъ и крестился: примѣромъ служили князья соплеменныхъ придунайскихъ славянъ, уже давно, вмѣстѣ съ народомъ, принявшіе христіанскую вѣру; примѣръ былъ подъ рукою въ самой княгинѣ Ольгѣ. Дѣло становилось народнымъ, и Владиміръ ничего не рѣшается начать безъ совѣта съ дружиною и съ городскими старѣйшинами. Несторъ извѣщаетъ, что они рѣшили послать пословъ къ разнымъ народамъ для испытанія ихъ вѣры. Если это извѣстіе справедливо, то, безъ сомнѣнія, не самъ князь нуждался еще въ новыхъ убѣжденіяхъ; онъ слѣдовалъ только обычаю, по которому выборные люди произносили окончательный приговоръ въ каждомъ важномъ дѣлѣ. И прежніе князья совѣтовались во всемъ съ дружиною: значеніе дружины видно, напримѣръ, изъ власти, какою пользовался воевода Свѣнельдъ; чтобы отомстить за умерщвленіе его сына, Ярополкъ и пошелъ на Олега. Можно сказать, что многіе изъ походовъ князья предпринимали, понуждаемые дружиною, какъ это было въ походѣ Игоря на древлянъ. Отъ того и въ сказаніяхъ объ Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ и Святославѣ, выступаетъ напередъ удаль неспокойной дружины, искавшей воинской славы и добычи; сказанія эти составляютъ *дружинный эпосъ*. Но теперь, въ новыхъ заботахъ Владиміра о христіанскомъ образованіи и о близко-связанномъ съ нимъ улучшеніи быта, дѣло тѣснѣе касается народа: вопросъ идетъ не о томъ только,

кому и какъ платить дань, но какъ жить по новому христіанскому обычаю. Вотъ почему, въ разсказѣ о Владимірѣ, у Нестора, рядомъ съ дружиною, съ боярами, такъ часто говорится о выборныхъ городскихъ старѣйшинахъ, о „многихъ людяхъ,“ о „великомъ множествѣ народа.“ Чтобы поддержать свою честь передъ народомъ, Владиміру нужно было идти на греческій городъ Корсунь, вынуждая греческаго императора отдать за него сестру свою Анну, безъ чего Владиміръ не хотѣлъ креститься. Съ этимъ почетнымъ бракомъ князь являлся въ глазахъ всей дружины и кіевскихъ гражданъ не смиреннымъ послушникомъ Византіи, а, такъ сказать, завоевателемъ новой вѣры. Несторъ представляетъ, что послѣ рѣшенія выборныхъ людей, послѣ того, какъ первые крестились князь и бояре, всѣ охотно приняли крещеніе; но, по его же извѣстію, многіе изъ людей плакали, когда свалили Перуна и, привязавъ къ хвосту коня, потащили его въ Днѣпръ. Впрочемъ въ Кіевѣ, какъ мы уже объяснили, новая вѣра привилась издавна, и потому могла утвердиться легко и скоро; напротивъ, въ областяхъ еще не одно столѣтіе продолжалась упорная борьба христіанства съ язычествомъ. На Руси до позднихъ временъ то и другое смѣшивалось въ вѣрованіяхъ необразованнаго народа. Такъ въ Стоглавѣ Іоанна Грознаго записано: „По погостамъ и селамъ ходятъ лживые пророки, мужики и женки, дѣвки и старыя бабы, наги и босы, отростивъ, и распустивъ волосы, трясутся и бьются, сказывая, что имъ является святая пятница... Въ Троицкую субботу, по селамъ и погостамъ, сходятся мужи и жены плакать на гробахъ родителей съ великимъ крикомъ, и какъ станутъ скоморохи играть и гудѣть, они, оставивъ плачь,

начинають скакать и плясать и бить въ ладони, и проч." Какъ бы то ни было, христіанство признано при Владимірѣ господствующею вѣрою, и Несторъ съ особеннымъ одушевленіемъ описываетъ торжественный обрядъ всенароднаго крещенія. „Радость была на небѣ и на землѣ, что столько душъ спасалось" говоритъ онъ, и по этому поводу приводитъ много текстовъ изъ Священнаго писанія, не пропуская также случая разъяснить символъ вѣры, какъ онъ утвержденъ на вселенскихъ соборахъ. Всю ту ревность, какую Владиміръ прежде высказалъ въ языческой религіи, онъ обратилъ теперь на христіанство. Уничтожая идоловъ, онъ вездѣ строитъ церкви, беретъ у лучшихъ граждань дѣтей въ книжное ученье; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ новые города, заселяетъ многія мѣста по притокамъ Днѣпра, чтобы дать отпоръ печенѣгамъ. Послѣ каждой побѣды надъ врагами, онъ учреждаетъ свои знаменитые пиры, на которые созываетъ и дружину, и старѣйшинъ, и много народу; каждое воскресенье въ хоромахъ его идетъ обильное угощенье, дома ли князь, или нѣтъ дома. Онъ велитъ развозить пищу неимущимъ, не хочетъ даже казнить разбойниковъ, къ чему однако сами епископы его вынуждаютъ. Болѣе всего теперь думаетъ онъ о строѣ земскомъ. Такъ въ лицѣ Владиміра является первый земскій князь, для котораго главною заботою служитъ не исканіе добычи, а безопасность отечества отъ враговъ и новый, лучшій противъ прежняго порядокъ въ жизни. Вотъ, почему имя его и зашло въ народныя былины, какъ имя стольно-кіевскаго князя, около котораго на югѣ Россіи собирается вся земская сила. На вызовъ Владиміра выходятъ удальцы изъ народа, способные одолѣть самаго страш-

наго врага въ единоборствѣ. Таковъ у Нестора молодой кожевникъ, который рукой вырываетъ кусокъ мяса изъ боку разъяреннаго быка, бѣгущаго мимо, и потомъ, будучи самъ небольшаго роста, валитъ съ ногъ великана печенѣга. Задачею этихъ новыхъ богатырей становится не только тѣшить свою удаль, но и отстаивать землю въ борьбѣ съ азіатскими пришельцами, стоять за бѣдный народъ, вообще бороться со всякою нехитростью за лучшія христіанскія чувства. Этимъ народная былина и отличается отъ стараго дружиннаго эпоса.

Разсказавъ о смерти Владиміра, Несторъ снова произноситъ хвалу ему изреченіями, взятыми изъ пророковъ и особенно хвалитъ его за христіанское милосердіе. Далѣе, въ разсказѣ о сыновьяхъ его, Борисѣ и Глѣбѣ, онъ уже изображаетъ намъ образцы христіанскаго смиренія. Оба брата не хотятъ идти войною на своего старшаго брата Святополка, покинуты дружиною и коварно убиты. Все это представлено у Нестора: ихъ молитвы передъ смертью, ихъ кротость и покорность, хвалебное слово, съ какимъ лѣтописецъ обращается къ нимъ, какъ къ мученикамъ,—все напоминаетъ житія святыхъ. Святополкъ, ихъ убійца, изображенъ по образцу братоубійцы Каина: послѣ многихъ злодѣйствъ, разбитый Ярославомъ, онъ бѣжитъ къ ляхамъ, въ помѣшательствѣ, гонимый призраками, умираетъ въ пустынѣ, и изъ могилы его исходитъ тяжелый смрадъ. Но Святополкъ, конечно, не все дѣлалъ самъ по себѣ, а также по побужденію дружины, въ которой забота о личной выгодѣ и корысти еще брала верхъ надъ христіанскими и земскими стремленіями. Примѣръ Бориса и Глѣба показалъ, что съ кротостью и смиреніемъ въ тогдашнемъ обществѣ остава-

лось только гибнуть. Святополкъ, собственно сынъ Ярополка отъ красавицы гречанки, напротивъ, отличался истинно греческимъ лукавствомъ: ему легко удалось утвердиться въ Кіевѣ; но потомъ, въ борьбѣ съ Ярославомъ, онъ возбудилъ противъ себя народъ тѣмъ, что призвалъ на помощь ляховъ и печенѣговъ. Ляховъ кормили по городамъ, и, вѣроятно, это кормленіе было тягостно, когда Святополкъ самъ дозволилъ тайкомъ избивать ихъ. Народная нелюбовь къ Святополку, соблюдавшему только выгоды своей дружины, и отразилась въ сказаніи Нестора. Ярославъ же является у него мстителемъ за смерть братьевъ и побѣждаетъ въ силу своей правды. Своею побѣдою Ярославъ обязанъ новгородцамъ. Здѣсь любопытно видѣть намъ отношенія славянъ къ варягамъ, прежнимъ повелителямъ Руси. Мы знаемъ, что Владиміръ въ бѣдѣ бѣжалъ къ нимъ и съ помощью ихъ потомъ овладѣлъ Кіевомъ. Ярославъ тоже думаетъ на нихъ опираться; но новгородцы избили преданныхъ ему варяговъ, простили князя потомъ, когда онъ отплатилъ имъ тѣмъ же, умертвивъ многихъ гражданъ, не пустили его за море, собрали съ бѣдныхъ и богатыхъ посильную дань, и всѣ пошли съ нимъ добывать престолъ кіевскій. Кіевская дружина Святополка смѣялась надъ ними, какъ надъ плотниками; но этотъ не столько воинственный, [illegible] промышленный народъ одержалъ знатную побѣду надъ войскомъ Святополка и такимъ образомъ далъ возможность исполниться той карѣ, о которой говоритъ Несторъ: „Показалъ это Богъ на поученье князьямъ русскимъ, что если будутъ такъ же дѣлать, то примутъ такую же казнь.“ Новгородцы, конечно, имѣли основаніе защищать Ярослава: онъ утвердилъ за

ними тѣ льготы, какія потомъ такъ высоко подняли знаменитую общину, да и, сѣвъ на престолъ въ Кіевѣ, онъ является земскимъ княземъ. Онъ, какъ и Владиміръ, становится строителемъ земли, собираетъ старые обычаи и соединяетъ ихъ въ общій законъ, подъ именемъ Русской Правды; онъ украшаетъ городъ Кіевъ, по всѣмъ городамъ даетъ часть своего имѣнья попамъ, чтобы они учили народъ, усердно списываетъ и собираетъ книги, и Несторъ особенно хвалитъ его за ревность къ новому христіанскому ученію. Послѣ разсказа о Ярославѣ, лѣтописецъ заноситъ изъ монастырскихъ преданій сказаніе объ основаніи Кіевопечерской Лавры, которая, по его словамъ, возвысилась „не чрезъ покровительство царей, не чрезъ боярскія богатства, а пощеньемъ, слезами и молитвою". Онъ вообще радуется приращенію христіанской вѣры при Ярославѣ; но въ тоже время долженъ разсказывать, какъ во время голода въ Суздалѣ, волхвы подняли народъ и стали избивать стариковъ и старухъ, увѣряя, будто отъ нихъ произошелъ неурожай: мятежъ продолжался, пока не привезли хлѣба отъ болгаръ, съ Волги. И позднѣе, подъ 6579 годомъ (1071 годъ отъ Р. Х.), мы находимъ у него любопытный разсказъ о подобномъ же событіи въ Ростовской землѣ. Тутъ волхвы убивали богатыхъ женъ, увѣряя, что одна скрываетъ медъ, другая жито и проч. Когда Янъ [illegible] Святославомъ [illegible] сбора податей, захватилъ ихъ, то они ему толковали: „Богъ мылся въ банѣ, вспотѣлъ, отерся ветошью и бросилъ ее на землю; тутъ заспорилъ сатана съ Богомъ, кому сотворить человѣка, и дьяволъ сотворилъ тѣло, а Богъ вложилъ душу". Такъ высказывали эти люди свое грубое понятіе о

божествѣ, „сидящемъ въ безднахъ“, то есть, о силахъ природы, которымъ поклонялись, и о различіи между этими земными силами и высшею разумною силою человѣка. Но Несторъ, конечно, смотритъ на нихъ, какъ на послѣдователей дьявола. Янъ велѣлъ убить ихъ и случилось, что на возвратномъ пути былъ заѣденъ медвѣдемъ. По словамъ лѣтописца, это произошло по бѣсовскому наученью: бѣсы только не знаютъ будущаго, а навредить могутъ. Несторъ вѣритъ и разсказу одного новгородца, который, посѣтивъ кудесника, узналъ отъ него о злыхъ богахъ, „что они живутъ въ безднахъ, черны, крылаты; имѣютъ хвосты, восходятъ и подъ небо“. Тутъ мы видимъ, какъ языческія вѣрованія въ злыя опустошительныя силы природы (каковы, напримѣръ, буря, язва и повѣтріе, засуха) перешло и въ міръ христіанскій. По словамъ лѣтописца, особенно „черезъ женъ бываютъ бѣсовскія волхвованія, потому что бѣсъ искони прельстилъ жену, а она мужа“. Междоусобныя распри между дѣтьми Ярослава и нашествія половцевъ были такими бѣдствіями въ землѣ русской, которыя много способствовали къ тому, чтобы поддерживать старое невѣжество. Однимъ изъ главныхъ спутниковъ являются сначала удалой Всеславъ, князь полоцкій, правнукъ Владиміра отъ его старшаго сына, а потомъ Олегъ, внукъ Ярослава, сынъ храбраго Святослава Черниговскаго. Въ Кіевѣ одинъ за другимъ княжили по старшинству сыновья Ярослава: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, потомъ сынъ Изяслава, Святополкъ. Всѣ они враждовали между собою и съ племянниками. Изо всѣхъ примирителемъ распрей и радѣтелемъ о землѣ является только сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ. Во второй половинѣ лѣтописи

Несторъ и описываетъ это близкое ему время и принимая живое участіе въ событіяхъ, какъ ихъ современникъ, болѣе прежняго впадаетъ въ поучительный тонъ. Тутъ въ его сужденіяхъ также высказываются живыя суевѣрныя понятія вѣка. Такъ, по его словамъ, мать родила Всеслава отъ волхвованія, съ какимъ то родимымъ пятномъ на головѣ, отъ того онъ и немилостивъ на кровопролитье. Въ годы перваго нашествія половцевъ, каждый рѣдкій случай кажется ему необычайнымъ. Не къ добру Волховъ на нѣсколько дней измѣнилъ свое теченіе; не къ добру явилась на западѣ превеликая звѣзда съ кровавыми лучами (комета), рыбаки вытащили изъ рѣки урода, случилось затмѣніе солнца. Несторъ приводитъ изъ греческихъ хронографовъ мѣста въ свидѣтельство того, что подобныя бѣдствія случались въ Іерусалимѣ и въ Византіи прежъ великими бѣдствіями. Такъ необразованный народъ соединялъ вмѣстѣ какое нибудь необычайное явленіе природы и нашествіе враговъ и другія людскія бѣдствія, тогда какъ между этими происшествіями было столько же связи, какъ между тѣмъ, напримѣръ, что человѣкъ побѣжалъ, споткнулся и упалъ, и тѣмъ, что отелилась корова: вся тутъ и связь, что такія происшествія могутъ случиться въ одно время, да мало-ли чего не случается въ одно время. Главнымъ бѣдствіемъ въ южной Руси было, какъ мы знаемъ, нашествіе новыхъ враговъ, половцевъ. Несторъ свидѣтельствуетъ выписками изъ пророковъ, что это служило казнью за грѣхи, за братоненавидѣнье, клеветы, и проч. Дьяволъ, говоритъ онъ, прельщаетъ насъ трубами и скоморохами, гуслями и русальями: видимъ утолоченныя игрища, и множество людей начинаютъ свалку (начнутъ упихати другъ друга), а

церкви стоятъ пусты.“ Въ своей монашеской ревности, Несторъ нападалъ и на народныя увеселенія, въ которыхъ, конечно, также было много грубаго. Но успѣхи половцевъ легко объяснить неспособностью и раздорами князей, думавшихъ только о своихъ личныхъ выгодахъ, тогдашнимъ разъединеніемъ Руси, не успѣвшей еще сплотиться въ одно государство. Всетаки и въ это печальное время мысль о землѣ Русской, объ одномъ общемъ отечествѣ, крѣпко западала въ душу лучшимъ людямъ; среди мелкихъ княжескихъ распрей, по немногу выростала земская сила, и народъ, сходясь на вѣче, принималъ живое участіе во всякомъ важномъ дѣлѣ. Честолюбивый Всеславъ началъ смуту тѣмъ, что напалъ на Новгородъ. Ярославичи соединились, смирили его, цѣловали крестъ на дружбу съ нимъ, да потомъ, заманивъ къ себѣ, охватили и посадили его въ тюрьму въ Кіевѣ. Несторъ говоритъ, что за это клятвопреступленіе они и были наказаны. Кіевскій князь Изяславъ разбитъ половцами. Кіевляне тогда поднялись всѣмъ городомъ, изгнали Изяслава и освободили Всеслава. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу и вернулся оттуда съ польскимъ войскомъ, скоро опять завладѣлъ Кіевомъ и опять былъ изгнанъ храбрымъ Святославомъ, къ которому кіевляне были больше расположены за побѣду, одержанную надъ половцами. Святославъ умеръ кіевскимъ княземъ; послѣ его смерти добрый Всеволодъ уступилъ престолъ Изяславу, какъ старшему брату, чтобы онъ только не приводилъ ляховъ на Русскую землю. Но вотъ Олегъ, сынъ Святослава, призываетъ половцевъ и выгоняетъ Всеволода изъ его удѣла. Изяславъ вступается за брата, идетъ на половцевъ и гибнетъ въ битвѣ. Несторъ особенно хвалитъ Изяслава

за его братолюбіе и упрекаетъ Святослава, что онъ нарушилъ старѣйшинство: неудачи Изяслава вызываютъ въ лѣтописцѣ самое искреннее сожалѣніе. Но Изяславъ былъ слабый князь, и изъ дѣлъ его не видно также, чтобы онъ отличался особеннымъ братолюбіемъ; на Олега онъ шелъ, какъ на своего личнаго врага; а излишнее сочуствіе къ нему Нестора очень просто объясняется тѣмъ, что Изяславъ былъ друженъ съ Ѳеодосіемъ Печерскимъ, далъ землю Печерскому монастырю и вообще оказывалъ много любви его монахамъ. Въ княженіе Всеволода и Святополка уже происходили событія, которыя живо затрогивали лѣтописца, и во всѣхъ подробностяхъ его разсказа видно, что писалъ свидѣтель, самъ испытавшій много горя при тогдашней неурядицѣ Тутъ мы узнаемъ, какъ добрякъ Всеволодъ бьется всю жизнь, чтобы мирить племянниковъ, да угождать каждому, недовольному своею волостью, какъ при немъ враждуетъ молодая дружина со старою, а правда не доходитъ до ушей его: правители областей, тіуны грабятъ народъ. Послѣ него княжитъ Святополкъ, которому Владиміръ Мономахъ уступаетъ престолъ, чтобы не заводилъ распри,—и тутъ начинаются новыя бѣдствія. Половцы страшно раззоряютъ землю, что даетъ случай Нестору снова плакаться о грѣхахъ и смиренно толковать о заслуженной карѣ за умноженіе беззаконій. Но живымъ чувствомъ проникнуты слова его, когда онъ говоритъ о несчастныхъ людяхъ, уведенныхъ въ плѣнъ Половцами,—босыхъ, нагихъ, мучимыхъ жаждою и голодомъ, изможденныхъ въ дальнемъ пути по степямъ. Города и села русскіе были сожжены, жители кругомъ ограблены; раззоренъ самый монастырь Печерскій. „Мы

почивали въ кельяхъ послѣ заутрени, разсказываетъ Несторъ, какъ раздался крикъ враговъ у монастыря. Они поставили два знамени передъ воротами, вырубили ихъ и пошли по кельямъ, ломая двери. Мы бѣжали за домъ монастырскій или скрывались на полати. Безбожники забирали все, что находили въ кельяхъ, зажгли церковь Богородицы, уносили иконы и смѣялись надъ нашимъ закономъ: „гдѣ ихъ Богъ? пусть ихъ избавитъ!..“ Князья принуждены мириться съ половцами, кормить ихъ дружины: Мономахъ, сначала боясь нарушенія клятвы, какъ и Святополкъ, ведетъ съ ними дружбу, но приближенные побуждаютъ его, среди міра, избивать ихъ отряды, безпечно живщіе въ его землѣ,— коварство, очень обыкновенное въ то время. Того же требуютъ отъ Олега, но этотъ остается вѣренъ своимъ союзникамъ. По немногу и неспособному Святополку удается разъ, другой въ расплохъ разбить половцевъ. Лучшіе люди толкуютъ князьямъ: „Что вы ссоритесь? оставьте ваши счеты, защитите сначала Русскую землю отъ непріятелей“. Владиміръ Мономахъ созываетъ князей на съѣзды для заключенія общаго міра; зовутъ и Олега порядиться въ Кіевѣ передъ всѣмъ народомъ, но Олегъ говоритъ: „Не меня судить игуменамъ, да черни“. Смуты продолжаются; Владиміръ, радѣя о землѣ, наконецъ успѣваетъ поднять всѣхъ князей на дѣло, и „Богъ вложилъ имъ въ сердце добрую мысль, сотворили они добро землѣ Русской“,—соединились, пошли въ степи и жестоко разбили непріятеля. Такъ Владиміръ Мономахъ, еще не владѣя кіевскимъ престоломъ, становится главнымъ распорядителемъ во всѣхъ дѣлахъ. Его любимою мыслію было потрудиться для народа. Когда однажды собрался

онъ мстить Святополку за коварное ослѣпленіе одного изъ галицкихъ князей, Василька, и кіевляне стали просить его не начинать распри,—то онъ расплакался и сказалъ: „По истинѣ отцы наши и дѣды оберегли Русскую землю, а мы хотимъ погубить“. И народъ отличалъ Владиміра передъ всѣми другими князьями. Новгородцы крѣпко стояли за его сына, Мстислава. Когда Святополкъ хотѣлъ взять у нихъ этаго князя и отправить на княженье въ Новгородъ своего сына, то новгородцы сказали: „Мы уже вскормили себѣ князя; если у твоего сына двѣ головы, то, пожалуй, посылай его къ намъ.“ Святополкъ поспорилъ, да ничего не могъ сдѣлать. Кромѣ изложенія разсказанныхъ нами событій, во второй половинѣ лѣтописи у Нестора записаны разныя происшествія, случавшіяся въ Кіевопечерскомъ монастырѣ: смерть Θеодосія и избраніе новаго игумена, Стефана, построеніе монастырской церкви, перенесеніе въ нее тѣла Θеодосія. Тутъ любопытны извѣстія и о нѣкоторыхъ подвижникахъ монастырскихъ: о старцѣ Еремія, помнившемъ крещеніе земли Русской, о „прозорливомъ Матеѣ“ которому представлялись всякія видѣнія: бѣсъ на свиньѣ, оселъ на мѣстѣ игумена, бѣсъ въ образѣ ляха, сыпавшій цвѣты на монаховъ во время богослуженія, чтобы отклонить ихъ отъ молитвы. Особенно поразителенъ разсказъ объ юродивомъ Исакіи, который 7 лѣтъ просидѣлъ, замурованный въ пещерѣ съ маленькимъ оконцемъ, въ которое подавали ему пищу. Тутъ привидѣлся ему бѣсъ въ образѣ Христа и заставилъ его плясать: Исакія нашли безъ чувствъ, перенесли въ монастырь, и долгое время онъ находился совсѣмъ въ безпамятствѣ; отъ нечистоты заводились черви на его постелѣ, но

Θеодосій самъ омывалъ его и за нимъ ухаживалъ. Исакій все-таки всталъ на ноги, началъ ходить въ трапезу, по немногу учился брать въ руки хлѣбъ и ѣсть. Воображая вездѣ около себя бѣсовъ, онъ теперь задумалъ спасаться иначе: оскорблялъ и братію и всѣхъ проходящихъ, чтобъ его били, ходилъ, какъ и прежде въ тяжелыхъ веригахъ, становился босыми ногами въ горящую печь, или на холодные плиты въ морозъ и проч. Несторъ видитъ одинъ только религіозный смыслъ въ дѣлахъ этого несчастнаго, какъ видно, страдавшаго неизлечимою болѣзнію.

Послѣ всего, что мы разсказали изъ лѣтописи Нестора, не трудно сдѣлать общіе выводы объ этомъ сочиненіи.

1. У Нестора мы находимъ достовѣрныя свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ разселились славянскія племена, объ азіатскихъ народахъ, бывшихъ съ ними въ сношеніяхъ, о нѣкоторыхъ обычаяхъ славянъ и о началѣ русскаго государства; и въ разсказѣ о князьяхъ, рядомъ съ вымыслами, встрѣчаются такія же точныя извѣстія. По этому лѣтопись Нестора служитъ самымъ главнымъ и достовѣрнымъ источникомъ для нашей первоначальной исторіи. Онъ сохранилъ и любопытные договоры нашихъ князей съ греками; важнѣйшее изъ событій, принятіе христіанской вѣры и ея распространеніе, также какъ борьба въ нашемъ древнемъ обществѣ между языческими и христіанскими понятіями, представлены у него съ особенной подробностью. (Въ концѣ прошлаго столѣтія жилъ у насъ ученый нѣмецъ Шлецеръ, который внимательно изучалъ лѣтопись Нестора, сравнивалъ его съ другими лѣтописцами и нашелъ, что

Несторъ отличается большою правдивостью въ своемъ разсказѣ).

2. Вымыслы, какіе встрѣчаются у Нестора, не вредятъ его правдивости: онъ не самъ ихъ сочинялъ, а бралъ изъ разсказовъ стариковъ, изъ народныхъ преданій. Эти сказанія, не сообщая точныхъ свѣдѣній, важны тѣмъ, что рисуютъ намъ нравы и понятія вѣка (уже въ самыхъ чувствахъ и понятіяхъ людей заключается причина того, чему человѣкъ вѣритъ). Они относятся: а) къ дружинному эпосу, прославлявшему удаль князей и ихъ дружины,—б) къ религіознымъ и церковнымъ преданіямъ (легендамъ), имѣвшимъ цѣлію освятить какое нибудь событіе (напр., предсказаніе апостола Андрея объ основаніи Кіева).

3. Не смотря на то, что Несторъ былъ монахомъ, онъ съ сочувствіемъ говоритъ и о языческихъ князьяхъ, прославленныхъ народомъ; онъ заноситъ въ свою лѣтопись и языческіе вымыслы: такъ живо въ немъ народное чувство. По мѣрѣ того, какъ событія подвигаются къ его времени, все сказочное, чудесное уменьшается въ его лѣтописи: во второй ея половинѣ, рядомъ съ разсказомъ о мелкихъ распряхъ князей, въ которыхъ прежняя варяжская удаль является уже вовсе не привлекательною, выступаютъ и дѣла народа. Народное чувство лѣтописца выражается тѣмъ, что тутъ онъ не пропускаетъ случая похвалить князей, когда они радѣли о земскомъ устройствѣ, заботились о нуждахъ народа.

4. Кромѣ этого лѣтописецъ имѣетъ еще свою особую цѣль: прославить христіанскую вѣру, научить христіанскимъ чувствамъ, которыя тогда еще съ трудомъ проникали въ народъ. Поэтому, онъ такъ много славитъ

Ольгу, Владиміра, Ярослава, и съ своей христіанской точки зрѣнія рѣзко осуждаетъ въ князьяхъ ихъ ложь и коварство, нарушеніе данной клятвы, братоубійство, жадность къ добычѣ и другіе грубые обычаи тогдашняго общества. Мы видимъ здѣсь, какъ христіанство выступаетъ на борьбу съ прежними, языческими нравами.

5. Отъ этого общехристіанскаго взгляда на жизнь въ Несторѣ надо отличать взглядъ монашескій (аскетическій), который выразился у него въ сочувствіи къ тѣмъ подвигамъ самоистязанія, какими отличались многіе древніе отшельники, въ осужденіи народныхъ игръ и увеселеній, въ покорности, съ какою онъ совѣтуетъ принимать каждое бѣдствіе, какъ заслуженную кару за грѣхи, въ похвалахъ, какія онъ постоянно расточаетъ князьямъ за ихъ любовь къ монашеству, и проч.

6. По своему монашескому взгляду, Несторъ въ каждомъ печальномъ событіи видитъ козни нечистой силы, а въ счастливомъ окончаніи дѣла дѣйствіе молитвы, заступничество того или другаго святаго. Въ этомъ и заключается единственное объясненіе событій, какое у него находимъ. Съ другой стороны, часто толкуя о томъ, какъ дьяволъ всякими способами вводитъ человѣка въ погибель, какъ нашествіе враговъ, саранча, голодъ и другія бѣдствія служатъ напоминаніемъ человѣку, чтобы онъ отсталъ отъ своихъ злыхъ дѣлъ, Несторъ имѣетъ въ виду и нравственную цѣль: въ тогдашнее время нравственное устрашеніе считалось лучшимъ средствомъ къ исправленію человѣка. Впрочемъ суровый монашескій взглядъ не отчуждалъ нашего лѣтописца совершенно отъ жизни: при своей живой любознательности, онъ входитъ во всѣ подробности мірскихъ дѣлъ. Его зани-

чаетъ народная пословица, всякое умное или острое слово, сказанное тѣмъ или другимъ лицомъ, всякій любопытный случай въ окружающей жизни. Онъ безъ осужденія передаетъ и извѣстный отвѣтъ Владиміра: „Русскимъ есть веселіе пити; не можетъ безъ того быти“, когда болгаре ему объясняли, что по ихъ вѣрѣ не слѣдуетъ пить вина и ѣсть свинину. Тутъ во взглядахъ Нестора мы не рѣдко находимъ противорѣчія.

г. Несторъ, по своему времени, былъ очень начитанъ; но мы уже знаемъ, что византійское образованіе не давало намъ никакихъ знаній о природѣ, и люди въ то время оставались на той точкѣ развитія, когда человѣкъ вѣритъ во все чудесное, когда во всякомъ естественномъ случаѣ, поразившемъ его умъ, онъ видитъ тайную силу, злое предвѣстіе. Такъ и у Нестора какой нибудь родимый знакъ на лицѣ, явленіе огненнаго шара въ воздухѣ, или кометы, рожденіе урода — все служитъ недобрымъ знаменіемъ, потому что онъ не можетъ объяснить себѣ этихъ явленій, тогда какъ, съ помощью науки, они объясняются очень просто. Онъ вѣритъ также въ чародѣйскую силу волхвовъ, хотя и считаетъ эту силу ничтожною передъ силою христіанскаго разумѣнія.

8. При той степени развитія, на какой стоялъ Несторъ, мы не можемъ и ожидать отъ него правильнаго разбора и обсужденія событій. Онъ вездѣ смѣшиваетъ вымыселъ съ достовѣрными извѣстіями, слѣдуетъ слышаннымъ разсказамъ, не отличая, что могло быть придумано, пріукрашено разсказчикомъ, и мы видѣли, какъ, вникая въ смыслъ событій, приходится не рѣдко понимать дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ у него представлено. Но это простодушіе лѣтописца для насъ и драгоцѣнно:

еслибы онъ захотѣлъ по своимъ книжнымъ понятіямъ изображать событія, какъ это дѣлали послѣ него нѣкоторые грамотѣи, то многое, можетъ быть, опустилъ бы и не договорилъ, или исказилъ цвѣтистымъ краснобайствомъ. Несторъ же пишетъ, „не мудретвуя лукаво“, обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Съ другой стороны, при большемъ участіи въ житейскихъ дѣлахъ, мы могли бы узнать отъ него болѣе подробностей изъ частной, домашней жизни тогдашнихъ людей, узнать объ ихъ ежедневныхъ сужденіяхъ и разговорахъ, объ ихъ скрытыхъ замыслахъ; но если сравнивать Нестора съ другими нашими лѣтописцами, то у него найдемъ все-таки болѣе умѣнья подмѣчать все, достойное вниманія.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о языкѣ Нестора. Пишетъ онъ очень просто, тогдашнимъ разговорнымъ языкомъ, примѣшивая къ нему лишь изрѣдка книжныя, славянскія выраженія. Онъ все разсказываетъ, какъ разсказываютъ простые, бывалые люди, приводя вездѣ собственныя слова дѣйствующихъ лицъ, заставляя эти лица разговаривать между собою. Такіе разговоры и рѣчи отчасти вымышлены въ духѣ каждаго лица, отчасти сохранились по преданію, или, при изложеніи современныхъ Нестору событій, могли быть и слышаны отъ близкихъ людей, или самимъ лѣтописцемъ. Въ рѣчи Нестора нѣтъ книжной отдѣлки, но онъ очень искустный разсказщикъ: все, имъ представленное, какъ будто видишь во очію. Языкъ его и теперь понимать не очень трудно, особенно тому, кто знакомъ со славянскою рѣчью. Приведемъ въ примѣръ хоть разсказъ о томъ, какъ совѣщевается Святополкъ съ Владиміромъ Мономахомъ о походѣ на половцевъ:

Въ лѣто 6611 (въ 1103-мъ году отъ Р. Х.). Богъ вложи въ сердце княземъ Русскимъ (князьямъ) мысль благу, Святополку и Володимеру, и снястася думати (собрались на совѣтъ) на Долобьскѣ; и сѣде (сѣлъ) Святополкъ со своею дружиною, а Володимеръ съ своею въ единомъ шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча: „яко негодно нынѣ, весні, ити хочемъ, погубити смерды и ролью ихъ" (не вовремя вздумали мы идти весною, погубимъ простой народъ и ихъ пашню.) И рече Володимеръ: „Дивно ми, дружино, оже лошадій жалуете, еюже то оретъ (что жалѣете лошадей, необходимыхъ для пашни); а сего чему не промыслите (не подумаете), оже то начнетъ орати смердъ (начнетъ пахать), и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ и (его) стрѣлою, а лошадь его пойметъ, а въ село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье? то лошади жаль, а самого не жаль ли?" И не могоша отвѣщати дружина Святополча, и рече Святополкъ: „се азъ готовъ уже," и вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: „то ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскій." И посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: „поидити на Половци, да любо будемъ живи, любо мертви" и послуша Давыдъ, а Олегъ не восхотѣ сего, вину река (не захотѣлъ, сказавъ причину:) не здравьлю (не здоровъ я).

IX. Наши старинные лѣтописи.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Въ Несторѣ мы видѣли наиболѣе искуснаго разсказчика изо всѣхъ нашихъ лѣтописцевъ; въ другихъ лѣтописяхъ мы не находимъ ни того обстоятельнаго

описанія событій, ни такой, какъ у него, живости въ разсказѣ. Лѣтопись Нестора собственно принадлежитъ къ числу кіевскихъ, изображаетъ дѣла кіевскихъ князей, но такъ какъ Кіевъ въ первое время былъ средоточнымъ мѣстомъ, куда тянула вся Русь, то въ кіевскихъ дѣлахъ сказалась исторія всего русскаго государства. Послѣ Нестора кіевскую лѣтопись продолжали другіе грамотные монахи, и въ ней довольно подробно описаны распри князей за удѣлы, также какъ постоянная борьба съ половцами, происходившія въ 12-мъ вѣкѣ. Эта лѣтопись 12-го вѣка извѣстна подъ именемъ Ипатьевской (по монастырю, гдѣ сохранился одинъ изъ болѣе древнихъ ея списковъ). Въ тоже время на югѣ Россіи писались лѣтописи еще на Волыни. До татаръ у насъ каждая областы съ ея главнымъ городомъ, котораго власть признавали окрестные города и села, жила своей жизнью, по своему праву и обычаю. Русскія земли, правда, соединялись для общаго дѣла: подъ знамена Святослава, Владиміра 1-го и Владиміра Мономаха сходились новгородцы, смольняне, ростовцы, кіевляне; и во время княжескихъ раздоровъ лучшіе люди толковали о единомъ русскомъ отечествѣ, о томъ, что нужно, забывши личную вражду и свои частные разсчеты, стоять, какъ одинъ человѣкъ, за всю землю. Но дружно сойтись вмѣстѣ не всегда удавалось, потому что каждая область стояла также за свои права, дѣйствовала сама по себѣ, самостоятельно. Черниговцы часто не ладили съ кіевлянами, новгородцы искали себѣ особыхъ льготъ; суздальцы, усилившись, желали господствовать и въ остальной Руси. Всю Русь тогда можно было раздѣлить на три главныя части: на южную, сѣверную и вос-

точную. Въ южной, кіевской Руси до татаръ крѣпло и созидалось государство. Но уже при Ярославѣ новгородцы высказываютъ свою независимость, свою смышленность и удаль. Получивъ отъ Ярослава многія льготы за оказанную ему услугу, они скоро становятся полными господами въ сѣверной Руси. Они избираютъ и смѣняютъ у себя князей, и князья, приходя на княженіе въ Великій Новгородъ, кланяются ему на всей его волѣ. Всѣмъ здѣсь заправляетъ вѣче,—народъ, сходящійся по звону колокола на площадь; вся власть въ рукахъ толпы, которая назначаетъ отъ себя для управленія посадника и другихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ здѣсь вмѣсто великаго князя, является властелиномъ „Господинъ Великій Новгородъ". Промышленные новгородцы, не думая о завоеваніяхъ, а ища лишь новыхъ торговыхъ выгодъ, рано распространяютъ свою власть до границъ Ледовитаго моря и Урала, сводятъ сношенія съ нѣмцами, принимаютъ у себя иноземныхъ купцовъ и сами пускаются за море. Они во всемъ слѣдуютъ своему обычаю, не сходясь по характеру ни съ удалыми, воинственными кіевлянами, ни съ болѣе суровыми, властолюбивыми суздальцами. Новгородскія лѣтописи и знакомятъ насъ съ дѣлами Новгорода: онѣ разсказываютъ, какъ народъ, сходясь на вѣче, приговаривалъ выслать изъ земли того или другаго князя, если онъ приходился не по нраву, какъ наказывалъ своихъ посадниковъ, когда они поступали противъ его воли, и защищалъ ихъ въ ссорахъ съ княземъ, какія бывали смуты въ городѣ въ случаѣ несогласія разныхъ сторонъ или при борьбѣ между богатыми гражданами и бѣднымъ людомъ, какъ новгородцы иногда терпѣли страшный голодъ по

причиной безплодія почвы, и пр. Уже въ 12-мъ вѣкѣ начинаетъ усиливаться восточная Русь. Въ ней видное мѣсто занимаютъ: Тверская, Суздальская и Рязанская область. Въ каждой изъ этихъ областей мы находимъ и особенное лѣтописанье. Суздальцы, при князѣ Андреѣ Боголюбскомъ, раззоряютъ Кіевъ и грозятъ Новгороду; но гордая пословица: „Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?“ тогда еще оправдывалась на дѣлѣ. Андрей принужденъ былъ удалиться со стыдомъ изъ новгородскихъ предѣловъ. Впослѣдствіи со своимъ княземъ, Мстиславомъ Удалымъ, новгородцы одержали надъ суздальцами и владимірцами, въ самой ихъ землѣ, знатную побѣду. Когда вся Русь подпала татарскому игу, между восточными княжествами начинаетъ возвышаться Москва, и въ ней старая вражда съ новгородцами продолжалась. Но Москва уже была сильнѣе, дѣйствуя съ помощью могучихъ татаръ. Московскій князь, какъ собиратель татарской дани и повѣренный хана, легко могъ собирать подъ свою власть и русскія земли. Для самихъ татаръ неудобно было разновластіе въ покоренной землѣ, потому что тогда имъ приходилось бы имѣть дѣло со многими областями. За нихъ о сборѣ дани, о судѣ и расправѣ заботился Московскій князь, выказывая себя усерднымъ ихъ слугою. Татары поддерживали его власть, не подозрѣвая, что этимъ готовятъ себѣ соперника, котораго руки современемъ „взыдутъ на ихъ плеча,“ по слову московскаго митрополита Петра. При такихъ обстоятельствахъ, новгородцы могли только тяжелою данью покупать свою независимость. Съ освобожденіемъ отъ татарскаго ига, при Іоаннѣ III, Москва уничтожила ихъ вѣче. Наиболѣе зажиточные изъ новгородцевъ переселены въ

Московскую область, всею ихъ землею стали управлять московскіе намѣстники и дьяки. Такъ новгородцы принуждены были признать московскаго великаго князя своимъ „государемъ“, чего, по словамъ новгородскаго лѣтописца, „отъ временъ Рюрика не бывало, такъ какъ Новгородъ жилъ на всей своей волѣ“. Разсказывая объ этомъ событіи, онъ замѣчаетъ, что не въ силахъ писать „отъ многой кручины“. Недружелюбіе въ Москвѣ высказывается въ новгородскихъ лѣтописяхъ и позднѣе, при описаніи дѣлъ Іоанна Грознаго, который, по одному ложному обвиненію въ измѣнѣ, подвергъ Новгородъ жесточайшимъ казнямъ. Съ другой стороны московскіе лѣтописцы съ презрѣніемъ называютъ новгородцевъ „мужиками, крамольниками и вѣчниками“. Рядомъ съ Новгородомъ существовала еще другая община, Псковъ, который, считаясь младшимъ братомъ Новгорода, подчинялся ему въ важнѣйшихъ дѣлахъ, но имѣлъ свое вѣче и вообще управлялся совершенно независимо. Псковскія лѣтописи разсказываютъ о дѣлахъ Пскова, о его борьбѣ съ сосѣдними нѣмцами, о его ссорахъ съ Новгородомъ. Псковское самоуправленіе уничтожено сыномъ Іоанна III-го, Василіемъ. Вѣчевой колоколъ снятъ, до 300 знатнѣйшихъ семей выселено изъ Пскова, въ городѣ посажены московскіе намѣстники и дьяки. Псковской лѣтописецъ такъ объ этомъ повѣтствуетъ: „тогда изчезла Псковская слава и нашъ городъ плѣненъ не иновѣрными, а своими единовѣрцами. Кто бы объ этомъ не плакалъ и не рыдалъ? О славный градъ Псковъ великій! о чемъ сѣтуешь и плачешь? И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать, не скорбѣть о своемъ запустѣніи? прилетѣлъ на меня многокрылатый

орелъ со львиными когтями и отнялъ у меня всю красоту и богатство, и чадъ моихъ похитилъ. Земля моя раззорена, люди плѣнены, торжища раскопаны, отцевъ и братьевъ развели, гдѣ не бивали отцы наши, дѣды и прадѣды, матерей и сестеръ нашихъ отдали въ поруганіе. Многіе въ городѣ постригались въ чернецы, а жены въ монахини, чтобы не идти въ плѣнъ изъ своего города. Нынѣ, братія устрашимся гнѣва Божія, чтобы не было еще худшей казни: не отставали мы отъ лихихъ дѣлъ и поклеповъ, много кричали на вѣчѣ, а голова не вѣдала, что говоритъ языкъ. Не умѣли мы устроить своего дому, а хотѣли управлять городомъ".

Вообще въ новгородскихъ и псковскихъ лѣтописяхъ мы, къ сожалѣнію, находимъ лишь краткія извѣстія о событіяхъ, о внутреннемъ управленіи этихъ городовъ и разсказано подробно лишь о плѣненіи ихъ московскими государями. Стремясь къ единовластію, московскіе великіе князья, конечно, не могли допустить особаго строя въ управленіи для Новгорода и Пскова, гдѣ какъ въ пограничныхъ областяхъ, имъ казалось наиболѣе необходимымъ утвердить свою власть. Эта московская власть, какъ мы замѣтили, ведетъ начало еще отъ суздальскихъ князей. Андрей Боголюбскій, утвердивъ свою столицу во Владимірѣ на Клязьмѣ, уже не думалъ искать кіевскаго престола, какъ отецъ его, Юрій Долгорукій, младшій сынъ Владиміра Мономаха. Андрей уже распоряжался самовластно, и былъ убитъ своими приближенными: Въ Ипатьевскомъ лѣтописномъ сборникѣ помѣщено подробное сказаніе, какъ нѣкоторые изъ дружины, не терпя его насилія, ворвалися ночью въ его покои и изрубили его мечами. Послѣ Андрея, братъ его, Все-

володъ Большое Гнѣздо (названный такъ по причинѣ большой семьи), дѣйствуя осторожно, расчетливо, умѣлъ еще болѣе усилить Суздальскую область. Сынъ Всеволода, Юрій II-ой, погибъ во время татарскаго нашествія. Объ этомъ событіи лѣтописи разсказываютъ очень живо. Вотъ какъ описано развореніе земли Суздальской. „Случилось великое зло въ Суздальской землѣ, какого отъ крещенія Руси не бывало. Татары, устроивъ свой станъ у города Владиміра, сами пошли, взяли Суздаль, разорили церковь Св. Богородицы, сожгли княжескій домъ и монастырь Св. Дмитрія и прочія разграбили; старыхъ монаховъ, монахинь, поповъ, слѣпыхъ, хромыхъ и больныхъ—всѣхъ избили, а молодыхъ монаховъ и монахинь, поповъ съ ихъ женами и дѣтьми отвели въ свой станъ и пошли къ Владиміру. Въ мясопустную субботу стали они строить лѣса и ставили стѣнобитныя орудія до вечера, а на ночь огородили тыномъ весь городъ Владиміръ. Въ мясопустную недѣлю послѣ заутрени они приступили къ городу—и былъ въ городѣ великій плачъ, а не радость за грѣхи наши и неправды, за умноженіе нашихъ беззаконій... Городъ взяли до обѣда, вошли по-примету отъ золотыхъ воротъ..... Епископъ Митрофанъ и княгиня Юрьева (жена Юрія) съ дочерью, со снохами и внучатами и прочія княгини, также какъ множество бояръ и всякаго народа затворились въ церкви Богородицы, и безъ милости были сожжены огнемъ.... Отворивъ дверь, татары добили еще живыхъ, разграбили церковь, ободрали чудную икону, украшенную золотомъ и серебромъ и драгоцѣнными каменьями; разорили они всѣ монастыри, ободрали честные кресты, священные со-

суды и книги, и забрали все платье первыхъ князей, которое они на память о себѣ повѣсили въ церквахъ".

После такого страшнаго погрома, князьямъ, что остались въ живыхъ, суждено было горькое рабство, и братъ Юрія II, Ярославъ, не одинъ разъ странствуетъ въ орду униженно вымаливать милости у хана. Въ то же время сынъ его, Александръ, правившій въ Новгородѣ, отличился своею удалью, разбилъ шведовъ на рѣкѣ Невѣ (за что и прозванъ Невскимъ) и ливонскихъ нѣмцевъ на Чудскомъ озерѣ (около 1240 года). Эти дѣла Александра Невскаго, особенно битва со шведами также прославлены въ лѣтописномъ сказаніи, гдѣ перечислены и подвиги самыхъ удалыхъ изъ новгородцевъ, которые его сопровождали *). Но и Александръ, послѣ смерти отца, идетъ въ орду кланяться хану и только смиреніемъ удается ему отклонить татарскую грозу. Баскаки, сборщики податей, свирѣпствуютъ по всей Россіи. Гордые новгородцы также принуждены платить дань, и самъ Александръ подвергаетъ жестокой казни тѣхъ изъ нихъ, которые были наиболѣе строптивы. Послѣ него начинаетъ уже возвышаться Москва, сначала небольшой удѣлъ, доставшійся младшему его сыну, Даніилу. Сыновья Даніила, Юрій и потомъ Іоаннъ Калита, происками и коварствомъ, богатыми дарами и раболѣпствомъ передъ ханомъ, добиваются великокняжескаго престола. Тутъ началась борьба московскихъ князей съ тверскими, потомками брата Александра Невскаго. Изъ нея видно,

*) Лѣтописныя сказанія о нашествіи Батыя, о дѣлахъ Александра Невскаго и Димитрія Донскаго изложены въ моей книгѣ: «Разсказы изъ русской исторіи, вып. I».

какъ въ томъ вѣкѣ огрубѣли нравы и одичало общество, если сравнить съ вѣкомъ Владиміра Мономаха. Одинъ себялюбивый разсчетъ руководилъ всѣми поступками; ужъ не было и слова о братской любви, о христіанской правдѣ, о чести. Князья вымышляли всякую ложь другъ на друга, чтобы снискать милость хана, подкупали его вельможъ, забирали себѣ чужія волости всякимъ лукавствомъ, равнодушно губили другъ друга. Наиболѣе выгодными качествами тогда стали: хитрая изворотливость, холодный разсудокъ, не поддающійся никакому чувству, хозяйская зоркость и распорядительность, умѣнье сберегать и пріобрѣтать, не упуская того, что плыветъ въ руки. Іоаннъ Калита отличался въ высшей степени этими качествами, и успѣлъ возвысить Московское княжество такъ, что внукъ его, Дмитрій Донской, уже рѣшился потягаться съ татарами, и въ 1380-мъ году одержалъ надъ Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ, знатную побѣду. Но эта побѣда еще не освободила Русь отъ татарскаго ига; Москва вновь раззорена была ханомъ Тохтамышемъ. Только при правнукѣ Донскаго, Іоаннѣ III-мъ, когда уже орда ослабла и распалась на части, русскіе перестали платить дань татарамъ. Между тѣмъ западная Русь, сосѣдняя съ Польшею, отошла къ Литвѣ. Литовцы, бывъ сначала незначительнымъ народомъ, при своихъ умныхъ князьяхъ, Гедиминѣ, Олгердѣ, и Витовтѣ, успѣли овладѣть всѣми землями отъ береговъ Западной Двины, отъ Полоцка, до самаго Кіева, и образовали государство, независимое отъ татаръ. Москва, усилившись, стала стремиться къ тому, чтобы возвратить эти земли, а такъ какъ Литва, при князѣ Ягеллѣ, соединилась съ Польшею, то московскіе князья необходимо вовлеклись въ безконечную борьбу

съ Польскимъ государствомъ. И такъ дѣло началось при Калитѣ хитрымъ разсчетливымъ исканіемъ личной выгоды; но какими бы средствами этотъ князь ни достигъ могущества, его власть охотно признавали многіе, потому что въ раздробленной, раззоренной Руси нигдѣ не было безопасности, и слабый естественно шелъ подъ защиту того, чья рука крѣпче оберегала свое добро. Такъ митрополитъ Петръ, обласканный Іоанномъ Калитою, переселился изъ Владиміра въ Москву, и съ тѣхъ поръ духовенство усердно стоитъ за московскихъ князей, громитъ страшными церковными проклятіями тѣхъ, кто осмѣлился имъ не повиноваться. Народъ, изнывавшій въ рабствѣ, видѣлъ, что въ Твери, въ Рязани и въ другихъ княжествахъ онъ подвергался большимъ раззореніямъ, чѣмъ въ московской области; оставалось покоряться, чтобы не накликать себѣ разомъ двухъ враговъ: татарскаго хана и московскаго князя. При Калитѣ, конечно, еще очень сильна была сторона, глядѣвшая недружелюбно на Москву, какъ на вѣрную союзницу татаръ, но чуть московскіе князья высказали свою силу въ борьбѣ съ врагами, число ихъ сторонниковъ значительно увеличилось. Теперь вся ихъ сила основывалась на этой необходимости собрать раздробленную Русь, дать отпоръ татарамъ, возвратить и отъ Литвы наслѣдье Владиміра І-го. Все, что мѣшало успѣху этого главнаго дѣла, приходилось уничтожать: насильственно отнимались княжества, которыми изстари владѣли по наслѣдству потомки Владиміра; утвердился другой порядокъ престолонаслѣдія, по которому на великокняжескій престолъ вступалъ уже сынъ, а не старшій въ родѣ. Такъ по немногу власть сосредоточивалась въ рукахъ одного, и исчезли прежніе распри за

удѣлы. Уже послѣ того, какъ самими татарскими ханами признана была личность одного великаго князя, всѣ имѣли съ нимъ однимъ дѣло: или возлагая надежду на его защиту, или покоряясь ему изъ страха. Онъ являлся полновластнымъ представителемъ ханскаго могущества, и само духовенство проповѣдывало покорность этой власти хана и великаго князя. Но вотъ, при усиленіи Москвы, Св. Сергій благословляетъ Дмитрія Донскаго на борьбу съ татарами; при Іоаннѣ III-мъ, Вассіанъ, въ краснорѣчивомъ посланіи, требуетъ, чтобы князь шелъ «противъ окаянныхъ сыроядцевъ» а «отъ вынужденной клятвы можно разрѣшить» — пишетъ онъ, намекая на старинное освященіе ханской власти, которое теряло силу съ измѣнившимися обстоятельствами. Понятно, что теперь покорялись московскому владыкѣ, какъ прежде привыкли покоряться хану, и чѣмъ болѣе онъ бралъ на себя дѣла, какъ собиратель и защитникъ земли, тѣмъ неограниченнѣе было его господство. Іоаннъ III-й, слѣдуя тѣмъ же правиламъ хитрой разсчетливости и осторожности, какія руководили его предковъ, умѣлъ окончить съ успѣхомъ всѣ свои предпріятія: Тверь, Рязань, Новгородъ потеряли при немъ остатки прежней областной самостоятельности; ханъ Ахматъ безъ битвы бѣжалъ отъ предѣловъ Россіи; надъ литовцами также одержана побѣда; своимъ бракомъ съ Софіею Палеологъ, которая происходила отъ древнихъ византійскихъ императоровъ, Іоаннъ еще болѣе возвысилъ свою власть, являясь въ глазахъ народа, какъ наслѣдникъ тѣхъ греческихъ владыкъ, отъ которыхъ Русь когда то приняла христіанство. Софія завела при московскомъ дворѣ небывалую пышность и важность, и лѣтописцы отзываются не совсѣмъ друже-

любно о ея недоступномъ, властительномъ характерѣ: когда, по извѣстію лѣтописи, она со своею свитою уходила, для безопасности отъ татаръ, на Бѣлоозеро, то землямъ, лежавшимъ на ея пути, пришлось терпѣть отъ ея бояръ и холоповъ больше, чѣмъ отъ татарскихъ баскаковъ. Но Іоаннъ III-й еще слѣдовалъ старому обычаю совѣтоваться во всѣхъ дѣлахъ со своими боярами; сынъ его, Василій, уже рѣшалъ все одной своею волею, или со своими дьяками, какъ говоритъ лѣтопись, „самъ третей у постели".

Изъ предъидущаго видно, что и лѣтописи въ московскомъ государствѣ имѣютъ совсѣмъ особый характеръ. Въ нихъ выступаетъ на видъ одно лице московскаго князя, какъ неограниченнаго государя. Въ Москвѣ сосредоточивается свѣтская и духовная власть, и духовенство, рядомъ съ дѣлами великаго князя, возвеличиваетъ и московскихъ пастырей церкви, заявляетъ о своемъ участіи въ дѣлахъ, наполняя лѣтопись множествомъ поученій и изображая самихъ князей, преимущественно какъ вѣрныхъ поборниковъ религіи. Такъ въ „Царственной книгѣ", составленной при Іоаннѣ Грозномъ, подробно описаны: болѣзнь и смерть отца его, Василія, смуты, происходившія въ малолѣтство Грознаго, страшный московскій пожаръ, послѣ котораго Іоаннъ Грозный отъ праздныхъ и жестокихъ потѣхъ обратился къ дѣламъ управленія и избралъ себѣ умныхъ совѣтниковъ, Сильвестра и Адашева, распоряженія царя во время казанскаго похода и взятіе этого города, придворныя смуты, какія было начались послѣ того во время болѣзни Іоанна, когда многіе изъ бояръ не хотѣли присягать его малолѣтнему сыну, а радѣли его двоюродному брату, Владиміру Андреевичу,

*

и проч. *). Впрочемъ при московскомъ дворѣ были также приверженцы разныхъ сторонъ, смотря потому, какія стороны боролись между собою. Такъ Іоаннъ Грозный жестоко казнилъ бояръ, видя въ нихъ противниковъ своей власти, но долгое время бояре при немъ господствовали и сторону ихъ держали Сильверстъ и Адашевъ, которымъ царь сначала во всемъ покорялся. Понятно, что въ извѣстіяхъ, записанныхъ сторонниками Сильвестра и бояръ, съ большею откровенностью выставлены жестокости Грознаго и всѣ слабыя стороны его характера. Послѣ него правилъ государствомъ Борисъ Годуновъ, возвысившійся изъ ничтожества: Борисъ имѣлъ своихъ приверженцевъ, съ помощью которыхъ и достигъ власти, и также множество враговъ изъ бояръ и изъ народа: по сказаніямъ послѣднихъ, ему приписаны всевозможныя злодѣйства. Точно также лѣтописныя извѣстія о первомъ самозванцѣ представляютъ его, какъ измѣнника и обманщика, потому что идутъ частію отъ приверженцевъ Бориса, частію отъ сторонниковъ Василія Шуйскаго: съ Борисомъ самозванецъ началъ борьбу и, достигнувъ московскаго престола, скоро погибъ во время смуты, поднятой противъ него Василіемъ Шуйскимъ. Въ лѣтописяхъ, восхваляющихъ дѣла Іоанна III, Василія, Іоанна Грознаго, всего замѣтнѣе выступаетъ цѣль: указать и оправдать права московскихъ князей на нераздѣльное владѣніе всею Русью. Таковъ, напримѣръ, лѣтописный сборникъ временъ Грознаго: „Степенная книга“. „Степенная» эта лѣтопись названа потому, что въ ней представ-

*) Всѣ эти событія изложены по „Царственной книгѣ“ въ сочиненіи „Разсказы изъ Рус. Ист., в. II“.

лено *семнадцать степеней* или поколѣній царскаго рода, начиная съ Владиміра I. Значитъ, цѣль сочинителя показать, какъ родъ московскихъ князей произошелъ отъ первыхъ правителей Россіи. Но этого еще не довольно Придумано сказаніе, будто апостолъ Андрей, посѣтивъ Россію еще до Рюрика, близъ Новгорода, въ селѣ Друзинѣ, водрузилъ свой жезлъ, означая тѣмъ *священное чиноначаліе* и *самодержавное царское скипетроправленіе*, которое впослѣдствіи должно было утвердиться на Москвѣ. Родъ Іоанна Грознаго идетъ отъ Рюрика, а самъ Рюрикъ будто бы происходилъ отъ небывалаго Пруса, брата римскаго императора, Августа. Въ то время и у нѣмцевъ особенно величались происхожденіемъ отъ Августа, правившаго всею Римскою Имперіею во время Рождества Христова. Степени или поколѣнія считаются однако съ Владиміра I, потому что это былъ первый христіанскій князь, и разсказывали, будто онъ уже носилъ царскій титулъ, принятый имъ отъ греческаго императора вмѣстѣ съ крещеніемъ. Но извѣстно, что Іоаннъ Грозный первый задумалъ вѣнчаться на царство по образцу греческихъ императоровъ. Въ Степенной книгѣ и всѣ предки Грознаго названы *Самодержателями*. Рѣчь въ этой лѣтописи довольно искусственная, напыщенная, и здѣсь уже мы видимъ, какъ книжнымъ, византійскимъ краснорѣчіемъ исказился простой языкъ старыхъ лѣтописей. Приведемъ въ примѣръ хоть описаніе московскаго пожара: „Во утріе же, грѣхъ ради нашихъ, во осмый же часъ дни, отъ тыя церкви Воздвиженія загорѣся, и оттуда разыдеся огнь на многіе улицы, Богу же тако попустившу, яко абіе бысть тогда и буря зѣльна, ею же великія древеса и забрала крѣпкія (заборы, стѣны)

и храмы многіе отъ самыя земли и съ основанія яростно востергахуся и на высоту яко плевелы развѣваемы и всюду разметаеми, пламы же зѣльнаго (сильнаго) огня яко великія горы до облакъ изимахуся и всюду яко тучненосныя облаки особь ношахуся, и вездѣ яко молнія разливахуся, и многіе домы и святыя церкви немилостивно пожигая". Болѣе всего многословія замѣчаемъ тамъ, гдѣ сочинитель прославляетъ родъ князей московскихъ или московскихъ пастырей церкви. Такъ, объясняя самое названіе Степенной книги, онъ говоритъ: „Книга Степенная царскаго родословія, иже въ Рустѣй земли въ благочестіи просіявшихъ Богоутвержденныхъ Скипетродержателей, иже бяху отъ Бога яко райская древеса насаждени при исходящихъ водъ и правовѣріемъ напаяеми, благоразуміемъ же и благодатію возращаеми и Божественною славою осіяваеми явишася, яко садъ доброрастенъ и красенъ листвіемъ и благоцвѣтущъ, многоплоденъ же и зрѣлъ, и благоуханія исполненъ, великъ же и высоковерхъ, и многочаднымъ благородіемъ, яко свѣтило зрачными вѣтвьми разширяемъ, богоугодными же добродѣтельми преспѣваемъ, многи отъ корени и отъ вѣтвей многообразными подвиги, яко златыми степеньми, на небо восходную лѣствицу непоколеблено водрузиша, по ней же невозбраненъ къ Богу восходъ утвердиша, себѣ же и сущимъ по нихъ".

Съ этой неограниченной властью, которую такъ старались освятить и возвеличить московскія лѣтописи, во многомъ измѣнился и старый порядокъ управленія. Прежніе князья во всемъ совѣтовались со своею дружиною; теперь московскій государь держится правила, чтобы все исходило отъ одной его воли. Приверженцы москов-

скаго единовластія простирали свое усердіе до того, что даже говорили Грозному: „Не имѣй у себя ни одного совѣтника умнѣе себя; если будешь имѣть умнаго совѣтника, то поневолѣ станешь ему покоряться.“ Іоаннъ Грозный, всюду опасаясь измѣны, устроиваетъ опричину, отдѣливъ со всего государства людей, которые безпрекословно исполняли бы каждое его слово и безпощадно карали бы всякаго, въ чемъ либо непокорнаго его власти. При такомъ порядкѣ, и общинныя учрежденія, имѣвшія свою силу въ Новгородѣ и Псковѣ, должны были пасть. Народное вѣче, первоначально существовавшее и въ Суздальской области, не могло возвышать голоса во время владычества татаръ; на Москвѣ „вѣчникъ“ уже стало означать то же, что „крамольникъ“. Вмѣсто прежнихъ выбираемыхъ народомъ судей и старщинъ, въ Московскомъ государствѣ вездѣ управляли намѣстники и дьяки, получавшіе области на прокормленіе. Однако въ первую половину правленія Грознаго, старинная общинная жизнь начала было развиваться съ новою силою. Задумывая борьбу съ боярами, Іоаннъ хотѣлъ опираться на народъ и созываетъ Земскую думу, выборныхъ со всего государства, передъ которыми высказываетъ свои намѣренія. Земскіе сборы, въ которыхъ участвовали всѣ сословія, не рѣдко устроивали и впослѣдствіи, но они скорѣе подтверждали готовыя рѣшенія, чѣмъ что нибудь рѣшали. Важнѣе было право, данное при Іоаннѣ Грозномъ нѣкоторымъ областямъ управляться безъ намѣстниковъ черезъ выборныхъ судей, которые собирали подати въ казну и чинили расправу. Тутъ народъ, за извѣстную сумму, покупалъ право самоуправленія. Въ Никоновской лѣтописи объ этомъ такъ говорит-

ся: „По сіе время бояре, князья и дѣти боярскіе сидѣли по городамъ и волостямъ для расправы людямъ и всякаго земскаго устроенія, себѣ же для покоя и прокормленія. Но вошло въ слухъ благочестиваго государя, что намѣстники и волостели многіе города и волости пусты учинили, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, и много злокозненныхъ дѣлъ сотворили, были не пастыри и учители, а гонители и разворители. Мужики этихъ городовъ и волостей также отплатили многимъ коварствомъ и убійствомъ ихъ людямъ, и когда намѣстники и волостели съѣдутъ съ кормленій, то мужики отыскиваютъ своего многими исками, и много происходитъ кровопролитія. Тогда повелѣлъ государь опредѣлить въ городахъ и волостяхъ старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и положить заповѣдь страшнымъ, грознымъ запрещеніемъ, чтобы имъ судить разбой, воровство и всякія дѣла безъ вражды, безъ всякой мзды и лживаго послушества, а кого найдутъ между собою лихаго, такихъ предавать казни.“ Въ грамотахъ, по которымъ давалось народу право избирать этихъ старостъ, сотскихъ, и проч. прямо сказано: „Крестьяне выберутъ *всею землею*, кого между собою *излюбятъ*,—людей, которые не причиняли бы обидъ, продажъ и убытковъ, судили бы ихъ по правдѣ, безпосульно и безволокитно, и умѣли бы за намѣстничій доходъ собрать оброкъ и привезти на срокъ къ нашей казнѣ безъ недобору“.

Въ этихъ учрежденіяхъ нельзя не видѣть нѣкотораго вліянія новгородскихъ обычаевъ на Московское государство, потому что многіе изъ бояръ, имѣвшихъ силу въ началѣ правленія Грознаго, и самъ всевластный Сильвестръ были новгородскаго происхожденія.

Мы видимъ, что кромѣ лѣтописей важнымъ источникомъ для исторіи служатъ грамоты, которыхъ огромное число доходитъ до насъ, особенно со временъ Грознаго. По нимъ мы узнаемъ о многихъ дѣлахъ управленія въ Московскомъ государствѣ. Что касается лѣтописанія, то на Москвѣ, нося тотъ же характеръ государственнаго единства, оно еще скорѣе, чѣмъ въ древней Руси, принимаетъ видъ сборниковъ, какъ это мы видѣли въ Степенной книгѣ. Въ этихъ лѣтописныхъ сборникахъ сведены вмѣстѣ событія отъ самыхъ древнихъ временъ; но, разумѣется, нечего искать ни исторической точности, ни строгой послѣдовательности въ изложеніи. Лучшимъ изъ нихъ служитъ такъ называемая Никоновская лѣтопись, о которой мы уже упоминали выше: составитель ея имѣлъ въ рукахъ лѣтописи, теперь для насъ потерянныя; въ ней между прочимъ съ большою обстоятельностію изложены событія XVI и XVII-го вѣка. Въ Московскомъ государствѣ, особенно къ концу XVII-го вѣка, начинаютъ появляться *записки современниковъ, мемуары*. Образецъ такихъ записокъ мы видимъ и въ XVI-мъ вѣкѣ, въ Сказаніяхъ Курбскаго. Но здѣсь мы упомянемъ о запискахъ Авраамія Палицына, имѣющихъ болѣе лѣтописный характеръ. Авраамій разсказываетъ о дѣлахъ смутнаго времени, особенно объ осадѣ Троицко-Сергіевской лавры поляками. При всей искуственности слога мы находимъ у него и любопытныя подробности. Вотъ какъ онъ описываетъ современное ему раззореніе Россіи: „И примѣнишася тогда жилища человѣческая на звѣрская: дивіи бо не кроткое естество, медвѣди и волки и лисицы и зайцы на градская и пространная мѣста пришедше, такоже и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицый пищи на трупѣ

человѣческомъ, вселишася, и звѣри и птицы малыя въ плавахъ и въ трупѣхъ человѣческихъ гнѣзда содѣяша; горы бо могилъ тогда явишася побѣдныхъ по правдѣ ратовавшихся, ихъ же не лѣть изрещи подробну, но мало токмо помянути, яже быша велицыи бои на прошествіи отъ Тулы въ Калугу и подъ Кромами и на Ворнсѣ подъ Коширою и подъ Орломъ и подъ Нижнимъ Новымъ-Градомъ".

Сказанія Курбскаго. Его переписка съ Іоанномъ Грознымъ.

Послѣ того какъ власть сосредоточилась въ лицѣ одного московскаго князя, всякая другая сила, рядомъ съ великокняжескою, поневолѣ уступала мѣсто этой господствующей силѣ: великіе московскіе князья ревниво охраняли свое первенство, которое пріобрѣли долгимъ трудомъ хитраго служенія татарамъ и потомъ долгой съ ними борьбою. Теперь, казалось, великій ханъ Золотой орды, къ владычеству котораго уже привыкли русскіе, передалъ свою власть великому московскому князю. И дѣйствительно, цѣлыя толпы татаръ съ ихъ князьями и мурзами, приходили на службу въ Москву, и московскій владыка гордился ихъ службою, съ почетомъ принималъ ихъ, давалъ имъ земли, жалованье и многія льготы; уже цѣлые отряды татаръ являются въ войскѣ Іоанна III-го. Это обстоятельство не могло не имѣть вліянія на московскіе обычаи, какъ мы узнаемъ и изъ народныхъ пѣсенъ времени Грознаго. Съ другой стороны, сюда присоединились старыя византійскія преданія, по которымъ свѣтская власть шла рука объ руку съ духовною, оказывала ей всякое

покровительство и сама пользовалась ея поддержкою. Изъ византійскихъ лѣтописей и поученій, которыхъ отрывки находимъ въ сборникахъ, наши грамотѣи узнавали, какъ правили когда-то римскіе и греческіе императоры, по своей волѣ казня и милуя, кого хотѣли, какъ въ Византіи; духовенство освящало это господство, слѣдуя извѣстному изреченію: „нѣсть власти, аще не отъ Бога". Греческая царевна, Софія, ставши супругою Іоанна III-го, начала устраивать по византійскому образцу и обычаи московскаго двора. И только что при Василіи, сынѣ Іоанна III, вполнѣ установилась эта неограниченная власть московскаго государя, какъ послѣ его смерти, въ малолѣтство Грознаго, она, казалось, должна была поколебаться. Государствомъ управляли бояре, еще сохранявшіе память о своихъ прежнихъ правахъ, отчасти какъ потомки удѣльныхъ князей, по своему происхожденію знатные не менѣе московскаго государя, отчасти какъ люди, происходившіе отъ старинной, вольной княжеской дружины. Шуйскіе распоряжались самовластно, пользуясь государевой казною, какъ своею собственной, небрежно и грубо обходились съ маленькимъ Іоанномъ, часто забывали кормить его: при ссорахъ ихъ съ другими боярами, не разъ во дворцѣ слышалась крупная брань, затѣвались драки, и царь дрожалъ за жизнь свою. Другіе бояре, чтобы расположить ребенка къ себѣ, потакали всѣмъ его прихотямъ: Іоаннъ тѣшился тѣмъ, что сбрасывалъ съ высоты собакъ и кошекъ. Тутъ высказывались только грубые татарскіе обычаи, перешедшіе въ московскую жизнь. Но вотъ царь выросъ и нашелъ совѣтниковъ, которые его надоумили, какъ избавиться отъ своихъ тяжелыхъ опекуновъ: нѣсколько казней навели на бояръ прежній

страхъ. Молодой Іоаннъ чувствуетъ силу руки своей, тѣшится своимъ могуществомъ, предаваясь самому буйному разгулу. Вдругъ страшный пожаръ въ его глазахъ опустошаетъ всю Москву, самый Кремль и все его царское добро, скопленное вѣками. Народъ возмутился, называетъ виновниками бѣды его родственниковъ Глинскихъ и начинаетъ разыскивать и убивать ихъ. По словамъ царя, трепетъ проникъ въ его кости, и онъ готовъ былъ покориться совѣту каждаго, кто бы помогъ ему въ трудномъ дѣлѣ. Такимъ совѣтникомъ явился священникъ Сильвестръ, родомъ изъ Новгорода: онъ соединился съ однимъ изъ незнатныхъ дворянъ, Адашевымъ, и оба стали править государствомъ. Іоаннъ тѣмъ охотнѣе ихъ во всемъ слушался, что они были незначительные люди, не изъ боярскаго сословія, которое съ дѣтства стало ему ненавистнымъ. Въ правленіе Сильвестра и Адашева, дѣйствительно, сдѣлано было много хорошаго: это время можно назвать самымъ счастливымъ въ царствованіи Грознаго. Тогда ограничена власть намѣстниковъ, устроенъ лучшій порядокъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, изданъ Стоглавъ,—правила церковнаго благоустройства, и Судебникъ—новое собраніе законовъ. Тогда одержано нѣсколько знатныхъ побѣдъ надъ крымскими татарами и, съ помощью иноземнаго, европейскаго искуства, завоеваны городъ Казань и все Казанское и Астраханское царство до устьевъ Волги. Сильвестръ дѣйствовалъ искусно, стараясь ради своей и общей пользы утвердить свое господство. Онъ пугалъ царя грозными видѣніями, заставляя его каяться въ грѣхахъ, долгіе часы стоять на молитвѣ, поститься, соблюдать во всемъ чинность, строгій порядокъ (Іоаннъ разсказываетъ, что у него осталась

даже боль въ пояснидѣ отъ этого послушанія), а между тѣмъ раздавалъ деревни и волости своимъ приверженцамъ, составлялъ около себя сильный кружокъ изъ тѣхъ же знатныхъ бояръ, выбирая только болѣе способныхъ и разумныхъ. Іоаннъ скоро почувствовалъ надъ собою гнетъ этихъ совѣтниковъ и, послѣ взятія Казани, началъ дѣйствовать смѣлѣе. Побѣда надъ врагами, которые когда-то владѣли всею Русью, много возвысила его въ глазахъ народа, и онъ уже не боялся вновь выказать свою силу. Во многихъ людяхъ изъ духовенства, въ старыхъ грамотныхъ дьякахъ, онъ находилъ совсѣмъ другихъ совѣтниковъ, которые толковали ему, какъ властенъ былъ отецъ его, Василій; да и родственники первой его жены, Анастасіи, Захарьины, возбуждали его противъ Сильвестра. Одинъ изъ монаховъ Кириллова монастыря, Вассіанъ Топорковъ, такъ шепталъ ему въ ухо: „Если хочешь править по всей своей волѣ, то не держи у себя ни одного совѣтника мудрѣе себя; будешь держать мудрыхъ совѣтниковъ, то поневолѣ станешь имъ покоряться“. Наконецъ, воспользовавшись смертью жены своей, Іоаннъ обвинилъ Сильвестра и Адашева въ чародѣйствѣ (по тогдашнимъ суевѣрнымъ понятіямъ, всякій недоброхотъ могъ причинить смерть своими чарами). Сильвестръ и Адашевъ умерли въ изгнаніи, но оставались еще толпы ихъ приверженцевъ, которые, хотя и молчали, казались царю подозрительными. Казнить ихъ вдругъ царь не рѣшался. Онъ совсѣмъ измѣнилъ свой образъ жизни: послѣ долгаго воздержанія, вновь отдался своимъ страстямъ, пировалъ, гулялъ съ новыми совѣтниками, и между тѣмъ прибиралъ себѣ приверженцевъ. Уже начались опалы, многіе ждали грозы,

и одинъ изъ друзей Сильвестра, знатный бояринъ, Курбскій, поспѣшилъ уйти въ Польшу. Тогда царь болѣе не медлилъ. Собравъ всѣхъ людей, на которыхъ разсчитывалъ, онъ въ 1565 году уѣхалъ въ Александровскую слободу, какъ будто отказываясь отъ царства. Духовенство, бояре и народъ стали умолять его возвратиться: онъ возвратился съ условіемъ, чтобы никто не былъ ему помѣхою, когда онъ захочетъ казнить людей, которыхъ считалъ измѣнниками. Онъ устроилъ Опричнину, отдѣливъ въ нее всѣхъ безотвѣтно покорныхъ слугъ своей власти, и сталъ съ ними разыскивать измѣну. Тогда начались ужасныя казни,—кровопролитіе, какое изрѣдка совершалось развѣ только въ татарской землѣ, при завоевателяхъ, подобныхъ Тамерлану. Чѣмъ болѣе казнилъ Грозный, тѣмъ подозрительнѣе становился, и наконецъ страхъ за свою власть обратился у него въ ненасытную жажду крови. Это уже была жестокость, которой нельзя ничѣмъ объяснить, кромѣ болѣзни, такъ какъ въ припадкѣ гнѣва онъ убилъ и своего любимаго сына.

Всѣ знатные бояре, друзья Сильвестра, одинъ за другимъ погибли: удалось спастись только Курбскому. Курбскій, одинъ изъ самыхъ умныхъ бояръ, прославился своей храбростью въ битвахъ съ татарами, много содѣйствовалъ взятію Казани и потомъ удачно велъ дѣла въ Ливонской войнѣ, пока въ битвѣ подъ Невлемъ не былъ побѣжденъ поляками. Тутъ, узнавъ, что Іоаннъ на него разгнѣвался, онъ ушелъ въ Польшу и получилъ помѣстья въ Литвѣ отъ польскаго короля Сигизмунда. По старымъ понятіямъ дружины, это считалось дѣломъ обыкновеннымъ: удалецъ, недовольный однимъ княземъ, переходилъ на службу къ другому; московскіе князья также прини-

мали къ себѣ выходцевъ изъ Литвы. Но теперь обстоятельства измѣнились: на Руси уже не было независимыхъ княженій, а Литва принадлежала враждебной Польшѣ. Курбскій не могъ не чувствовать себя на чужбинѣ, и чтобы чѣмъ нибудь утѣшить себя въ изгнаніи, онъ сталъ усердно поддерживать на Литвѣ православіе, которое тѣснили котолическіе попы, іезуиты. Въ своихъ письмахъ къ разнымъ знатнымъ владѣльцамъ изъ русскихъ, въ Литвѣ и на Волыни, онъ совѣтуетъ беречься хитрыхъ іезуитскихъ доводовъ, не вступать въ споры съ католиками, потому что, пишетъ онъ, русскіе церковники не искусны и не образованы: „Еще въ Русской землѣ слышалъ я, какъ глупые люди смущаютъ трудолюбивыхъ юношей глупыми толками: „не читай, дескать, книгъ — вотъ такой-то отъ книгъ съума сошелъ, а тотъ впалъ въ ересь!"... А у насъ и десятой части священныхъ книгъ не переведено, по нашей лѣности и нерадѣнію, потому что мнимые учители нынѣшняго вѣка больше упражняются въ болгарскихъ басняхъ, или въ бабьихъ бредняхъ, читаютъ ихъ и хвалятъ, чѣмъ наслаждаются разумомъ великихъ учителей". Курбскій, будучи другомъ Максима Грека, хорошо понималъ пользу ученія хоть и для одной религіозной цѣли, то есть, для того, чтобы понимать священныя книги. Наши предки другаго, кромѣ религіознаго образованія, и не имѣли; но изъ словъ Курбскаго видно, что они и въ этомъ дѣлѣ были довольно слабы. Подъ великими учителями Курбскій разумѣетъ извѣстныхъ византійскихъ писателей: Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, и другихъ. Онъ самъ на старости лѣтъ задумалъ переводить ихъ съ латынскаго перевода и для этого сталъ учиться латынскому

языку. Курбскій, конечно, не много успѣлъ сдѣлать, но любопытно въ немъ видѣть приверженца той западно-русской науки, которая потомъ, въ 17-мъ вѣкѣ, проникла и въ Москву. Самое замѣчательное изъ его сочиненій: „Исторія князя великаго московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима“. Это сочиненіе раздѣляется на 9 главъ: въ первой Курбскій говоритъ о юности Іоанна, о его дурномъ воспитаніи; во второй описываетъ покореніе Казани, въ третьей разсказываетъ о бесѣдѣ царя съ Вассіаномъ Топорковымъ и о дѣлахъ крымскихъ, въ четвертой—о своихъ походахъ и побѣдахъ въ Ливоніи; пятая изображаетъ, какъ удалены отъ двора и осуждены Сильвестръ и Адашевъ и какъ послѣ того измѣнилась жизнь Іоанна; въ слѣдующихъ главахъ описаны казни: въ шестой—избіеніе княжескихъ родовъ, въ седьмой—истребленіе родовъ боярскихъ и дворянскихъ, въ осьмой — казни, совершенныя надъ духовными лицами; въ девятой главѣ Курбскій сравниваетъ Іоанна съ другими мучителями. Исторія Курбскаго принадлежитъ къ тому разряду сочиненій, которыя мы называемъ *мемуарами*, или *записками современниковъ*. Въ нихъ сочинитель разсказываетъ о томъ, что самъ видѣлъ или слышалъ, — описываетъ событія, въ которыхъ принималъ живое участіе, или которыя почему либо живо затронули его душу. Отъ лѣтописи мемуары отличаются вообще болѣе связнымъ разсказомъ, многими занимательными подробностями, какія можетъ передать только очевидецъ или участникъ событія, живымъ чувствомъ, какое онъ высказываетъ, сообщая о дѣлѣ, ему близкомъ, и тѣмъ, что мы видимъ здѣсь попытку обсуживать событія хотя и по своему

личному взгляду. Мемуары являются, когда въ обществѣ уже есть довольно людей грамотныхъ и между свѣтскими лицами, которые сами дѣйствуютъ и записываютъ свои дѣла, а не только, какъ монахи, издали наблюдаютъ события. Все-таки мемуары еще не составляютъ исторіи, а служатъ только историческимъ матеріаломъ. Смотря по образованію вѣка, въ нихъ мы можемъ встрѣтить еще много суевѣрій и предразсудковъ: такъ Курбскій вѣритъ, что, во время Казанской осады, татарскіе кудесники могли, махая одеждами и произнося сатанинскія слова, насылать дождь на русское войско. Притомъ въ мемуарахъ сужденія сочинителя не рѣдко бываютъ пристрастны, или односторонни, потому что онъ судитъ обо всемъ по своей личной пріязни, или непріязни къ разнымъ лицамъ, держится той или другой стороны, смотря потому, къ какому сословію, къ какому кружку людей принадлежитъ онъ, и умалчиваетъ о многомъ такомъ, что служитъ ко вреду его единомышленникамъ. Исторія же требуетъ не только связнаго и полнаго разсказа о событіяхъ, но и совершенно безпристрастнаго и вѣрнаго ихъ изложенія. Курбскій передаетъ все, что онъ видѣлъ, довольно правдиво: его разсказы о жестокостяхъ Грознаго также согласны съ тѣмъ, что передаютъ наши лѣтописи и бывшіе тогда въ Россіи иностранцы. Іоаннъ, при всей своей лютости, соблюдалъ обряды благочестія. Имена казненныхъ онъ приказывалъ вписывать въ синодики, — въ списки, которые отправлялись по монастырямъ для поминовенія, и здѣсь не рѣдко мы находимъ такія указанія: „Помяни, Господи, 20, 60, 100 человѣкъ убіенныхъ, а имена ихъ ты, Господи, вѣси“. Но Курбскій уже съ излишнимъ усердіемъ восхваляетъ Сильвестра и Адаше-

ва, представляя ихъ святыми людьми и непорочными ангелами, и въ боярахъ, казненныхъ Іоанномъ, видитъ всевозможныя совершенства. Такимъ образомъ, держась боярской стороны, онъ не договариваетъ многаго и не объясняетъ намъ, какъ произошла такая крутая перемѣна въ царѣ, который прежде, казалось, склоненъ былъ ко всякой милости. Онъ, напримѣръ, умалчиваетъ о томъ, что послѣ казанскаго похода, во время болѣзни Іоанна, бояре вмѣстѣ съ Сильвестромъ не хотѣли присягать его малолѣтнему сыну, а разсчитывали возвести на престолъ его двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича; объ обхожденіи Сильвестра съ Іоанномъ есть только немногіе намеки, что „Сильвестръ спасалъ царя, подобно врачу, который исцѣляетъ больнаго, отрѣзывая зараженный членъ“, и проч. О томъ, что могло быть и дурнаго въ управленіи Сильвестра, мы совсѣмъ не знаемъ, и намъ не объяснено, какъ, имѣя такую громадную силу, онъ не могъ удержать власти. Но познакомимъ нѣсколько съ самымъ содержаніемъ сказаній Курбскаго.

О дѣтствѣ и воспитаніи Іоанна Курбскій говоритъ слѣдующее: „Воспитывали его великіе, гордые бояре на свою и дѣтей своихъ бѣду“: они соперничали другъ съ другомъ, лаская всякой его страсти и угождая ему во всякомъ наслажденіи“. Курбскій разсказываетъ, какъ Іоаннъ прежде всего началъ проливать кровь безсловесныхъ животныхъ, а потомъ, выросши, собиралъ сродниковъ названныхъ бояръ, скакалъ съ ними на коняхъ по улицамъ и рынкамъ, билъ и грабилъ простыхъ людей. „А ласкатели все это восхваляли на свою бѣду, говоря „О храбръ будетъ этотъ царь и мужественъ!“ Но вотъ послѣ московскаго пожара дѣла измѣнились; Сильверстъ

укрощаетъ строптивый нравъ Іоанна. „Началъ онъ, замѣчаетъ Курбскій, разсказывать царю о чудесахъ, о видѣніяхъ, чтобы напугать его и подѣйствовать на его дѣтскій, неистовый нравъ. Придумалъ онъ это, подобно отцамъ, которые велятъ своимъ слугамъ ужасать своихъ дѣтей мечтальными страхами и тѣмъ удерживаютъ ихъ отъ злыхъ забавъ". Не объясняя, могло ли быть прочно исправленіе съ помощью этого „добраго обмана", какъ выражается Курбскій, онъ съ горячимъ чувствомъ восхваляетъ дѣла Сильверста и Адашева. „Что же полезнаго эти два мужа дѣлаютъ для земли своей, вирямъ опустошенной и постигнутой горькою бѣдою? Они утверждаютъ царя, и какого царя? юнаго, воспитаннаго безъ отца въ злыхъ страстяхъ и въ самовольствѣ, лютаго выше мѣры.... А важнѣе всего то, что они и прежнихъ злыхъ его доброхотовъ или отдѣляютъ отъ него, или обуздываютъ. Названный нами священникъ учитъ его молитвамъ, посту и воздержанію и отгоняетъ отъ него всѣхъ свирѣпыхъ звѣрей, то есть, ласкателей, человѣкоугодниковъ, которые хуже смертоносной язвы въ царствѣ". Вмѣсто нихъ составленъ „избранный совѣтъ изъ разумныхъ мужей, искусныхъ и въ военномъ, и въ земскомъ дѣлѣ". Казанскій походъ и самая осада города, въ которыхъ Курбскій принималъ дѣятельное участіе, описаны имъ съ особенною подробностью. Онъ не пропускаетъ ни одного обстоятельства, которое можетъ послужить къ прославленію его друзей, каковы были бояре Михайло Воротынскій, Александръ Горбатый-Шуйскій и другіе, разсказываетъ и о своихъ подвигахъ *). Описывая всѣ

*) Подробныя выписки изъ Курбскаго можно найти въ моей книгѣ: «Разсказы изъ русской исторіи», вып. II.

трудности похода, онъ между прочимъ говоритъ: „Пять недѣль терпѣли мы голодъ и великую нужду, пока не достигли рѣки Суры, куда пришелъ и царь со всѣмъ войскомъ, и тутъ, съ благодарностью и со многою сладостью, наѣлись мы сухаго хлѣба, покупая его за дорогую цѣну, или доставая отъ сродниковъ и друзей.... А о мальвазіи да о другихъ любимыхъ напиткахъ съ разнымъ пирожнымъ тамъ уже не вспоминай!... Черемисскій хлѣбъ казался намъ слаще дорогихъ калачей, потому что вмѣстѣ съ царемъ своимъ трудились мы для отечества, и, соревнуя другъ передъ другомъ въ добрыхъ подвигахъ, не чувствовали никакой нужды". Но о трудахъ царя въ разсказѣ Курбскаго собственно нѣтъ ни слова: онъ только упоминаетъ, что когда въ началѣ приступа многіе изъ русскаго войска бросились грабить Казань и татары потѣснили назадъ русскіе отряды, бившіеся въ городѣ, то Іоаннъ, увидя бѣгущихъ, думалъ, что уже все потеряно, поблѣднѣлъ и упалъ духомъ. „Мудрые совѣтники тотчасъ же велѣли поставить большое знамя близь царскихъ воротъ (откуда начинали приступъ) и самого царя, волею неволею, взявъ за узду коня, подвели къ этому знамени". Выходитъ, что всѣмъ распоряжались эти мудрые совѣтники, а Іоаннъ ничего другаго не дѣлалъ, какъ только слѣдовалъ за ними, куда они вели его. Іоаннъ, правда, самъ сознается въ письмахъ къ Курбскому, что былъ у нихъ въ большомъ послушаніи; но изъ нашихъ лѣтописей (какъ напримѣръ, изъ царственной книги) мы узнаемъ, что онъ довольно настойчиво дѣйствовалъ при покореніи Казани и горячо желалъ окончить съ успѣхомъ это предпріятіе. Конечно, онъ видѣлъ тутъ одно изъ средствъ освободиться изъ подъ боярской опеки.

Вообще Курбскій мало знакомитъ насъ съ мыслями и дѣлами Іоанна въ это болѣе счастливое время и подробно говоритъ только объ его жестокостяхъ. Перемѣну, происшедшую въ царѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ казанскаго похода, онъ объясняетъ однимъ наушничествомъ злыхъ ласкателей. Но, конечно, эта перемѣна произошла не вдругъ. Іоаннъ по немногу испытывалъ свою власть, дѣлая кое-что на перекоръ совѣтамъ Сильвестра и его сторонниковъ: противъ ихъ желанія, поѣхалъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ видѣлся съ Вассіаномъ Топорковымъ, затѣялъ Ливонскую войну, которой они не одобряли, и проч. Сильвестръ самъ удалился отъ двора, увидѣвъ наконецъ полную холодность къ нему царя, и тогда Іоаннъ уже рѣшился заочно осудить его. Съ обычнымъ жаромъ Курбскій укоряетъ новыхъ совѣтниковъ царя. Про совѣтъ Вассіана „не имѣть при себѣ человѣка умнѣе себя" онъ говоритъ: „Такія рѣчи подобны горделивымъ словамъ сатаны: Погублю землю и море и поставлю престолъ свой выше облакъ небесныхъ". Обращаясь къ лукавымъ прислужникамъ Іоанна, онъ восклицаетъ: „О злые губители своего отечества, всего Святорусскаго царства! что выиграете вы вашею злобою? Скоро все узнаете по опыту надъ собою и надъ дѣтьми вашими и услышите отъ грядущихъ родовъ вѣчное проклятье!" Но особенно краснорѣчивы слова его, когда онъ прославляетъ память людей, казненныхъ Іоанномъ. Такъ, по поводу смерти Воротынскаго, одержавшаго передъ тѣмъ надъ татарами знатную побѣду, онъ пишетъ: „О мужъ самый лучшій и крѣпкій, многаго разума исполненный! велика и преславна твоя блаженная память! Если еще не довольно прославленъ ты въ этой варварской землѣ, въ нашемъ

неблагодарномъ отечествѣ, то здѣсь и вездѣ въ чужихъ странахъ тебя лучше знаютъ, — знаютъ не только въ христіанскихъ предѣлахъ, но и у турокъ!“ И такъ у Курбскаго есть много силы въ рѣчи, происходившей отъ силы чувства, которое его одушевляло. Онъ сохранялъ еще старую боярскую гордость и не хотѣлъ быть безотвѣтнымъ рабомъ передъ грознымъ властелиномъ, болѣе не терпѣвшимъ при себѣ ни одного самостоятельнаго совѣтника. Въ друзьяхъ своихъ, казненныхъ Іоанномъ, онъ хвалитъ туже стойкость, съ какою они соглашались скорѣе гибнуть, чѣмъ быть чревоугодниками и ласкателями, и Курбскій смотрѣлъ на нихъ, какъ на благочестивыхъ мучениковъ, которыхъ участь тѣмъ болѣе терзала его душу, что самъ онъ жилъ въ безопасности, вдали отъ родины. Но этимъ сочувствіемъ къ своимъ друзьямъ и ограничивается вся сердечная горячность Курбскаго. На то, чѣмъ могло быть хорошо, или дурно управленіе Грознаго для народа, онъ не обращаетъ никакого вниманія; его мало занимаютъ дѣла опричниковъ, не касавшіяся боярскаго сословія, судьба многихъ людей, подвластныхъ казненнымъ боярамъ, или державшихъ ихъ сторону, новгородскія казни, и проч. Онъ находитъ только большой вредъ въ томъ, что Іоаннъ приближалъ къ себѣ людей «изъ простаго всенародства». До насъ дошла еще любопытная переписка Курбскаго съ Іоанномъ, изъ которой мы живо узнаемъ характеръ Грознаго. Послѣ своего бѣгства Курбскій отправилъ къ Іоанну укорительное письмо, гдѣ напоминаетъ, какіе тяжелые труды подняли для него воеводы, имъ казненные, сколько одержали побѣдъ и завоевали городовъ и какъ несправедливо называть ихъ измѣнниками и чародѣями. Въ за-

ключеніе онъ пишетъ: «Всѣ, тобою избитые, предстоя у престола Господа, просятъ объ отмщеніи... Это письмо, омоченное слезами, я повелю положить въ гробъ съ собою». На посланіе Курбскаго Іоаннъ отвѣчалъ длиннымъ письмомъ, гдѣ старается высказать свой умъ, свою начитанность, величіе своего сана, и въ то же время не сдерживаетъ страсти, бранитъ Курбскаго, какъ измѣнника, быстро перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, желая прибрать какъ можно больше доказательствъ на то, что онъ имѣлъ право казнить рабовъ своихъ. Какъ выраженіе гнѣва и ненависти къ боярамъ, рѣчь Іоанна порывиста и часто неправильна; но при этомъ всетаки виденъ его холодный, разсчетливый умъ, способный высказываться и въ ѣдкой насмѣшкѣ надъ побитымъ врагомъ, его нечувствительность ко всему, кромѣ выгодъ своей власти. Онъ очень обстоятельно и съ толковитостью человѣка, хорошо знающаго свое дѣло, приводитъ различные доводы въ свою пользу, и только длинные выписки изъ священнаго писанія затемняютъ у него простое, дѣловое изложеніе предмета. Напротивъ Курбскій уже нѣсколько искусился въ краснорѣчіи, какому обучались въ польскихъ школахъ: у него рѣчь довольно стройная; нѣтъ излишняго многословія, и каждое выраженіе обдумано; обдуманно разставлены даже тѣ восклицанія и вопросы, которые должны выражать чувство. Такъ письмо свое Курбскій начинаетъ вопросами и повтореніями съ цѣлію придать болѣе силы своей мысли: «За что, царь, побилъ ты сильныхъ во Израили и предалъ различной смерти воеводъ, данныхъ тебѣ отъ Бога? за что пролилъ въ церквахъ ихъ побѣдоносную, святую кровь и церковные пороги обагрилъ мученическою кро-

вью?» и пр. Польское вліяніе видно у него и въ томъ, что онъ часто употребляетъ слова латынскія и польскія, напр.: плювія (дождь), аеръ (воздухъ), епистолія (письмо), церемонія, до Москвы (вм.: въ Москву), пруткошественный (быстроидущій), мѣскій (городской), дзяла (пушки), и проч. Это придаетъ рѣчи Курбскаго нѣкоторую искуственность, но и тутъ, сквозь сплетеніе отборныхъ выраженій, проглядываетъ горячность души, съ какою онъ стоитъ за друзей своихъ.

Въ своемъ отвѣтѣ Іоаннъ прежде всего выставляетъ на видъ свое царское достоинство и говоритъ, какъ перешло въ нему самодержавство отъ самого царя Константина. И далѣе онъ доказываетъ текстами изъ Священнаго Писанія, что тотъ, кто противится власти, противится Божію повелѣнію. Множествомъ примѣровъ изъ Священной и Византійской исторіи онъ старается подтвердить свою мысль, что многовластіе всегда вело государство къ погибели, а власть одного спасала; особенно много зла творилось тамъ, гдѣ правили попы и вельможи. Чтобы рѣшительнѣе обвинить бояръ, онъ разсказываетъ обо всемъ, что терпѣлъ въ дѣтствѣ: о высокомѣріи Шуйскихъ, о расхищеніи царской казны, и проч. Потомъ стали править Сильвестръ и Адашевъ: царь отдался имъ, надѣясь отъ нихъ пользы душѣ своей, но они вздумали распоряжаться самовластно и всячески утѣснять его. Іоаннъ не говоритъ, чтобы они дурно управляли: ихъ вина въ томъ, что они хотѣли управлять. За это одно ихъ слѣдовало казнить, какъ измѣнниковъ и чародѣевъ. Іоаннъ настаиваетъ на томъ, что ему власть дана, чтобы казнить кого угодно, и приводитъ въ примѣръ царя Константина, князя Өедора Ростиславича,

пролившаго на пасху много крови въ Смоленскѣ и между тѣмъ признаннаго святымъ, царя Давида. Курбскій, по его словамъ, долженъ бы потерпѣть всякую казнь отъ своего, хотя бы и неправеднаго, владыки: тогда бы онъ удостоился нетлѣннаго вѣнца, а теперь погубилъ свою душу. «Что мы воеводъ своихъ казнили разными смертями, пишетъ Іоаннъ, такъ у насъ ихъ много и кромѣ васъ, измѣнниковъ; мы вольны своихъ холопей жаловать, вольны и губить... Не считай меня неразумнымъ или малолѣтнимъ, подобно вашимъ начальникамъ, попу Сильвестру и Алексѣю, не думайте вы снова устрашать меня дѣтскими страшилами... «Убитые, по твоимъ словамъ, предстоятъ у престола Божія.» Это сумудренно сказалъ ты, противно изреченію апостола: «Бога никто же нигдѣ же видѣ». Ты говоришь, что хочешь свое письмо «положить въ гробъ съ собою»: этимъ отложилъ ты свое послѣднее христіанство. Господь повелѣлъ не мстить за зло; ты же отказался отъ послѣдняго прощенія: поэтому не слѣдуетъ молиться за упокой души твоей».

Много здѣть хитрыхъ доводовъ приводитъ Іоаннъ, много высказываетъ ловкости въ словопреніяхъ, чтобы оправдать свою подозрительность и обвинить бояръ, которыхъ измѣна ничѣмъ не была доказана. Но понятія о власти, какія онъ здѣсь высказываетъ, принадлежатъ не ему: они постепенно сложились въ московскомъ государствѣ, и въ Іоаннѣ только рѣзче выразились вслѣдствіе того обстоятельства, что ему пришлось временно испытать на себѣ ослабленіе этой власти. Настоящей борьбы тутъ быть не могло, потому что едва Іоаннъ не счелъ болѣе нужнымъ слѣдовать совѣтамъ Сильвестра и Ада-

шева, онъ сталъ вновь дѣйствовать по своей волѣ, и никто не смѣлъ ему противиться.

XI. Письменныя поэтическія произведенія.

Въ первые вѣка нашей грамотности изъ сочиненій духовныхъ мы замѣтили житія святыхъ, сборники, поученія Кириллы Туровскаго и Серапіона, изъ памятниковъ историческихъ — лѣтопись Нестора, вообще лѣтописи южныя, кіевскія и сѣверныя, новгородскія и псковскія. Къ XII вѣку относится еще одинъ поэтическій памятникъ: «Слово о полку Игоревомъ». Это поэма, воспѣвающая походъ Сѣверскаго князя Игоря на Половцевъ.

Она дошла до насъ только въ одномъ спискѣ, въ сборникѣ статей болѣе свѣтскаго содержанія, который въ концѣ прошлаго столѣтія найденъ былъ любителемъ древностей, графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ; Слово напечатано имъ въ 1800 г., и теперь это изданіе замѣняетъ намъ подлинникъ, такъ какъ списокъ, съ котораго печатали, впослѣдствіи сгорѣлъ. Что Слово случайно сохранилось въ одномъ только спискѣ, доказываетъ, какъ мало у насъ встарину цѣнились свѣтскія сочиненія: поэма объ Игорѣ не могла нравиться нашимъ грамотѣямъ и потому, что въ ней живо сохраняются языческія преданія. Сочинитель ея неизвѣстенъ: вѣроятно, онъ былъ гусляръ изъ дружины Игоря и не писалъ, а пѣлъ на княжескомъ пиру свою пѣснь. Мы знаемъ о немъ только то, что онъ самъ говоритъ о себѣ. Онъ беретъ въ образецъ Бояна, гусляра, жившаго за сто лѣтъ передъ тѣмъ, во времена Игорева дѣда, Олега Черниговскаго (походъ Игоря относится къ 1185 году). Черниговскіе

князья славились своею удалью, постоянно ссорились съ кіевскими, отстаивая свою самостоятельность, и на помощь себѣ нерѣдко призывали половцевъ. Ту же безразсчетную удаль, тѣ же ссоры князей между собою, тѣ же нашествія враговъ находимъ и при пѣвцѣ Игоря, какъ было при Боянѣ; но положеніе Руси стало печальнѣе: теперь ужъ не видимъ такихъ способныхъ людей, какъ Владиміръ Мономахъ, который умѣлъ и поддерживать миръ на Руси и всегда держать въ страхѣ враговъ: Русская земля все болѣе раздроблялась, каждый князь заботился лишь о своихъ собственныхъ выгодахъ. «Боянъ, по словамъ Игорева пѣвца, порхалъ мыслію, какъ птица по деревьямъ, рыскалъ, какъ волкъ, по степи, улеталъ орломъ подъ облака. Когда онъ возлагалъ свои вѣщіе персты на живыя струны, то онѣ сами князьямъ рокотали славу». Значитъ, Боянъ тѣшился своею пѣснею и, вѣроятно, по старинному обычаю, бралъ изъ народныхъ преданій много сказочнаго, чудеснаго. Въ этомъ отчасти и пѣвецъ Игоревъ ему подражаетъ; но настало время болѣе прежняго смутное, тяжелое: приходится воспѣвать народное горе, и вымыслы Бояна, восхвалявшаго, какъ видно, одну удаль князей, тутъ не всегда умѣстны. Пѣвецъ поэтому начинаетъ свою печальную повѣсть „по былинамъ сего времени", изображая все, какъ было. Разсказъ его, дѣйствительно, очень сходенъ съ разсказомъ Ипатьевской лѣтописи о томъ же походѣ. Во времена Игоревы также встрѣчаемъ не мало удалыхъ князей; но они, какъ мы уже замѣтили, дѣйствовали врозь, думая только какъ бы самимъ прославиться или забрать побольше власти въ свои руки. Въ Словѣ о Полку Игоревомъ названы Рюрикъ и Да-

видъ; правнуки Мономаха, внуки сына его, Мстислава,—Романъ Галицкій, правнукъ того же Мстислава, славный своими побѣдами надъ литовцами,—Всеволодъ Большое Гнѣздо, внукъ Мономаха отъ сына его, Юрія Долгорукаго (братъ Андрея Боголюбскаго), самый сильный князь въ восточной Руси,—Ярославъ Осмомыслъ, не изъ рода Мономахова, потомокъ старшаго сына Ярослава, Владиміра, умершаго еще при жизни отца: этотъ Ярославъ властвовалъ въ Галичѣ, въ Червонной Руси, близь Карпатскихъ горъ. Названные нами князья были все современники Игоря. Но главными дѣйствующими лицами въ Словѣ являются внуки Олега Черниговскаго: Игорь, правившій въ Новгородѣ Сѣверскомъ, — его родной братъ, Всеволодъ Трубчевскій, и двоюродный братъ Святославъ, великій князь Кіевскій. Князья Сѣверскіе (въ нынѣшней черниговской губерніи) и прежде то воевали, то дружились съ половцами, призывая ихъ на помощь противъ потомковъ Мономаха; но Святославъ, ставши кіевскимъ княземъ, помирился съ мономаховичами и нѣсколько разъ съ ними вмѣстѣ усердно воевалъ противъ половцевъ. Походы были удачные: тутъ особенно отличился одинъ изъ потомковъ Мономаха, Владиміръ Глѣбовичъ. Игорь и Всеволодъ завидовали этимъ успѣхамъ, и сами захотѣли добыть себѣ славу. Въ 1185 году Игорь вмѣстѣ съ братомъ, со своимъ сыномъ и племянникомъ наконецъ выступилъ въ степь послѣ того, какъ великій князь, Святославъ, уже вернулся изъ похода съ богатою добычею. Приблизились они къ Донцу и вдругъ видятъ: солнце померкло, потускнѣло, какъ мѣсяцъ. Случилось солнечное затмѣніе. Дружина молвила: «Не къ добру это знаменіе».—«Къ добру, или не къ добру, еще

увидимъ», отвѣчалъ удалой Игорь: «Богъ сотворилъ это знаменіе, какъ и весь міръ, а тайны Божіей никто не знаетъ». На рѣкѣ Осколѣ онъ два дня ждалъ Всеволода, шедшаго изъ Курска, потомъ всѣ отправились далѣе. Половцы, послѣ многихъ пораженій, которыя передъ тѣмъ терпѣли, стали созывать большое войско, а покамѣсть выслали нѣсколько отрядовъ для защиты своихъ вежей (лагеря); они прежде сражались со Святославомъ, нападая на Кіевскую землю, а теперь уже видѣли русскихъ въ своей землѣ, и тѣмъ рѣшительнѣе стали готовиться къ оборонѣ. Въ пятницу 26-го апрѣля, сѣверскіе князья легко разбили передовые отряды половцевъ, овладѣли станомъ и захватили много добычи; но непріятели уже были въ сборѣ и рано въ субботу показались, какъ лѣсъ, въ безчисленномъ множествѣ. Полки Игоря окружены со всѣхъ сторонъ. Изнемогая отъ жажды, русскіе стали пробиваться къ рѣкѣ Донцу, сражались три дня и такъ достигли рѣчки Каялы. Болѣе знатные, конные люди могли бы пробиться сквозь толпу враговъ и ускакать, но не хотѣли оставить черный народъ и всѣ сражались пѣшими. Болѣе всѣхъ храбрости и силы выказалъ могучій Всеволодъ. На рѣкѣ Каялѣ началось жестокое кровопролитіе. Вотъ, побѣжалъ черниговскій отрядъ; Игорь бросился на конѣ останавливать бѣгущихъ. Половцы узнали его, загородили ему обратный путь и взяли его въ плѣнъ. Онъ видѣлъ, какъ еще отчаянно боролся Всеволодъ, не щадя своей жизни, и горько заплакалъ. Братьевъ разлучили; русскіе почти всѣ до послѣдняго воина были побиты; Всеволодъ, сынъ Игоря, и его племянникъ также взяты въ плѣнъ. Великій князь Святославъ сильно опечалился, узнавъ объ этомъ

бѣдствіи: «Любезные мои братья! сказалъ онъ: не могли вы удержать своего юношескаго задору и отворили поганымъ ворота въ землю Русскую». Дѣйствительно, половцы воспользовались побѣдою, и ханъ ихъ, Кончакъ, бросился разорять Кіевскую область, а Гза, другой ханъ, награбилъ много добра въ Сѣверской землѣ. Между тѣмъ Игорь жилъ въ плѣну у половцевъ довольно свободно; при немъ стояла стража болѣе для почету. Нѣсколько времени спустя, одинъ изъ половцевъ Лаворъ (или Овлуръ) сталъ подговаривать его къ бѣгству. Игорь было не соглашался, говоря: «Я прежде не бѣжалъ отъ дружины и теперь не уйду безславнымъ путемъ». Наконецъ близкіе люди убѣдили его бѣжать, предсказывая, что ему не ждать добра отъ половцевъ. Выбрали сумерки, когда всѣ въ лагерѣ перепились кумысомъ. Лаворъ отправился за рѣку впередъ съ поводнымъ конемъ; за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и Игорь, и оба поскакали черезъ вежи. На Руси всѣ были рады возвращенію Игоря, потому что тогди высоко цѣнили всякое удалое дѣло. Черезъ два года вернулся изъ плѣна и Всеволодъ, самый храбрый изъ потомковъ Олега; съ нимъ пріѣхалъ сынъ Игоря, Владиміръ, съ молодою женою: онъ женился на дочери хана половецкаго, Кончака.

Вотъ историческій разсказъ о событіи. «Слово» излагаетъ дѣло во всемъ сходно съ этими извѣстіями лѣтописца. Въ немъ, послѣ вступленія, гдѣ говорится о Боянѣ, пѣвецъ изображаетъ удалую дружину Всеволода. «Игорь ждетъ милаго брата, и говоритъ ему буй-туръ (могучій) Всеволодъ: Мои Куряне бывалый народъ, — подъ трубами повиты, подъ шлемами взлелѣяны, у копій вскормлены; пути имъ извѣстны, овраги знакомы; луки

у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли изъострены,— сами они скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы». Братья вступили въ походъ, и тутъ начались дурныя предзнаменованія: затмилось солнце, поднялась гроза, клекчутъ орлы, воютъ волки. Русь зашла далеко за степные курганы. Утромъ, въ пятницу, побили половцевъ и забрали столько добычи, что епанчами, кожухами и другими одеждами половецкими мостили мосты по оврагамъ и вязкимъ мѣстамъ. Но вотъ, собираются враги. На другой день кровавая заря повѣдаетъ свѣтъ, идутъ съ моря черныя тучи, а въ нихъ трепещутъ синія молніи. Вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоря. Половцы окружили русскихъ со всѣхъ сторонъ, и началась битва. Пѣвецъ въ живой картинѣ представляетъ и бурю, которая била въ лице русскимъ, и начавшуюся сѣчу; онъ особенно прославляетъ храбрость Всеволода, который, куда ни скакалъ, посвѣчивая своимъ золотымъ шлемомъ, тамъ лежали поганые головы половецкія. «Что ему раны, братья, говоритъ пѣвецъ, когда не дорожитъ онъ ни почетомъ, ни жизнью: забылъ городъ Черниговъ, и отцовскій золотой престолъ, и своей милой жены, Глѣбовны, свычай и обычай (любовь и ласку)»! Пѣвецъ послѣ того припоминаетъ время Олега черниговскаго, съ котораго начались частыя нашествія половцевъ. «Этотъ Олегъ мечемъ ковалъ крамолу и сѣялъ по землѣ стрѣлами... При немъ сѣялась и росла усобица, погибало все добро внуковъ Даждь-бога (русскихъ), въ княжьихъ крамолахъ сокращалась жизнь человѣка. Тогда по Русской землѣ рѣдко слышался голосъ пахаря, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы». И такъ

старыя распри между князьями были главною причиною бѣдствія,—и пѣвецъ изображаетъ наконецъ печальный исходъ битвы. «Бились съ утра до поздней ночи: черная земля подъ копытами костьми была посѣяна и кровію полита, поросла печалью. Что тамъ шумитъ рано утромъ? Игорь ворочаетъ полки: жаль ему милаго брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третій день къ полудню пали знамена Игоря. Тутъ братья разлучились на берегу быстрой Каялы. Тутъ не достало кроваваго вина; тутъ окончили пиръ храбрые русичи: сватовъ напоили, а сами полегли на землю Русскую. Никнетъ трава въ жалости, а дерево съ печалью къ землѣ преклонилось». Тогда наступило великое горе для земли Русской; жены плакали о своихъ погибшихъ мужьяхъ: имъ ужъ не увидѣть ихъ, не возвратить ни гаданьемъ, ни думою, не побренчать серебромъ и золотомъ, какого ждали въ добычу. Половцы снова наѣзжаютъ на Русь, опустошаютъ ее, облагаютъ данью; всѣ прежнія побѣды надъ ними пошли ни во что. Между тѣмъ князья ссорятся между собою, всякую малость принимаютъ за великое дѣло и твердятъ: «то мое, а то мое». Великій князь Святославъ ужъ напередъ чуетъ бѣду: ему видится во снѣ, что распатались на потолкѣ доски въ его теремѣ, что его на постели одѣваютъ чернымъ одѣяломъ, сыплютъ ему жемчугъ на колѣни;—а видѣть во снѣ жемчугъ означаетъ слезы. Узналъ онъ отъ бояръ о плѣнѣ своихъ младшихъ братьевъ, удалыхъ соколовъ, которымъ сабли поганыхъ подсѣкли крылья,—и изронилъ златое слово, смѣшанное со слезами: «Бѣдные мои дѣтки! Рано вы начали искать себѣ славы, да безъ чести досталась вамъ побѣда! Вы хотѣли, чтобы

слава гремѣла о васъ, какъ о прадѣдахъ; ваши храбрыя сердца закованы въ крѣпкомъ булатѣ,—и вотъ чего дождался я отъ васъ съ моей среброенною сѣдиною! Далѣе пѣвецъ обращается къ современнымъ князьямъ: къ Всеволоду Большое Гнѣздо, къ Рюрику и Давиду, къ Ярославу Осмомыслу, къ удалымъ братьямъ, Роману и Мстиславу. Всѣ они сильны и храбры: Всеволодъ могъ бы Волгу раскропить веслами, а Донъ — вылить шлемами, храбрыя дружины Рюрика скачутъ въ незнаемомъ полѣ, какъ туры, раненные саблями калеными; Ярославъ высоко сидитъ на своемъ престолѣ, подперъ Карпатскія горы своими желѣзными полками, затворилъ ворота къ Дунаю; Романъ и Мстиславъ, какъ соколы, ширяютъ крыльями на вѣтрахъ. Пѣвецъ взываетъ къ нимъ: «Вступите въ золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича». Изобразивъ плачь Ярославны, жены Игоря, которая обращается съ мольбою къ вѣтру, къ Днѣпру, къ солнцу, чтобы они пощадили и возвратили ей мужа,—пѣвецъ въ заключеніе разсказываетъ намъ о бѣгствѣ Игоря изъ плѣна. «Крикъ, стукъ по землѣ; зашумѣла трава, поднялись Половецкія вежи, а Игорь князь поскакалъ горностаемъ въ тростникъ, бѣлымъ гоголемъ на воду; вспрыгнулъ на борзаго коня, а съ него ударился сѣрымъ волкомъ и побѣжалъ къ лугу Донца и полетѣлъ соколомъ подо мглою... Тогда вороны не каркали, и галки смолкли, сороки не стрекотали, ползли только по сучьямъ дятлы, да стукомъ кажутъ путь къ рѣкѣ; соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ».

Таково содержаніе поэмы. Всѣ главныя ея части можно представить въ слѣдующемъ порядкѣ: обращеніе къ

Бояну, сборы въ походъ, дурныя предзнаменованія, первая битва, описаніе бури и новой стычки съ половцами, воспоминаніе объ Олегѣ Черниговскомъ, пораженіе русскихъ, послѣдовавшія за нимъ бѣдствія, зловѣщій сонъ Святослава, воззваніе къ современнымъ князьямъ, воспоминаніе о удаломъ князѣ Всеславѣ (эту часть мы опустили въ изложеніи: тутъ пѣвецъ указываетъ и на раззоренія земли Полоцкой отъ литовцевъ и тоскуетъ, что нѣтъ прежнихъ храбрыхъ князей, которые отразили бы враговъ), плачь Ярославны, возвращеніе Игоря изъ плѣна. Здѣсь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на двѣ стороны: 1) на миѳологическую (миѳами называются преданія о старыхъ языческихъ божествахъ и вообще языческія вѣрованія, миѳологіей—разсказы о такихъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ) и 2) на историческую. Что касается старыхъ преданій, то въ Словѣ еще живо сохраняется память о языческихъ богахъ: о Даждь-богѣ, солнцѣ, котораго внуками названы русскіе, какъ народъ земледѣльческій (въ пѣсняхъ и теперь поютъ въ честь солнца: ой Дидъ-Ладо! то есть, дѣдъ-радость),—о Стрибогѣ, дѣдѣ вѣтровъ, о Волосѣ, скотьемъ богѣ (Боянъ названъ внукомъ Волоса). Къ старымъ вѣрованіямъ надо отнести и изображеніе удалыхъ или искусныхъ людей въ видѣ оборотней: такъ искусный пѣвецъ Боянъ рыскаетъ волкомъ по землѣ, летаетъ орломъ подъ облаками; такъ представленъ и Игорь, когда онъ спасается изъ плѣна; Буй-туръ Всеволодъ съ его дружиной, плачущая Ярославна, когда она говоритъ: «Полечу кукушкою по Дунаю»—всѣ, обладая силою, отвагою, должны являться животными. Вѣрованіе въ силы природы выражается и тѣмъ, что все въ ней происходящее (затмѣніе солнца, буря) представ-

ляется дурнымъ или хорошимъ знаменіемъ; животныя раздѣляются на добросовѣстныхъ (дятелъ, соловей) и зловѣщихъ (волки, лисицы, орлы, вороны, галки). Самый плачь Ярославны напоминаетъ старинное заклинаніе и языческую молитву: извѣстно, что рѣки, вѣтеръ, солнце обоготворяли. По этому тѣсному сближенію съ природою, и рѣка Донецъ должна чувствовать честь, что носила на себѣ князя Игоря, и дерево съ печалью преклоняется къ землѣ, когда войско его разбито. Вообще живыя олицетворенія и сравненія въ Словѣ, какъ, напримѣръ, сравненіе битвы съ посѣвомъ или со свадебнымъ пиромъ напоминаютъ намъ южно-русскую поэзію; объ орлахъ, воронахъ, соколахъ и теперь часто упоминается въ малороссійскихъ пѣсняхъ.

На историческую сторону Слова мы уже указывали. Мы видѣли, какъ близко подходитъ изложеніе событій у пѣвца къ разсказу лѣтописца. Слово принадлежитъ къ такъ называемому *княжескому или дружинному эпосу*: этимъ отличается оно и отъ народныхъ былинъ. Въ немъ воспѣты преимущественно княжеская удаль и удаль княжеской дружины. Эта удаль, какъ мы знаемъ, часто вела ко злу, но въ ней есть и черты богатырскія, какими вообще отличался русскій народъ въ 12-мъ вѣкѣ. Игорь и Всеволодъ тутъ высказываютъ своего рода гордость и доблесть, понятія о чести и братствѣ. Оба они ставятъ ни во что дурныя знаменія, которымъ всѣ тогда вѣрили, отважно идутъ на дѣло, готовы бороться съ врагами до послѣдней капли крови, забывая и свой княжескій почетъ, и свою семейную нѣгу; они не думаютъ лишь о своей безопасности, не выдаютъ своихъ, а рады испить со всѣми одну смертную чашу. Дружина ихъ закалена

въ битвахъ и походахъ, ищетъ также не одной корысти, а чести и славы. Мы видимъ, какъ въ мужествѣ и въ простой жизни этихъ людей еще сохранялся образъ Владиміра Мономаха. Но пѣвецъ не скрываетъ и зла, какое происходило отъ неугомонной удали тогдашняго вѣка, отъ разъединенія, которымъ страдала тогдашняя Русь отчасти вслѣдствіе стремленія областей къ самостоятельности, но болѣе отъ мелкаго княжескаго себялюбія. Въ этомъ и заключается народный характеръ пѣвца Игорева Слова: «русскіе, русичи, Русская земля» у него вездѣ занимаютъ видное мѣсто; онъ искренно горюетъ о бѣдствіяхъ земли Русской, упрекаетъ князей, что въ мелкихъ личныхъ счетахъ и распряхъ они забывали общее народное дѣло. Единое отечество живо занимаетъ его мысль: рядомъ съ несчастіемъ Игоря онъ ясно видитъ народное горе, и взываетъ къ современнымъ князьямъ, чтобы они отомстили за землю Русскую, «за обиду сего времени». Въ поэмѣ находимъ и не однѣ похвалы Игорю за его отвагу; пѣвецъ осуждаетъ его, что онъ разбудилъ зло, которое усыпилъ было отецъ его, Святославъ, хулитъ его за опрометчивость словами его брата, великаго князя кіевскаго. Такія мѣста въ поэмѣ можно назвать *лирическими*, потому что они выражаютъ собственное чувство пѣвца.

„О стонать Русской землѣ, вспоминая прежнее время и прежнихъ князей!“ восклицаетъ пѣвецъ Игоря, какъ будто предсказывая новыя бѣдствія, и слова его оправдались на дѣлѣ: изъ Азіи, съ востока, пришли на насъ новые иноплеменники, татары, и полонили раздробленную Русь. Тяжелое рабство угомонило прежнюю вольную удаль, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеры много измѣни-

лись. Въ Московскомъ государствѣ мы находимъ историческія сказанія и повѣсти, частію передѣланныя съ иноземнаго, частію такія, что изображаютъ и русскую жизнь; но и въ нихъ, вмѣсто простой, народной поэзіи Слова, уже господствуетъ высокопарность, искуственное витійство въ византійскомъ вкусѣ, рѣчь церковнославянская,—что доказываетъ, какъ тогдашніе грамотѣи удалились отъ народной жизни и отъ народнаго духа. Изъ наиболѣе извѣстныхъ историческихъ сочиненій мы укажемъ на два Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ: одно написано совсѣмъ церковнославянскимъ языкомъ, другое болѣе русскимъ, разговорнымъ; но въ обоихъ нѣтъ настоящей поэзіи, а одна лишь поддѣлка подъ поэтическое творчество. Намъ нечего объяснять, какъ важно само по себѣ событіе, подобное побѣдѣ, одержанной Димитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ: тутъ въ первый разъ поднялся весь русскій народъ, пытаясь свергнуть ненавистное татарское иго, и все-таки между грамотными людьми того времени не нашлось искуснаго разсказчика, который съумѣлъ бы прославить это событіе, между тѣмъ какъ неудачный походъ Игоря на половцевъ описанъ очень поэтически. Значитъ, въ 15 вѣкѣ русская словесность замѣтно пришла въ упадокъ. Одинъ изъ разсказчиковъ, какъ видно, монахъ, обращаетъ все вниманіе на смиреніе князя Дмитрія, подробно описываетъ, какъ передъ вступленіемъ въ походъ ходилъ онъ по церквамъ и монастырямъ, ожидая чудесной помощи свыше и не надѣясь на свои силы. По его изображенію, Дмитрій унываетъ, плачетъ, въ слезахъ не можетъ слово промолвить, долго колеблется, пока, послѣ многихъ поощреній и утѣшеній отъ духовенства, не рѣшается вы-

ѣхать въ поле. Князь выказываетъ много распорядительности и ревности въ битвѣ, но всетаки одѣвается въ одежду простаго воина, чтобы враги его не узнали. Этой недовѣрчивостью къ своимъ силамъ, этою осторожностью уже рѣзко отличается характеръ Дмитрія отъ характера прежнихъ удалыхъ князей. Разсказчикъ такъ начинаетъ свою повѣсть: „Сія повѣдай, Уранъ (время), какъ случися брань на Дону православнымъ христіанамъ съ безбожными агаряны (то есть, съ татарами), како вознеси Господь родъ христіанскій, а поганыхъ уничижи и посрами ихъ суровство, якоже иногда Гедеономъ Мадіама низложи и православнымъ Моисеемъ Фараона.... Лѣтаже тогожъ, попущеніемъ Божіимъ отъ наученія дьявола, воздвигся царь отъ восточныя страны, именемъ Мамай, Еллинъ сый родомъ (т. е. язычникъ, нехристь), вѣрою идоложрецъ, иконоборецъ злый, христіанскій ненавистникъ и укоритель, и вниде въ сердце его дьяволъ подстрекатель, иже всегда пакости дѣя христіанамъ, и проч.“ Такъ сочинитель подбираетъ много книжныхъ словъ, которыя показываютъ только его монашескую начитанность и нисколько не объясняютъ, кто былъ Мамай и въ какихъ отношеніяхъ тогда русскіе находились къ татарамъ. Далѣе сочинитель силится подражать Слову о Полку Игоревомъ. Въ Словѣ, Всеволодъ, разговаривая съ Игоремъ, хвалитъ свою дружину; и въ Сказаніи, когда Димитрій Ивановичъ „вступаетъ въ златокованное стремя“, двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ, говоритъ ему: „Воеводы у насъ вельми крѣпки, а Русскіе удальцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ весьма тверды.... А дорога имъ вельми свѣдома,

и проч.“ Въ Словѣ о Полку Игоревомъ Ярославна тоскуетъ на стѣнахъ, обращаясь къ вѣтру, къ Днѣпру, къ солнцу: „О вѣтеръ вольный! зачѣмъ ты вѣешь насильно? зачѣмъ гонишь ханскія стрѣлы на войско моего друга? развѣ мало вѣять тебѣ на высотѣ, лелѣя корабли на синемъ морѣ? зачѣмъ развѣялъ мое веселіе по травѣ ковылю?“ и проч. И въ Сказаніи великая княгиня Евдокія со своею снохою и иными княгинями выходитъ на свой златоверхій теремъ, садится подъ южными окнами и говоритъ: „Уже въ послѣдній разъ гляжу на тебя, великаго князя!“ А въ слезахъ она не можетъ сказать слова; слезы льются изъ глазъ, „какъ рѣчныя быстрины“. Печально она вздохнула, ударила руками въ перси и молвила: „Господи Боже великій, призри на мя смиренную, сподоби мя еще государя своего видѣти славнаго въ человѣцѣхъ, и проч.“ Въ Сказаніи точно также выставлены и разныя зловѣщія животныя: „За многіе же дни пріидоша на то мѣсто мнози волци, по вся нощи воютъ непрестанно; гроза бо велика есть слышати, и мнози вороны собрашася, необычно неумолкающе граютъ, галици же (галки) своею рѣчью говорятъ, и мнози орли отъ устья Дона присѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, и проч.“ Изъ этихъ подражаній Слову о Полку Игоревомъ мы видимъ, какъ мало изобрѣтательности было въ сочинителѣ Сказанія, какъ, со своими византійскими мудрованіями, неискусно поддѣлывался онъ подъ живую, поэтическую рѣчь Слова. Другое Сказаніе, извѣстное подъ именемъ Задонщины, представляетъ еще болѣе грубое подражаніе поэмѣ объ Игорѣ. Въ немъ совсѣмъ безсмысленно прибраны слова пѣвца 12-го вѣка. Пѣвецъ говоритъ: „Нач-

немъ пѣть старыми словесами печальную пѣсню о походѣ Игоря,—пѣть не по замышленію Бояна, а по былинамъ сего времени". А въ Задонщинѣ сказано: „Лучше намъ намъ начать повѣдати *иными словесами* похвалу великаго князя Дмитрія... Повѣдати по дѣламъ и по былинамъ... помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ *вещаннаго боярина*, горазна гудца въ Кіевѣ". Тутъ „вѣщій Боянъ" названъ „вещаннымъ бояриномъ", а въ другомъ мѣстѣ слова пѣвца Игорева „Русь уже далеко за шеломянемъ (т. е. русскіе далеко зашли за степные холмы, за курганы)" переданы такъ: „Русская земля за царемъ Соломономъ побывала." Какъ видно, слагатель этого Сказанія имѣлъ у себя очень плохой списокъ Слова и совсѣмъ не понималъ образца, которому подражалъ, а сплеталъ, что попало. Но тамъ, гдѣ онъ говоритъ отъ себя, рѣчь его всетаки живѣе и проще, чѣмъ въ первомъ сказаніи, потому что въ ней болѣе русскаго духа. Вотъ примѣръ: „Оле! жаворонокъ, лѣтняя птица, красныхъ дней утѣха! возлети подъ синія небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князу Дмитрію". Къ Мамаю слагатель обращается такъ: „Зачѣмъ ты, поганый Мамай, посягалъ на Русскую землю? не бывать тебѣ въ Батыя царя!... Пришелъ ты съ девятью ордами и семидесятью князьями, а нынѣ ты, поганый, бѣжишь самъ-девятъ въ лукоморье. Не съ кѣмъ тебѣ зимы зимовать въ полѣ, нешто тебя князья русскіе гораздо употчивали!"....

Кромѣ этихъ историческихъ сказаній, въ Московскомъ государствѣ все болѣе размножаются повѣсти, большею частію заимствованныя изъ средневѣковыхъ сочиненій и перешедшія къ намъ черезъ Польшу. Обрывки сказоч-

ныхъ преданій объ Александрѣ Македонскомъ, о чудесныхъ похожденіяхъ рыцарей, давно забытыя въ Европѣ, еще заходили къ намъ въ неискустныхъ передѣлкахъ и тѣшили праздный умъ нашихъ грамотныхъ предковъ. По своему еще дѣтскому разумѣнію, наши предки забавлялись болѣе всего вымыслами и загадками. Загадки находимъ и въ повѣстяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, о Соломонѣ и о царицѣ Савской. Для насъ любопытнѣе тѣ изъ сочиненій этого рода, въ которыхъ сколько нибудь изображается старинная русская жизнь. Такова отчасти повѣсть о Муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его, Февроніи. По сказочному вымыслу, взятому изъ иноземныхъ преданій, Петръ, съ помощью чудеснаго меча, убиваетъ змѣя, который прилеталъ къ женѣ его брата; но кровь отъ змѣя попала на тѣло Петра, и онъ весь покрылся струпьями. Въ своей болѣзни, онъ узнаетъ о мудрой Февроніи, дочери простаго *древолазца*, который промышлялъ медомъ, собирая его въ лѣсахъ отъ дикихъ пчелъ. Февронія умѣетъ исцѣлять всякія болѣзни, и князь посылаетъ къ ней своего отрока. Когда посланный вошелъ къ ней въ домъ, Февронія встрѣчаетъ его загадками, говоря: „Не хорошо дому безъ ушей, а комнатѣ безъ очей; отецъ и мать моя пошли плакать въ заемъ, а братъ пошелъ черезъ ноги смотрѣть на смерть“. Это значило, что въ домѣ не было собаки, которая извѣстила бы лаемъ о приходѣ чужаго человѣка, и слуги, который бы его увидѣлъ и доложилъ о немъ: это уши и очи для дома. Отецъ и мать Февроніи отправились на погребеніе, гдѣ плачутъ *въ заемъ*, чтобы и о нихъ плакали, когда они умрутъ; а братъ лазитъ по деревьямъ, высматривая, нѣтъ ли гдѣ меду,—можетъ оборваться и убиться, зна-

чить, смотрить внизъ на смерть, черезъ ноги. Таково было остроуміе нашихъ предковъ. Февронія соглашается лечить, если князь на ней женится. Петръ рѣшается на ней жениться, беретъ отъ нея лекарство; но, исцѣлившись, не выполняетъ обѣщанія и вновь заболѣваетъ. До сихъ поръ все идетъ одинъ чужеземный вымыселъ; но далѣе попадаются черты и изъ русскихъ нравовъ. Вылечившись во второй разъ, Петръ женится на Февроніи; но тутъ боярскія жены не хотятъ терпѣть, чтобы ихъ княгинею была дочь древолазца: онѣ подстрекаютъ своихъ мужей начать смуту. Князь Петръ предоставилъ все дѣло на рѣшеніе жены. Когда бояре приступили къ ней, требуя, чтобъ она удалилась, она сказала: „Я согласна, только дайте мнѣ то, чего попрошу у васъ". Бояре обрадовались и поклялись, что исполнять ея желаніе. —„Ничего мнѣ не надо, кромѣ князя Петра",—отвѣчала Февронія. Бояре охотно отпустили князя, надѣясь сами властвовать; но, когда Петръ съ Февроніей удалились, не съумѣли устроить никакого порядка: начались между ними драки, распри; они безъ пощады избивали другъ друга. Дѣло кончилось тѣмъ, что оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ народомъ, пришли опять просить Петра на княженье: „Нынѣ, сказали они, со всѣми домами своими хотимъ и молимъ у тебя княгини Февроніи; не оставь насъ, рабовъ своихъ". Эта боярская гордыня, желаніе властвовать и неумѣнье пользоваться своею властью живо напоминаютъ намъ старинные нравы! Другой разсказъ: „Объ Ульяніи Муромской" уже взятъ прямо изъ русской жизни. Тутъ мы узнаемъ, что считалось совершеннымъ, образцовымъ въ нашемъ старинномъ обществѣ. Ульянія происходила изъ боярскаго семейства и родилась въ царствованіе Іоанна

Грознаго. Рано лишившись матери, она воспитывалась у тетки своей, съ ея дочерьми, въ предѣлахъ Муромскихъ. Описатель ея жизни хвалитъ ее особенно за кротость, смиреніе, послушаніе, за необыкновенное благочестіе, съ какимъ она изнуряла себя постомъ и молитвою. Ея двоюродныя сестры понуждали ее къ забавамъ, смѣялись надъ нею, что она губитъ свою дѣвственную красоту, удаляется отъ ихъ веселыхъ игръ и пѣсенъ. Ульянія молча сносила эти упреки и насмѣшки, день и ночь пряла и вышивала, да тайкомъ помогала больнымъ и бѣднымъ, сиротамъ и вдовамъ, въ томъ селѣ, гдѣ жила она. Любопытно, что, не смотря на все ея благочестіе, она до 16 лѣтъ не бывала въ церкви, потому что по близости и церквей не было. Тутъ ясно виденъ болѣе серьезный, глубокій характеръ Ульяніи, но также видно, куда повела ея жизнь. Она, по своему нѣжному чувству, чуждается грубыхъ забавъ тогдашняго времени и рано замыкается сама въ себѣ: она находитъ одну отраду въ трудѣ, да въ той созерцательной, затворнической жизни, какой образецъ представляло тогдашнее монашество. Но трудъ ея ограничивается пряденьемъ, да вышиваньемъ: ни къ какому живому, осмысленному, болѣе плодотворному дѣлу не приготовляло тогдашнее воспитаніе. Работать, какъ машина, — вотъ все, чего требовалось отъ женщины. Со своимъ дѣятельнымъ умомъ Ульянія искала чѣмъ нибудь наполнить свою жизнь и не находя никакого умственнаго труда отдалась однѣмъ благочестивымъ думамъ; но рядомъ съ христіанскимъ милосердіемъ, въ которомъ выражалась ея честная, добрая душа, мы замѣчаемъ въ ней и отчужденіе отъ жизни и какой-то восточно-византійскій духъ униженія, рабской безответ-

ности,—ту преобладающую черту въ характерѣ, когда человѣкъ болѣе способенъ терпѣть, чѣмъ высказывать свою самостоятельность и силу, и, находя въ терпѣніи высшій подвигъ, съ особенной любовью въ немъ упражняется, самъ придумываетъ средства, какъ истязать себя, какъ губить свою плоть, сковывая свою душу то страшными, то горестными вымыслами. Вся дальнѣйшая жизнь Ульяніи представляетъ рядъ добрыхъ, христіанскихъ подвиговъ и вмѣстѣ различныхъ опытовъ этаго самоистязанія. По обычаю вѣка, 16 лѣтъ ее выдали замужъ, разумѣется, не спрашивая ея воли, за богатаго человѣка: какъ прежде во всемъ она покорялась своей воспитательницѣ теткѣ, такъ теперь смиренно служитъ свекру и свекрови, безропотно выполняя всѣ порученныя ей работы, усердно надзирая за домомъ и за рабами. Каждый разъ, утромъ и вечеромъ, она, вмѣстѣ съ мужемъ, творитъ на молитвѣ по сту поклоновъ. Въ отсутствіе мужа, она еще усерднѣе исполняетъ всѣ религіозные обряды, и тутъ начинаютъ представляться ей видѣнія: бѣсы толпою подступаютъ къ ней во снѣ и грозятся убить ее, если не отстанетъ отъ своихъ благочестивыхъ обычаевъ; но вотъ, является святый Никола, держа въ рукахъ великую книгу, и разгоняетъ нечистую силу. Какъ видно, и Ульяніи не легка была борьба со своими страстями. Въ тоже время, во всѣхъ ея поступкахъ, мы видимъ много добродушія, любви къ ближнему. Она заботится, чтобы ея рабы и рабыни были сыты и обуты, никого изъ нихъ не называетъ простымъ именемъ, ни на кого не клевещетъ, напротивъ готова всегда принять на себя чужую вину, чтобы избавить виноватаго отъ наказанія; она не дозволяетъ также, чтобы рабыни подавали ей умываться или сни-

мали съ нея обувь. Когда въ странѣ начался жестокій голодъ и потомъ моръ, Ульянія, тайкомъ творитъ милостыню, беретъ у своей свекрови, будто для себя, завтракъ и обѣдъ и все раздаётъ нищимъ; она не боится и заразы: своими руками омываетъ прокаженныхъ, лечитъ ихъ, а умерщихъ хоронитъ—все тайкомъ отъ свекрови. Но вотъ, на старости лѣтъ, умерли ея свекоръ и свекровь, и Ульянія свободнѣе прежняго тратитъ свое имѣніе на помощь бѣднымъ. Только трудно было ей бороться съ общимъ зломъ, которое коренилось въ самой жизни. Ея дѣти и рабы часто ссорились между собою. Какъ видно, Ульянія, при всей своей добротѣ, не могла улучшить судьбу своихъ холоповъ такъ, чтобы помирить ихъ съ господами: одинъ изъ слугъ убилъ ея сына. Другой ея сынъ погибъ на войнѣ, и Ульянія больше прежняго начинаетъ истязать себя. Она уже думаетъ разлучиться съ мужемъ, идти въ монастырь, но мужъ не отпустилъ ея. Послѣ его смерти, она расточаетъ все имѣніе на милостыню; оставшись безъ гроша въ студеную зиму, она занимаетъ деньги у дѣтей; но вмѣсто того, чтобы сдѣлать себѣ теплую одежду, все раздаетъ нищимъ,—ходитъ, обувая сапоги на босыя ноги. Мало этого; она придумываетъ разныя средства казнить себя: кладетъ орѣховую скорлупу подъ ноги, устилаетъ свою постель острыми черепками. Но вотъ, вновь начался страшный голодъ и моръ въ царствованіе Бориса; люди умирали, какъ мухи; многіе питались всякою падалью и даже человѣческимъ мясомъ. Ульянія распродала все, что у ней оставалось скота, и всё до послѣдняго зерна раздала голоднымъ; потомъ она распустила рабовъ своихъ, не имѣя чѣмъ кормить ихъ; а тѣмъ, которые, не смотря ни на что, пожелали остаться,

велѣла приготовлять хлѣбъ изъ лебеды и древесной коры,—и повѣтствователь ея житія, въ умиленіи отъ христіанскихъ подвиговъ Ульяніи, увѣряетъ, будто хлѣбъ ея былъ сладокъ, слаще того, какой приготовлялся изъ обыкновенной ржи. Смыслъ нашей древней жизни, по этому сказанію, намъ совершенно ясенъ. Съ одной стороны тяжелый гнетъ невѣжества, печальное состояніе народа, не знавшаго почти никакихъ промысловъ, безсильнаго передъ тысячью внѣшнихъ бѣдствій, каковы голодъ, моръ и другія напасти,—народа, коснѣвшаго въ рабствѣ, вслѣдствіе самой своей бѣдности и необразованности; съ другой, равнодушіе къ этой забитой черни людей богатыхъ, гордыхъ, которые заботились только о своей власти и поживѣ, раздавая милостыню лишь по обычаю, чтобы угомонить пугливую совѣсть. Характеръ Ульяніи и объясняется именно этимъ положеніемъ дѣлъ. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ лицъ, которымъ суждено жить и вѣчно жертвовать собою для какой нибудь прекрасной мысли; но, при дикой грубости окружающаго общества, она рано углубляется въ себя: она сначала принуждена тайкомъ творить даже ту обыкновенную милостыню, которую всѣ въ то время считали необходимою для спасенія души. Ульянія живетъ въ полномъ одиночествѣ и, согласно съ понятіями вѣка, ищетъ подвиговъ въ умерщвленіи плоти: знаніе, наука, опытность не указали ей никакого пути; она живо усвоила лишь суевѣрные вымыслы о злой силѣ, которой существованіе какъ будто оправдывалось печальною обстановкою самой жизни,—и вотъ, ей нужно терзать, истязать себя, чтобы избавиться отъ злаго навожденія. Она тутъ казнила себя за упадокъ бодрости, когда становилось не

подъ силу чести крестъ, положенный на плечи. Но живая сторона ея характера выразилась въ дѣятельномъ сочувствіи къ бѣднымъ. Ульянія и въ богатствѣ не можетъ быть довольной, замѣчая вокругъ себя такъ много несчастныхъ. И здѣсь мы видимъ туже безплодную борьбу, какъ въ ея самоуниженьи. Кормить всѣхъ бѣдняковъ ей не было никакой возможности; она могла только растратить на нихъ до гроша все свое богатство. И чѣмъ же кончился этотъ подвигъ? Лишь тѣмъ, что пришлось готовить хлѣбъ изъ лебеды и древесной коры: всѣ благодѣянія Ульяніи канули, какъ капля въ море. Тогдашніе добрые люди не могли сознаться, что самое ихъ добро не вело къ пользѣ, и утѣшали себя тѣмъ, что хлѣбъ изъ лебеды и древесной коры могъ также быть вкуснымъ и питательнымъ. Но люди всетаки умирали тысячами, и приходилось опять казнить себя для отвращенія грозной Божьей кары. Наука не давала средствъ помочь бѣдному, устроивъ лучшій порядокъ въ самой жизни, не объясняла, какъ и чѣмъ обезпечить трудъ его, чтобы предохранить отъ бѣды: люди тогда нерасчетливо жили одинъ на счетъ другаго, а не другъ для друга, и при такомъ порядкѣ, для самой безопасности богатыхъ, нужно было кормить толпы нищихъ. Ученіе о кормленіи бѣдныхъ и принимали къ сердцу лучшіе люди: при неумѣніи и невозможности оказать иную помощь, это, конечно, было добрымъ ихъ подвигомъ. Но въ тоже время такой обычай страшно разводилъ нищенство и слѣдовательно лишь увеличивалъ бѣду. А тоже самое богатство Ульяніи, употребленное на правильное устройство какого нибудь промысла, постоянно спасало бы многихъ отъ голодной смерти, и самой Ульяніи не зачѣмъ было бы кормиться одной лебедою.

Въ 17-мъ вѣкѣ состояніе русскаго общества было очень безотрадно и только, ясно представивъ все его неустройство, мы живо поймемъ, какъ необходимы были преобразованія, начатыя Петромъ. Не то, чтобы въ русскомъ народѣ не было дѣятельныхъ умовъ, не было людей, искренно преданныхъ добру, подобно Ульяніи; но дѣятельнымъ умамъ не могло быть никакого ходу, при тогдашней неподвижности понятій, когда всякая новинка казалась ересью; но люди, искавшіе добра, по напрасну тратили свои силы при тогдашней безурядицѣ, при всеобщей распущенности нравовъ. Кончилось тѣмъ, что дѣятельные люди сводили дружбу съ кабацкою голью, пускались на грабежъ, а добрые бѣжали отъ свѣта въ пустыню. Общество однако выработало извѣстныя нравственныя понятія. Въ поэмѣ о Горѣ и Злощастіи родители даютъ такое наставленіе сыну: «Не ходи, чадо, въ пиры и братчины, не пей двухъ чаръ за едину; не бойся мудра, бойся глупа, чтобы глупые не сняли съ тебя дорогихъ одеждъ (т. е. не ограбили); не ходи къ костарямъ и корчемникамъ (къ игрокамъ въ кости и содержателямъ харчевенъ), не знайся съ головами кабацкими, не думай обокрасть, ограбить и обмануть, учинить неправду; не собирай богатства неправаго, не будь послухъ (свидѣтель) въ лжесвидѣтельствѣ; не бесчествуй богатаго и убогаго, а имѣй всѣхъ равно по единому, да знайся съ мудрыми и водись съ друзьями надежными». Мы тутъ не видимъ никакого опредѣленнаго нравственнаго ученія, и должны прежде спросить, каковы были мудрые люди, съ которыми слѣдовало знаться? Явно, что это были люди спокойные, разсчетливые, не способные ничѣмъ увлекаться, которые умѣли беречь себя и втихомолку сбивать себѣ копейку.

Скопленное добро они недовѣрчиво прятали въ подвалы и жили смирненько, „имѣя всѣхъ равно по единому“, то есть, одинаково угождая всѣмъ. Кто не былъ властнымъ и сильнымъ, того нужда заставляла поступать такимъ образомъ. „Не красть, не грабить, не обманывать“— вотъ наибольшія добродѣтели, какія требовались; но, при этихъ отрицательныхъ качествахъ, человѣкъ еще могъ оставаться порядочнымъ кулакомъ и плутомъ. Поэма о Горѣ и Злощастіи, любопытное произведеніе XVII вѣка, написанное простымъ, народнымъ языкомъ, указываетъ намъ, какова была судьба тѣхъ людей, которые не слѣдовали этимъ прадѣдовскимъ правиламъ, а пытались жить по своему. Тутъ разсказана исторія молодца, который, ослушавшись отца-матери, хочетъ „жить, какъ ему любо“. Молодецъ заработываетъ себѣ пятьдесятъ рублей и находитъ братца названаго. Этотъ братецъ заводитъ его на кабацкій дворъ,—подноситъ ему чару зелена вина, да пива пьянаго и говоритъ: „Хоть упьешься, братецъ, до-пьяна, ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися; я сяду стеречь и досматривать въ головахъ у тебя, мила друга“. Не хотѣлось молодцу ослушаться братца; какъ упился онъ безъ памяти, да просыпается ночью, а у него и платье, и чулки, и рубашка—все поснимано: кирпичекъ положенъ подъ буйную голову, накинуто на него отрепье, въ ногахъ лапотки-отопочки. Стыдно тогда стало молодцу показаться отцу-матери, одѣлъ онъ отрепье и пошелъ на чужую сторону. Приходитъ онъ на чужой дворъ, на почестной пиръ; ему дали мѣсто за столомъ: всѣ веселятся, похваляются, а онъ одинъ сидитъ нерадостенъ. Добрые люди спознали о его бѣдѣ-кручинѣ и даютъ ему совѣтъ, какъ жить на чужой сторонѣ: „Покорися ты другу и не-

другу, поклонися стару и молоду, а что слышишь иль видишь,—не сказывай; не живи ты упадки вилявой, не вейся змѣей лукавою, а живи во всѣхъ смиреніе и съ кротостью держись истины съ правдою,—то будетъ тебѣ честь и хвала великая". Тутъ подтверждается то же правило, о которомъ мы говорили выше: живя съ людьми, нужно было поступать осторожно, не сказывать, что на душѣ, всѣмъ прислуживать, хоть и безъ обмана,—вообще жить какъ можно смирнѣе. И вотъ все то добро, какимъ могли похвастать тогда самые лучшіе, правдивые люди! Молодецъ послушался совѣта, нажилъ денегъ больше прежняго и задумалъ жениться, какъ является ему Горе-Злощастіе. Оно говоритъ ему: „Не хвались, молодецъ, своимъ счастіемъ: бывали у меня, Горя, люди и мудрѣе тебя и досужѣе, а я, Горе, и ихъ перемудрило; до смерти со мною боролись, пока землею отъ меня на-крѣпко не закрылись". И Горе пугаетъ молодца, что невѣста его погубитъ, жена удавитъ, что убьютъ его изъ за золота-серебра, и совѣтуетъ ему прогулять, пропить все добытое добро: „никто къ нагому не привяжется, а нагому-босому шумитъ разбой". Молодецъ, хоть и не сразу повѣрилъ, расточилъ все свое богатство, и опять пошелъ бродить въ кабацкомъ отрепьи. Что же это за горе? зачѣмъ молодцу нужно было съ нимъ знаться, когда онъ уже зажилъ, умѣючи, разумѣючи, шелъ къ людямъ съ поклономъ и съ покоромъ? Слагатель этой поэмы объясняетъ дѣло тѣмъ, что онъ ослушался родителей, не взялъ родительскаго благословенія, давая понять, что въ тотъ вѣкъ за все можно было простить, но не за нарушеніе обычая. Да отчего-жъ бы родителямъ и не дать молодцу благословенія? вѣдь онъ сталъ жить на чужбинѣ по ихъ уму-

разуму, слѣдуя ихъ же доброму совѣту. Нѣтъ, видно ни смиренное житіе, ни добрый совѣтъ родительскій тутъ не помогали. Горе хвасталось тѣмъ, что отъ него не уходилъ и самый мудрый изъ людей. Это былъ такой злой демонъ, отъ котораго ни правда, ни честный трудъ, ни кроткое терпѣніе, ни поклонливость не спасали. Вѣра въ подобнаго демона, какъ въ неизбѣжную судьбу возможна лишь тамъ, гдѣ человѣкъ самъ не находитъ себѣ опоры въ своемъ умѣ, въ своемъ знаніи, душевномъ мужествѣ и въ сознаніи крѣпкой, настоящей правды, да и общество не даетъ ему никакой охраны отъ зла. Съ нашимъ молодцемъ такъ и было. Съ самаго начала, думая жить самъ по себѣ, онъ уже поддается недоброму совѣту названаго братца и встрѣчаетъ все людей, искавшихъ случая пожить на чужой счетъ и кого-нибудь ограбить. Потомъ, какъ видно, онъ взялся за умъ-разумъ, но высчитывать каждую копейку и все смиренничать пришлось не по душѣ: захотѣлось выказать удаль... чѣмъ выказать? опять нашлись пріятели, которые потянули молодца къ кабаку. Да имѣла же какое-нибудь основаніе и печальная мысль, что босому жить безопаснѣе. Въ поэмѣ какъ будто есть намекъ на то, что молодецъ разувѣрился въ своей невѣстѣ; ему нашептали, что она хочетъ его ограбить. Въ этой незавидной жизни, гдѣ человѣкъ ежеминутно трепеталъ въ ожиданіи какого-нибудь зла, женщина, въ ея рабской долѣ, представлялась также однимъ изъ источниковъ этого зла; вмѣсто любви и семейнаго счастья отъ нея, по понятію нашихъ предковъ, можно было ждать только соблазна и дьявольскихъ чаръ. При такихъ обстоятельствахъ, Горю, конечно, жилось на свѣтѣ: „А и мнѣ, Горю, не впустѣ же жить; хочу я, Горе, въ людяхъ

жить,—и батогомъ меня не выгонишь“. Молодецъ снова скитается безъ пристанища, приходитъ къ рѣкѣ, хочетъ броситься въ воду, да Горе выскочило изъ-за камня, удерживаетъ его и требуетъ, чтобы онъ ему покорился. Подумалъ молодецъ: „когда у меня нѣтъ ничего, и тужить мнѣ не о чемъ“, и запѣваетъ онъ безпечную пѣсенку о томъ, какъ лелѣяла его матушка, да неладно напророчила. Перевозчики даромъ перевезли его, напоили и накормили и совѣтуютъ ему идти къ родителямъ. Отправился онъ въ поле, а Горе ужъ летаетъ надъ нимъ, каркаетъ ворономъ. „Не одно я, Горе—еще сродники, а кто въ семью къ намъ примѣшается, ино тотъ между нами замучится“. Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ, а Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ; полетѣлъ сизымъ голубемъ, а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ; молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ, а Горе за нимъ съ борзыми псами; молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава, а Горе пришло съ косою вострою: быть тебѣ, травонька, посѣченной, лежать тебѣ, травонька, подкошенной и буйными вѣтрами развѣянной. Пошелъ молодецъ въ море рыбою, а Горе за нимъ съ частыми неводами; быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленной, быть тебѣ съѣденной, умереть напрасною смертію. Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою, а Горе подъ руку подъ правую: научаетъ молодца богато жить, убить и ограбить, чтобы молодца за то повѣсили, или съ камнемъ въ воду посадили. Вспомнилъ молодецъ спасенный путь и пошелъ въ монастырь постригаться.

Эта яркая, страшная картина бѣды, неотступно преслѣдующей человѣка, достаточно рисуетъ намъ характеръ древней жизни: возможна ли борьба съ такою тупою, безсмысленной силою, какая здѣсь представ-

лена? у нея нѣтъ другой цѣли, кромѣ разрушенья. Молодецъ спасается отъ Горя въ монастырѣ, но именно печальная сторона жизни и заключалась въ томъ, что, только отказываясь отъ всякой дѣятельности въ обществѣ, отъ всякихъ сношеній съ людьми, человѣкъ могъ найти себѣ какое-нибудь успокоеніе. Однако самая живость, съ какою представлены въ поэмѣ Горе и его безпощадныя преслѣдованія, доказываетъ, что въ народѣ, въ обществѣ уже пробуждалось сознаніе, что невозможно долѣе жить сколько нибудь разумною жизнію при тѣхъ неустройствахъ, какія тогда встрѣчались повсюду. Глядя съ этой точки зрѣнія на Петра Великаго, мы найдемъ въ немъ не просто подражателя нѣмцамъ, а самаго умнаго и дѣятельнаго изъ русскихъ людей, который, при своей неограниченной власти, не имѣя нужды покоряться старому, неподвижному обычаю, могъ смѣло попирать его, въ силу этого самаго сознанія. Не въ одной только поэмѣ „Горе и Злощастіе", и въ другихъ произведеніяхъ того вѣка (какъ, напримѣръ, повѣсть о Саввѣ Грудицынѣ) и несчастія и успѣхъ человѣка въ жизни объясняются злою, нечистою силою, которая всюду распоряжается, какъ у себя дома. Но мы поймемъ лучше значеніе этой нечистой силы, когда увидимъ, что лишь хитрые сутяги, люди рѣшительные, которые не задумывались употребить всякую ложь и обманъ въ дѣло, могли тогда выиграть; таковы характеры, изображенные въ народныхъ разсказахъ: „Ершъ [illegible]чковъ, Шемякинъ Судъ", въ повѣсти „Флоръ [illegible]ъ".

XII. Наши странные путешественники.

О той степени образованія, на какой стояли русскіе до Петра Великаго, лучше всего можно судить по разсказамъ нашихъ путешественниковъ, которымъ случалось посѣщать чужія страны. Человѣкъ мало образованный, когда видитъ новые предметы, обыкновенно замѣчаетъ въ нихъ только то, что рѣзко бросается въ глаза, напр.: огромныя горы, зданія, какія нибудь наружныя украшенія города, фигуры людей и животныхъ, особую одежду жителей, и проч. Но при этомъ онъ не задаетъ себѣ вопроса: отчего у другихъ людей все устроено такъ, а не иначе, какъ живутъ люди въ этихъ огромныхъ зданіяхъ, какіе ихъ нравы и обычаи, чѣмъ отличается природа въ ихъ землѣ отъ нашей, и т. д. Малообразованный путешественникъ обратитъ вниманіе и на предметы, которые были близки ему на родинѣ; но ни въ одномъ изъ своихъ наблюденій все-таки не дастъ себѣ совершенно яснаго отчета. Наши старинные путешественники большею частію принадлежатъ къ числу *паломниковъ*, ходившихъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, особенно въ Царьградъ и Іерусалимъ, откуда они приносили освященныя *пальмы*: отъ этихъ пальмъ и произошло ихъ названіе. Кромѣ того нѣкоторые странствовали по торговымъ дѣламъ, или отправляемы были послами къ иноземнымъ государямъ. Изъ самыхъ древнихъ нашихъ паломниковъ извѣстенъ игуменъ Даніилъ, посѣтившій въ 12-мъ вѣкѣ Палестину. Отъ него дошло до насъ, подъ названіемъ: „Хожденіе игумена Даніила“,—довольно подробное и точное описаніе святыхъ мѣстъ, гдѣ происходили евангельскія событія. Другіе предметы мало занимаютъ Даніила: въ его разсказѣ ви-

дѣнъ прежде всего монахъ, отрекшійся отъ всего мірскаго. На пути встрѣчаетъ онъ городъ Ефесъ и говоритъ: „Ефесъ градъ на сушѣ, отъ моря болѣе 4-хъ верстъ, обиленъ всѣмъ“. Положеніе Іерусалима такъ описано“. До Іерусалима путь тяжкій и сращенъ вельми, все въ горахъ каменныхъ; городъ въ дебряхъ, около него высокія каменныя горы, мѣсто безводное: ни рѣки, ни источника, и люди живутъ только дождевою водою. Около Іерусалима изрядно родится ячмень и пшеница: насѣешь кадь, а соберешь до 100 кадей. Тутъ и винограда много, и овощныя деревья; смоквы и маслины“. О рѣкѣ Іорданѣ Даніилъ разсказываетъ слѣдующее: „Іорданъ рѣка течетъ быстро; берега по ту сторону крутые, а отсюда (со стороны Іерусалима) пологи. Вода его мутна и сладка на вкусъ, и не можешь довольно напиться той святой воды: ни болитъ отъ нея, ни пакости нѣтъ въ чревѣ. Въ ширину и въ глубину Іорданъ подобенъ рѣкѣ Соснѣ (въ Черниговской губерніи), очень извилистъ и быстро течетъ, глубиною 4 сажени посреди самаго купанья. Я самъ это узналъ и измѣрилъ, ходилъ и на ту сторону рѣки и много бродилъ по берегу съ любовью. По эту сторону, на мѣстѣ купанья есть небольшой лѣсъ, много высокихъ деревьевъ на берегу, подобныхъ вербѣ, но то не верба; а выше купанья много тростнику, но тростникъ не такой, какъ у насъ; и тутъ живетъ много звѣрей: есть дикія свиньи и много тутъ рысей; есть львы по ту сторону Іордана, въ каменныхъ горахъ, много тутъ львовъ рождается“. Мы видимъ, съ какою любовью благочестивый странникъ говоритъ объ Іорданѣ: священная для христіанина рѣка привлекаетъ все его вниманіе. И при всей этой усердной наблюдательности, онъ въ состояніи только вымѣрить ши-

рину и глубину Іордана, да подмѣтить, что есть какія то особыя деревья на берегу его, да водятся кой какіе звѣри. Даніилъ, посѣтивъ уже многія страны, не знаетъ и того свойства богатой южной растительности, по которому пшеница можетъ давать самъ сто и болѣе: это приписываетъ онъ особенному чуду. Такъ ограничены его понятія о природѣ. Тѣмъ менѣе можно отъ него ожидать какихъ либо наблюденій надъ нравами и обычаями жителей, надъ общественнымъ положеніемъ страны. Конечно, Даніилъ имѣлъ главною цѣлію лишь поклоненіе святымъ мѣстамъ; но и по отношенію къ этой главной цѣли многое могло-бы возбудить въ немъ вопросы. Онъ встрѣчался съ сарацынами, которымъ передъ тѣмъ святыя мѣста принадлежали. Незадолго передъ его путешествіемъ, Іерусалимъ завоеванъ былъ европейскими рыцарями, крестоносцами, подъ начальствомъ Готфрида Вульонскаго, и теперь королемъ въ Палестинѣ былъ братъ Готфрида, Балдуинъ. Даніилъ видѣлся съ этимъ Балдуиномъ, выпросилъ у него позволеніе поставить за всѣхъ русскихъ князей и за весь православный людъ лампаду при Гробѣ Господнемъ, а потомъ, въ его свитѣ, присутствовалъ при торжественной службѣ въ первый день Пасхи. Но мы не находимъ у него никакихъ разсказовъ ни о Балдуинѣ, ни о тогдашнемъ состояніи Іерусалима. Онъ только описываетъ, какъ покупалъ лампаду, какъ ее ставилъ, какъ совершалась служба, какъ былъ добръ къ нему ключарь Святаго Гроба. „Три дня спустя послѣ Воскресенія пришелъ я ко ключарю и сказалъ: хотѣлъ бы я взять свое кандило (лампаду). Онъ съ любовью одного меня ввелъ въ гробъ; тутъ я нашелъ свое кандило, еще горѣвшее святымъ свѣтомъ, поклонился и облобы-

залъ со слезами то мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Христово. Тогда-то я измѣрилъ собою гробъ въ длину и въ ширину: при людяхъ никому невозможно было мѣрить. По силѣ своей, сколько могъ, я почтилъ Гробъ Господень, и „нѣчто мало“ подалъ тому ключарю. Онъ же, видѣвъ любовь мою ко Гробу Господню, отодвинулъ доску, бывшую въ головахъ Святаго Гроба и отломилъ „нѣчто мало“ отъ святаго камени на благословеніе, и запретилъ мнѣ съ клятвою говорить о томъ въ Іерусалимѣ“. Что касается внѣшнихъ описаній, то въ нихъ вездѣ у Даніила видна большая точность; все онъ вымѣряетъ локтями, аршинами, или наглядно опредѣляетъ высоту и разстояніе предметовъ, говоря: „Какъ сидя на конѣ, достать рукою; какъ два раза выстрѣлить изъ лука“; и проч. Въ примѣръ приведемъ еще описаніе Гроба Господня: „Подъ тѣмъ непокрытымъ верхомъ (въ круглой церкви Воскресенія) находится Гробъ Господень: точно малая пещерка иссѣчена въ камнѣ, съ малыми дверцами, — человѣкъ можетъ влѣзть, наклонившись, — 4 локтя въ длину и въ ширину. Войдя въ пещеру тѣми малыми дверцами, на правой рукѣ увидишь, иссѣчена лавица въ томъ пещерномъ камнѣ; на той лавицѣ лежало тѣло Господа нашего Іисуса Христа, и нынѣ та святая лавица закрыта мраморными досками; а на сторонѣ продѣланы три круглыя оконца. Въ концѣ видѣнъ тотъ святой камень, и тутъ цалуютъ всѣ христіане“, и проч.

Хожденіе Даніила игумена можетъ служить образцомъ нашихъ старинныхъ разсказовъ о странствованіи къ святымъ мѣстамъ, хотя и относится къ 12-му вѣку; послѣдующіе путешественники этого рода, по своимъ понятіямъ, существенно не отличаются отъ Даніила: у нихъ

подчасъ только менѣе находимъ простоты и ясности въ изображеніи предметовъ.

Какъ образецъ путевыхъ записокъ, составленныхъ свѣтскимъ лицемъ, можетъ служить путешествіе тверскаго купца, Афанасія Никитина въ Индію (съ 1466 по 1472 годъ). При Іоаннѣ III пріѣзжалъ къ московскому двору посолъ изъ Шемахи. Когда онъ возвращался домой, Никитинъ снарядилъ съ другими купцами два судна и рѣшился за нимъ слѣдовать, чтобы безопаснѣе проѣхать по Волгѣ и сбыть свои товары въ Персіи. Но въ устьѣ Волги суда были захвачены татарами; Никитинъ всего лишился и спасся отъ плѣна только тѣмъ, что бѣжалъ въ Дербентъ. Сюда собрались и его товарищи. „Насъ то много, пишетъ Никитинъ, и мы заплакавъ да разошлись кой куда: у кого что есть на Руси, тотъ пошелъ на Русь, а кто въ долгу, пошелъ, куда его очи понесли; иные остались въ Шемахѣ, а иные отправились работать въ Баку". Поѣхалъ и Никитинъ въ Баку, и отсюда, вѣроятно, съ караваномъ купцовъ, задумалъ пуститься въ Индію. У него еще оставался хорошій конь, и онъ надѣялся въ Индіи выгодно продать его, накупить товаровъ на русскую землю и такъ поправить свое состояніе. Около года пробылъ онъ въ Персіи, потомъ изъ Ормуза отправился моремъ въ Индію. Здѣсь, около трехъ лѣтъ, онъ прожилъ на западномъ берегу, между прочимъ въ городахъ Чунерѣ и Бедерѣ. Въ Чунерѣ ханъ отнялъ у него коня, да сталъ принуждать его принять бусурманскую вѣру; но Никитинъ нашелъ покровителя въ хоросанцѣ Махметѣ: ему возвратили коня и самого оставили въ покоѣ. Въ Бедерь пріѣхалъ онъ со своимъ конемъ на торгъ и, кажется, прожилъ здѣсь долѣе; но того, чего

искалъ, не нашелъ. „Налгали мнѣ псы бусурманы, пишетъ Никитинъ, сказывали, много нашего товару, анъ нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлый, на бусурманскую землю: перецъ, да краска—то и дешево; возятъ хоть и моремъ да пошлинъ много, да на морѣ разбойниковъ много“. Кромѣ того, Никитинъ стосковался по родной землѣ, безпокоясь и о томъ, чтобъ не обусурманиться въ Индіи, гдѣ, по его словамъ, существовало 84 вѣры. „Со мною, говоритъ онъ, нѣтъ ничего, никакой книги; книги взялъ съ собою съ Руси, да какъ меня пограбили, то и ихъ отняли, а я забылъ всѣ праздники христіанскіе: ни Велика дня, ни Рождества Христова не знаю. Мѣсяцъ Мартъ прошелъ и я заговѣлъ съ бусурманами въ воскресенье, да говѣлъ мѣсяцъ, мяса не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакой пищи бусурманской, а ѣлъ дважды въ день хлѣбъ да воду, да молился... А жить въ Индостанѣ, такъ все свое добро исхарчишь, все у нихъ дорого; одинъ я человѣкъ, да полтретья алтына на харчи выходитъ въ день, а ни вина, ни сыты не пивалъ“. Такъ Никитинъ все думалъ о родинѣ и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы возвратиться. Онъ поѣхалъ моремъ въ Ормузъ, а отсюда сухимъ путемъ въ Испагань, въ Требизонтъ, а изъ Требизонта, выдержавъ на Черномъ морѣ сильную бурю, прибылъ въ Крымъ въ Кафу. Наконецъ изъ Кафы онъ вернулся на Русь, но доѣхалъ только до Смоленска и здѣсь умеръ; записки его были доставлены въ Москву. Путешествіе Никитина извѣстно подъ названіемъ: „Хожденіе за три моря“, то есть, за море Каспійское, Индѣйское и Черное. Никитинъ видѣлъ много земель, но долѣе всего пробылъ въ Индіи, и не могъ не обратить вниманія на рѣзкія особенности

этой земли, которую онъ посѣтилъ прежде, чѣмъ хорошенько ознакомились съ нею европейцы. Онъ замѣчаетъ и отличія индѣйскаго климата: „Зима говоритъ, у нихъ стала съ Троицына дня; — день и ночь четыре мѣсяца все вода да грязь". Но болѣе всего его занимаетъ одежда жителей, восточная роскошь индѣйскихъ хановъ, окруженныхъ множествомъ рабовъ, а въ особенности торговля и религія. „Люди ходятъ всѣ наги, пишетъ онъ, а голова не покрыта, и груди голы, и волосы заплетены въ одну косу, и всѣ ходятъ брюхаты, а дѣтей родятъ на всякій годъ и дѣтей у нихъ много, а мужики и жонки всѣ наги, а всѣ черны; я куда иду, то за мною много людей, дивуются бѣлому человѣку... Въ Ведери торгъ на кони, на товаръ, на камки, да на шелкъ и на иной товаръ, да можно купить въ немъ черныхъ людей; а иной въ немъ купли нѣтъ—все товаръ ихъ гундустанскій, да съѣстное и овощь... Все черные люди, все злодѣи, а жонки безпутны, да вѣдуны и тати, да ложь, да зелье, морятъ господъ своихъ зельемъ. Княжатъ все хоросанцы, а гундустанцы все пѣшеходы; ходятъ напередъ хоросанцы на коняхъ, а прочіе все пѣши ходятъ борзо, а все наги, да босы, да щитъ въ рукѣ, а въ другой мечь, а иные съ луками великими, да со стрѣлами. А бой ихъ— все слоны, да пѣшихъ пускаютъ напередъ, а хоросанцы на коняхъ, да въ доспѣхахъ — и кони и сами; къ слонамъ вяжутъ къ рылу да къ зубамъ великіе мечи кованые, по три пуда вѣсу, да облекутъ ихъ въ доспѣхи булатные, да на нихъ сдѣланы городки (бойницы), въ городкахъ по 12 человѣкъ въ доспѣхахъ". Никитинъ, конечно, не понималъ, каково было положеніе народа въ Индіи, гдѣ лишь жрецы да воины пользовались извѣстными пра-

вами, а остальной народъ находился въ рабствѣ; но это жалкое, рабское состояніе видно изъ описанія той пышности, съ какою жили султаны. По словамъ Никитина, когда султанъ бедерскій выѣзжалъ на потѣху съ матерью, да съ женою, то его сопровождали на коняхъ 10,000, а пѣшихъ 20,000, да выводили 200 слоновъ, наряженныхъ въ золотые доспѣхи, да передъ нимъ ѣхало трубниковъ 100, да плясуновъ 100, да обезьянъ 100. Въ султановомъ дворѣ семеро воротъ, а въ воротахъ по 100 сторожей, да по 100 писцовъ: кто пойдетъ, записываютъ, и кто выйдетъ, записываютъ; дворъ его великолѣпный, а все на вырѣзѣ, да на золотѣ, и послѣдній камень вырѣзанъ, да золотомъ описанъ вельми чудно". Съ братомъ султана выѣзжаютъ 2,000 женъ на коняхъ и въ золоченыхъ кроватяхъ, сто коней, одѣтыхъ въ золото, и слѣдомъ идетъ множество пѣшаго народа, пѣшія и нагія женщины съ водою для питья и обмыванья. Никитинъ описываетъ и нѣкоторые религіозные обычаи индѣйцевъ: „Бутъ (индѣйскій идолъ) сдѣланъ изъ чернаго камня, вельми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко, а въ лѣвой у него копье; на немъ нѣтъ ничего, лишь задъ обвязанъ ширинкою, а видѣніе обезьянино. Индѣйцы не ѣдятъ никакого мяса: ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины; съ мусульманами ни пьютъ, ни ѣдятъ. Ѣства ихъ плоха, одинъ съ другимъ не ѣетъ, ни съ женою; ихъ кушанье— сорочинское пшено, да морковь съ масломъ, да съ молокомъ... Молитву творятъ на востокъ по-русски, обѣ руки подымаютъ высоко, да кладутъ на темя, да ложатся ницъ на землѣ, весь растянется на землѣ,—то ихъ поклоны". Какъ купецъ, Никитинъ не забылъ разузнать обо

всѣхъ главныхъ торговыхъ мѣстахъ въ Индіи и о товарахъ, какіе въ ней можно купить; онъ упоминаетъ о слѣдующихъ произведеніяхъ индѣйской земли: синяя краска—нилъ, сандалъ, мастика, драгоцѣнные камни, алмазъ, хрусталь, жемчугъ бисеръ, фарфоръ, пряныя коренья, перецъ, мускатъ, корица, инбирь, гвоздика, шелкъ, сахаръ, слоны, и проч.

Мы видимъ въ Никитинѣ многія живыя черты русскаго характера: удаль, необыкновенную выносливость, сметливость, бойкую воспріимчивость. Какъ человѣкъ свѣтскій, онъ не погруженъ въ созерцаніе однихъ религіозныхъ предметовъ и говоритъ о языческихъ обрядахъ, не думая рѣзко осуждать ихъ съ поучительной цѣлью; какъ любознательный путешественникъ, онъ подмѣтилъ многое, что было характернаго въ жизни индѣйцевъ. Но съ другой стороны онъ совсѣмъ не образованъ, вѣритъ въ сказки, напримѣръ, что въ Индіи есть птица гукукъ: на которой хороминѣ сядетъ, тутъ и человѣкъ умретъ,— что у обезьянъ есть свой обезьянскій князь: „ходитъ своею ратью, да кто ихъ задѣнетъ, то они жалуются своему князю, да, пришедъ на городъ, разваляютъ дворы и людей побьютъ“. Въ сущности разсказъ Никитина сходенъ съ разсказомъ Даніила игумена въ томъ, что и онъ, обращая все вниманіе на внѣшность, на то, что само собою бросается въ глаза, не умѣетъ вникать во внутреннее значеніе предметовъ, объяснять, отчего происходятъ тѣ или другія явленія. Рѣчь Никитина совершенно простая, но отрывистая и въ разсказѣ у него мало послѣдовательности и порядка.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ.

XIII. Литература XVII-го вѣка.

Наше образованіе шло медленно и туго, потому что до Петра мы были отдѣлены отъ образованной Европы и держались болѣе восточныхъ, азіатскихъ понятій. Однако же со временъ Іоанна Грознаго, при московскомъ дворѣ, начинается нѣкоторое сближеніе съ европейцами. Іоаннъ Грозный и особенно Борисъ Годуновъ были окружены англичанами, нѣмцами и отчасти французами, которые живутъ въ Москвѣ, какъ доктора и ремесленники, какъ послы или начальники иноземныхъ отрядовъ, бывшихъ на службѣ у московскаго царя. При Іоаннѣ Грозномъ выписанъ изъ Даніи типографщикъ и, подъ его руководствомъ, дьяконъ Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславцевъ напечатали у насъ, въ 1564 году, первую книгу: „Дѣянія апостоловъ“. Но тутъ началось озлобленіе „отъ священно-начальниковъ и учителей“, по словамъ Федорова; лицъ, печатавшихъ книги, изъ зависти обвинили въ ереси, и они принуждены были бѣжать. Народъ сжегъ типографію. Федоровъ и Мстиславцевъ удалились въ Западную Русь, и потомъ основали типографіи въ Острогѣ и Львовѣ. Въ Москвѣ печатаніе церковныхъ книгъ возобновилось при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ; но исправлять ихъ не осмѣливались, а печатали со старыхъ, искаженныхъ текстовъ. Немногіе изъ болѣе образованныхъ справщиковъ, которые, сравнивая искаженный текстъ съ подлинникомъ, рѣшались измѣнять въ книгахъ хоть слово, подвергались жесточайшимъ преслѣдованіямъ. Такъ дѣло

продолжалось до патріарха Никона. Значитъ вліяніе европейской образованности у насъ тогда было еще очень ничтожно, и въ этомъ отношеніи Западная и Южная Русь опередила московское государство. Мы видѣли, какъ еще Курбскій жаловался, что католическіе попы, іезуиты, берутъ перевѣсъ надъ русскими своимъ образованіемъ и требовалъ, чтобы у насъ больше учились. Западно-русское духовенство скоро поняло необходимость ученья, стало заводить братства для поддержанія православія и школы по образцу польскихъ, устроенныхъ іезуитами. Изъ этихъ школъ особенно замѣчательна была *кіевская*, основанная братствомъ при Богоявленской церкви. Митрополитъ кіевскій, Петръ Могила, когда то учившійся въ Парижѣ, задумалъ обратить ее въ высшее училище, въ *коллегію* (около 1631 года). Онъ велѣлъ выстроить для нея новое зданіе, далъ земли на ея содержаніе и на свой счетъ отправилъ нѣсколько молодыхъ монаховъ за границу для обученія высшимъ наукамъ. Въ школѣ прежде учили латинскому, греческому, польскому и славянскому письму; теперь въ новой коллегіи, которая впослѣдствіи, со временъ Петра Великаго, стала называться *академіей*, находимъ 8 классовъ: 6 низшихъ и 2 высшіе. Въ низшихъ классахъ сперва учили языкамъ славянскому, греческому и латинскому, катихизису и ариѳметикѣ, а потомъ—риторикѣ (искусству слова и краснорѣчію) и піитикѣ (искусству стихосложенія); въ высшихъ классахъ преподавали философію и богословіе. Важное мѣсто тутъ занимала *діалектика*—искусство вести пренія: учащіеся упражнялись въ произнесеніи рѣчей на заданную тему и въ диспутахъ, или состязаніяхъ, въ которыхъ одинъ излагалъ какое либо ученіе вѣры, а другіе его

оспаривали. Надо замѣтить, что эта наука, хотя и зашедшая въ Западную Русь изъ образованной Европы черезъ Польшу, была наука старая, такъ называемая *схоластическая*, которая процвѣтала въ Европѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Въ 17-мъ вѣкѣ въ Англіи, во Франціи, въ Италіи уже стали появляться ученые, которые внимательно изучали окружающую природу; недопуская никакихъ вымысловъ, основывали свои выводы на точныхъ наблюденіяхъ, смѣло вооружались противъ старыхъ ученій, если они не согласны были съ истиной, и въ своихъ сочиненіяхъ старались объяснять самый смыслъ предмета, а не подбирать однѣ хитросплетенныя фразы. Напротивъ схоластика занималась только словопреніями: въ средніе вѣка въ Европѣ никто не смѣлъ разсуждать свободно, а долженъ былъ держаться извѣстныхъ книгъ, одобренныхъ католическимъ духовенствомъ; значитъ, все искусство состояло въ томъ, чтобы выбрать изъ этихъ книгъ тотъ или другой примѣръ, сдѣлать то или другое умозаключеніе, переставивъ по своему уже готовыя, чужія мысли, да разукрасить рѣчь сравненіями, восклицаніями, обращеніями и другими ораторскими выраженіями. Въ логикѣ, то есть, въ ученьи, какъ правильно мыслить, слѣдовали греческому мудрецу, Аристотелю, а Аристотель преимущественно училъ, какъ уже извѣстную мысль примѣнять къ другой мысли. Вотъ, я говорю: „птица летаетъ“. Эту мысль я примѣню къ тому, что и воронъ летаетъ; потому что воронъ — птица. А какъ я узналъ, что всѣ птицы летаютъ и что воронъ птица? Узнать я это могъ только *черезъ наблюденіе природы*. Если же я не могу судить по своимъ наблюденіямъ, то долженъ принимать все на вѣру. Такъ и дѣлали въ

старину: изъ сужденій, принятыхъ на вѣру, выводили новыя сужденія. Конечно, въ дѣлѣ религіи, гдѣ каждое утвержденіе основано на истинахъ, которыя уже признаны церковью непремѣнными и освящены преданіемъ, такой способъ разсужденія является наиболѣе естественнымъ и неизбѣжнымъ; но схоластическая наука эту непреложность религіозной истины переносила и на всѣ знанія, не относящіяся къ религіи, каково знаніе природы и человѣческаго общества. Іезуиты, имѣя цѣлію не столько просвѣщать, сколько уловлять умы, строго держались этой старинной науки. Въ Западной Руси стали ее изучать, имѣя цѣлью бороться съ іезуитами.

Скажемъ въ немногихъ словахъ, въ чемъ тутъ состояла риторика и философія. Мы уже видѣли, что въ схоластикѣ держались принятыхъ на вѣру сужденій, слѣдовательно изобрѣтать было нечего, и въ сочиненіи обращали вниманіе только на внѣшность, на форму. *Изобрѣтеніемъ* назывался подборъ мыслей по извѣстнымъ вопросамъ: кто? что дѣлалъ? на какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? для чего? какимъ способомъ? въ которомъ часу? Ректоръ кіевскаго братскаго монастыря, Іоанникій Галятовскій, въ своей книгѣ „Ключь Разумѣнія", гдѣ преподаетъ правила, какъ писать поученія, совѣтуетъ пользоваться этими вопросами для того, чтобы наполнить сочиненіе, напримѣръ: Кто? — Христосъ, король надъ королями, панъ надъ панами. Что дѣлалъ?—терпѣлъ муки и смерть отъ человѣка. Въ какомъ мѣстѣ?—Въ Іерусалимѣ, столичномъ мѣстѣ жидовскомъ и проч. При такомъ искусственномъ, чисто механическомъ подборѣ мыслей уже не было мѣста простому искреннему выраженію чувства; оно охлаждалось въ риторическихъ тонкостяхъ. Галя-

товскій далѣе толкуетъ, что можно написать цѣлое поученіе, остановившись на объясненіи имени. „Богъ“ называется отъ „богатства“; Онъ богатъ милосердіемъ, по слову апостола Павла. „День недѣльный“ (воскресенье) происходитъ отъ „недѣланія“; въ этотъ день ничего не дѣлаютъ, только молятся Богу. „Владиміръ“—такъ какъ „владѣлъ міромъ“; „Христофоръ“ (Христоносецъ)—отъ того что Христа „носилъ“ въ своемъ сердцѣ; „Василій“ значитъ „царь“; онъ „царствовалъ“ надъ своимъ тѣломъ, надъ страстями, и т. д. Далѣе въ поученіи должны быть строго соблюдены извѣстныя правила; оно непремѣнно дѣлится на три части: *вступленіе*, гдѣ сочинитель предъувѣдомляетъ, о чемъ будетъ говорить,—*изложеніе*, гдѣ онъ распространяется о предметѣ, и *заключеніе*, гдѣ напоминаетъ еще разъ сказанное и совѣтуетъ все держать въ памяти. Источниками для поученій, кромѣ священнаго писанія и сочиненій отцевъ церкви, служили старыя хроники (лѣтописи) и исторіи, между прочимъ легенды, религіозныя преданія, и также „книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревахъ, каменьяхъ и разныхъ водахъ“. Какъ примѣнялись къ дѣлу правила риторики, лучше всего можно видѣть изъ проповѣдей Галятовскаго *). Въ словѣ на Срѣтеніе Господне онъ избираетъ текстъ: „Се лежитъ сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили“ (Лук. II, 34). Находя тутъ сравненіе Христа съ камнемъ, онъ и занятъ однимъ только этимъ сравненіемъ. Онъ перебираетъ камни, которымъ въ средніе вѣка приписывали чудотворную силу: карбункулъ, яшму, шиферъ, кризолитъ, бериллъ, аме-

*) Исторія русской словесности, А. Галахова, томъ I, стр. 181 и слѣд.

тіетъ и пр. Отъ этихъ камней всѣ чудесныя свойства, какъ напримѣръ, исцѣлять недуги, помогать во всякой бѣдѣ, онъ переноситъ къ Христу. При этомъ онъ выказываетъ огромную начитанность, подтверждая каждое свое слово текстами и примѣрами изъ исторіи. Вотъ, напримѣръ, сравненіе Христа съ магнитомъ: „Магнитъ притягиваетъ къ себѣ желѣзо: еслибы кого нибудь ранили пулей или стрѣлою и пуля или острiе стрѣлы остались въ тѣлѣ, то ихъ можно извлечь, прикладывая магнитъ къ ранѣ. Такъ и Христосъ притягиваетъ къ себѣ грѣшныхъ; грѣшные и въ книгѣ пророка Іереміи названы желѣзомъ: желѣзо, вси растлѣни суть (VI, 28). Такимъ твердымъ желѣзомъ былъ Фараонъ, котораго Богъ каралъ разными казнями, и проч.» Въ другой проповѣди на Успеніе Богородицы, избравъ текстъ: «Предста царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ, одѣянна преиспещренна» (Пс. XXIV, 10), онъ распространяется по поводу слова «риза», то есть, одежда. Одежда можетъ быть изъ льняныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ, или золотыхъ нитокъ. Въ одеждѣ Богородицы есть всѣ эти нитки, но каждая изображаетъ какую нибудь добродѣтель: ленъ есть символъ (знакъ) терпѣнія, шерсть — символъ невинности и чистоты, шелкъ означаетъ смиреніе, золото—мудрость. Какъ мало въ этихъ толкованіяхъ одинъ предметъ отличается отъ другаго, видно изъ того, что Галятовскій предлагаетъ употреблять тоже самое сравненіе съ камнями, описывая корону святаго Николая, и сравненіе съ нитками, составляя одежду святому Онуфрію, котораго изображаютъ нагимъ. Какъ произвольно прибирали примѣры изъ исторіи, можно судить по разсказу, заимствованному другимъ

*

проповѣдникомъ (Радивиловскимъ) у одного древняго историка. Когда римскій императоръ, Каракалла, былъ еще маленькимъ, у него родился братъ и въ тоже время курица снесла яйцо пурпуроваго цвѣта. Каракалла, играя яйцомъ, уронилъ его на полъ и разбилъ. Мать придававшая яйцу особенное значеніе, тогда вскрикнула: «Ахъ, проклятый! ты убилъ своего брата!» Каракалла впослѣдствіи и дѣйствительно убилъ своего брата. Сказка, какъ видите, довольно безсмысленная; но къ чему приводитъ ее проповѣдникъ? А изъ этого слѣдуетъ такое нравоученіе: мы тоже подобно яйцу, роняемъ себя на землю, то есть, предаемся страстямъ, и такимъ образомъ плоть убиваетъ въ насъ духъ.

Изъ предъидущаго достаточно видно, въ чемъ состояла риторика; объ искусственности схоластической рѣчи можно сдѣлать заключеніе уже по самымъ заглавіямъ сочиненій, каковы: Перло многоцѣнное, Руно Орошенное (предст. чудеса отъ иконы Богородицы), Трубы словесъ, Мечь духовный, Огородокъ (садъ) Маріи Богородицы, Обѣдъ душевный, Вечеря (ужинъ) душевная, и проч. Со схоластической философіей мы можемъ нѣсколько ознакомиться по книгѣ Кирилла Транквилліона: „Зерцало Богословіи“ *). Въ богословіи этого автора входятъ и общія разсужденія о началахъ вещей, какъ этому учили въ средніе вѣка. Подъ началами, или элементами, изъ которыхъ составленъ весь міръ, тогда разумѣли: огонь, воздухъ, воду и землю. По Транквилліону, огонь, какъ самое легкое вещество, стремится въ высоту: онъ занимаетъ самое высшее мѣсто въ небѣ, образуя солнце и

*) Исторія русской словесности, А. Галахова (Т. I, стр. 193).

звѣзды. За нимъ слѣдуетъ воздухъ, потомъ внизу болѣе тяжелыя вещества: вода и земля. Вода и огонь между собою враждуютъ, но воздухъ служитъ имъ примиреніемъ: вода, испаряясь отъ теплоты, подымается на воздухъ и, сталкиваясь съ огнемъ, воспаляется (громъ и молнія). „Въ человѣкѣ плоть происходитъ отъ земли, кровь отъ воды, дыханіе отъ воздуха, теплота отъ огня: человѣкъ причастенъ всему творенію: съ древомъ сходенъ онъ растительною силою, съ безсловесными яростію и похотѣніемъ, съ бездушными ногтями и волосами, которые не чувствуютъ боли, со словесными—разумомъ, разсужденіемъ. Человѣкъ—небо и земля: верхняя его часть отъ пупа—небо, нижняя—земля. Въ верхней части умъ невидимый, самовластный, безсмертный. При немъ другія силы: воля, память, доброта, мысль, разумъ, хитрость, мечтаніе, разсужденіе, любовь. Какъ въ небѣ звѣзды, солнце, луна, громъ, молнія, вѣтры, такъ на головѣ очи—свѣтила, митаніе, взоръ ока—молнія, голосъ—громъ, дыханіе изъ ноздрей—вѣтеръ бурнаго духа, и проч.“ Все это ученіе основано было на плохомъ пониманіи природы и произошло еще отъ языческаго поклоненія солнцу, по которому огонь считали самымъ чистымъ, легкимъ, совершеннымъ и потому самымъ близкимъ къ божеству предметомъ. Огонь больше ничего, какъ явленіе свѣта, которое происходитъ при горѣніи, слѣдовательно самъ по себѣ онъ не существуетъ, а можетъ всегда явиться, какое-бы тѣло ни горѣло, хотя бы это былъ сушеный навозъ. Солнце и звѣзды составлены не изъ огня, а изъ тѣхъ же веществъ, какъ земля: свѣтитъ же солнце, какъ полагаютъ, отъ горящихъ вокругъ его ядра газовъ. Воздухъ, вода и земля не простыя, а сложныя тѣла: воз-

духъ и вода состоятъ изъ газовъ, а земля, кромѣ газовъ, содержитъ множество другихъ веществъ, каковы металлы, минералы, и проч. Всѣхъ первоначальныхъ веществъ, которыя ни изъ чего не составлены, теперь считаютъ около 60. Значитъ и человѣкъ сложенъ изъ тѣхъ же первоначальныхъ веществъ, изъ которыхъ сложены воздухъ, вода и земля; но минераловъ (известь, кремень, фосфоръ, и проч.) въ немъ немного. Мы видимъ, что схоластическая наука не давала ни истиннаго, неподдѣльнаго краснорѣчія, ни правильныхъ знаній; но, въ сравненіи съ тѣмъ невѣжествомъ, какое господствовало на Руси, и она была полезна: тутъ все-таки человѣкъ могъ о чемъ нибудь думать, соображать, надъ чѣмъ нибудь изощрять свой умъ.

Съ половины 17-го вѣка, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, эта схоластическая наука появляется и въ Москвѣ. У насъ, какъ мы замѣтили, уже прежде началось сближеніе съ Европой: московское правительство принимало иностранцевъ на службу. Но пріобрѣтать знанія изъ первыхъ рукъ, учиться чему нибудь прямо у европейцевъ считалось смертнымъ грѣхомъ: и духовенство, и бояре, и народъ смотрѣли на иноземцевъ, какъ на еретиковъ. Другое дѣло были западнорусскіе ученые: въ лицѣ ихъ европейская наука не такъ рѣзко противорѣчила тогдашнимъ понятіямъ большинства; они были православные, и, какъ духовные лица, занимались наукою только для религіозныхъ цѣлей. Въ Москвѣ тогда другой науки покамѣстъ и не требовали, какъ только чтобы немножко научить грамотѣ духовенство, да исправить страшно искаженныя переписчиками священныя книги. Какъ мало понимало особенно сельское духовенство даже самые близкіе ему предмету, видно изъ словъ митропо-

лита, Димитрія Ростовскаго. „Попы препростіи, пишетъ онъ, не знаютъ и что значитъ тѣло Христово. Въ одной сельской церкви спросилъ я тамошняго попа: гдѣ животворящія тайны? Попъ не понялъ моихъ словъ и стоялъ молча. Снова сказалъ я: гдѣ тѣло Христово? Попъ все-таки молчалъ, ничего не понимая. Когда же одинъ изъ бывшихъ со мною священниковъ сказалъ: гдѣ запасъ? тогда взялъ онъ изъ угла сосудецъ „зѣло гнусный“ и показалъ хранимую въ немъ святыню“. При Алексѣѣ Михайловичѣ патріархъ Никонъ съ особенною ревностью принялся за улучшенія въ церкви и за исправленіе священныхъ книгъ: для этого и вызваны были въ Москву западнорусскіе ученые. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Симеонъ Полоцкій, назначенный воспитателемъ старшаго сына Алексѣя Михайловича, Θеодора. При содѣйствіи этихъ ученыхъ и въ Москвѣ, во второй половинѣ 17-го столѣтія, открыто было высшее, славяно-греко-латынское училище, при Заиконоспаскомъ монастырѣ; отъ того оно извѣстно подъ именемъ Заиконоспаской Академіи или Спасскихъ школъ: оно было устроено по образцу Кіевскаго. Симеонъ Полоцкій писалъ много проповѣдей и также *силлабическіе стихи* по образцу польскихъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ рѣзко возстаетъ противъ суевѣрій и стоитъ за ученіе, разумѣя подъ ученіемъ преимущественно религіозное образованіе; онъ смѣется надъ тѣми, что утромъ, чихнувъ во время одѣванья, снова ложатся въ постель,—споткнувшись при выходѣ изъ дому, опять возвращаются домой,—гадаютъ по звону въ ушахъ, по встрѣчѣ съ волкомъ, съ зайцемъ, съ инокомъ или женщиной. Но въ тоже время Симеонъ Полоцкій осуждаетъ и невинныя народныя забавы, какъ напримѣръ:

качанье на качеляхъ, говоря, будто тоже творили идоло-служители въ честь своихъ боговъ. На сколько образованіе избавляло самого его отъ предразсудковъ, хорошо видно изъ слѣдующаго. Симеонъ возстаетъ на невѣждъ, которые думаютъ, что въ Ивановъ день солнце при восходѣ играетъ, то есть, мѣняется въ цвѣтѣ и переходитъ съ мѣста на мѣсто: „О безуміе! о суевѣріе! откуда взяли они это играніе солнца? въ священномъ писаніи объ этомъ не говорится; философы и звѣздословы не знаютъ этого, а невѣжды и слышатъ другъ отъ друга и видятъ собственными глазами. Чего же они видятъ? Вѣдь и на самомъ дѣлѣ всякая вещь двоится и троится въ глазахъ пьяницы, то и этимъ солнцезрителямъ кажется будто солнце прыгаетъ, а причиной тому винные пары, да также и излишнее смотрѣніе на солнце, сильное дѣйствіе лучей его, поражающихъ зрѣніе“. Такъ толково разсуждаетъ Симеонъ Полоцкій; но вслѣдъ за тѣмъ тутъ же сказался схоластикъ и послѣдователь старыхъ византійскихъ преданій; онъ прибавляетъ: „Къ тому же *и дьяволъ* за такое ихъ суевѣріе можетъ произвести перемѣну въ ихъ очахъ, или въ воздухѣ, но не въ солнцѣ“. Это утонченное различеніе между тѣмъ, что можетъ сдѣлать дьяволъ съ воздухомъ и не можетъ съ солнцемъ,—напоминаетъ школьныя, схоластическія пренія. Симеонъ Полоцкій кромѣ того написалъ цѣлую книгу противъ раскола (Жезлъ Правленія), переложилъ въ стихи Псалтырь, издалъ собранія своихъ стихотвореній подъ названіемъ „Риомологіонъ“ и „Вертоградъ многоцѣнный“ и писалъ духовныя драмы, или мистеріи (о Блудномъ сынѣ, о царѣ Новухудоносорѣ). Стихи его, или вирши писаны въ подражаніе польскимъ, безъ соблюденія пра-

вильной разстановки въ удареніяхъ, какую соблюдають нынѣ въ русскихъ стихахъ, напр.

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ.

Здѣсь ударенія падаютъ правильно все черезъ два слога на третій; а стихи Полоцкаго только тѣмъ и отличаются отъ обыкновенной рѣчи, что въ нихъ на концѣ *созвучія* или *риомы* и въ каждой строкѣ все одинаковое число слоговъ (обыкновенно 13 или 11). Вотъ примѣръ изъ Псалтыря.

«Блаженъ мужъ, иже во злыхъ совѣтъ не вхождаше,
Ниже на пути грѣшныхъ человѣкъ стояще:
Ниже на сѣдалищѣхъ воскотѣ сѣдѣти
Тѣхъ, иже не желаютъ блага разумѣти, и проч.»

Вотъ еще примѣръ изъ сборника стихотвореній:

Дѣва.

Срамъ честный лице дѣвы вельми украшаетъ,
Егда та ничесоже не лѣпо дерзаетъ.
Знамя же срама того знается оттуду,
Аще очесъ не мещетъ сюду и онуду;
Но смиренно я (т. е. очи) держитъ низу низпущенны;
Постоянно аки бы къ землѣ пристроенны,
Паки аще языкъ си держитъ за зубами,
А не разширяетъ ся тщетными словами.

Такими же стихами писаны духовныя драмы Полоцкаго. Такія драмы, или разговоры въ стихахъ, сочиняли въ средніе вѣка для поученія: католическое духовенство, видя любовь народа къ зрѣлищамъ, чтобы больше привлечь его къ себѣ, устроило такія зрѣлища при самыхъ церквахъ, но на этомъ церковномъ театрѣ представля-

лись сцены изъ Священнаго Писанія. Мистеріи изъ Европы зашли въ Польшу, а отсюда черезъ Западную Русь и къ намъ: у насъ ихъ разыгрывали только въ царскихъ покояхъ, да въ Заиконоспасскомъ училищѣ и у немногихъ бояръ. Мистеріи Полоцкаго не отличаются искусствомъ: въ драмѣ „Блудный сынъ" онъ передаетъ въ лицахъ извѣстную евангельскую притчу, а въ „Навуходоносорѣ" — исторію отроковъ, заключенныхъ въ пещь огненную.

Вотъ отрывокъ изъ драмы „Навуходоносоръ". Бояре потѣшаютъ Навуходоносора, призываютъ музыкантовъ, кланяются его изваянію, какъ богу.

Навуходоносоръ.

Добре вся, еже Богъ повелѣваетъ,
Аще и весь міръ въ концѣхъ погибаетъ.
Мы тако хощемъ; кто дерзнетъ судити,
Въ единъ часъ велимъ живота лишити.
Вы днесь печали намъ не поминайте,
О мусикіи сладцѣй промышляйте.

(Придутъ Мусикіи, и речетъ къ нимъ)

Навусаръ.

Елика вѣсть утѣшная быти,
Та потщится предъ царемъ творити.

(Здѣ будутъ ликовствованія).

Приходитъ казначей и глаголетъ:

Царю пресвѣтлый! Живи ты во вѣки,
Вся превосшедый міра человѣки;
Се уже слово твое совершися,
Образъ твой честный лѣпо поставися.

(И отложитъ завѣсу, покажется образъ той).

Навуходоносоръ глаголетъ:

Вѣрные мои рабы! Блажимъ труды ваша,
Отселѣ будетъ милость на васъ наша.

Приходитъ Зарданъ и глаголетъ:

Царю надъ цари! Царствуй многа лѣта
Надъ всѣми страны до кончины свѣта;
Се твоя воля мною исполненна,
Велiимъ зѣло пещь огнемъ разженна.

(И покажется пещь).

Печь грозитъ тѣмъ, кто не поклонится царскому изображенiю.

И такъ, подъ влiянiемъ западно-русскихъ ученыхъ, самая духовная литература нѣсколько оживилась. Они внесли къ намъ изученiе латынскаго языка, стали въ проповѣдяхъ приводить примѣры изъ исторiи, изъ сказанiй, сообщать свѣдѣнiя о звѣряхъ, камняхъ и вообще о природѣ; наконецъ они представили и первые попытки русскаго стихосложенiя, русской драмы. Хотя между свѣдѣнiями о природѣ находимъ и такiя, что существуютъ люди съ песьими головами, съ ушами, висящими на плечахъ, и съ одной великой ногою, которою закрываются отъ солнца, но сообщались и такiя знанiя, которыя, если раскрывали истину не вполнѣ, то заставляли разсуждать, всматриваться въ природу. Западно-русскiе ученые много работали также для изученiя славянскаго языка, издавали и ариѳметики. Между трудами ихъ находимъ азбуковники, словари, гдѣ представлены объясненiя мало понятныхъ словъ, напр. *Балiя*—ворожея, чаровникъ. *Вретанiя* есть островъ великъ, а живутъ въ немъ два рода велика, первый родъ Калидони, второй родъ Меате.... *Весь,* деревня, а не село; ино бо есть село, ино бо весь, и проч.

Изъ грамматикъ извѣстна славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, гдѣ обстоятельно указано различіе между языкомъ славянскимъ и греческимъ и находимъ уже почти всѣ употребляемыя нынѣ грамматическія названія: существительное, прилагательное, собирательное, указательное, первообразное, сочиняются, и проч.

Какъ же подѣйствовали западно-русскіе ученые на тогдашнее московское общество? Это общество столь закоснѣло въ старыхъ предразсудкахъ и столь боялось всякой новизны, что европейская наука даже въ томъ ограниченномъ, умѣренномъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее у Симеона Полоцкаго, возбуждала страхъ и недовѣріе. Исправленіе книгъ, начатое Никономъ, произвело *расколъ*; противъ новопечатныхъ книгъ возстали прежде всего прежніе справщики, какъ, напримѣръ, Аввакумъ, попъ Лазарь и другіе. Они возмутили народъ, говоря, что Никонъ измѣнилъ православію. Мы видѣли, что въ Новгородской области, при Іоаннѣ III, расколъ стремился къ новизнѣ, къ свободомыслію, къ разрушенію старыхъ преданій. Совсѣмъ противное представляетъ старообрядческая секта, возникшая въ Московскомъ государствѣ. Тутъ раскольники стояли за букву, за совершенную неподвижность въ обычаяхъ, освящая, какъ предметы религіи, все старое: и книги съ ихъ ошибками, и бороду, и долгополую одежду. Правда, расколъ усиливался отъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергали раскольниковъ: многіе въ народѣ смотрѣли на гонимыхъ приверженцевъ старины, какъ на мучениковъ; понемногу къ этимъ мученикамъ присоединились всѣ люди, страдавшіе отъ самовластія московскихъ воеводъ и помѣщиковъ. Такимъ образомъ расколъ часто служилъ только убѣжищемъ для тѣхъ,

что бѣжали въ лѣса отъ всякихъ неправдъ. Но упрямая приверженность этихъ людей къ старопечатнымъ книгамъ все-таки показываетъ, до какой степени московскій народъ чуждался нововведеній. И это неподвижное коснѣніе въ старыхъ обычаяхъ, эту преданность буквѣ мы находимъ не только въ расколѣ, но и у тѣхъ лицъ, которые его преслѣдовали. Московскіе грамотѣи, допустивъ исправленіе книгъ, послѣ Никона уже начинаютъ нападать и на западно-русскихъ ученыхъ, какъ на послѣдователей латынской ереси. Такъ, напримѣръ, Зизанія строго осудили за его катехизисъ, потому что онъ помѣстилъ въ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія о кругахъ небесныхъ (о теченіи звѣздъ), о зодіакѣ (созвѣздіяхъ, называемыхъ большею частію по именамъ животныхъ: ракъ, девъ, козерогъ, овенъ и проч.), что онъ, какъ въ басняхъ, дѣлалъ сравненіе души съ орломъ, а плоти со свиньею. „Ты, говорили московскіе мудрецы, называешь животными звѣрями звѣзды, что на тверди небесной. Мы вѣруемъ, какъ написалъ Моисей, а Моисей не называлъ ихъ звѣрями.... Въ книгѣ твоей о божествѣ и существѣ его писаны вопросы и отвѣты дерзостно зѣло и смѣло.... Ты рекъ притчу о человѣкѣ: душа и плоть, какъ орелъ со свиньею, связаны. Въ нашихъ греческихъ книгахъ таковой бесѣды о человѣкѣ не ведется“. Зизанія осуждали не за то, что его распространенія или сравненія могли быть неумѣстны въ катехизисѣ, а именно за еретическія мнѣнія.

XIV. Преобразованія Петра Великаго.

Положеніе русскаго народа передъ реформою Петра живо раскрываютъ намъ два писателя: Котошихинъ и Крижаничъ. Котошихинъ въ своей книгѣ „О Россіи въ

царствованіе Алексѣя Михайловича" изображаетъ все государственное устройство до-Петровскаго времени, говоритъ о жизни царей, царицъ и царевенъ, о дѣлахъ, которыя производились въ разныхъ приказахъ, о старинномъ судѣ и наказаніяхъ за преступленія, о боярской думѣ, о домашней и семейной жизни бояръ. Мы видимъ изъ его описанія, какъ мало было порядку въ нашемъ тогдашнемъ общественномъ строѣ. Дѣла одного рода распредѣлены были по разнымъ приказамъ, какъ случилось. На судѣ дознанія производили съ помощью жестокой пытки: обвиняемый не вынесши муки, оговаривалъ множество другихъ людей; ихъ также пытали, и такъ истязаніямъ не было конца. Котошихинъ безпрестанно повторяетъ, что московскіе люди „неискустные, неумѣлые, потому что въ своемъ государствѣ никакого поученія добраго не пріемлютъ", и, въ самой царской думѣ, старые бояре „сидятъ, уставя брады своя", ничего не отвѣчая, когда требуютъ ихъ совѣта. Въ домашней жизни мы видимъ много азіатскихъ обычаевъ: при долгихъ обѣдахъ, при пріемахъ гостей исполняли безконечныя церемоніи; въ одеждѣ, похожей на азіятскіе халаты, во всѣхъ украшеніяхъ любили одинъ внѣшній блескъ, безъ всякаго изящества и понятія объ истинной красотѣ; дородство вмѣстѣ съ густою бородою пользовалось особеннымъ уваженіемъ. Женщина жила взаперти, не участвовала ни въ какихъ собраніяхъ съ мужчинами, и никто, кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ, не могъ ее видѣть; бракъ устраивали родители, какъ обыкновенный торгъ, при чемъ женихъ совершенно не зналъ своей невѣсты. Только на смотринахъ ее показывали матери жениха, или близкой родственницѣ, и при этомъ случалось, что под-

ставляли ей скамеечку подъ ноги, чтобы она казалась выше, или вмѣсто нея наряжали красивую служанку; выдавали также старшую сестру вмѣсто младшей, *болѣе* красивой. „Нигдѣ, говоритъ Котошихинъ, нѣтъ такихъ обмановъ на дѣвущекъ, какъ въ московскомъ государствѣ“. Обманутый мужъ послѣ того жестоко истязалъ свою жену, чтобы она шла въ монастырь; между родными по той же причинѣ, также какъ изъ за приданаго, происходили безконечныя тяжбы. Крижаничъ въ своемъ сочиненіи „Русское государство въ половинѣ XVII-го вѣка“ указываетъ на то-же зло, происходящее отъ невѣжества, хотя самъ, какъ сербъ, ненавидитъ нѣмцевъ. „Разумъ нашъ тупъ и медлителенъ,—пишетъ онъ о русскихъ: мы себя держимъ надмѣнно отъ того, что самоѣды, остяки, калмыки, сравнительно съ нами, кажутся грубыми, нечеловѣчными. Но сколько эти азіатскіе народы, въ сравненіи съ нами, дики, столь мы и невѣжественны, по сравненью съ другими образованными народами; почему иные народы и считаютъ насъ тоже дикими. А я нахожу, что народъ нашъ средній между людскими (образованными) и дикими народами. Образованные народы, итальянцы, французы, нѣмцы, испанцы превосходятъ насъ людскостью, наружностью, рѣчью, разумомъ, живостью, общительностью, способностью къ работѣ и изобрѣтательностью въ наукахъ“. Приверженцы старины, особенно между духовенствомъ, въ то время находили поддержку въ греческихъ монахахъ, пріѣзжавшихъ изъ Турціи въ Россію за милостыней, и Крижаничъ такъ описываетъ этихъ пришельцевъ: „Греки рѣшительно осуждаютъ всякую новизну, кричатъ и повторяютъ, что все новое есть зло... Они осуждаютъ знаніе, науку и внушаютъ намъ

невѣжество. Они вводятъ у насъ фарисейскія суевѣрія, убѣждаютъ насъ поступать по примѣру Турецкой Порты, потому что, будучи сами неучены и неискусны, ничего не могутъ намъ передать, кромѣ того, что видятъ въ Турецкой землѣ. Греки намъ льстятъ, выманивая у насъ деньги: голодной ихъ жадности не наполнишь, какъ дыряваго горшка“.

Изъ этого видно, какъ въ 17-из вѣкѣ уже исказилось византійское вліяніе, которое вначалѣ могло быть просвѣтительнымъ, и русскій человѣкъ со своимъ недѣлительнымъ умомъ долженъ былъ напоминать неподвижныхъ азіатцевъ. Чтобы пробудить русскій умъ къ дѣятельности, необходимо было прямое сближеніе съ народами, которые не коснѣли въ старыхъ обычаяхъ, а неудержимо шли впередъ на пути къ усовершенствованію. Такое сближеніе постепенно было подготовлено еще до Петра Великаго. Московскіе государи, особенно со временъ Грознаго, имѣя цѣлію утвердить и усилить свою власть, постоянно призывали иностранцевъ на службу, такъ что въ Москвѣ изъ этихъ переселенцевъ образовалась особая часть города, извѣстная подъ названіемъ „Нѣмецкой слободы“. Тутъ, не сближаясь съ русскими, жили своею особою жизнію, на заграничный ладъ, нѣмецкіе и французскіе мастера, или военные, призванные для обученія русскихъ военному дѣлу. Главною заботою московскихъ государей было образовать войско; при этомъ дѣйствія артиллеріи, осада и защита крѣпостей требовали наиболѣе искусства. Такъ все подражаніе западу покамѣстъ ограничивалось знаніемъ воинскаго строя и стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей; но и это знаніе было очень ограниченно: наукъ и ремеслъ, тѣсно связанныхъ съ военнымъ

дѣломъ, каковы: математика, черченіе, знаніе металловъ; и проч., у насъ все таки не существовало. Петръ Великій, слѣдуя тѣмъ же преданіямъ, продолжалъ устраивать войско на заграничный ладъ, да кромѣ того задумалъ создать и морскую силу, завоевавъ для Россіи новое море. Эти планы Петра уже требовали большаго участія иностранцевъ во всѣхъ дѣлахъ, требовали науки, болѣе обширной, которая обнимала бы собою и всѣ знанія, необходимыя для построенія кораблей, для морской службы. Устройство сухопутнаго войска и флота, военная служба на сушѣ и на морѣ,—вотъ что было тутъ главнымъ дѣломъ, къ которому направлены были и многія другія преобразованія: Петръ лишь послѣдовательнѣе велъ это дѣло, которое прежде начиналось въ нерѣшительныхъ попыткахъ. Но къ этому присоединились еще другія обстоятельства. Возвышая свою власть, Петръ не просто думалъ опираться на иноземное военное искусство; онъ вызванъ былъ къ тому, чтобы отстаивать эту власть въ борьбѣ съ противниками, съ приверженцами старины, и такимъ образомъ свою неограниченную волю направить на уничтоженіе этой старины. Какъ ни неподвижна казалась Русь, постоянное присутствіе иноземцевъ въ Москвѣ не осталось безъ слѣдовъ: нѣкоторые изъ любознательныхъ бояръ тайкомъ уже начинали съ ними сходиться; встрѣчались охотники до новизны, которые перенимали отъ нѣмцевъ ихъ обычаи, даже ихъ религіозные взгляды, и въ 17-мъ вѣкѣ все чаще слышимъ проповѣдь духовенства объ опасностяхъ, какая грозитъ старому благочестію; византійскіе мудрецы, о которыхъ говорилъ Крижаничь, яростно возставали и противъ предметовъ, вовсе не относившихся къ религіи, каковы: куреніе табаку, стриженіе бороды,

ношеніе нѣмецкой одежды, въ которой тогда изображали бѣсовъ. Этою приверженностью къ старой формѣ отличались также старовѣры, считавшіе ересью уже то, что Никонъ допустилъ исправленіе ошибокъ въ книгахъ. И случилось такъ, что сестра Петра, Софія, думая отнять у него власть, стала искать себѣ опоры въ этихъ самыхъ приверженцахъ старины. Тогда Петръ, удаленный отъ двора, сблизился съ иноземцами: и ненависть къ сторонникамъ Софіи, и увлеченіе иноземными обычаями—одинаково возбуждали его къ разрушенію прежняго общественного порядка. Но этимъ еще нельзя объяснить всѣхъ дѣйствій Петра. Въ противуположность тогдашней лѣнивой, медленной русской природѣ, онъ отличался необыкновенно живымъ, воспріимчивымъ характеромъ и самымъ дѣятельнымъ умомъ. Петру довольно было нѣсколько указаній, чтобы охватывать всю сущность предмета и идти неудержимо впередъ по вѣрной дорогѣ. Едва немного ознакомился онъ съ наукою отъ иноземцевъ, жившихъ въ Нѣмецкой слободѣ, какъ уже понялъ всю ея силу, все ея значеніе въ примѣненіи къ жизни, и, рѣшительно разрывая всякую связь со стариною, самъ ѣдетъ за границу, чтобы простымъ плотникомъ работать на голландскихъ верфяхъ. Какъ узнику, только что вышедшему изъ темницы, все кажется чуднымъ въ Божьемъ мірѣ, такъ Петръ съ горячимъ одушевленіемъ осматривалъ всѣ диковинки европейской науки: фабрики и другія ремесленныя заведенія, собранія всякихъ рѣдкостей, птицъ, рыбъ, камней, образцовъ, на которыхъ показано все устройство человѣческаго тѣла, искусныя постройки, и проч. Во все вникалъ онъ своимъ быстрымъ практическимъ умомъ, думая о пользѣ, какую можно извлечь

изъ видѣнныхъ имъ предметовъ для Россіи. *Учиться* самому и заставлять другихъ *учиться*—стало его первою страстью. Петръ всю свою неограниченную власть, какую передали ему московскіе государи, употребилъ на то, чтобы выдвинуть Россію въ Европу. Вновь завоеванное море и вновь построенный городъ Петербургъ послужили протокомъ, чрезъ который забила свѣжая струя въ стоячее болото старой русской жизни.

Во первыхъ, самое измѣненіе обычаевъ послужило началомъ къ образованію. Дозволеніе курить табакъ, преслѣдованіе бороды и старой одежды, какъ теперь ни кажется все это мелкимъ и незначительнымъ, въ то время волновало умы, вообще возбуждало вопросъ: годенъ или негоденъ старый строй жизни? Наши предки такъ мало привыкли разсуждать, что и отрицаніе бороды для нихъ было смѣлымъ шагомъ впередъ. Важнѣе были преобразованія въ домашней жизни: приказъ, чтобы ни одинъ бракъ не совершался безъ предварительнаго знакомства и обоюднаго согласія жениха и невѣсты, чтобы мужчины и женщины сходились вмѣстѣ на пирахъ и веселились по иноземному. Съ уничтоженіемъ затворничества женщинъ, грубые нравы должны были по немногу смягчаться; при свободѣ въ сношеніяхъ между лицами обоего пола поднялась и семейная нравственность. Женщина, отъ которой прежде ничего не ждали, кромѣ дьявольскаго наважденія, теперь все больше принимаетъ участія въ общественной жизни, и ея освобожденіе изъ подъ тяжелаго семейнаго гнета было первымъ шагомъ къ уничтоженію рабства. Очень просвѣтительно на общество должны были дѣйствовать многочисленные примѣры труда, внесеннаго Петромъ въ Россію: построеніе кораблей, искуство мо-

реплаванья, рытье каналовъ, разработка металловъ, приготовленіе полотенъ и суконъ и множество другихъ ремесленныхъ производствъ, которыя тогда у насъ появились. Прямымъ средствомъ къ образованію служили: посылка молодыхъ людей за границу, заведеніе училищъ и изданіе книгъ. Только со временъ Петра Великаго раскрылись для насъ ворота въ Европу: Петръ самъ посылалъ дворянскихъ дѣтей за границу, особенно для обученія кораблестроенію и военному искусству, и всѣми мѣрами содѣйствовалъ тому, чтобы родители также поступали со своими сыновьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по его призыву, отовсюду пріѣзжали въ Россію искустные иностранцы, чтобы обучать русскихъ людей наукамъ. Согласно своей цѣли, царь открылъ въ Москвѣ Навигаціонное училище и въ Петербургѣ Морскую Академію для приготовленія къ морской службѣ. Въ Петербургѣ устроены также инженерное и артиллерійское училища; для обученія же дворянъ грамотѣ и ариѳметикѣ учреждены при архіерейскихъ домахъ такъ называемыя *цыфирныя школы*. Мы видимъ, что школа при Петрѣ еще не давала общаго образованія, а имѣла цѣлію лишь приготовленіе къ службѣ. Подъ конецъ жизни Петръ основалъ *Академію Наукъ*, открытую уже послѣ его смерти. Эта Академія служила собраніемъ ученыхъ, на первый разъ выписанныхъ изъ за границы, которые должны были разработывать науки, полезныя для Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовлять молодыхъ людей изъ русскихъ къ тѣмъ же ученымъ занятіямъ.

Съ Петра начинается у насъ свѣтская литература. Встарину, при нашемъ религіозномъ направленіи, духовенство принимало участіе почти во всѣхъ дѣлахъ, и о

всякомъ дѣлѣ, которое совсѣмъ не касалось церкви, все-таки судили съ религіозной точки зрѣнія,—согласно оно или нѣтъ съ нашимъ правовѣріемъ. Такъ патріархъ Андріанъ, въ началѣ правленія Петра, не дозволилъ царю приглашать за свой столъ иноземцевъ и вообще говорилъ даже противъ допущенія нѣмцевъ въ русскую военную службу. Царь, начавъ свои преобразованія, возбудилъ противъ себя всѣхъ, стоявшихъ за византійскую древность. Поэтому онъ, ограничивая власть духовенства, которая прежде сосредоточивалась въ лицѣ патріарха, уничтожилъ этотъ санъ и старался вообще дѣла свѣтскія отдѣлить отъ дѣлъ духовныхъ. Вводя европейскую науку, которая прежде казалась чернокнижіемъ, онъ хотѣлъ и наглядно показать, что образованіе имѣетъ также свои цѣли, независимыя отъ религіозныхъ цѣлей, и для свѣтскихъ книгъ придумалъ особую азбуку, извѣстную подъ именемъ «письма гражданской печати»: въ образецъ ея онъ принялъ латынскій шрифтъ, оставивъ для славянской печати прежнее очертаніе буквъ, подобное греческому (въ гражданской азбукѣ круглыя буквы, въ славянской болѣе угловатыя). Петръ усердно заботился о переводѣ полезныхъ книгъ. При немъ издавались руководства по разнымъ предметамъ обученія и кромѣ того такія книги, какъ: «Разсужденіе о должностяхъ человѣка и гражданина, Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ» Пуффендорфа, «Деньги и купечество» Ло, «Приклады (примѣры), како пишутся комплименты» и проч. Въ азбукахъ уже помѣщаются правила, какъ вести себя въ обществѣ; книга «Первое ученіе отрокамъ» содержитъ толкованіе молитвы Господней, заповѣдей, символа вѣры и блаженствъ,—что въ тогдашнее время было смѣлымъ

нововведеніемъ, возбудившимъ негодованіе въ людяхъ стараго благочестія, которые не допускали никакихъ разсужденій въ дѣлѣ вѣры. Всѣ эти изданія имѣли одну цѣль: заставить русскихъ людей думать, соображать, не ограничиваясь только разсужденіями о религіозныхъ обрядахъ. Царь желалъ, чтобы его подданные понимали, что дѣлають, и не слѣдовали рабски приказу, а сознавали пользу нововведеній. Уничтоживъ прежніе восточные обычаи, по которымъ русскіе падали на колѣна и кланялись въ ноги при встрѣчѣ съ государемъ, называли себя въ просьбахъ холопами, онъ и обращался къ нимъ, какъ къ разумнымъ людямъ, и, при каждомъ случаѣ, подробно объяснялъ, почему предпринимается та или другая мѣра. Такъ, по случаю войны со шведами, издана была книга, гдѣ подробно изъяснялись необходимость и причины этой войны. Чтобы русскіе постоянно знакомились съ заграничными новостями и имѣли извѣстія о ходѣ войны, о работахъ въ Петербургѣ, обо всѣхъ предпріятіяхъ государя, Петръ велѣлъ издавать первую въ Россіи газету: „С.-Петербургскія Вѣдомости". Прежде подобныя политическія извѣстія писались только для царя, и лишь немногіе изъ приближенныхъ ко двору могли читать ихъ. Петръ усердно собиралъ книги, и въ концу его царствованія составилась значительная библіотека въ Петербургѣ. Онъ также покупалъ, не жалѣя денегъ, собранія камней, животныхъ и другихъ рѣдкостей для естественно-историческаго музея. Изданъ былъ указъ, чтобы гдѣ родится отъ животнаго или человѣка какой нибудь уродъ, приносили его за плату назначеннымъ отъ правительства людямъ для отсылки въ Петербургъ; при этомъ объяснено, что уроды родятся естественно отъ природнаго недостатка, а не по какому нибудь чуду, и что нечего ихъ бояться.

Мы видимъ, что Петръ сдѣлалъ для русскаго образованія все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, одаренный сильнымъ умомъ, крѣпкою волею и неограниченною властью. Недостатки науки, имъ введенной, происходили болѣе отъ тогдашняго положенія Россіи. Нужно было не просто дать образованіе, а создать государство, похожее на европейскія державы: учредить правильное войско, флотъ, устроить новый порядокъ въ управленіи, завести необходимыя фабрики и заводы. Поэтому и Петровская наука имѣла главною цѣлію житейскую пользу и казенную службу. Между тѣмъ русское общество было еще очень грубо и необразованно и большинство въ немъ училось лишь по принужденію. Такъ долгое время правительство должно было держать это общество въ опекѣ, возбуждая къ ученію наградами и наказаніями и требуя отъ высшаго дворянскаго класса обязательной службы. Долгое время лишь дворянское да чиновничье сословіе получало нѣкоторое образованіе; вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе люди привыкли смотрѣть на науку, какъ на средство получить чинъ, занять извѣстное мѣсто на службѣ, привыкали ничего не дѣлать самостоятельно, безъ понужденія и указанія правительства. Конечно, не этого хотѣлъ Петръ Великій, когда и своимъ примѣромъ, и своими распоряженіями возбуждалъ русское общество къ самодѣятельности. Что касается народа, то, находясь въ крѣпостномъ состояніи, онъ покамѣсть не получилъ никакихъ выгодъ отъ Петровской реформы. Народъ былъ рабочею силою, и на немъ лежала вся тягость вновь предпринятыхъ трудовъ, вмѣстѣ съ рекрутскими и денежными повинностями. При злоупотребленіяхъ чиновниковъ, съ которыми напрасно боролся Петръ Великій, эта тя-

гость еще болѣе увеличивалось, и множество народа бѣжало въ раскольничьи скиты. Тутъ ужъ люди совершенно коснѣли въ старыхъ понятіяхъ, за которыя готовы были горѣть въ огнѣ и терпѣть всякую казнь.

Такое страшное изувѣрство объясняется, какъ невѣжествомъ народа, такъ и гоненіями, какимъ расколъ подвергался. Самъ Петръ однако былъ противъ преслѣдованій, говоря, что суевѣріе можно уничтожить не огнемъ, не мечемъ, а наукою, и наука современемъ должна была привести къ тому, чтобы позаботиться объ улучшеніи народнаго быта.

Изъ писателей времени Петра Великаго мы укажемъ на Ѳеофана Прокоповича, на Стефана Яворскаго и на Посошкова. Ѳеофанъ былъ главнымъ помощникомъ Петра Великаго въ преобразованіяхъ, касавшихся духовенства. Воспитанникъ Кіевской Академіи, онъ окончилъ свое образованіе за границею, былъ и въ Римѣ, но не увлекся іезуитскими ученіями. Онъ менѣе другихъ кіевскихъ ученыхъ преданъ былъ схоластикѣ, любилъ читать древнихъ греческихъ и римскихъ писателей и, ставши сначала учителемъ, а потомъ префектомъ (начальникомъ) академіи въ Кіевѣ, привлекъ всѣхъ своимъ умомъ и своими дѣльными чтеніями и проповѣдями, въ которыхъ пояснялъ самый смыслъ священнаго писанія, избѣгая хитросплетеннаго фразерства и излишнихъ риторическихъ украшеній. Когда Петръ послѣ полтавской побѣды посѣтилъ Кіевъ, Ѳеофанъ говорилъ ему въ соборѣ привѣтственную рѣчь; царь и всѣ его окружающіе были поражены искуствомъ оратора. Съ тѣхъ поръ начинается возвышеніе Ѳеофана; но въ тоже время являются у него противники. Блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, вмѣстѣ

съ московскимъ духовенствомъ, начинаютъ уличать его въ нѣмецкомъ, протестанскомъ духѣ, въ преданности кальвинизму. Стефанъ, также изъ кіевскихъ ученыхъ, возвышенъ былъ Петромъ за свои знанія; отыскивая вездѣ способныхъ людей, царь сдѣлалъ его на время главнымъ, хотя и ограниченнымъ, распорядителемъ въ духовныхъ дѣлахъ, пока патріаршество не было совершенно замѣнено синодомъ. Стефанъ наружно восхвалялъ реформы Петра, стоялъ за западную науку, но по душѣ болѣе склонялся къ католическимъ, іезуитскимъ взглядамъ на власть духовенства, въ проповѣдяхъ своихъ строго держался схоластической старины, наполняя ихъ безъ нужды громкими, вычурными фразами, и не избѣгъ обвиненій въ самоуправствѣ и во взяточничествѣ. При всемъ томъ Петръ дорожилъ имъ, какъ человѣкомъ, по тогдашнему времени, ученымъ, который былъ ему полезенъ въ управленіи духовными дѣлами. Стефанъ Яворскій особенно прославился книгою „Камень вѣры", направленною противъ лютеранскаго ученія. Высказывая снисхожденіе къ Яворскому, Петръ тѣмъ не менѣе приблизилъ къ себѣ человѣка, совершенно искренно преданнаго его идеямъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ сдѣланъ былъ новгородскимъ архіепископомъ, и ему царь поручилъ написать „Духовный регламентъ",—новыя правила для духовнаго управленія, по случаю уничтоженія патріаршества и учрежденія синода. Въ „Регламентѣ" прямо сказано, что власть патріарха легко приходила въ столкновеніе съ царскою, и отъ этого былъ соблазнъ народу. Здѣсь мы узнаемъ, почему Ѳеофанъ могъ нажить себѣ враговъ: онъ рѣзко нападаетъ на ханжество, суевѣріе, невѣжество. Въ „Духовномъ регламентѣ", по обычаю всѣхъ постановленій

Петра, рядомъ съ изложеніемъ правилъ, находимъ объясненія, толкованія, даже ѣдкія насмѣшки надъ старыми порядками. Главною заботою составителя было очистить христіанство отъ всѣхъ полуязыческихъ, суевѣрныхъ примѣсей. Духовенству предписано искоренять всѣ предразсудки въ народѣ: вымышленныя чудеса, вѣру въ сны, видѣнія, заговоры, поклоненіе пятницѣ, и проч. Епископы обязаны были завести въ своихъ домахъ школы для приготовленія священниковъ. «Дурно говорятъ многіе,—замѣчено въ Регламентѣ, что отъ ученія происходятъ ереси: наши русскіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества такъ жестоко взбѣсновались? Если посмотримъ чрезъ исторію, какъ въ зрительную трубу, на минувшіе вѣка, то увидимъ все худшее въ темныя, а не въ свѣтлыя ученіемъ, времена». Епископамъ также слѣдуетъ показывать примѣръ смиренія: запрещено водить ихъ подъ руки, пока они здоровы, и кланяться имъ въ землю. „Эти поклонники самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво, чтобы степень себѣ исходатайствовать не по достоинству, чтобы прикрыть свое неистовство и воровство“.

Въ своихъ рѣчахъ Ѳеофанъ также является вѣрнымъ послѣдователемъ Петровской реформы. Онъ нападаетъ на глупую ненависть къ иноземцамъ, доказываетъ, что самъ Богъ назначилъ всѣмъ народамъ сближаться во взаимной дружбѣ, объясняетъ великую пользу отъ путешествій, въ живой картинѣ представляетъ преимущество новой Россіи передъ древнею, и проч. Вездѣ старается онъ показать, что нововведенія Петра нисколько не противорѣчатъ истинному православію, и при этомъ, по своему обычаю, преслѣдуетъ ѣдкими насмѣшками ханжей, людей

отсталыхъ, лицемѣровъ, всякихъ неучей, и проч. Ѳеофанъ искренно отстаивалъ просвѣщеніе, стремленіе къ лучшему; но послѣ смерти Петра ему опять пришлось выносить трудную борьбу съ врагами. Въ этой борьбѣ онъ устоялъ съ помощію своей изворотливости и хитрости, причемъ пользовался и такими средствами къ уничтоженію своихъ противниковъ, какъ доносъ, обвиненіе въ измѣнѣ. Въ этомъ отношеніи поступки Ѳеофана можно нѣсколько оправдать развѣ тѣмъ, что и враги его пользовались тѣми-же средствами, уличая его въ мнимой ереси, въ преданности нѣмецкимъ вѣроученіямъ, и что, по тогдашнимъ понятіямъ, ябедничество было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. . . . .

Мы замѣтили, что въ царствованіе Петра все было сдѣлано для образованія Россіи вообще и не предпринято никакихъ улучшеній въ жизни рабочаго народа. Надо замѣтить, что о такихъ улучшеніяхъ въ то время мало думали и въ образованной Европѣ. Однако прекрасный примѣръ царя долженъ былъ внушать совершенно новыя понятія объ отношеніяхъ къ людямъ. Петръ не различалъ людей, знатныхъ родомъ, отъ простыхъ: для него имѣлъ цѣну тотъ, кто могъ принести пользу государству. Не гнушаясь самъ никакой работой, онъ ковалъ желѣзо, лазилъ на мачты, тесалъ, конопатилъ, сколачивалъ суда, и потому естественно больше всего сближался съ простыми работниками: на его веселыхъ пирахъ простой матросъ, шкиперъ, или любимый деньщикъ занималъ такое же мѣсто, какъ и знатный бояринъ; онъ часто посѣщалъ купцовъ, мастеровъ и бесѣдовалъ съ ними дружески; многіе изъ людей, занимавшихъ при немъ важныя мѣста, каковы: Меньши-

ковъ, Ягужинскій, Шафировъ, принадлежали сначала къ самому низкому званію. Петру нужны были искусные работники, и такъ какъ для предпринятаго имъ дѣла требовалось много людей, то понятно, что теперь и низкаго званія людямъ, при умѣ, при талантѣ, при настойчивости въ трудѣ, былъ открытъ путь къ возвышенію, хотя съ другой стороны, по причинѣ бѣднаго и зависимаго положенія народа, путь этотъ представлялъ не мало терній. Такъ успѣлъ возвыситься Иванъ Посошковъ, крестьянинъ села Покровскаго. Мы, къ сожалѣнію, мало знаемъ о его жизни. Онъ какъ-то успѣлъ научиться грамотѣ, и, будучи отъ природы въ высшей степени смышленымъ, однимъ наблюденіемъ того, что дѣлалось вокругъ него, дошелъ до многихъ здравыхъ понятій, до какихъ рѣдко доходили и тогдашніе ученые люди. Своею предпріимчивостью онъ успѣлъ составить себѣ кое-какое состояніе, такъ что даже отправилъ сына учиться за-границу; онъ извѣстенъ сталъ нѣкоторымъ боярамъ, а потомъ и царю своими предложеніями или проэктами, какіе тогда отовсюду предлагались правительству. Петръ, заботясь объ улучшеніяхъ въ управленіи и особенно о денежныхъ средствахъ для своихъ громадныхъ предпріятій, охотно принималъ всякіе письменные совѣты и извѣщенія о томъ, какъ уничтожить тѣ или другія злоупотребленія, какъ найти новый источникъ дохода. Но изъ всѣхъ сочиненій Посошкова наиболѣе замѣчательна книга «О скудости и богатствѣ», представленная царю не задолго до его смерти. «Я уже съ молоду былъ такимъ, пишетъ въ ней Посошковъ, что лучше готовъ понести на себѣ какую напость, чѣмъ умолчать, видя что нибудь неполезное». Книга, судя по

заглавію, какъ будто излагаетъ средства къ увеличенію казенныхъ доходовъ, и Посошковъ дѣйствительно тамъ и сямъ касается этого вопроса. Но главная цѣль его другая. Онъ не то считаетъ богатствомъ, что въ казнѣ собрано много денегъ, а то, что весь народъ по возможности богатъ; тутъ всего нужнѣе невещественное богатство—*правда*. И Посошковъ, разсматривая всѣ сословія, подробно разбираетъ, какіе великіе убытки государству отъ недостатка правды. Онъ, во-первыхъ, указываетъ на страшную бѣдность сельскаго духовенства, на крайній недостатокъ въ образованныхъ священникахъ. «Въ Москвѣ, говоритъ онъ, видѣлъ я духовника изъ знатнаго дому Льва Кирилловича Нарышкина, что въ разговорѣ съ татаркою, на ея вопросъ, не могъ дать никакого здраваго отвѣта: такъ чего же требовать отъ бѣднаго сельскаго попа? Нужно бы завести во всѣхъ епархіяхъ школы, и посвящать въ священники только образованныхъ, а не такъ какъ теперь, всякаго, кто, затвердивъ на память, прочтетъ передъ архіереемъ два, три псалма изъ псалтыри. Грамота—дѣло великое и прочное. Нужно бы учить грамотѣ и народъ, на который совсѣмъ не обращаютъ вниманія». Далѣе, говоря о войскѣ, Посошковъ совѣтуетъ уменьшить его число, да позаботиться о лучшемъ его устройствѣ и прокормленіи. «Голодный идучи и за солому защемляется. Въ Вышнемъ Волочкѣ новобранному солдату, за разными вычетами, досталось жалованья двѣ гривны, и онъ, принявъ деньги, брюхо себѣ порѣзалъ. Отъ голодныхъ солдатъ только разореніе народу: грабятъ на постояхъ такъ, что крестьяне и дворамъ своимъ не рады. Командиры, чаю, о томъ не донесутъ. Болѣе всего намъ нужно правосудіе». Судьи,

по словамъ Посошкова, сажають людей въ тюрьму, да держать лѣть по пяти. Въ Новгородѣ разъ двухъ безпашпортныхъ плотниковъ томили въ тюрьмѣ года два; одинъ такъ и умеръ. Отъ этого большой убытокъ казнѣ: невинные люди раззоряются, а разбойники убѣгають. Судьи ничего въ прокъ государству не прочать, прочать только имѣніе себѣ. Посошковъ высказываетъ свои мнѣнія и о торговыхъ дѣлахъ, жалуясь, что тутъ все забрали въ свои руки иностранцы, и объ заведеніи новыхъ промысловъ, замѣчая: «земля наша обильна, и мѣста всякія въ ней есть; а никакія потребныя вещи у насъ не сыскались». Но наиболѣе замѣчательны его разсужденія о крестьянахъ. Тутъ онъ даетъ совѣты, какъ строить дворы, чтобы меньше было опасности отъ пожаровъ, какъ беречь лѣсъ и рыбу, какъ разводить лѣсъ въ степяхъ, да какъ обезопасить крестьянское добро. «Помѣщики, пишетъ онъ, крестьянъ не берегутъ, стригутъ, какъ овцу, до-гола; надо бы назначить указомъ, сколько брать съ крестьянъ оброку и сколько дней въ недѣлю работать на помѣщика». Посошковъ далѣе совѣтуетъ замѣнить введенный тогда подушный окладъ *поземельною податью*, и расчисляетъ, во что можно считать крестьянскіе дворы.

Изъ всего этого мы видимъ, какъ важно сочиненіе Посошкова. Во многомъ, какъ напримѣръ, защищая пытки и казни, онъ держится еще старыхъ понятій; но, по своему природному здравому смыслу, онъ также угадывалъ многое, о чемъ не думали въ его время и къ чему насъ все-таки привела европейская наука. Тѣ темныя стороны жизни, на которыя онъ указываетъ, существовали уже до Петра, и преобразованіями невозможно

было разомъ ихъ уничтожить; но важный плодъ этихъ преобразованій Петра заключался уже въ томъ, что старое зло стали сознавать даже лучшіе люди изъ народа.

XV. Кантемиръ.

Петръ I началъ великое дѣло, которое довести до конца съ успѣхомъ можно было только при его необыкновенномъ умѣ. Онъ ввелъ въ Россіи европейскіе обычаи, европейскую науку, создалъ сильное государство и далъ ему важное значеніе въ кругу другихъ европейскихъ государствъ. Но вотъ, онъ умираетъ, и представлялся вопросъ: устоитъ-ли Россія на этомъ новомъ трудномъ пути? Найдутся-ли люди, которые, если-бы и не повели впередъ, то сколько нибудь поддержали дѣло Петра Великаго? Нуженъ былъ неусыпный трудъ, чтобы сохранить новыя прибалтійскія земли, отнятыя у Шведовъ, поддержать значеніе Петербурга съ его флотомъ, утвердить новую науку. Вспомнимъ, что, при вѣковомъ гнетѣ азіатскихъ обычаевъ, при полной неподвижности стариннаго русскаго общества, нельзя было надѣяться на какую нибудь въ немъ самодѣятельность мысли, и образованіе вводилось принудительными мѣрами, подъ страхомъ пеней, ссылокъ и казней. Притомъ учителями нашими были иноземцы, преимущественно нѣмцы, и, какъ учителя, они всегда могли пріобрѣсти много власти въ Россіи. Большинство изъ нихъ, конечно, ѣхали въ варварскую страну, какою называли Россію, разсчитывая только на свои выгоды и глядѣли съ презрѣніемъ на русскихъ. Правда, Петръ Великій не давалъ имъ много ходу, держась правила, чтобы замѣщать всѣ видныя мѣста сколько нибудь

образованными русскими людьми, но кто зналъ, такъ-ли будетъ послѣ его смерти? Все это заставляло русскихъ людей неблагопріятно смотрѣть на европейскую науку и хотя, въ концѣ царствованія Петра Великаго, выгоды отъ нея уже были довольно замѣтны; но также и всѣ чувствовали, какихъ тяжелыхъ усилій она стоила. Дворянство, пользуясь всѣми преимуществами въ государствѣ, все-таки несло трудную службу и многимъ въ немъ очень не нравилось, что теперь, по табели о рангахъ, утвержденной Петромъ Великимъ, легко могли возвышаться и люди изъ низшаго сословія. Петръ смотрѣлъ не на знатность рода, а лишь на способности, и многіе изъ первыхъ его вельможъ сначала служили у него простыми деньщиками; его любимецъ, могучій князь Меньшиковъ, какъ говорятъ, въ юности продавалъ пироги въ Москвѣ. Между тѣмъ сильны были и приверженцы старины, которые ненавидѣли иноземцевъ, какъ еретиковъ, и смотрѣли на всякую науку, какъ на языческую скверну: коснѣя въ грубыхъ предразсудкахъ, они рады были-бы отказаться и отъ всѣхъ завоеваній Петра Великаго, замкнуться по прежнему въ Москвѣ, оставивъ на произволъ судьбы ненавистный имъ Петербургъ. Вотъ каково было положеніе дѣлъ послѣ смерти великаго преобразователя. Самовластный Меньшиковъ, поддерживаемый иноземцами, успѣлъ возвести на престолъ Екатерину I, супругу государя. Дѣла пошли прежнимъ порядкомъ, хотя исполнялись и не съ прежнею ревностью, потому что Меньшиковъ болѣе всего заботился объ утвержденіи своей власти и даже мечталъ видѣть свое потомство на престолѣ. Но Екатерина скоро умерла, и на престолъ вступилъ Петръ II, двѣнадцатилѣтній сынъ Алексѣя Петровича, внукъ Петра I. На Але-

ксѣя Петровича когда-то возлагали надежду всѣ, недовольные преобразованіями Петра, и царь, страшась, чтобы послѣ его смерти не разрушилось все его дѣло, прибѣгнулъ къ жестокимъ казнямъ, среди которыхъ погибъ и Алексѣй. Теперь съ воцареніемъ сына Алексѣя, снова подняли голову приверженцы старины: Меньшиковъ палъ; всю власть захватили въ свои руки князья Голицыны и Долгорукіе. Но совершенно возвратиться къ старымъ порядкамъ было невозможно. Петербургъ, правда, заброшенъ; корабли гнили въ гавани; дворъ поселился въ Москвѣ, и Долгорукіе занимались одними интригами, думая, какъ-бы уничтожить всѣхъ соперниковъ и сохранить свою власть надъ молодымъ царемъ, котораго усердно развлекали забавами. Но самая неспособность и безпечность правителей была причиною того, что дѣлами завѣдывали лица, еще оставшіеся послѣ Петра I, и притомъ нѣкоторые изъ иноземцевъ, каковъ былъ, напримѣръ, хитрый и угодливый Остерманъ. Теперь только рѣзче высказалась борьба между старыми и новыми обычаями. Съ одной стороны ханжи и невѣжды кричали о вредѣ и безполезности науки; съ другой люди, перенявшіе одну европейскую внѣшность: одежду, прическу, заграничную роскошь въ пирахъ и увеселеніяхъ, свободнѣе прежняго предавались барской лѣни и разгулу. Рядомъ со страшною распущенностью въ жизни, мы находимъ скаредное скопидомство, жадность къ пріобрѣтенію, раболѣпство передъ властными людьми, страсть къ сплетнямъ,—и все это выражалось грубо, безъ малѣйшаго понятія о нравственномъ приличіи. Старинная до-петровская солидность и важность, подъ которою скрывались всѣ пороки, теперь исчезаетъ, и общество, которое прежде

механически сдерживалось страхомъ нарушить тотъ или другой обычай, теперь, такъ сказать, распоясалось. Въ этомъ на первый разъ болѣе всего сказалось европейское вліяніе. Но на свѣжемъ воздухѣ внутренняя язва всегда скорѣе выходитъ наружу и тѣмъ успѣшнѣе можетъ быть ея леченіе. При первомъ слабомъ свѣтѣ науки, въ обществѣ, которое уже разъ подверглось броженію, являются люди, сознающіе окружающее зло и готовые идти противъ него съ благороднымъ оружіемъ слова. Такимъ въ названное нами время былъ Антіохъ Кантемиръ, который, получивъ отъ отца хорошее образованіе, сталъ осмѣивать въ сатирѣ *) современные ему пороки.

Отецъ Кантемира, господарь Молдавіи, подвластной туркамъ, въ 1711-мъ году, во время похода Петра Великаго на рѣку Прутъ, передался на его сторону, и, когда походъ кончился неудачно, принужденъ былъ со всѣмъ семействомъ спасаться въ Россію. Царь далъ ему земли и вообще держалъ его при себѣ въ большомъ почетѣ. Кантемиръ жилъ въ Петербургѣ, занимая видное мѣсто въ кругу тогдашнихъ вельможъ, и полезенъ былъ царю своею ученостью: онъ занимался исторіею и зналъ много языковъ. Подъ конецъ жизни, Петръ бралъ его съ собою въ походъ противъ Персіи для составленія разныхъ бумагъ на языкѣ турецкомъ и персидскомъ. Антіоху всего было два года, когда отецъ его поселился въ Россіи; слѣдовательно, хотя и не русскій по происхожденію,

---

*) *Сатирой* вообще можно назвать всякое осмѣяніе пороковъ; въ частности это есть *лирическое стихотвореніе*, гдѣ авторъ выражаетъ свое негодованіе противъ общественнаго зла.

*

онъ выросъ въ нашемъ отечествѣ и усвоилъ русскій языкъ, какъ свой родной. Онъ рано научился, въ своей семьѣ, языку латынскому, греческому и итальянскому, пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ, въ Заиконоспасской Академіи, гдѣ могъ также хорошо познакомиться съ языкомъ славянскимъ, и, когда послѣ смерти Петра открыта была въ Петербургѣ Академія наукъ, онъ усердно слушалъ въ ней лекціи иностранныхъ ученыхъ, занимаясь исторіею, математикою (наука о счисленіи), физикою (наука о явленіяхъ природы), и другими науками. Русскому языку еще въ дѣтствѣ училъ его нѣкто Ильинскій, одинъ изъ наиболѣе способныхъ воспитанниковъ Заиконоспасской Академіи. Отецъ Антіоха умеръ еще въ 1723-мъ году, завѣщавъ свое имѣніе достойнѣйшему изъ сыновей, такъ какъ, по приказу Петра Великаго, дворянскія земли должны были переходить въ однѣ руки. Вскорѣ потомъ вступаетъ на престолъ Екатерина I, а за нею въ 1727-мъ году и Петръ II. Въ это время, когда, по словамъ Антіоха,

«Наука ободрана въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ знатнѣйшихъ домовъ съ ругательствомъ сбита»,

приверженцамъ новыхъ порядковъ приходилось плохо. Самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ едва держался въ борьбѣ со своими врагами: одинъ изъ нихъ, ненавистникъ наукъ, епископъ ростовскій Георгій Дашковъ занялъ рядомъ съ нимъ мѣсто въ синодѣ. Дашковъ домогался и сана патріарха, усердно задаривая Долгорукихъ лошадями, до которыхъ они были страстные охотники. 18-ти лѣтній Антіохъ испыталъ также невзгоду. Второй его братъ, Константинъ, подружился съ однимъ изъ правителей, Дмитріемъ Голицынымъ, женился на его дочери,

и правители присудили отдать ему все отцовское имѣніе, а Антіохъ остался ни съ чѣмъ. Но онъ не унывалъ, полагаясь на свои знанія и способности. Служа поручикомъ въ Преображенскомъ полку, онъ въ тоже время продолжалъ заниматься науками, особенно французскимъ языкомъ, что должно было скоро послужить къ его возвышенію. Онъ началъ также писать басенки, пѣсенки и сатиры въ подражаніе французскимъ. Особенно любопытна его басня, написанная въ отвѣтъ на стишки Ѳеофана Прокоповича, который, называя себя пастушкомъ, такъ жаловался на свою невзгоду:

«Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,
Все ненастье,
Нѣтъ и надежды, о многобѣдно (по малоросс. *много-бидно*).
Мое счастье.»

Кантемиръ утѣшаетъ пастушка, восхваляя его стадо:

«На горахъ нашихъ, Пимене, славный
Сѣдинами,
Ни свирѣлію тебѣ кто равный
Ни стадами».

„Какъ ты поешь, и овцы, и козлища заслушаются; думали пѣть твои соперники, Сенька и Ѳедька, да только скрипѣли, какъ немазанныя двери. И вору Егору (Георгію Дашкову) не снилось столько лошадей, сколько овецъ въ твоемъ стадѣ. Ты умѣлъ бить и волковъ, и запастись на зиму: сиди же въ теплой своей хижинѣ, пой, вяжи сѣти, да угощай бражкой и винцомъ свою дружину; она поможетъ тебѣ при случаѣ сбить масло и творогъ сготовить. Не кручинься на ненастье; за зимою опять наступятъ весна и лѣто. Вотъ, ужъ выходитъ на горы

Діана (богиня охоты; тутъ Кантемиръ разумѣетъ Анну Іоанновну): она изъ лука побьетъ звѣрей и раздѣлитъ ихъ кожи. Тогда и ты, Пимене, разбогатѣешь еще больше. Не забудь тогда помочь и намъ, малымъ пастушкамъ: что было у меня козлятокъ, все отняли Егоръ съ братіею (намекъ на отнятое имѣніе)."

Однако Антіоху незачѣмъ было просить у Өеофана покровительства: онъ имѣлъ свои связи. Когда въ 1730 году Петръ II внезапно умеръ, Долгорукіе со своими приверженцами пригласили на престолъ племянницу Петра Великаго, герцогиню Курляндскую, Анну Іоанновну съ тѣмъ, чтобы она не рѣшала никакихъ дѣлъ безъ ихъ совѣта. Но князь Черкасскій и другіе дворяне убѣдили ее царствовать неограниченно, и прежніе правители казнены, или сосланы въ ссылку. Однако дѣла послѣ этого не пошли лучше; вмѣсто Долгорукихъ, сталъ властвовать курляндскій выходецъ Биронъ, котораго жестокость надолго осталась памятна русскимъ. Все время правленія Бирона продолжалось тяжелое господство нѣмцевъ, пока съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, дочери Петра I, опять не взяла верхъ русская партія, но ужъ тогда европейскіе обычаи и наука болѣе не подвергались гоненію. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, князь Черкасскій, за свое усердіе, былъ осыпанъ почестями; Антіохъ Кантемиръ, его другъ, принимавшій живое участіе въ низверженіи Долгорукихъ, также награжденъ землями, и 22-хъ лѣтъ уже назначенъ посланникомъ въ Англію. Онъ исправлялъ почетную должность посла сначала въ Лондонѣ, а потомъ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ, въ 1744-мъ году, еще очень молодымъ, всего 34-хъ лѣтъ отъ роду.

Кантемиръ оставилъ намъ девять сатиръ, которыя не были напечатаны при его жизни, а расходились по рукамъ въ рукописи. Хорошо знакомый съ древнею латинскою и съ современною ему французскою лотературою, онъ подражаетъ въ нихъ Горацію, Ювеналу и Буало: Горацій и Ювеналъ были римскіе сатирики, жившіе около времени Рождества Христова. Ювеналъ, полный горячаго негодованія, рѣзко осмѣивалъ пороки современнаго ему общества; напротивъ, въ сатирахъ у Горація находимъ болѣе легкую, игривую шутку. Мудрость Горація состояла въ томъ, чтобы поступать всегда умѣренно и благоразумно, довольствуясь малымъ, чтобы не разстраивать себя слишкомъ пламенными порывами, какъ въ стремленіи къ добру, такъ и въ наслажденіи, и болѣе всего заботиться о своемъ покоѣ. При такомъ ученіи, человѣкъ, пожалуй, не дѣлалъ зла, потому что оно ему вредило; но и защищалъ добро съ крайнею осторожностью и сдержанностью. Такимъ же направленіемъ, гдѣ сатира болѣе состоитъ въ мягкой, пріятной шуткѣ, отличался Буало, жившій во Франціи, при дворѣ Людовика XIV-го, незадолго передъ Кантемиромъ. Нашъ сатирикъ и по своей осторожности и умѣренности въ жизни, и по своимъ сочиненіямъ, болѣе сближался съ Гораціемъ и Буало; въ своихъ сатирахъ, онъ часто даже цѣликомъ переводитъ многія мѣста изъ этихъ писателей. У него вообще больше находимъ поученія, чѣмъ изображенія жизни, и, представляя въ общихъ чертахъ людскіе пороки, онъ часто лишь мимоходомъ затрогиваетъ окружающее общество. Свѣтское благодушіе Кантемира препятствуетъ ему высказываться съ тою силою, какой требовало само порицаемое зло; всетаки его сатира, при тогдашней гру-

бости нравовъ и необразованности, была очень отраднымъ явленіемъ. Первыя двѣ сатиры мѣстами даже довольно ѣдки, такъ какъ написаны имъ еще во время господства Долгорукихъ. Искренній приверженецъ преобразованій Петра, онъ съ горестью видитъ, какъ невѣжество опять подняло голову и нападаетъ на ханжей, на всякаго рода глупцовъ, не признающихъ никакой пользы въ наукѣ, осуждаетъ и злонравныхъ дворянъ, которые воспользовались европейскими обычаями только для того, чтобы проводить время въ праздныхъ забавахъ. Первая изъ этихъ сатиръ въ спискѣ попала въ руки Ѳеофану Прокоповичу, и старый борецъ за просвѣщеніе пришелъ, прочитавъ ее, въ неописанный восторгъ, который и выразился у него слѣдующими стихами:

«Не знаю, кто ты, пророче рогатый!
Знаю, коликой достоинъ ты славы;
Да почтожъ было имя укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцевъ нравы;
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый,
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ счастья довольно счастливый».

Ѳеофанъ далѣе совѣтуетъ Кантемиру гордиться тѣмъ, что его ненавидятъ злые люди и смѣло разрушать злонравные обычаи. Изложимъ съ точностью содержаніе сказанныхъ сатиръ, приводя мѣстами самый подлинникъ съ его тринадцати-сложными силлабическими стихами.

Кантемиръ, подражая Буало, обращается съ горестью къ своему уму и говоритъ: „Уме недозрѣлый, плодъ не долгой науки! Покойся, не понуждай къ перу мои руки“. И безъ этого есть много легкихъ путей къ славѣ: всѣхъ

непріятнѣе тотъ, что проклали девять *босыхъ* сестеръ (то есть, Музы, богини науки, — босыя, по своей бѣдности). На этомъ пути потѣй, трудись, — и всякій тебя чуждается, какъ мору: кто гнется надъ столомъ, пяля глаза на книгу, тотъ не добьется большихъ палатъ и саду, разукрашеннаго мраморомъ.“ Далѣе Антіохъ рисуетъ намъ цѣлый рядъ невѣждъ, противниковъ науки; онъ начинаетъ съ ханжи и лицемѣра Критона. „Расколы и ереси (по словамъ Критона) науки суть дѣти; больше вретъ, кому далось больше разумѣти; приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ: Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ“. Святая душа молитъ, чтобы посмотрѣли, какъ пагубно сѣмя наукъ: наши дѣти, передъ тѣмъ смирные и покорные, шли слѣдомъ праотцевъ и со страхомъ слушали, чего сами не понимали, а теперь, къ соблазну церкви, стали читать Библію, всему хотятъ знать поводъ, причину, не соблюдаютъ постовъ, не пьютъ квасу, а главное, — шепчутъ, что не пристало владѣть помѣстьями и вотчинами тѣмъ, которые отстали отъ мірской жизни. Въ другомъ мѣстѣ Кантемиръ намекаетъ прямо на Георгія Дашкова, изображая духовныхъ лицъ, которые думали одной наружною важностью придать достоинства своему сану. „Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу; сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата, клобукомъ покрой главу, брюхо бородою, клюку пышно повели везти предъ тобою, въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву (то есть, руку)“. Между высшими судьями также мало какого нибудь стремленія къ знанію. „Судьею хочешь быть? вздѣнь парикъ съ узлами

(какіе носили у французовъ), брани того, кто проситъ съ пустыми руками, твердо сердце пусть слезы бѣдныхъ презираетъ, спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ". Объ уставахъ гражданскихъ, объ естественномъ законѣ и народныхъ правахъ что хлопотать? Пусть подъячіе лѣзутъ на бумажныя горы, а судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.

Рядомъ со многими изъ духовенства, и дворяне-помѣщики считали науку пустою выдумкой. Такого дикаря помѣщика Кантемиръ выставляетъ въ лицѣ Сильвана. По мнѣнію Сильвана, ученіе только наводитъ голодъ: прежде, въ невѣжествѣ, мы гораздо больше хлѣба жали, а, перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли. И онъ смѣется надъ всѣми науками: грамматика и логика (наука о языкѣ и о связи въ мысляхъ), философія (наука объ общихъ причинахъ явленій), металлургія (знаніе рудъ), медицина (наука о леченіи болѣзней), астрономія (о небесныхъ свѣтилахъ), математика (о счисленіи), — все для его темнаго ума безсмысленно и дико. Если рѣчь моя слаба, говоритъ онъ, если въ ней нѣтъ ни строю, ни связи, должно-ль о томъ тужить дворянину? Доводъ и порядокъ въ словахъ есть дѣло людей низкаго происхожденія, а знатный можетъ все и утверждать, и отрицать смѣло. Съ ума спятилъ, кто изслѣдуетъ силу и предѣлы души, кто томится въ поту цѣлые дни, чтобы извѣдать строй міра и перемѣну или причину вещей: глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну. Прирастетъ ли мнѣ отъ того хоть день въ жизни, или хоть грошъ въ ящикъ? узнаю ли, сколько прикащикъ, или дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воды въ мой прудъ, — число бочекъ съ виннаго заводу? Не умнѣе и тотъ, кто коптитъ при огнѣ,

изучая свойства рудъ и металловъ: вѣдь мы и такъ различимъ золото и серебро отъ мѣди! Знаніе травъ и болѣзней все голыя враки! Болитъ голова, а врачъ ищетъ тому въ рукѣ знаки (то есть, щупаетъ пульсъ); послушать его, такъ всему въ насъ причиной кровь, а кто видѣлъ, что внутри живаго тѣла? Къ чему считать звѣзды и не къ дѣлу не спать цѣлую ночь изъ за какого нибудь пятна на небѣ? лишиться покою только изъ любопытства, ища, солнце ли движется, или мы съ землею. Вѣдь въ часовникѣ можно прочесть на всякій день года число мѣсяца и часъ солнечнаго восхода. Землю дѣлить въ четверти мы съумѣемъ и безъ математика Евклида, сколько копѣекъ въ рублѣ сосчитаемъ безъ алгебры. Признавая годнымъ лишь то сознаніе, съ помощью котораго можно тотчасъ набить карманъ, Сильванъ не понимаетъ, что безъ умственнаго и нравственнаго развитія, даваемаго наукой, и богатство никогда не будетъ прочнымъ.

Другаго рода закоснѣлыхъ невѣждъ мы находимъ между людьми праздными. Румяный пьяница Лука подпѣваетъ, что наука „содружество людей разрушаетъ!“ Мы, дескать, созданы для общества, а какая другому польза, когда я запрусь въ свой чуланъ и окружу себя книгами? Мы должны проводить жизнь въ весельи, на пирахъ: и такъ она не долга, зачѣмъ коротать ее, крушиться надъ книгою и повреждать очи? Не лучше-ли съ кубкомъ прогулять дни и ночи? „Вино даръ божественный, много въ немъ проворy, дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору, веселитъ, всѣ тяжкія мысли отнимаетъ, скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ (это мѣсто взято Кантемиромъ изъ Горація)“. «Когда будутъ пахать небо, а звѣзды заблестятъ на поверхности

земли, когда потекутъ къ своимъ ключамъ быстрыя рѣки и возвратятся назадъ минувшіе вѣки (до сихъ поръ это изображеніе невозможнаго заимствовано у римскаго поэта, Овидія), когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу, тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу". Модникъ Медоръ тужитъ, что будто бы много бумаги выходитъ на письмо и печать книгъ, а ему ужъ не вочто завертѣть завитые кудри; для него фунтъ доброй пудры дороже римскаго философа, Сенеки, передъ сапожникомъ Егоромъ не стоитъ двухъ денегъ римскій поэтъ, Виргилій, и всякой похвалы достоинъ былъ не знаменитый римскій ораторъ Цицеронъ, а тогдашній московскій портной, Рексъ.

Вотъ какія рѣчи всякій день звенятъ мнѣ въ уши, говоритъ Кантемиръ. Нѣтъ выгоды отъ трудовъ, что ободряетъ хоть похвала; а каково вмѣсто похвалы еще терпѣть хулу? „Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти, нежли не славить попу святую недѣлю, нежли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю". Ты скажешь, мой умъ, что нельзя ожидать, чтобы щеголь, скупецъ, ханжа и тому подобные люди хвалили науку; да ихъ злобныя рѣчи умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно. Что правда, то правда! только вотъ бѣда: въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ. Въ нашъ вѣкъ гордость, богатство, лѣность одолѣли мудрость, на мѣстѣ науки засѣло невѣжество: оно гордится подъ митрой, ходитъ въ шитомъ платьѣ, судитъ за краснымъ столомъ, смѣло полки водитъ. „Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита, изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита, знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы, какъ страдавшіе на морѣ корабельной службы." Умѣть

мѣшать карты, знать вкусъ разныхъ винъ, умѣть искусно прибрать цвѣта въ своемъ платьѣ, — вотъ и вся мудрость, какой требуютъ. Церковникъ, научившись читать псалтырь, уже жалуется, что его не дѣлаютъ епископомъ; воинъ хочетъ управлять полкомъ, чуть только умѣетъ подписать свое имя. Видя такіе примѣры, не скучай, мой умъ, оставаясь въ неизвѣстности; кажется и тяжкой, да безстрашна жизнь того, „кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится“.

Вторая сатира представляетъ разговоръ между добродѣтельнымъ Филаретомъ и благороднымъ Евгеніемъ. Какъ въ первой обращеніе къ своему уму, такъ и здѣсь форма разговора есть подраженіе Буало. Филаретъ спрашиваетъ: „Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щеки внутрь опали, блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали? задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршь достати ища, конный свой заводъ раздарилъ некстати! (намекъ на Георгія Дашкова)“. Запрещено тебѣ ѣздить цугомъ, или слугъ пеленать въ злато, картъ ли, вина-ли дорогаго не хватило въ лавкахъ? Что же молчишь? А, догадываюсь: Дамонъ на дняхъ повышенъ чиномъ, Трифону дана лента, Туллій награжденъ деревнями, а ты презрѣнъ съ пышными именами предковъ!—Ты отчасти не ошибся, отвѣчаетъ Евгеній. Не обидно ли всѣмъ знатнымъ, что тотъ, у кого еще видны мозоли на грубыхъ рукахъ, кто недавно таскалъ въ рядахъ мѣшокъ соли и продавалъ сальныя свѣчи, кто истеръ себѣ плечи горшкомъ съ подовыми пирогами (намекъ на Меньшикова),—„тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ, а благородство мое во мнѣ унываетъ“. Между тѣмъ мои предки были знатны ужъ во времена Ольги; разсмотри гербовники,

родословную книгу, разныя грамоты,—никто у насъ не былъ ниже думнаго дьяка. А батюшка всѣмъ голова: какъ умеръ онъ, съ нимъ отпало правое плечо государства. Какъ бывало выѣдетъ, всякъ долой съ дороги, и шапочку снявъ, ему головою въ ноги; всегда за нимъ таскалась выборная свита, съ ранняго утра пріемная была у него набита тѣми самыми людьми, отъ которыхъ мы теперь должны ожидать милости. Сколько разъ они, не смѣя приступать къ намъ сами, кланялись дворецкому съ полными руками! а когда бывало батюшка къ кому нибудь промолвитъ слово,—тотъ заторопѣетъ, онѣмѣетъ, слезы потекутъ отъ радости изъ глазъ; всѣмъ онъ хвастаетъ, что удостоился говорить съ временщикомъ, и весь домъ его веселился, какъ будто нашли богатый кладъ! Каково же мнѣ, имѣя такихъ знатныхъ предковъ, видѣть себя забытымъ?—Позволь мнѣ сказать тебѣ все откровенно, возражаетъ Филаретъ. Почести хороши, когда мы получаемъ ихъ по заслугѣ. Грамоту, которая свидѣтельствуетъ о нашемъ знатномъ происхожденіи, покроетъ плѣсень, изгрызутъ черви, и лишь добродѣтель покажетъ, на сколько мы благородны. Подумай же: снесъ ли ты военные труды? былъ ли правдивъ на судѣ? „облегчалъ ли тяжкія подати народу? приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?“ ободрены ли люди твоимъ примѣромъ и словомъ, чтобы идти путемъ добра? Жалки ли тебѣ слезы и докуки бѣдныхъ и вѣришь ли, что всякъ человѣкъ тебѣ подобенъ? Конечно, у тебя знатные предки, но „мало пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ, буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.“ Вкусно пиво, да никто не сравнитъ съ нимъ дрожжи, хоть то и остатки пива. Большая разница быть потомкомъ благородныхъ

предковъ, или быть благороднымъ; и въ свободныхъ, и въ холопяхъ течетъ таже кровь, тѣже кости: буквы, приданныя къ нашимъ именамъ, не уменьшатъ нашей плохости, а при нашей дурной жизни забыта будетъ и слава древняго имени. Ты самъ говоришь, что предки твои совершили много подвиговъ: чѣмъ же ты поддержалъ ихъ доброе имя? Чуть наступала заря, твои предки ужъ выводили войско въ поле, „а ты подъ парчею, углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душою, грозно сопишь, пока дня пробѣгутъ двѣ доли; зѣвнулъ, растворилъ глаза, выспался до воли, тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, ожидая пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая (то есть, кофе, или чаю); изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ: тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ, женскихъ достойную плечь завѣску на спину вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину. Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты; часть по румянымъ щекамъ, въ колечки завиты, свободно станетъ играть; часть уйдетъ за темя въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарциссъ, жадно глотаешь очьми себя; нога жмется складно въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится, въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится; избитъ полъ и подъ башмакъ много стерто мѣлу. Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу (то есть, дорогое платье, стоющее цѣлой деревни).“ Описавъ такимъ образомъ французскіе парики, какіе тогда носили, и французскую модную одежду временъ Людовика XIV-го, Кантемиръ такъ изображаетъ ревность къ модамъ своего дворянчика. Не столько стоило труда основать римское государство, сколько сшить тебѣ кафтанъ по правиламъ щегольства и моды: тутъ нужно

было разсмотрѣть и мѣсто, и лѣта твои, и время года, чтобы знать, какой выбрать цвѣтъ, какую матерію. Много ты странствовалъ въ чужихъ краяхъ, много потратилъ денегъ на эти странствованія, и чтоже изъ нихъ вынесъ? Узналъ только, что фалды должны быть тверды, а не жидки, въ полъ-аршина глубоки и ситомъ подшиты. На пирахъ и ужинахъ, частенько у тебя свѣча двоится въ глазахъ и полъ колеблется подъ ногами. Тогда окружаетъ тебя толпа гнусныхъ друзей, и восхваляетъ твой разумъ, твой веселый нравъ, твое великодушіе; а ты вздулся пузыремъ, думаешь, что тебѣ ужъ не дойдетъ подъ плечи все прочее людское племя. Оглянись: тѣже друзья за глаза надъ тобой смѣются, да скоро будутъ смѣяться и явно, когда въ конецъ разворишься. За картами безпечно спускаешь ты добро, скопленное въ поту лица твоими предками: ужъ не одна деревня со скотомъ пошла въ руки того, кто недавно кормился, стуча въ кузницѣ молотомъ по желѣзу. Далѣе Кантемиръ представляетъ, какія качества требуются отъ военачальника, отъ мореходца, отъ судьи, и уличаетъ Евгенія въ томъ, что одинъ только его холопъ испытывалъ его храбрость: „каменный душею бьешь ты холопа до крови, что махнулъ рукою вмѣсто правой лѣвою.“ Гдѣ же твои достоинства? „Чистъ быть долженъ тотъ, кто туда не поблѣднѣвъ всходитъ, куда зоркіе глаза весь народъ наводитъ.“ Если Дамона, Трифона, Туллія награждаютъ по заслугѣ, то тебѣ бы надо радоваться, что они начинаютъ собою знатный родъ: первый изъ твоихъ предковъ, можетъ, былъ и похуже ихъ. Адамъ дворянъ не родилъ, но одинъ изъ сыновей его копалъ землю, а другой пасъ стадо.

Двѣ изложенныя нами сатиры обнимаютъ собою все, что служило у насъ главнымъ предметомъ осмѣянія въ прошломъ столѣтіи. Сюда съ одной стороны относилось: закоснѣлое невѣжество съ его грубыми пороками, съ другой — то поверхностное, свѣтское образованіе, при которомъ усвоивали однѣ французскія моды, одну внѣшность европейской жизни. Одного рода недостатки, конечно, легко соединялись съ другими: подъ французскимъ парикомъ и кафтаномъ могъ скрываться тотъ же дикарь Сильванъ съ его первобытными понятіями. Недостатокъ какихъ либо нравственныхъ стремленій былъ причиною того, что общество, ненавидя иноземцевъ, или подражая имъ, — все равно погрязало въ однихъ мелкихъ животныхъ разсчетахъ, и люди заботились только объ удовлетвореніи своего дряннаго, пошлаго самолюбія. Въ сатирахъ третьей и пятой Кантемиръ и изображаетъ рядъ такихъ характеровъ, рисуя ихъ, по французскимъ образцамъ, довольно общими чертами, съ множествомъ утомительныхъ разсужденій. Намъ однако важно ужъ то, что Кантемиръ обратилъ вниманіе на тѣ, а не на другія личности и, при самыхъ своихъ заимствованіяхъ изъ Буало и латинскихъ писателей, не спускалъ глазъ съ русскаго общества. Такъ онъ отчетливо рисуетъ намъ характеры: скряги и торгаша, который всю зиму колѣетъ безъ дровъ и думаетъ лишь о томъ, какъ бы всякой неправдой вышибить копѣйку, когда у самого ржаные сундуки не вмѣщаютъ мѣшковъ съ деньгами, — благочестиваго винноторговца, подливающаго воду въ вино, чтобы народъ слишкомъ не пьянѣлъ, — жаднаго вора управителя, который по мелочамъ грабитъ своего господина, когда и безъ того все добро было въ его рукахъ, —

беспутнаго мота и пьяницы, задающаго блестящіе пиры, чтобы потомъ кончить жизнь въ тюрьмѣ,—сплетника и болтуна, занятаго цѣлый день тѣмъ, чтобы бѣгать по городу, собирая вѣсти,—пустомели, надоѣдающаго всѣмъ разсказами о своихъ домашнихъ дѣлахъ, о женѣ и дѣтяхъ,—честолюбца, разорившагося на угощеніе знатныхъ лицъ,—блюдолиза и подлипалы, что вѣчно торчитъ въ передней, и безстыднаго льстеца, ханжи и лицемѣра, надутаго барина, думающаго, что онъ одинъ созданъ изъ фарфоровой глины, а всѣ прочіе изъ навозной глины, и проч. Характерно у Кантемира и изображеніе города, куда прибылъ изъ лѣсовъ дикій сатиръ, не видѣвшій свѣта; въ этомъ городѣ онъ увидѣлъ множество лежащихъ тѣлъ и подумалъ, не было ли какого побоища, или моровой язвы; но встрѣчный старичекъ объяснилъ ему дѣло, сказавъ: „сей день святъ у нихъ Николаю, отъ того весь городъ пьянъ отъ края до краю". Но къ лучшимъ мѣстамъ сатиръ всетаки принадлежитъ описаніе барскаго высокомѣрія, ханжества и рабской угодливости знатнымъ. Вотъ, Фока торчитъ все утро у знатныхъ въ передней, и тянетъ шею, и даритъ, и унижается хуже послѣдняго слуги, чтобы добиться дружбы знатныхъ и чтобы народъ говорилъ: вишь, какъ господа почитаютъ Фоку, шепчутся съ нимъ, съ собой сажаютъ! У Хирона палаты съ деревню, всякій день шьетъ онъ себѣ новые кафтаны, столъ въ тридцать блюдъ, въ передней насилу продерешься въ его покои; просьбы и поклоны Хиронъ принимаетъ, какъ Юпитеръ съ неба. Самъ онъ не смыслитъ сказать двухъ словъ складно, но льстецы, что жадно рвали сытные куски изъ его рукъ, надсаждались, восхваляя его умъ и щедрость. Но вотъ

Хиронъ уличенъ въ кражѣ казны и какъ прежде презиралъ весь свѣтъ, такъ теперь передъ всѣми ползаетъ и бьетъ головою въ землю, выпрашивая милости. Менандръ, первый изъ его льстецовъ, теперь всѣмъ трубитъ о его глупости, и когда Менандру замѣчаютъ, что это не честно, то онъ отвѣчаетъ: „Если буду хвалить Хирона, то не избуду бѣды и вѣкъ не добьюсь дружбы тѣхъ, которые засѣли на его мѣсто". Стихъ Кантемира, въ изображеніи указанныхъ нами пороковъ, наиболѣе выразителенъ. Приведемъ въ примѣръ описаніе надутаго собою барина:

«Въ палату вшедши Ирканъ, гдѣ много народу,
Распихнетъ всѣхъ, какъ корабль плывущъ сѣчетъ воду,
И хоть-бы зналъ, что много злата съ плечъ убудетъ,
Нужно продраться впередъ; въ задъ стоять не будетъ.
Садится-ли гдѣ за столъ, то то, то другое
Блюдо предъ собой подать велитъ, снять иное;
Приходятъ изъ его рукъ съ здоровьями кубки;
Зависѣть отъ его словъ всѣхъ должны поступки.
Распяливъ грудь, бровь поднявъ, когда знакъ ти окомъ
Подастъ за низкій поклонъ, въ почтеньи глубокомъ
Имѣешь тя, ибо съ кѣмъ проговоритъ слово,
Удается не всегда, не всегда готово».

А вотъ изображеніе лицемѣра:

Варламъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палату войдетъ,
Всѣмъ низко поклонится, ко всякому подойдетъ,
Въ уголъ свернувшись потомъ, глаза въ землю втупитъ;
Чуть слыхать, что говоритъ; чуть, какъ ходитъ, ступитъ.
Безпеременно четки въ рукахъ, на всякое слово
Страшное имя Христа въ устахъ тѣхъ готово....

. . . .

Когда въ гостяхъ за столомъ, и мясо противно
И вина не хочетъ пить; да то и не дивно:
Дома съѣлъ цѣлый каплунъ, и на жиръ и сало
Бутылки венгерскаго съ нуждой запить стало», и проч.

*

Мы достаточно привели отрывокъ изъ Кантемира, чтобы познакомить и съ содержаніемъ его сатиръ, и съ языкомъ ихъ. Въ немъ, какъ мы уже замѣтили, сатира лишь мѣстами метко попадаетъ въ цѣль, довольствуясь въ другихъ случаяхъ общими разсужденіями о людскихъ недостаткахъ. Умѣренный взглядъ иной разъ приводилъ его и къ такимъ сужденіямъ: „Лучшую дорогу избралъ, кто правду всегда говорить принялся, но и кто правду молчитъ, *виновенъ не сталъся, будь ложью утаить правду не посмѣетъ*“. Но пороки общества такъ рѣзко бросались въ глаза, что и у Кантемира, при всей его осторожности, вырывалось ѣдкое слово. Съ другой стороны недостатки Кантемира происходятъ и отъ того, что онъ не обладалъ значительнымъ талантомъ. Онъ часто рабски подражаетъ своимъ образцамъ: Буало, Горацію, Ювеналу, и проч., передѣлывая изъ нихъ цѣлые отрывки для своихъ сатиръ. Мы указали въ первой сатирѣ на заимствованія изъ Горація и Овидія; во второй, гдѣ говорится о быстромъ возвышеніи незнатныхъ людей, также замѣтно подражаніе Ювеналу. Названія лицъ, означающія ихъ качества, заимствованы отъ французкихъ сатириковъ: такъ Критонъ означаетъ по русски *лицемѣръ*, Сильванъ—*лѣсной дикарь*, Филаретъ — *любитель добродѣтели*, Евгеній—*благородный*, и проч. Уже такія названія указываютъ на общность сатиры, мало затрогивающей жизнь извѣстнаго, опредѣленнаго общества. Рядомъ съ ними Кантемиръ употребляетъ и русскія названія: Фока, Варламъ, и проч. Такъ и въ подражаніяхъ иноземнымъ образцамъ, онъ вноситъ черты изъ русской жизни. Представляя различіе вкусовъ въ людяхъ, онъ говоритъ:

